

Магия, дипломатия – и война, которой не остановить!

САЙМОН
БРАУН

САЙМОН БРАУН

РОЖДЕНИЕ
ИМПЕРИИ

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

SIMON BROWN

«Born of Empire»

**The Chronicles of Kydan
Part 1**

САЙМОН БРАУН

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Хроники Кидана

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

Б87

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Simon Brown
BORN OF EMPIRE
The Chronicles of Kydan
Part 1

Перевод с английского Т. Бушуевой, Ю. Бушуевой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник А. Свербута

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Curtis Brown и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 23.03.07. Формат 84х108¹/₃₂.

Усл. печ. л. 25,2. Тираж 3000 экз. Заказ № 6714.

Браун, С.

Б87 Рождение империи: Хроники Кидана : [фантаст. роман: пер. с англ.] / Саймон Браун. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 479, [1] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-044400-7 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-9713-5130-6 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-9762-3516-8 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Мир, удивительно близкий к нашему XVIII веку — и в то же время разительно от него отличающийся...

Здесь войны ведутся при помощи ружей и пушек, а королевские дворы блистают роскошью и изысканной культурой, но при этом аристократические дамы и кавалеры владеют магией, вступающей в силу, лишь если ее носитель совершит убийство жертвы-Избранного.

Здесь правят великие государи, плетутся тонкие дипломатические интриги, а на холодное оружие накладываются таинственные чары...

Здесь начинается история противостояния могущественной Хамилайской империи и королевства Ривальд — противостояние, которое вот-вот превратится в открытую войну...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

© Simon Brown, 2004

© Перевод. Т. Бушуева, Ю. Бушуева, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2007

ХРОНИКИ КИДАНА

КНИГА 1

*Сестрам Смит посвящается —
Кэри, Линди и Тане. Чудесам нет конца.
Посвящается Калебу,
пришедшему в этот мир совсем недавно.
А также Джулианне, самой лучшей и самой смелой из нас.*

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражаю сердечную признательность Элисон Токли за ее долготерпение и опыт; Таре Уинн за ее пронизательность и настойчивость; а также Кейт Паттерсон, Брианне Танниклиф и Джулии Стайлз за их веру в меня, понимание и мудрые предложения. Спасибо всем вам.

ПРОЛОГ

Впоследствии Полома Мальвара пытался вспомнить, на что были похожи эти звуки. Дребезжание, словно кто-то швырнул пригоршню гвоздей в железное ведро. Потрескивание, как будто на огне плавится жир.

Где-то недалеко, но и не совсем близко... Возможно, звуки напоминали о дожде, барабнящем по терракотовой крыше, или о звоне монет, брошенных на жестяной поднос, или о треске разрываемых льняных простыней.

В действительности Полома всего лишь впервые услышал ружейные залпы. Потом был свист пуль и влажные хлопки — когда пули попадали в человеческую плоть.

Память никогда не позволяла ему забыть увиденное; это было подобно перелистыванию иллюстрированных манускриптов, хранившихся в базиликах Кидана. На первой странице — Великий Квадрант Кидана на фоне внушительного здания Законодательного Собрания: вот толпятся члены городского совета в нарядных одеждах самых разнообразных оттенков — синего, как крыло жука, алого, подобного зимнему закату, желтого, как свежесбитое масло, зеленого, как листва в весенний день. На следующей странице — та же самая площадь, но уже за мутноватой завесой порохового дыма. Яркие краски смешаны с грязью; безжизненные тела валяются на серой мостовой. Первая сцена сменилась второй через промежуток времени

не больший, чем дюжина ударов сердца — ровно столько потребовалось двум шеренгам ривальдийской пехоты, чтобы расстрелять толпу. Каждая пуля нашла свою жертву. Так порыв ветра разметает во все стороны кучу листьев.

В то утро Полома вместе с остальными членами совета стоял перед массивными деревянными и медными дверьми, ожидая открытия первого летнего заседания парламента. Он с гордостью и восторгом смотрел на своих коллег. Киданцы были сильными и энергичными людьми, преимущественно крепкого телосложения, хотя изредка, в качестве исключения, попадались и худощавые вроде Поломы — со смуглой кожей, темными вьющимися волосами и открытым выражением лица. В своих разноцветных одеяниях они напоминали стаю мудрых и красивых птиц.

Он находился в самой середине людской массы и потому не видел и не слышал, как ривальдийская пехота строевым шагом вошла на площадь с северной стороны. Когда прогремел первый залп, толпа содрогнулась, словно была единым организмом. Полома услышал, как что-то со свистом пронеслось буквально в нескольких миллиметрах от его головы, и краем глаза заметил, что стоящая позади него советница внезапно начала оседать на землю. Мальвара машинально схватил ее за руку, желая помочь, но женщина все же упала. Он повернулся, чтобы посмотреть, что с ней, и тут заметил, что толпа заметно поредела, словно некоторые члены совета просто-напросто исчезли. Прямо к нему через площадь двигалась тонкая завеса черного дыма. Полома ощутил во рту солоновато-горький привкус пороха.

Теперь, когда от толпы практически ничего не осталось, он увидел пехотинцев в бело-голубых мундирах; солдаты выстроились в две шеренги, и первая начала опускаться на колено. Вторая шеренга подняла огнестрелы, и Поломе почудилось, будто все стволы нацелены прямо ему в лицо. В воздух взвились искры и языки пламени; именно тогда он и услышал звук, подобный стуку гвоздей в железном ведре или потрескиванию жира

на огне. Затем он увидел советницу, которой пытался помочь подняться на ноги, и заметил в ее щеке пулевое отверстие. Вокруг головы убитой растекалась лужа крови.

До сознания Мальвары стал доходить смысл происходящего: он понял, что пехота стреляет по ним. Полома знал об оружии ривальдийцев, но даже представить себе не мог, какой разрушительной силой оно обладает. Ему всегда казалось, что пули подобны небольшим стрелам...

Утренний воздух содрогнулся от нового залпа. Советник поднял голову. Сейчас стреляла первая шеренга, вторая торопливо перезаряжала огнестрелы. Площадь была уже почти пуста.

До него донеслись стоны; они становились все громче и громче, пока не превратились в общий гул страдания и боли, и впервые после начала стрельбы он полностью осознал смысл происходящего. По спине пробежал холодок, и Полома замер на месте. Те из советников, кому посчастливилось остаться в живых, разбегались во все стороны, а Мальвара просто стоял и смотрел им вслед.

Сквозь стоны раненых он услышал, как кто-то из нападавших прорычал приказ по-ривальдийски. Смысла сказанного Полома не понял. Вторая шеренга стрелков вышла вперед и подняла оружие. Полома осознал, что плачет. С его губ сорвался крик.

Неожиданно откуда-то справа донесся шум. Мальвара повернул голову.

Со стороны Цитадели на площадь выдвигались киданские войска. Пикинеры увидели ривальдийцев, бросились вперед и с ходу ударили им во фланг: противник не успел перестроиться, чтобы открыть огонь, и моментально был смят атакующими.

Полома почувствовал, что вот-вот закричит от радости. Затем он увидел Кевлерена. Мальвара сразу понял, кто это такой. До Кидана доходили истории о людях из далеких заморских стран, которые практиковали магию Сефида.

У Кевлерена была необычно бледная кожа и волосы цвета воронова крыла. Он стоял позади ривальдийских пехотинцев в окружении личных телохранителей, наблюдая за бойней на площади. Когда появились киданские солдаты, Кевлерен схватил за шею стоявшую рядом с ним молодую женщину. Полома увидел, как та широко раскрыла глаза от боли. Из-под пальцев Кевлерена потекла кровь.

Под воздействием невидимой энергии у Поломы все внутри похолодело; воздух между ривальдийскими шеренгами и атакующими их пикинерами затрепетал. Все это было похоже на какое-то сизое марево над раскаленной жаровней. Со стволов огнестрелов срывались голубые языки пламени...

Полома не мог отвести взгляда от женщины, которую Кевлерен держал за горло. Жизнь медленно покидала ее тело, одежда пропиталась кровью. Мальвара не сразу увидел, как передние ряды киданцев внезапно охватило яркое пламя, но слышал крики умирающих и стук падающих на землю копий.

Серые облака вот уже десять дней висели над Вардарскими горами. Они разразились дождем над Омеральтом как раз в тот момент, когда похоронная процессия императрицы Хетты вышла из огромных желтых крепостных ворот столицы. Процессия растянулась на две мили; Кевлерены, их ближайшие домочадцы и наперсники — Акскевлерены, — и прочие важнейшие подданные Хамилайской империи направлялись к мавзолею, расположенному в ущелье в восточной части Хэссоули, ближайшего отрога Вардарских гор. Людям, наблюдавшим с городских стен, казалось, что плакальщики в черных одеяниях и паланкины буквально растворились под проливным дождем.

Во втором паланкине находился Третий Принц Мэддин Кевлерен, который с несчастным видом выглядывал из-за занавески, надеясь увидеть снаружи хоть что-то, что могло бы вывести его из уныния. Нельзя сказать, чтобы он испытывал глубокую скорбь по поводу кончины императрицы — она, конечно, по-

могла ему сделать карьеру, но в остальном мало обращала на него внимания, — однако настроение у принца было мерзким — как раз под стать холодному серому дню.

Мэддин почувствовал себя виноватым из-за того, что именно сегодня испытывает жалость к самому себе. Помогала лишь мысль о том, что он все же опечален смертью Хетты не меньше, чем кто-либо еще. Тем не менее, какой бы мудрой, справедливой и щедрой императрицей ни была Хетта, ее дочь Лерена станет править не хуже — а может, даже и лучше. Старая императрица прожила долгую спокойную жизнь и заслужила уважение подданных; чего еще желать монарху?..

Носильщики с трудом несли паланкины по скользкой дороге, которая становилась все круче. Принцу захотелось выйти и помочь им — не из сострадания к промокшим до нитки слугам, а просто потому, что он терпеть не мог бездействия. С тех пор, когда ему приказали вернуться в Омеральт с ривальдийской границы, в его жизни не было никаких приключений.

Да, никакого разнообразия.

Его руки касалась нежная прохладная ладонь. Мэддин взглянул на герцогиню Юнару Кевлерен. От ее красоты у него по-прежнему перехватывало дыхание, и он понял, что обманывает сам себя.

Юнара, сестра новой императрицы Лерены, была любовницей Мэддина, а заодно его троюродной сестрой. Она привнесла в жизнь принца достаточно приключений и разнообразия...

Это была типичная представительница рода Кевлеренов: высокая, белокожая, с черными волосами и темными глазами. Юнара выглядела решительной, властной и зачастую внушала страх окружающим; ей хотелось, чтобы все об этом знали, включая саму Лерену.

Сейчас, когда процессия направлялась к месту погребения императрицы, Мэддину показалось, что в сердце Юнары найдется место хоть какому-то подобию человеческих эмоций. Принцу пришло в голову, что ему, наверное, следовало бы встревожиться:

самое близкое к любви чувство, которое могла испытывать Юнара — по крайней мере любви в общепринятом понимании этого слова, — это страх потерять любовь.

По щеке молодой женщины прокатилась серебристая слеза, которая тут же замерзла на стылом зимнем воздухе. Отчасти из сострадания, отчасти по привычке принц накрыл ладонью ее пальцы. Юнара взглянула на него, но, как обычно, ему было трудно понять выражение ее взгляда. Она никогда не открывала душу посторонним. Мэддин вспомнил, что эта скрытность поначалу его привлекала, а теперь — по какой-то странной иронии судьбы — начинала отталкивать.

— Сколько еще осталось ехать? — спросила Юнара у своего Избранного — самого главного Аксевлерена из ее слуг, который сидел напротив.

Как почти все Избранные, внешне Нетаргер был похож на свою госпожу: такой же стройный, бледный и темноволосый. Он высунулся из окна паланкина, а когда втянул голову обратно, то с его волос стекали капли дождя.

Нетаргер вытер лицо рукой и пожал плечами.

— Сейчас слишком темно, чтобы сказать наверняка. Думаю, подъем уже закончился, так что, вполне возможно, осталось недолго. Вы хотите, чтобы я прошел вперед?

Юнара покачала головой. Мэддин посмотрел на Нетаргера, пытаясь угадать его настроение. Но, подобно своей госпоже, тот всегда тщательно скрывал свои эмоции. Принц заметил, что его собственный Аксевлерен, Кадберн, тоже следил за Нетаргером.

Кадберн представлял собой исключение из правил, касающихся Избранных. Хоть Мэддин и отличался бледной кожей и темными волосами — как и все Кевлерены, — он был слишком невысок и широкоплеч по сравнению с другими представителями своей семьи; его волосы были коротко, по-военному, подстрижены. Светловолосый Кадберн, напротив, отличался высоким ростом и стройным телосложением.

Хозяин и слуга едва заметно улыбнулись друг другу и вновь стали смотреть в окно паланкина, рядом с которым шагали королевские стражники в насквозь промокшей темно-зеленой форме; их оружие уныло позвякивало.

Мысли Мэддина вернулись к собственным проблемам. Если причина его мрачного настроения крылась не в отсутствии приключений и разнообразия, то в чем тогда дело? Чувство недовольства постепенно нарастало, и это было лишь частично связано с эмоциональной отстраненностью Юнары. Подобным образом начинается болезнь... Интересно, а что, если такая болезнь обернется настоящей лихорадкой?

Во имя Сефида, пусть произойдет так, что новая императрица сочтет нужным вновь отправить его на границу...

Носильщики изменили темп движения. Значит, Нетаргер был прав. Подъем прекратился, и идти стало легче. Даже стражники теперь шагали не так тяжело.

По мере того как процессия приближалась к Хэссоули, пробивавшийся сквозь облака тусклый свет совсем исчез. Тень огромной горы превратила день в ночь, и Мэддину казалось, будто у него на плечах лежит тяжелый груз.

И вот стала видна расщелина, где располагался императорский мавзолей. Стражникам пришлось зажечь факелы, чтобы осветить дорогу слугам, которые несли паланкины. По крайней мере узкое отверстие в верхней части расселины не давало дождю просочиться внутрь, но по полу протекал быстрый ручей, в котором моментально намокли сапоги стражников.

Мерцающий свет факелов отбрасывал жутковатые отблески на гранитные стены расщелины, и вырезанные в камне лица императоров и императриц на ближних гробницах словно ожили.

Наконец процессия остановилась. Кевлерены и Акскевлерены стали выбираться из своих паланкинов. И хозяева, и слуги зашагали по ледяной воде, которая достигала уровня лодыжек. Они уже подходили ко входу в расселину, когда дождь превратился в настоящий водопад, заполнивший окружающее простран-

ство своим ревом. Мэддину показалось, будто он слышит протестующие голоса мертвых.

— Мне здесь не нравится, — тихо сказала ему Юнара. — Я рада, что я не императрица. Не хотелось бы, чтобы меня похоронили здесь.

Мэддин взглянул на Лерену — та как раз вылезала из первого паланкина. Судя по выражению ее лица, она испытывала те же чувства, что и сестра. Однако императорский титул не оставит ей иного выбора и иного кладбища.

Слуги уже несли саркофаги Хетты и ее супруга. Рядом с Лереной стоял младший брат покойной императрицы, герцог Паймер Кевлерен. Мэддин подумал, что сейчас он выглядел старше, чем когда-либо, — даже несмотря на забавный рыжий парик, который герцог носил на публике.

Юнара вместе с Нетаргером подошла к сестре, дяде и их Избранным: вшестером они проследовали за саркофагом, который Акскевлерены покойной императрицы несли в гробницу, недавно высеченную в каменной стене расщелины. Они уже поворачивали за скалу, когда вся процессия неожиданно остановилась. Мэддин понял: что-то не так. Все Кевлерены одновременно повернули головы на восток, словно устремив взгляды через моря и континенты. Сефид потревожен; пробудилась могучая сила, которую никто не ощущал уже много лет.

Где-то умер Избранный.

Полому Мальвара словно окатило кипятком: у него мгновенно перехватило дыхание. Он попятился, и в этот момент чья-то рука схватила его за плечо. Полома вскрикнул и обернулся: рядом стоял его брат, Беррат. Лоб молодого человека был сильно рассечен, по лицу стекала кровь.

— Беррат?.. — ошеломленно произнес Полома. — Что ты здесь делаешь?

— Ну, давай же! Скорее! — нетерпеливо крикнул тот. — Беги! Прямо к Длинному Мосту! Это наш единственный шанс!

Полома был настолько ошеломлен происходящим, что по-виновался совершенно безропотно. Он последовал за Берратом, который уже бежал к главной улице, выходящей на площадь с западной стороны.

Мальвара чувствовал, как вокруг него пронзают воздух свинцовые пули, ощущал запах горящего дерева и сожженной человеческой плоти. В ушах заложило от истошных воплей раненых и умирающих. Какой-то советник, бегущий впереди, дико вскрикнул и упал на землю. Полома побежал дальше, чувствуя, что его вот-вот стошнит — возможно, кровью. Он споткнулся и едва не наступил на чье-то тело. Беррат вновь схватил его за плечо, не давая упасть. Поломе не хватало воздуха; казалось, он больше не сможет сделать дальше ни шагу. В голове у советника все настолько перемешалось, что он уже плохо понимал, где именно находится. Мальвара подумал, что все кончено, он скоро расстанется с жизнью, но тут вдали из порохового дыма появился Длинный Мост. Разум Поломы постепенно начал проясняться.

Вместо того чтобы направиться напрямик к мосту, Беррат повел брата в обход. Они прошли мимо южной опоры и побежали дальше. Когда стало ясно, что с площади их уже никто не может заметить, беглецы остановились, чтобы немного перевести дыхание.

— О Кидан и Фрей!.. — воскликнул Полома.

— Тихо! — сказал Беррат, зажав ему рот ладонью. — Ради спасения твоей жизни!..

Он выглянул из-за опоры, чтобы посмотреть, не видно ли поблизости ривальдийцев.

Полома сердито отвел руку брата и оглядел его окровавленное лицо.

— В чем дело? Как это случилось? Откуда взялись солдаты?

— Со стороны реки, — с трудом переводя дыхание, ответил Беррат. — Я шел по Длинному Мосту на площадь и вдруг

увидел их... Они плыли по каналу Сайефф — десять галер... может, больше. Я еще подумал, что солдаты имеют какое-то отношение к параду... На берегу под Цитаделью стояли несколько советников — наверное, ждали их.

— Наши советники? — воскликнул Полома. — Но кто именно?

— Майра Сигни и его союзники-купцы, — ответил Беррат с откровенной неприязнью в голосе.

Полома прислонился к опоре моста, не желая верить в услышанное. Майра Сигни — его самый непримиримый соперник из числа членов Совета.

— На моих глазах солдаты сошли с галер, и Сигни повел их к воротам в северной стене. Ворота были открыты. К этому времени я разглядел форму и понял, что это ривальдийцы. На мосту вместе со мной были и другие люди: неожиданно — и одновременно — все поняли, что происходит...

Тут Беррат запнулся и покраснел.

— Скажу откровенно: мы запаниковали, — сказал он, отводя глаза. — Большинство горожан убежали обратно в город, чтобы предупредить друзей и родственников. Некоторые словно впали в ступор. Потом я вспомнил, что ты на площади, нужно тебя найти.

Беррат опять умолк на секунду и искоса взглянул на брата.

— Если останешься в Кидане — тебе конец. Майра Сигни поставил на карту все — жизнь, честь своей семьи, даже родной Кидан. Он постарается сделать так, чтобы вас всех поймали и убили. Ты был его самым опасным противником. Сигни не забудет, что не он, а ты получил должность префекта.

— Но куда же мне деться? — растерянно спросил Полома. — Я никогда раньше не уезжал из Кидана...

— В Хамилай. Тебе нужно бежать туда, — безапелляционно заявил Беррат.

Полома изумленно посмотрел на брата.

— Хамилай? Ты серьезно?

— У тебя нет иного выбора! — Беррат закрыл глаза и глубоко вздохнул. — Послушай, брат. Кидан слишком мал, чтобы соперничать с Ривальдом. Лишь в Хамилае ты будешь чувствовать себя спокойно. Кроме того, после случившегося империя будет перед нами в долгу...

— В долгу? — удивленно переспросил Полома. — Ты о чем?

— Во имя Кидана!.. Да обо всем об этом! Как ты думаешь, почему ривальдийцы помогают Майре Сигни? Кидан — ничто по сравнению с Ривальдом, но одним из твоих распоряжений в должности префекта было разрешение хамилайским купцам вести торговлю в нашем городе. А их старые конкуренты и враги, ривальдийцы, очевидно, решили этому воспротивиться.

— Чтобы добраться до границ Хамилая и привести оттуда войска, потребуется несколько месяцев! А может, даже год или два!..

— Ну и что? — пожал плечами Беррат. — Да пусть уйдут хоть целые десятилетия. Разве еще кто-нибудь сможет нам помочь? И, самое главное, захочет ли кто-нибудь нам помочь?..

Полома опустил голову. Нечего было возразить брату. Он почувствовал, что страх уступает место разочарованию. Хотелось выбросить ривальдийцев и Майру Сигни из города прямо сейчас, а не ждать десятки лет...

Однако Беррат прав. Сейчас киданцы не могут ничего противопоставить ривальдийским батальонам. Начнется такая бойня, по сравнению с которой стычка на площади покажется сущим пустяком.

Словно прочитав мысли брата, Беррат произнес:

— Сегодня Майра Сигни и его сторонники убивали только советников, но если мы окажем сопротивление, ничто не мешает ривальдийцам стереть с лица земли наш город целиком.

— Сигни плавает в водах, которые гораздо глубже, чем он себе представляет. — Полома посмотрел Беррату в глаза. — Я

последую твоему совету... уеду, но вернусь с целой армией и отомщу ривальдийцам за то, что они сделали сегодня.

— В порту Цитадели находятся хамилайские торговцы. Они попытаются бежать, прежде чем ривальдийцы захватят их корабли. Ты должен отправиться в Хамилай вместе с ними, но тебе следует поторопиться. Цитадель не сможет долго защищаться. Чтобы нас не заметили, придется идти вдоль берега...

Шагая под Длинным Мостом в сторону долины, Полома почувствовал, как его сердце вновь сжимается от страха.

Кевлерены начали недоуменно переглядываться. Мэддин заметил, как Юнара повернулась к Лерене, и по ее губам прочитал: «Далеко, очень далеко отсюда». Какое-то мгновение женщины смотрели друг другу в глаза, потом зашагали к гробнице, где Акскевлерены положили тело Хетты на специально подготовленную каменную полку, поставив туда же большой металлический ларец с мощами давно умершего супруга императрицы. Затем Акскевлерены отошли в сторону, оставив двух сестер и Паймера вместе с их Избранными, чтобы те в одиночестве простились с усопшей. У входа застыл караул королевских гвардейцев.

Мэддин тряхнул головой, чтобы избавиться от шока, который он испытал вместе с другими Кевлеренами. Произошло нечто ужасное: кто-то из их семьи лишил жизни своего Избранного, чтобы с помощью магии Сефида совершить некое страшное деяние. Такого не случалось на протяжении жизни целого поколения. С тех пор как все хамилайские Кевлерены нашли последнее упокоевание в этой расщелине, Обладание Силой должно было осуществляться представителями ривальдийской ветви семьи. Но Ривальд находился на юге, а Обладание совершено где-то далеко на востоке — за горами и морем. Перед мысленным взором Мэддина предстало нечто вроде большой кометы, хвост которой указывал направление, куда была направлена энергия Сефида. Однако мощь магического выброса оказалась такова, что

часть энергии распространилась во все стороны. Причина случившегося оставалась неизвестной. Эту загадку Лерене придется решать в будущем.

Усилием воли Мэддин заставил себя думать о чем-нибудь другом. Он посмотрел на Аксевлеренов покойной императрицы, которые столпились на морозящем дожде возле входа в гробницу. Своим покорным видом они напоминали сбившихся в стадо овец. Впрочем, двое из них, гордо подняв головы, стояли чуть поодаль и на некотором расстоянии друг от друга. Мэддин узнал Гармонсуэй, Избранную покойной императрицы Хетты, одну из самых высоких женщин, которых ему когда-либо приходилось видеть. Прожитые годы и скорбь утраты никак не отразились на ее властном лице. Рядом с ней стоял незнакомый мужчина примерно одного возраста с Мэддином и такой же широкоплечий, очень высокий, с обветренным лицом и пышной черной бородой. Оба — и мужчина, и женщина — не обращали никакого внимания на окружающих: казалось, что их взгляды устремлены куда-то в далекое прошлое.

Или, возможно, в будущее, подумал Мэддин. Впрочем, это маловероятно, особенно относительно Гармонсуэй. Существование Аксевлеренов было настолько тесно связано с хозяевами, что жить порознь они бы попросту не смогли. «Интересно, каково будет Кадберну после того, как я умру», — усмехнулся про себя принц. Кадберн принадлежал хозяину, не имея способностей к Сефиду. Среди Аксевлеренов это являлось редкостью — Избранный, который точно знал, что ему не нужно жертвовать своей жизнью для того, чтобы Мэддин смог обладать магической силой... Возможно, подобное означало, что взаимоотношения между ними даже теснее, чем обычно между Кевлереном и его Избранным, поэтому скорбь Кадберна будет еще сильнее. Мэддин постарался выкинуть из головы мысль о том, что всякая любовь несет в себе зародыш трагедии.

Люди, шедшие в конце процессии, все еще подтягивались к гробнице, и краем глаза принц заметил женщину, которая пора-

зила его своей красотой. Он повернулся, чтобы разглядеть ее получше, но она куда-то исчезла. Затем грузный, хорошо одетый торговец отошел в сторону, чтобы с кем-то поздороваться, и незнакомка вновь попала в поле зрения Мэддина — самая красивая женщина, которую ему доводилось видеть. Тут он почувствовал, что Кадберн смотрит на него, а потом услышал, как Избранный глубоко вздохнул. Торговец вернулся на место, и женщина вновь пропала из виду.

Мэддин тряхнул головой, пытаясь вспомнить ее лицо, но так и не смог воспроизвести его в своем воображении. Казалось, будто он видел сон, а теперь, проснувшись, не может вспомнить подробностей.

— Кто это? — шепотом поинтересовался он у Кадберна.

— Я никогда раньше ее не видел. Хотите, чтобы я узнал?..

Мэддин покачал головой.

— Подожди здесь.

Он начал протискиваться сквозь толпу, рассеянно кивая знакомым, при этом не сводя глаз с того места, где стоял торговец. Тот заметил Мэддина; очевидно, подумав, что герцог идет поздороваться с ним, он выпрямился и изобразил на лице вежливую улыбку, чтобы скрыть внезапное беспокойство — Кевлерены никогда не вели пустых разговоров с кем-либо не из своего круга. Торговец изо всех сил пытался понять, что могло привлечь внимание самого известного воителя Хамилая. К его невероятному облегчению, Мэддин, поравнявшись с ним, не обратил на него никакого внимания, а с извиняющейся улыбкой просто отодвинул в сторону, чтобы пройти мимо.

Незнакомка по-прежнему стояла там и разговаривала с каким-то стариком. Ее лицо казалось верхом совершенства: оно было гораздо более изящным и величественным, чем те, что изображают на живописных полотнах. Кожа у нее была такой же бледной, как у Кевлеренов, но отличалась красивым нежно-розоватым оттенком, а волосы имели цвет спелого меда. Подборо-

док маленький и круглый, скулы — высокие... Мэддин бросил взгляд на спутника женщины и сделал вывод, что они приходятся друг другу родственниками. Морщинистое лицо мужчины было более круглым, а голова — почти лысой, однако внешнее сходство собеседников казалось очевидным.

Теперь они заметили присутствие Мэддина и посмотрели в его сторону, удивившись, что Кевлерен подошел так близко. Затем на лицах торговца и женщины отразилось нескрываемое удивление, когда они осознали, что сам принц решил оказать им внимание.

— Ваше высочество, — произнес мужчина и низко поклонился.

Женщина сделала реверанс.

— Я Мэддин Кевлерен, — сказал Мэддин и почувствовал, как дрогнул его голос, когда он встретился взглядом с женщиной. Ее огромные глаза были такими же серыми, как небо над головой, и смотрели на него так открыто и приветливо, что молодой человек даже покраснел.

— Ах, Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен, — поспешно произнес старик, бросив взгляд на свою спутницу.

— Так я должна называть вас генералом — или принцем? — простодушно спросила та.

— Ваш голос подобен прохладному ветерку, который дует летней ночью, — сдавленно проговорил Мэддин.

Незнакомка опустила глаза, неожиданно смутившись. Щеки ее спутника покраснели.

Мэддин покачал головой.

— Простите. С моей стороны слишком самонадеянно...

— Вовсе нет... — начал было старик, но женщина перебила его.

— Вы не ответили на мой вопрос, ваше высочество, — сказала она, все еще избегая его взгляда.

От ее слов у Мэддина резко повысилось настроение.

— Согласно этикету, меня следует называть генералом, но вы можете называть меня так, как вам заблагорассудится.

— Меня зовут Най Селфорд, — произнес пожилой мужчина, вновь поклонившись. — Я — торговец из Ферберина, сейчас представляю здешних фермеров в Омеральте...

Мэддин едва заметно кивнул.

— А это моя племянница, Алвей Селфорд, которая приехала посмотреть столицу...

— Алвей, — повторил Мэддин.

— Если так будет угодно вашему высочеству, — просто-душно сказала Алвей и снова сделала реверанс.

Принц уже собирался выкрикнуть что-то вроде «Очень даже угодно», но внезапно услышал шум за спиной.

Обернувшись, Мэддин увидел, что Лерена и Юнара выходят из гробницы, а следом за ними — герцог Паймер и их Избранные.

— Сегодня своим присутствием вы почтили память моей матери, нашей покойной императрицы, — громко сказала Лерена. В ее голосе слышалась неподдельная скорбь. — Теперь она покоится в мире — вместе со своим венценосным супругом, моим отцом... Вся боль, все сомнения остались позади. Так пусть же Сефид поможет нам справиться со столь великой потерей.

— Пусть Сефид поможет нам справиться с великой потерей, — хором повторила толпа.

— Семья моей матери — теперь моя семья, — произнесла Лерена, и Акскевлерены Хетты с надеждой взглянули на нее — все, кроме Гармонсуэй и бородатого мужчины, стоявшего в сторонке. — Я с радостью приму их... Как только они станут Акскевлеренами, ничто не сможет разрушить наш союз.

— Ничто не сможет разрушить союз, — повторили все присутствующие Акскевлерены — опять-таки кроме Гармонсуэй и стоявшего рядом с ней мужчины.

Лерена подошла к своему паланкину и забралась в него. К ней присоединился Паймер. Их Избранные ожидали у выхода из гробницы. Юнара окинула толпу взглядом.

— Подождите здесь, — шепнул Мэддин, обращаясь к Алвей Селфорд.

Он подошел к Юнаре.

— Я должна находиться рядом с сестрой, — сказала ему герцогиня. — Наши Избранные поедут в моем экипаже... Ты сможешь вернуться обратно сам?

— Не беспокойся, — ответил Мэддин.

— Извини...

— Не извиняйся, — быстро ответил он. — Сегодня ты нужна своей сестре больше, чем мне.

Юнара нежно прикоснулась к его лицу и забралась в паланкин Лерены. Носильщики подняли его, развернулись и зашагали в обратную сторону. За ними последовал паланкин Юнары, в котором находились Избранные. Дальше шли королевские гвардейцы. Толпа отошла назад к стенам расщелины, чтобы уступить им дорогу.

Мэддин дождался, пока оба паланкина скроются во мраке, и подошел к Алвей Селфорд.

— Мне не на чем вернуться в Омеральт, — сказал он.

Девушка все еще избегала смотреть на принца, но ее дядя быстро ответил:

— Мы почтем за честь, ваше высочество, если вас устроит наш паланкин.

— Со мной также мой Избранный, — отстраненно произнес Мэддин, не удостоив Ная Селфорда взглядом.

— В моем паланкине вполне хватит места для четверых, — сказал торговец.

— Что ж, благодарю. Мы принимаем ваше предложение.

Старик отправился на поиски своих носильщиков, оставив Мэджина и Алвей наедине. Толпа плакальщиков, осторожно обхо-

дя их, двинулась в обратный путь. Принц знал, что Кадберн находится где-то неподалеку, но из вежливости соблюдает дистанцию.

— Надеюсь, мой дядя был не слишком прямолинеен, — произнесла Алвей, по-прежнему не глядя Мэддину в глаза.

— Не посмотрите ли вы на меня? — спросил принц.

— Я... — начала было девушка.

— Только не говорите, что вы меня испугались.

Она подняла подбородок и взглянула на него: в ее глазах читался вызов.

— Вы — Кевлерен.

— Я Мэддин Кевлерен, — сказал он. — А вы — Алвей Селфорд. Два свободных человека.

— Принц и дочь фермера.

— Два свободных человека, — повторил Мэддин.

Да, они с Алвей действительно принадлежат к разным классам и разным культурам, но он старался не думать об этом. В конце концов, это всего лишь легкий флирт, а не настоящее ухаживание. Он хотел соблазнить ее, а не влюбиться. Однако принц подсознательно чувствовал, что затевает нечто более опасное, нежели обычная попытка приударить за симпатичной девицей. Перед ним словно открывалась какая-то новая дорога в будущее — дорога, о которой Мэддин никогда раньше не подозревал, не говоря уже о том, что он не знал, куда она может завести.

Вернулся Най с паланкином и восемью носильщиками. Слуги опустили паланкин пониже, чтобы в него было удобно подняться. Старый торговец кивнул Мэддину, показывая, что тот должен забраться первым, но принц протянул руку, чтобы помочь Алвей. Когда девушка воспользовалась его помощью, он оглянулся, посмотрев в сторону гробницы Хетты, и увидел, что там нет никого, кроме Гармонсуэй и неизвестного бородача. Последний протянул Гармонсуэй небольшой фиал. Женщина взяла его и вошла в гробницу.

Мэддин не удержался и взглянул на Кадберна. Очевидно, Избранная Хетты решила, что теперь, когда старая императрица отошла в мир иной, для нее больше нет будущего. Бородатый мужчина посмотрел ей вслед, затем обернулся. В этот момент они с Мэддином встретились взглядами. Принц не совсем разобрался в том, что именно увидел в глазах незнакомца, но понял, что, кроме скорби, в них таилось что-то еще. В следующее мгновение мужчина отвернулся и зашагал к выходу из расщелины.

— Императрица заберет себе Акскевлеренов своей матери? — спросила Алвей.

Принц кивнул.

— Только тех, кто пожелает стать ее слугами.

— А случается так, что кто-то отказывается?

— Я слышал о таком, — ответил Мэддин, садясь рядом с ней. — Однако сам никогда не видел ничего подобного.

«Думай, — приказал себе Полома. — Не чувствуй. Забудь о своем сердце».

Мальвара посмотрел вокруг и заметил, что дым начал понемногу рассеиваться. Торговый корабль, на котором он плыл, теперь уже был настолько далеко от Кидана, что огни города казались лишь искорками на темном фоне. Полома поднял глаза и увидел сверкающие в небе звезды.

«Думай. Больше никогда не чувствуй. Я — Полома Мальвара, киданский префект».

Он тряхнул головой. Уже нет. Теперь он — Полома Мальвара, обычный беженец. Изгой, бегущий с родного пепелища, спасающийся от ужасных огнестрелов и коварства презренного Майры Сигни.

Он прислонился к борту корабля и закрыл глаза. Перед мысленным взором все еще стоял горящий Кидан. Похоже, весь город был охвачен огнем.

«Думай, Полома. Не переживай, а думай».

Но это было невозможно. Воспоминания вернулись вместе с печалью и страхом. Мальвара никак не мог забыть то, что ему довелось увидеть сегодня. Не мог выбросить из памяти звуки пальбы и кровавое месиво человеческих тел на площади.

Полома ничего не мог с этим поделать, как не сумел сдерживать бегущие по щекам слезы.

Интересно, найдется ли во всем мире хоть один человек, столь же одинокий, как он?..

ГЛАВА 1

У каждого города — свое время года. В Омеральте всегда осень.

Он располагался на высоком плато у подножия покрытых снегом Вардарских гор, и осень придавала воздуху какую-то особую прозрачность, отчего каменные башни и купола излучали сияние, а прямые, обсаженные деревьями улицы поражали своими огненными и золотистыми оттенками. Солнце пока стояло высоко в небе, и его лучи дарили тепло, а дувший с гор ветер был достаточно прохладным, чтобы взбодрить и тело, и душу.

Тело и душа двадцатилетней Гэлис Валера огрубели после двух лет войны на границе, а сердце и разум только недавно раскрылись перед ее покровительницей и возлюбленной. Гэлис вздохнула, найдя утешение в мысли о том, что она по-прежнему может любоваться пейзажем и ценить его красоту, а не просчитывать стратегическое значение данной местности. Девушка знала, что лишь чудом сохранила жизнь и рассудок: еще один год отчаяния и ненависти к самой себе убил бы ее. Теперь она в безопасности и словно пробуждается от долгого тяжелого сна, который отнял у нее значительную часть жизни.

Гэлис посмотрела на свою спутницу. Несмотря на слишком длинную шею и чересчур тонкий нос, Китайра Альбин была красивой женщиной. Кожа светлая, как гранит Вардарских гор,

волосы — цвета спелой пшеницы, а глаза — карие, пронзительные, удивительно мудрые и... нежные.

Китайра заметила, что Гэлис смотрит на нее, и рассмеялась с тихой радостью, столь свойственной для горячо любящих людей.

— Было очень мило со стороны канцлера одолжить нам свой паланкин, — сказала она.

— Просто ему хотелось поскорее от нас избавиться, — ровным голосом ответила Гэлис, стараясь скрыть неприязнь к канцлеру. Она не желала портить такое замечательное утро из-за собственного раздражения.

Китайра сделала глубокий вдох и широко раскинула руки.

— Я прощаю его. Весь мир у наших ног, — сказала она, наклонилась вперед и взяла Гэлис за руку. — Время таких, как он, уже прошло.

Китайра вновь рассмеялась, и на этот раз Гэлис тоже не смогла удержаться от смеха.

— В новом мире не будет места столь неприятным людям...

— Мы еще не обрели этот новый мир, — напомнила ей Гэлис.

Китайра пожала плечами.

— Собеседование предназначено для того, чтобы мы получили возможность попасть в новую колонию. Это простая формальность.

Уверенность, прозвучавшая в голосе Китайры, напомнила Гэлис о том, что скоро они оставят Омеральт, и девушка уже заранее ощутила легкий укол ностальгии. Она окинула взглядом город, стараясь как можно полнее запомнить этот момент, зная, что со временем прошлое будет восприниматься совсем по-другому.

Паланкин покачнулся — это носильщики сошли с высокой дороги, окаймлявшей внешнюю стену города, и спустились на оживленные городские улицы. Стражники следили за тем, чтобы носильщиков никто не толкнул и не потревожил Гэлис и Китайру. Кроме того, следовало осторожно обходить другие паланкины, уворачиваться от бесчисленных торговцев и поку-

пателей, детей и новых паровых экипажей. По этой причине оставшаяся часть пути вышла не слишком комфортной. За окном паланкина больше не мелькали живописные виды, зато стали весьма ощутимы резкие запахи большого оживленного города. Когда Гэлис три года назад вернулась с границы, то чуть не задохнулась от этих «ароматов», несмотря на то что она родилась и выросла в Омеральте. Даже сейчас от запаха немых тел, не справляющейся с потоком нечистот канализации, готовящейся пищи и горящего дерева у нее заболело горло и начался насморк.

Да, вполне возможно, что она станет скучать по этому городу, когда покинет его, но это будет значительно позже. Девушка закрыла глаза и крепче сжала руку Китайры.

В Омеральте не позволяли содержать домашних животных — кроме тех, что находились в зверинцах членов правящей семьи Кевлеренов. (Дикие голуби, воробьи, мыши и крысы разрешения на проживание, понятное дело, не спрашивали.) Гос Линседд, только недавно получивший звание офицера, считал этот закон глупым и в то же время страшным.

Он еще не получил направления обратно на границу и поэтому предполагал, что какое-то время пробудет в столице. Могушественной Хамилайской империи солдаты за канцелярскими столами требовались почти в той же степени, что и на поле боя. Правда, за последние несколько месяцев Гос убедился в том, что в бюрократической битве он проявляет себя не лучшим образом. Однако его действия в необъявленной войне с Ривальдом послужили причиной повышения по службе — если сегодняшнее задание можно назвать повышением. Курьер! Подумать только...

Линседду оставалось лишь утешаться тем, что, во-первых, он сейчас не просиживает штаны за столом в военном ведомстве в королевском дворце и, во-вторых, направляется с донесением к Генералу Третьему Принцу Мэддину Кевлерену — человеку, которым Гос искренне восхищался. Двадцать лет назад, когда Линседд был всего лишь неопытным новобранцем, его назначили в ка-

валерийский полк под командование такого же молокососа, хоть и знатного происхождения. В последующие пять лет оба они усердно обучались военному ремеслу, всячески доказывая свою значимость. Очевидно, принц разглядел в Госе некое внутреннее сходство с самим собой, поскольку, получив повышение, взял его под свое начало. Когда же Кевлерена отозвали обратно в столицу, он позаботился о том, чтобы Гос получил младшее офицерское звание, прежде чем послать его на границу.

Да, подумал Линседд, будет неплохо вновь увидеться с Мэддином Кевлереном. И неплохо вновь увидеть Избранного принца — Кадберна Акскевлерена, человека, который держался в седле столь же уверенно, как и он сам... да и, чего греха таить, превосходил его в рукопашном бою. А когда дело доходило до вина... Следует признаться, что способность Кадберна пить вино и пиво была поистине легендарной.

Уже в третий раз после получения депеши Гос проверил адрес на конверте. Апартаменты в южном квартале города. Что же случилось? С каких пор Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен стал жить за пределами дворца? Линседд пожал плечами; он был готов подождать и узнать ответы на эти вопросы от самого принца — или от Кадберна. Гос ускорил шаг; военная форма помогала ему прокладывать дорогу на оживленных улицах. По мере удаления от дворца людей на улицах становилось все меньше и меньше, а склады и прочие здания, где хранились товары и жили люди, снабжавшие всем необходимым королевскую семью, сменились охраняемыми многоквартирными домами из полированного гранита. Здесь встречалось уже совсем мало пешеходов, но значительно больше паланкинов, которых сопровождали стражники.

Вскоре Гос нашел нужный ему дом. Он почти ничем не отличался от прочих зданий в округе, хотя на вид казался менее претенциозным. Линседд подошел к входу, ожидая, что стражники в причудливых сине-красных ливреях узнают его форму и пропустят офицера. Однако те скрестили алебарды, загораживая дорогу.

— Я Гос Линседд, со срочным посланием из военного ведомства. Требую пропустить меня.

Этого было бы достаточно для стражников, нанятых частным образом. Но в данном случае ничего не вышло. Караульные смотрели на Госа с неприкрытым презрением. Офицер почувствовал, как в нем начинает закипать гнев, и уже открыл рот, чтобы приказать им убраться с дороги, как внезапно раздался усталый мужской голос, донесшийся откуда-то из глубины дома:

— Не стоит повторять еще раз. Они все равно не обратят на тебя внимания.

Гос всмотрелся в темноту и увидел силуэт человека, сидящего за столом.

— Я — офицер, у меня срочное...

— Да, мы уже слышали, — сказал незнакомец. — К кому ты пришел?

— Не думаю, что вас это касается.

— Тогда ступай прочь. — Голос говорившего был совершенно спокоен.

Гос стиснул зубы. Никто, даже Мэддин Кевлерен, никогда не разговаривал с ним таким тоном.

Он положил руки на рукоять сабли.

— Впустите меня. Немедленно.

На этот раз стражники обратили на него больше внимания: они крепче взялись за древки алебард и угрожающе наставили на офицера свое оружие. Да, эти люди определенно ведут себя не как обычные наемники, мельком подумал Линседд. Затем он увидел под плащом одного из охранников зеленый мундир королевских гвардейцев и сразу все понял.

— Ах вот как, — произнес он, отступив на шаг. — У меня срочная депеша из военного ведомства...

— Мы это знаем, — раздался в ответ усталый голос.

— ...адресованная Генералу Третьему Принцу Мэддину Кевлерену.

Гвардейцы немедленно взяли алебарды на караул. Гос услышал звук отодвигаемого стула: через несколько секунд в дверях показалась незнакомая фигура — худощавый мужчина в светлом парике и довольно скромном одеянии. Впрочем, Линседд хорошо знал, что такая с виду простая одежда на самом деле стоит немалых денег.

— Так почему же ты сразу не сказал? — произнес мужчина и протянул руку.

Скрыв свое разочарование по поводу того, что ему не удастся самому передать депешу принцу, Гос вручил ее незнакомцу. Тот извлек послание из конверта и начал читать. Гос отсалютовал, развернулся и зашагал прочь.

— Так говоришь, ты — офицер Гос Линседд? — спросил незнакомец.

Гос остановился.

— Так точно.

Человек с усталым голосом вновь свернул депешу, положил ее в конверт и протянул Линседду.

— Ты должен передать это лично в руки.

Не скрывая удивления, Гос взял конверт. Незнакомец отступил в сторону и пропустил его в дом.

— Иди прямо. На столе лежит лист бумаги. Будь любезен, распишись на нем.

Когда Гос сделал то, что от него требовалось, незнакомец взял со стола колокольчик и позвонил. Появился слуга в ливрее зеленого цвета с тонкими желто-красными полосками на воротнике, какие носили приближенные Мэддина.

— Проводи офицера к принцу.

Слуга поклонился и повел Гота через коридор во внутренний дворик, посредине которого журчал фонтан, рос папоротник и виднелись поросшие мхом мраморные лягушки.

Сзади раздался какой-то звук. Линседд обернулся и увидел носильщиков с паланкином. Стражники снова скрестили свои алебарды.

Полома Мальвара ненавидел свое жилище. Оно было похоже на тюрьму. Справедливости ради следовало сказать, что в предоставленном ему доме имелись мягкие постели, дорогая мебель и расторопные слуги, но все равно это была тюрьма. Бывшему префекту даже не позволялось приоткрывать тяжелые занавеси на окнах, чтобы впустить в комнату хоть немного света — а ведь в этих местах свет был каким-то удивительным, почти таким же ярким и чистым, как в Кидане. Мысль о родине постоянно наполняла сердце Поломы печалью. Ему хотелось убежать из этого дома, из этого города, из Хамилайской империи, чтобы вновь оказаться на свободе.

«В этом и заключается вся проблема, — напомнил он себе. — Если бы я остался в Кидане, то сейчас меня не было бы в живых».

Обстоятельства поставили его в зависимость от императрицы Лерены Хамилайской. Долгое время она — или бюрократы из числа ее приближенных — не проявляла интереса к бедственному положению Поломы, раздавая обещания омеральтским торговцам и выказывая расположение тем, кто был настроен против Ривальда. Затем отношение императрицы к Мальваре непостижимым образом изменилось, и теперь она с готовностью оказывала ему помощь, которая, впрочем, казалась изгнаннику неким кисловатым плодом.

И все же...

С улицы донеслись чьи-то голоса. Полома огляделся по сторонам — никого нет — и рискнул немного раздвинуть шторы на одном из окон.

Он посмотрел во двор, но ничего особенного не увидел. Однако суета прекратилась. Мальвара заметил паланкин и сопровождающих его стражников. Паланкин был закрытым; Полома, однако, узнал герб Хамилайского университета — зеленый дуб на белом фоне. Когда-нибудь, пообещал себе бывший префект, он позаботится о том, чтобы и в Кидане появился свой университет...

За дверью послышались шаги. Мальвара отпустил штору и поспешно отошел от окна. Дверь отворилась, и на пороге воз-

никала пожилая женщина — одна из многочисленных служанок принца. Она едва заметно кивнула.

— У его высочества гости. Он хочет представить вас им.

Полома удивленно поднял брови.

— Гости?.. Те, кто желает принять участие в новой экспедиции?

— Я не знаю.

Наверное, это подарок судьбы, подумал Мальвара. Как знать, может быть, Мэддин Кевлерен предоставит ему право выбирать участников предстоящей экспедиции. В глубине души бывший префект понимал, что это, конечно же, не подарок: просто Кевлерены всегда на всех смотрят свысока. Однако Мальвара напомнил себе, что принц никогда не вел себя подобным образом по отношению к нему — в отличие от многих его родственников, которые считали, что чужеземец является самым подходящим объектом для грубых шуток и просто оскорблений. Полома не мог отказаться от возможности повлиять на свою собственную судьбу и судьбу своего народа.

— Благодарю. В кабинете принца?..

— В утреннем зале.

Полома улыбнулся, задумавшись над прилагательным «утренний». И в самом деле — утренний... Какую же из более чем двадцати больших комнат следует считать таковой? В конце концов, окна каждой из них выходили на восток.

Женщина пристально посмотрела на бывшего префекта, а затем участливо спросила:

— Не последуете ли за мной, сударь?

Полома благодарно кивнул.

Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен думал о том, где ему лучше усесться. Конечно же, его место в центре — и не только по причине высокого статуса Мэддина, но еще и потому, что этого все ждали. А для принца было важно, чтобы прием гостей прошел должным образом, по всем правилам придворного этикета. Кадберн сядет слева от него, а Алвей — справа.

Алвей Селфорд не была его женой и скорее всего никогда не будет. Она не принадлежала к Кевлеренам. И все же принц любил ее так, как любил бы жену, и мысль о том, что она, согласно традиции, должна сидеть позади него, немного уязвляла гордость Мэддина. Но этим утром все должно быть по правилам — ради его собственного блага и блага предстоящей экспедиции.

Принц машинально вытащил из кармана свою фамильную цепь и принялся перебирать пальцами двенадцать амулетов. Он всегда надеялся, что они мерцают внутренним светом, хотя никогда ничего не получалось. Амулеты оставались такими, как обычно, — стеклянными безделушками, искры в которых могли появиться лишь у того, кто Обладает Силой.

За стеной раздались шаги, и Мэддин поспешно убрал цепь.

Открылась дверь. В комнату вошел слуга и церемонно поклонился. Следом за ним вошел Полома Мальвара.

«Ах, ну да, — подумал Мэддин. — И где же мне следует его посадить?..»

— Ваше высочество, — произнес Полома, поклонившись так, чтобы движение выражало почтительность по отношению к Мэддину и в то же время не ущемляло его собственную гордость.

«Что делать с пленным принцем? Особенно если этот принц не кто иной, как Полома Мальвара?..»

Проблема разрешилась в тот момент, когда дверь открылась вновь и в комнату вошла Алвей. Одета в свои самые лучшие наряды, она выглядела удивительно красивой. Жемчужное ожерелье подчеркивало идеальную белизну ее шеи и округлого подбородка. Едва наметившийся живот был ловко замаскирован оборками из тафты и шелка: Мэддин знал, что она специально выбрала это платье, чтобы скрыть беременность.

— Сударыня, — сказал Полома, снова кланяясь.

Алвей улыбнулась и кивнула в ответ, затем подошла к Мэддину. Их руки на мгновение соприкоснулись — и девушка отступила назад. Принц с трудом подавил желание крепко обнять ее и осыпать поцелуями.

Алвей окинула взглядом помещение. Положив руку на спинку того стула, что стоял справа от Мэддина, она обратилась к Поломе:

— Сударь, здесь должны сесть вы.

Она улыбнулась бывшему префекту и огляделась по сторонам.

— Я еще не успел привести комнату в порядок, — быстро произнес Мэддин и взял один из стульев, стоявший возле стены.

— Я сяду вот здесь, — объявила Алвей и встала позади Мэддина.

Тот поставил стул на место и прошептал ей на ухо:

— Я люблю тебя.

— Я знаю, — нежно сказала она. — А твои гости?..

— А, ну да, — пробормотал принц, быстро взял еще два стула и поставил их напротив первых четырех.

Полома с любопытством наблюдал за происходящим. Интересно, почему Кевлерен не попросил кого-нибудь из слуг заранее подготовить комнату?.. Тут Мальвара заметил, как Алвей смотрит на своего любовника, и все понял. Слуги не дали бы ей возможности выбрать место для себя. Полома чувствовал, что Алвей не просто содержанка Мэддина — принц не на шутку влюблен в нее.

Вошел Кадберн Аксевлерен. Он напомнил Поломе охотничьего пса — быстрый и поджарый, безгранично преданный своему хозяину. Его бледное, покрытое шрамами лицо излучало добродушие. Проходя мимо Мальвары, Кадберн улыбнулся ему. Полома почувствовал, как по его спине пробежал холодок; он инстинктивно понял, что Кадберн — самый опасный человек из всех, кого ему когда-либо приходилось встречать. Имеется лишь один способ сохранить его расположение — никогда не угрожать и ничем не умалять достоинство Мэддина Кевлерена.

Когда Полому впервые представили Мэддину и Кадберну во дворце, его удивила их внешняя непохожесть, совершенно нехарактерная для других Кевлеренов и их Избранных. Объяснение нашлось лишь тогда, когда Мальвара узнал, что Мэддин не может пользоваться магией Сефида, а Кадберн, несмотря на

свою безграничную преданность Мэддину, сохраняет известную самостоятельность. Догадка Поломы подтвердилась во время встречи с дядей императрицы, герцогом Паймером Кевлереном, и его Избранным, которого звали Идальго. В их внешности было больше сходства, чем у Мэддина и Кадберна, хотя Идальго вовсе не являлся зеркальным отражением своего господина. Мальвара не знал, была ли магия Сефида причиной подобного внешнего сходства, но все же считал, что она существенно ограничивает инициативу Избранных и, как следствие, их самостоятельность.

— Доброе утро, Кадберн, — произнесла Алвей.

Кадберн ответил на ее приветствие глубоким поклоном.

— Госпожа, увидеть вас — всегда хорошее начало дня, — сказал Избранный и улыбнулся принцу. — Он здесь.

— Гос?.. — На хмуром лице Мэддина появилась улыбка. — Как... как он выглядит?

— Весьма неплохо. Хотите увидеться с ним прямо сейчас?

Мэддин покачал головой.

— Нет. Передай ему мои извинения и попроси подождать. Нам не следует задерживать других.

— «Другие» прибыли, — ответил Кадберн. — Их уже ведут сюда.

— Проводи Госа в мой кабинет, проследи, чтобы он оказался под присмотром слуг, а затем возвращайся.

Кадберн быстро вышел. Мэддин повернулся к Поломе.

— Вы готовы?

— Простите, ваше высочество. Готов к чему?..

На лице Мэддина появилось выражение искреннего удивления.

— Как? Разве я еще не обсуждал с вами этот вопрос?

Полома натянуто улыбнулся.

— Боюсь, что я такого не припоминаю.

Действительно, почему же ему до сих пор никто ничего не сказал о предстоящей экспедиции?.. Что ж, возможно, это и лучшему. Самое главное, что сейчас он здесь.

— Сегодня утром мы выбираем стратега для нашей экспедиции. И еще — командира воинского контингента.

Теперь это и наша экспедиция, подумал Полома, поджав губы.

— А другие военные должности?

Мэддин недовольно отмахнулся.

— Это самое важное. При наличии хорошего стратега и командира шансы на успех экспедиции заметно повышаются.

— Тогда я готов, ваше высочество.

Мэддин вопросительно посмотрел на Алвей.

— Я тоже готова, — произнесла она и села на стул.

В следующее мгновение вернулся Кадберн. Мэддин жестом пригласил Полому сесть и сел сам.

— Ну что ж, — сказал принц, глядя на Аксевлерена, — пора начинать. Пусть они войдут.

В помещении царила прохлада. Все окна были плотно задернуты шторами. Гэлис почувствовала, как под хлопчатобумажной блузкой по телу пробежали мурашки. После долгой дороги через душный город это ощущение было приятным. Однако вскоре она поняла, что причина кроется не только в свежести воздуха.

Сразу после прибытия многое показалось ей подозрительным. Когда носильщики, несшие паланкин, остановились у входа, двое стражников, охранявших дверь, скрестили свои алебарды с такой точностью и быстротой, что Гэлис сразу же насторожилась. Стражников обычно набирали из числа уличных головорезов, одевали в форму и велели им прогонять от домов богатых горожан бродяг и любопытствующих. Однако эти двое были стражниками совсем другого рода.

Затем привратник в парике. На нем была одежда превосходного качества, какую Гэлис и Китайра вряд ли когда-нибудь смогут себе позволить.

И, если уж на то пошло, почему собеседование проводится в аудиенц-зале, а не в каком-нибудь обычном помещении? Что вообще здесь происходит?..

Слуга провел их по дому, остановился возле деревянных дверей, постучал и выждал несколько секунд. Двери открылись, и на пороге появился высокий человек с исполосованным шрамами лицом. Он доброжелательно улыбнулся посетителям. Гэлис показалось, что она уже где-то видела его.

— Грамматист Китайра Альбин и стратег Гэлис Валера, Хамилайский университет, — объявил слуга. — У них назначено собеседование с Колониальным комитетом.

Незнакомец весело рассмеялся.

— Колониальный комитет?.. А, тогда понятно, — сказал он и поздоровался с Китайрой и Гэлис за руку. — Я — Кадберн Акскевлерен. Прошу вас, следуйте за мной.

Акскевлерен? — удивилась Гэлис и тут увидела топорик, висевший на кожаном поясе Кадберна. Девушка едва сдержалась, чтобы не ахнуть от удивления. Значит, это не просто Акскевлерен. В среде Избранных топорик являлся традиционным орудием убийства. Во что они с Китайрой вляпались?

Девушки попали в просторную комнату, освещенную несколькими настенными лампами. Их усадили на стулья напротив — как они предположили — членов Колониального комитета. Гэлис узнала принца, сидящего в окружении нескольких человек.

— Ваше высочество, — произнесла она, низко поклонившись.

Китайра, хоть и удивилась поведению подруги, последовала ее примеру. Гэлис подумала, что Китайра, по всей видимости, никогда раньше не встречалась с принцем.

Чтобы помочь ей справиться с неловкостью, девушка сказала:

— Мы никак не ожидали, что с нами будет беседовать Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен. Мы думали, что сегодня состоится обычное заседание правительственного комитета...

Теперь понятно, откуда взялись стражники и хорошо одетый привратник, подумала Гэлис. Но что здесь делает Мэддин Кевлерен?..

— Мы рады встрече, — с величавым спокойствием произнес принц.

Девушке приходилось видеть его раньше, однако она никогда не слышала, как он говорит, и поэтому удивилась непринужденному звучанию его голоса. Генерал был пониже Кадберна, такой же крупный и широкоплечий. Его вряд ли можно было назвать привлекательным, но по крайней мере лицо принца не было обезображено шрамами. Наверное, подумала Гэлис, Кадберн получил ранения, защищая своего господина. В конце концов, ведь это главная цель его существования...

Темные волосы принца были коротко подстрижены, на шее висел медальон — золотой треугольник, символ династии Кевлеренов. Мэддин одевался в соответствии с модой и в то же время не слишком вычурно — на нем были светлые брюки, рубашка и темно-зеленый камзол.

Справа от него сидел мужчина невысокого роста, с широким, очень смуглым лицом и темными вьющимися волосами. Житель Новой Земли, догадалась Гэлис. Из рассказов мореплавателей и торговцев она знала, как выглядят обитатели этого континента. Обратив внимание на статус незнакомца — он сидел по правую руку от принца, — стратег поняла, что перед ней, по всей видимости, важная персона.

Чуть дальше сидела женщина с волосами цвета темного меда. Столь красивое лицо Гэлис видела в своей жизни впервые. Она не знала, кем эта девушка приходится Кевлерену и что вообще тут делает. Ее слегка смутило, что на сегодняшней встрече присутствует так много незнакомых людей. Кадберн, по-прежнему улыбаясь, расположился слева от принца.

— Я захватила с собой рекомендации. — Китайра достала из внутреннего кармана небольшую матерчатую сумочку.

Кадберн протянул руку, бегло просмотрел бумаги и передал их принцу.

— Рекомендации превосходны, — рассеянно произнес Мэддин, перебирая бумаги. — Ваш канцлер сказал мне, что такого

прекрасного грамматиста он уже давно не встречал... По его мнению, вы можете достичь выдающихся успехов в своей области. Ваш уход станет огромной потерей для университета.

Китайра покраснела.

— Весьма великодушно с его стороны... — начало было она.

— И это чистейшая правда, — перебила Гэлис. — Китайра действительно лучший грамматист Хамилая за последние двадцать лет. Лишь Кевлерены владеют магией Сефида уверенней, чем она.

Все четверо присутствующих словно по команде посмотрели сначала на Гэлис, затем на Китайру, а потом снова на Гэлис. Та хоть уже и пожалела о сказанном, однако по-прежнему была убеждена, что ее возлюбленной никак нельзя упускать шанс, который может изменить всю будущую жизнь. Кроме того, Китайра больше всего на свете хотела попасть в эту экспедицию, и для Гэлис этого было достаточно.

— Действительно, — произнес Мэддин, откашлявшись. Судя по всему, он просто сделал паузу, желая собраться с мыслями. — А у вас тоже имеются рекомендации?..

— Я — приходящий преподаватель в университете, ваше высочество, — неожиданно тихим голосом произнесла Гэлис, надеясь, что сумела скрыть правду достаточно искусно.

— С двухгодичным боевым опытом, полученным в постоянных стычках с ривальдийцами, — добавил Мэддин. — Я видел ваши документы.

— Понятно, — ответила Гэлис, хотя на самом деле ей ничего понятно не было.

— Насколько мне известно, вы служили стратегом в гарнизоне Перра Карва. Не у всякого военного советника руки бываю-
ют столь сильно запятнаны кровью, как у вас.

— Мне нужно было контролировать ход боевых действий, — ответила Гэлис, стараясь, чтобы голос прозвучал уверенно.

— Ваши последующие распоряжения, касающиеся организации, снаряжения и подготовки офицерского состава, были, мягко говоря, не совсем обычными, тем не менее вполне себя

оправдали. Потери гарнизона снизились почти в пять раз — и это в первый же год после внедрения ваших предложений, да и набеги ривальдийцев стали случаться значительно реже.

Наступила пауза. Поскольку принц не задал никаких вопросов, Гэлис решила, что лучше промолчать. Возможно, он предпочтет сменить тему.

— Вы знаете, что колонии нужны и грамматист, и стратег? — Мэддин передал Кадберну рекомендации Китайры, а тот, в свою очередь, вручил их владелице.

— Канцлер сообщил нам об этом, — ответила Китайра. — Поскольку я уже больше года являюсь возлюбленной Гэлис, то он, видимо, решил, что из нас получится хорошая команда.

— Я не уверен, что столь близкие отношения — к лучшему, — непринужденно произнес Мэддин.

На этот раз Гэлис и Китайра одновременно повернули головы в его сторону. Не скрывается ли за его словами какой-то особый смысл? И почему он сделал акцент именно на их личных отношениях?

— Я хочу сформировать новую дружную команду, — продолжил Мэддин. — Старые союзы, старые взгляды на жизнь вряд ли пойдут на пользу делу.

— Вы хотите сформировать новую команду, ваше высочество? — быстро спросила Гэлис. — Нам никто не говорил, что экспедицию возглавите именно вы.

На какую-то долю секунды сидящие напротив нее люди пришли в замешательство.

— Эта информация не предавалась широкой огласке, — признался Мэддин. — Я желаю, чтобы все сказанное здесь оставалось в тайне.

— Понимаю. Если я не ошибаюсь, вы не отправитесь в путь без Кадберна Аксевлерена?

Она услышала, как Китайра издала горловой звук. Гэлис знала, что никто не позволял себе разговаривать с Кевлереном в подобном тоне. Девушка с трудом сдержала улыбку.

Если бы здесь присутствовал канцлер, его бы непременно хватил удар.

Мэддин и Кадберн переглянулись и одновременно рассмеялись. Женщина, сидящая позади них, тоже не смогла удержаться от смеха, прозвучавшего подобно нежному звону колокольчика. Она, несомненно, любовница принца, подумала Гэлис. Ей стали понятны взаимоотношения между тремя хамилайцами, сидящими напротив, и она почувствовала себя более уверенно. Но что здесь делает обитель Новой Земли?

— Значит, есть смысл привлечь и некоторые «старые команды», — добавила стратег.

— Это вполне резонно, — ответила красавица, сидящая позади Мэддина.

— Что именно канцлер рассказал вам о предстоящей экспедиции? — обратился Мэддин к Гэлис.

Но та уже опустила глаза, избегая взгляда собеседника и передавая инициативу разговора Китайре. Сама она уже сказала достаточно.

— Он рассказал нам, что Хамилай намеревается основать вторую колонию, на острове Каел, — ответила Китайра, — и что требуются кандидаты на важные руководящие посты.

— Это лишь часть правды, — осторожно произнес Мэддин. — Пока я не вправе рассказывать больше... Готовы ли вы обе сделать все, что в ваших силах, чтобы обеспечить успех экспедиции? Учтите, вас на каждом шагу будут подстерегать опасности. Вы рискуете погибнуть вдали от родного дома, но даже если вы останетесь в живых, ни одна из вас не сможет вернуться обратно в Хамилай.

— Я готова, — немедленно ответила Китайра.

Гэлис удостоверялась, что принц смотрит на нее, и, бросив взгляд на Китайру, произнесла:

— Если она согласна, то я тоже.

Гос не слишком хорошо умел читать, поскольку научился грамоте уже после того, как стал младшим офицером — соглас-

но требованиям, военные должны были владеть письменным словом. И все же на него произвело впечатление количество книг, которые он увидел в кабинете.

С бокалом красного вина, которое предложил ему один слуг, Линседд прохаживался вдоль книжных полок, читая названия на корешках переплетов. В кабинет вошел Кадберн.

— Простите, что заставил вас ждать.

— Меня хорошо приняли, — сказал Гос, поднимая бокал. — Принц готов встретиться со мной?

— Прямо сейчас.

Гос поставил вино на низкий столик и последовал за Кадберном. Они прошли по коридору, затем поднялись по роскошной лестнице. Линседд сгорал от нетерпения, желая узнать, что представляют собой личные апартаменты Мэдина.

Впрочем, в данный момент он пребывал в смущении, не представляя, о чем ему говорить с принцем. Как же это странно: можно разговаривать обо всем на свете с первым встречным, а вот увидевшись со старым другом после долгих лет разлуки, с трудом пытаешься завязать разговор. Столько тем для разговора накопилось, что трудно решить, с какой из них начать.

— Ты отлично зарекомендовал себя за последнее время, — немного помолчав, произнес Кадберн.

— И все благодаря принцу, — откликнулся Гос.

— Поздравляю с повышением.

— Спасибо за поздравление.

Кадберн остановился возле широкой двустворчатой двери.

— Наверняка ты захочешь снова вернуться на границу.

— Слишком уж медленно все тянется. Судя по всему, какое-то время мне придется поработать в военном ведомстве.

Кадберн хитро улыбнулся.

— Как знать, может, и не придется.

Он открыл дверь и жестом пригласил Госа войти.

Мэддин быстро шагнул к Линседду и энергично пожал ему руку. Гос смутился, покраснел и не сразу заметил, что в комнате находятся другие люди.

Когда его представили Алвей Селфорд, он почтительно поклонился, и ему показалось, это безгранично польстило Мэддину.

— Знакомься, Полома Мальвара, — сказал принц.

— Я слышал это имя, — ответил Гос, пытаясь вспомнить, где именно.

— Всем известно имя скромного изгнанника, — заметил Полома с легкой иронией, крепко пожимая руку молодому офицеру.

Гос украдкой огляделся по сторонам и почувствовал недоумение. Что тут, собственно говоря, происходит?..

— У тебя есть для меня какое-то послание? — спросил Мэддин.

— О, я чуть не забыл о нем, ваше высочество, — снова покраснел Гос.

Поклонившись, он передал принцу депешу.

Вместо того чтобы прочитать письмо, Мэддин передал его Кадберну и произнес:

— Знаешь, о чем здесь написано?

— Мне известно лишь то, что я должен передать его лично вам в руки, — в замешательстве ответил Кадберн. — Полчаса назад об этом сказал ваш привратник...

— Ты слишком стар для того, чтобы быть курьером, — заметил Мэддин.

Гос изобразил на лице легкое неудовольствие.

— Меня не слишком жалуют в военном ведомстве. Там поймут на что угодно, лишь бы я не путался у них под ногами.

— Не нравится работа за столом?

— Сказать по правде, ваше высочество, я бы предпочел вернуться на границу в звании капитана — вместо того чтобы играть роль военного чиновника в столице.

— А разве тебе не хочется возглавить армию?

Гос деланно рассмеялся.

— И получить повышение по канцелярской службе?.. Нет, благодарю. Кроме того, я ведь только что получил назначение в военное ведомство.

— Что, если тебе все-таки предложат звание боевого командира? — настаивал Мэддин.

— Ваше высочество, насколько мне известно, на границе и так хватает боевых командиров.

Мэддин шутиливо прижал палец к губам.

— Конечно, если речь идет о границе с Ривальдом...

Гос удивленно поднял брови.

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду...

— Появились новые вакансии, — пояснил Кадберн. — В некоторых дальних колониях.

Какое-то мгновение Линседд силился уразуметь, о чем идет речь. Затем до него дошло.

— Вы собираете основать в Каеле новую колонию, я правильно понял? И эту экспедицию возглавите вы, ваше высочество?

— На руководящие должности мне нужны надежные, проверенные люди, — сказал Мэддин, бросив взгляд на остальных присутствующих. — По-моему, я уже нашел опытного стратега. Теперь дело за боевым командиром.

Линседд замер.

— Значит, вот о чем говорилось в депеше... Приказ занять эту должность. Вы просите меня исключительно из вежливости...

Мэддин отрицательно покачал головой.

— Я готов отозвать приказ. Понимаешь, Гос, мне нужны добровольцы, которые согласны командовать экспедицией. Не забывай, что я не могу самостоятельно выбирать колонистов. Императрица предоставила в мое распоряжение неудачников и каторжников... Ну так что? Кем же ты хочешь быть — чиновником Госом Линседдом из военного ведомства Омеральта или Госом Линседдом, командиром в новой колонии ее величества?

— Кем мне придется командовать?

— В нашем распоряжении три роты пехотинцев и отряд драгун. Кроме того, инженерная команда и моя личная охрана. Общая численность контингента — около пятисот человек.

— Это больше, чем любой из полевых батальонов, — добавил Кадберн. — Если нам понадобятся солдаты, мы сможем набрать их из числа колонистов.

— Да, это серьезно, — признал Гос, удивленный услышанным.

Он всегда считал, что остров Каел практически заселен. Однако если туда предполагается отправить пять сотен солдат, то сколько же там будет колонистов?

Линседд внимательно посмотрел на Полому. Интересно, какова роль этого чужестранца в экспедиции?..

— Что еще мне необходимо знать? — осторожно поинтересовался он.

Он увидел, как по лицу Мэддина пробежала тень сомнения, и слегка удивился тому, что принц не до конца откровенен с ним.

— Да сказано уже практически все, — ответил Кадберн, после чего спокойно добавил: — Однако есть детали, которые пока нельзя разглашать; они касаются императрицы и прочих членов семейства Кевлеренов.

Гос моментально упал духом, хотя постарался это скрыть. Он многого ожидал от встречи с принцем и Кадберном, а с ним, похоже, обращаются как с новичком, которому не следует открывать тайну раньше положенного времени.

— Когда отправляется экспедиция? — понизив голос, спросил он.

— Через пять месяцев. Весной.

— Тогда вам необходимо собрать всех своих офицеров.

Мэддин кивнул.

— Я сказал императрице, что ты нужен мне в качестве командующего, а она сообщила об этом в военное ведомство. Я хочу, чтобы ты отправился с нами, но ты должен полностью доверять мне, — сказал принц и пристально посмотрел на Гosa.

Тот смущенно откашлялся и ответил:

— Я... я подумаю.

На лице Мэддина появилось разочарование, и Линседд понял, что принц ожидал от него незамедлительного согласия. Его так и подмывало спросить Кевлерена о том, как можно ожидать столь скорого ответа, если ему не спешат доверить сведения, которые необходимы для принятия столь важного решения?

— Что ж, — тихо произнес Мэддин. — Сообщи мне, когда решишь окончательно... но не заставляй ждать слишком долго.

На этом аудиенция закончилась. Мэддин, его спутница и Полома вышли из комнаты, оставив Госа наедине с Кадберном.

Мгновение спустя Линседд понял, что пора уходить. Удивленный и обиженный, он последовал за Акскевлереном. Спустившись до половины лестницы, Гос вопросительно взглянул на Избранного.

— Признаться, я в полном замешательстве... — начал он.

— Ты должен понять одну вещь, — перебил его Кадберн. — Мы имеем дело с вопросами, которые держатся в тайне даже от большинства Кевлеренов. Принц не может открыто обсуждать их с тобой. Он полагается на твою дружбу и твое безоговорочное доверие.

У Госа возникло странное ощущение, будто Кадберн одновременно и доверяет ему тайну, и косвенно высказывает недовольство его поведением. Ему хотелось задать еще несколько вопросов, но он инстинктивно понял, что сегодня Акскевлерен больше ничего ему не скажет.

ГЛАВА 2

Увидев Гэлис и Китайру, привратник сделал знак носильщикам. Когда те подошли ко входу, паланкин был уже готов. Стратег подумала, что нужно поблагодарить привратника, однако тут же сообразила, что слуга, вероятно, получает куда боль-

шее жалованье, нежели она сама. К тому же по его взгляду было понятно, что он смертельно обидится, попытайся девушка предложить ему деньги.

Носильщики подняли паланкин и двинулись вперед. Мерное покачивание помогло Гэлис успокоиться. Ей показалось странным то, насколько спокойна она была перед началом беседы и настолько разнервничалась, когда встреча с принцем закончилась.

Нет, решила девушка, ничего в этом странного нет: причина вполне понятна. Осознание того, что Мэддин Кевлерен беседовал с ними не потому, что ему нужна грамматист Китайра Альбин, а потому, что понадобилась стратег Гэлис Валера, стало настоящим потрясением. Ей следовало бы понять это раньше, но события последних месяцев до сих пор приводили Гэлис в замешательство. Неужели влюбленность всегда так действует на рассудок? Ей было трудно ответить на этот вопрос, потому что она никогда раньше влюблена не была.

Новой колонии понадобится человек, наделенный такими способностями, как она, — тот, кто способен смотреть на вещи широко, с учетом возможных опасностей, умеющий справляться с любыми проблемами. Но какая необходимость в кабинетном ученом, практически дилетанте в области Сефида? Нельзя сказать, чтобы грамматисты — люди, чувствительные к колдовским вещам, но не имеющие врожденной возможности Обладать Силой, на что способны лишь Кевлерены — могли каким-либо образом пользоваться этой магией. Кевлерены правили Хамилайской империей благодаря доступу к высшим уровням Сефида, и они никогда и никому не позволят нарушить свою монополию. Кевлерены знали, что грамматисты, которые, образно говоря, лишь омывали пальцы ног в безбрежном море магии, не представляют никакой угрозы их правлению.

Гэлис следовало подумать обо всем этом раньше — до того, как она согласилась отправиться на собеседование. Будучи стратегом, она потерпела самое настоящее поражение.

Причем, мрачно подумала Гэлис, поражение не первое и не последнее. Она знала, что обитатель Новой Земли оказался здесь не случайно, хотя так и не смогла понять, по какой причине. Гэлис напрягла память, пытаясь вспомнить все о Новой Земле, но на ум приходили лишь слухи о том, что Ривальд основал там колонию. Впрочем, еще были хамилайские торговцы, которые утратили право на торговлю на западном побережье.

Мэддин предупреждал их, насколько велика вероятность того, что вернуться из этой экспедиции им не удастся. Однако, судя по тому, что девушке было известно об острове Каел, они вряд ли столкнутся там с серьезными трудностями.

Неожиданно стратег все поняла — и понимание это было одновременно таким пугающим и волнующим, что у нее по коже побежали мурашки, словно за шиворот вылили ковш ледяной воды.

Какой резон императрице Лерене назначать Генерала Третьего Принца Мэддина Кевлерена — возможно, лучшего военачальника империи — главой экспедиции, отправляющейся на уже обжитой остров Каел? Ответ очевиден: никакого. Зато он мог бы возглавить экспедицию в Новую Землю для выполнения другой цели: восстановить бывшее влияние Хамилая и поставить ривальдийцев на место.

— По-моему, собеседование прошло успешно, — радостно произнесла Китайра, по-детски сжимая руку Гэлис. — Надеюсь, все будет очень даже хорошо... Ведь они сказали, что возьмут нас!

Ничего такого они не говорили, подумала стратег. Просто проявляли разумную осмотрительность.

— Ну а как ты считаешь? — спросила Китайра.

Гэлис взглянула на нее, собираясь высказаться откровенно, но все-таки сдержалась. Когда-то она считала, что любовь помогает быть честной. Когда-то она считала, что любовь многое упрощает...

— Что-то не так? — встревоженно спросила Китайра, заметив, что ее возлюбленная нахмурилась.

— Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что экспедиция на самом деле отправится не на Каел?

На мгновение лицо Китайры омрачила тень. Гэлис было трудно понять, какие чувства испытывает ее подруга. Смятение? Тревога?.. Затем она вспомнила слова Китайры по дороге к Мэддину, когда разговор зашел о канцлере: «Таким людям, как он, нет места в новом мире».

Остров Каел никак нельзя было назвать «новым миром».

— Ну конечно, — беспечно произнесла Китайра. — Иначе откуда вся эта секретность, отговорки и беседы с принцами за пределами дворца? — Она улыбнулась. — Как ты думаешь, мы попадем в состав экспедиции?

— Да, — без всяких эмоций ответила Гэлис.

— Не слышу в твоем голосе воодушевления.

— Я думала, это будет нечто большее, — солгала стратег.

— Бедная моя, любимая Гэлис. Ты ищешь приключений. Я знаю тебя лучше, чем ты можешь себе представить. — Китайра подалась вперед и поцеловала подругу. — Ты только представь: далекая колония! Мы создадим новый мир. Новую Хамайлскую империю!

Гэлис ничего не ответила — лишь ободряюще сжала руку Китайры. Чтобы избежать продолжения разговора, она посмотрела в окно, ощутив при этом непонятную тревогу. Омеральт пестрел яркими осенними красками. Стратег с неожиданной горечью подумала о том, что она больше не увидит этот город.

Привратник, встретивший Линседда, обладал осторожным и подозрительным характером.

Офицер, доставивший принцу депешу, немедленно привлек его внимание. Даже будь у него указание не пускать в дом посторонних, он все равно не стал бы любезничать с этим человеком. Эполеты кавалериста не имели для него никакого значения — в конце концов, ему частенько приходилось общаться с военной знатью, — но в лице незнакомца было нечто одновременно хитрое

и вызывающее. Не будь приказа передать депешу лично в руки принцу, этот офицер никогда бы не смог переступить порога дома. Привратник не проникся к Госу добрыми чувствами даже после того, как улыбающийся Кадберн проводил его до выхода. Акс-кевлерен подождал, пока офицер скроется из виду, затем улыбка исчезла с его лица: он покачал головой и вернулся в дом.

«Значит, я был прав насчет этого типа, — сказал себе привратник. — Если он не понравился Кадберну Акскевлерену, значит, нет ничего странного в том, что он не понравился и мне».

— Почему же он не воспользовался предоставленной возможностью? — задумчиво произнес Мэддин.

— Прошло много лет с тех пор, как мы видели его в последний раз, — ответил Кадберн.

Принц удивленно посмотрел на Избранного, словно не надеялся получить ответ на свои слова.

— Что?.. Ах да. Полагаю, ты прав. И все же... В конце концов, таким, как он, подобная возможность предоставляется крайне редко. Прежний Гос Линседд не стал бы сомневаться.

— А прежний Мэддин Кевлерен не стал бы сомневаться, получив предложение от императрицы возглавить колонию, — заметил Кадберн.

— Верно, — улыбнулся принц.

— Изменились обстоятельства, — нахмурившись, сказала Алвей Селфорд. — Тебе не оставили права выбора.

— Депеша, которую доставил Гос, также не оставила ему возможности выбрать, — напомнил Кадберн.

— Я сказал ему, что отменю приказ, если он не желает занять должность, — сказал Мэддин.

— Нет, это было бы чересчур... да плюс ко всему тот факт, что пока мы не можем слишком много говорить об истинных целях экспедиции. Он еще согласится.

— Надеюсь, ты прав, — вздохнул Мэддин и посмотрел на Полому. — Ну а каково ваше мнение?

Мальвара удивился, что к нему обратились с подобным вопросом, поскольку он счел, что его незначительная роль в этой истории уже сыграна.

Вначале бывший префект ничего не ответил. Поджал губы, почесал бровь, прикидывая, что такого умного можно сказать в данной ситуации.

— Мне понравилась женщина, которую вы хотите взять на должность стратега, — наконец произнес он.

— Хорошо.

— Только я не понял, при чем тут ее подруга, грамматист?

— Они — единая команда, — сказал Мэддин. — По крайней мере так мне сообщил канцлер... Если брать с собой одну, то только вместе с другой.

— При чем грамматист будет не совсем уж бесполезна, — заметила Алвей.

— Если госпожа Альбин достаточно умна, чтобы быть грамматистом, она пригодится в нашей колонии. Мы найдем для нее какое-нибудь дело, — сказал Мэддин и вновь повернулся к Поломе. — А наш brave кавалерист?

На этот вопрос у Поломы ответ имелся.

— Он представляется мне излишне прямолинейным. Впрочем, это необходимое качество для тех, кто находится на военной службе. И он достаточно храбр, чтобы высказывать свои сомнения, беседуя с принцем.

— Ах вот как, — произнес Мэддин таким тоном, словно Полома сказал нечто такое, о чем сам он не задумывался. — Совершенно верно.

Он прошелся по комнате.

— А ведь Кадберн прав. Гос еще передумает, — сказал принц, подошел к окну и выглянул наружу. — Через несколько часов стемнеет, и мы не можем отправиться в путь — вдруг кто-нибудь нас заметит. Жаль. Знаешь, мне не нравятся эти апартаменты. Кому они принадлежат?

— Мне сказали, что ими владеет начальник департамента по орошению земель, — ответил Кадберн. — Он, кажется, уехал в Кегру надзирать за каким-то там строительством.

— К чему вся эта таинственность? — неожиданно спросил Полома, которого раздражали зашторенные окна и собственная беспомощность. Ему страстно захотелось вернуться домой, в Кидан, но в то же время он испытывал чувство панического страха при одной только мысли об этом.

Мальвара справился с собой и посмотрел принцу в глаза.

— Есть уже достаточно весьма противоречивых планов этой экспедиции. Почему же ваше участие в ней тоже должно храниться в тайне?

— У императрицы на то свои причины, — серьезно ответил Кадберн. — Если ривальдийцы узнают, что во главе экспедиции стоит принц, то начнут гадать, почему империя обустривает новую колонию на мирном острове Каел под эгидой своего лучшего генерала. Пройдет совсем немного времени, и они поймут, что не Каел является нашей главной целью.

— Дело не только в моем участии, — произнес Мэддин, — а в том, что за всем этим кроется. Жаль, что я не могу сообщить больше в данный момент...

— Принц хочет сказать, — вмешалась Алвей, — что наша любовная связь, о которой во дворце все знают, но не обсуждают по некоторым причинам, становится слишком явной.

— Алвей...

— Нет, любовь моя. Полома гораздо больше вовлечен в эту авантюру, чем кто-либо из нас. Он — чужеземец в нашей империи, и к нему относятся практически как к пленнику. — Она опустила глаза. — И мне это вполне понятно... Мальвара заслуживает того, чтобы быть полноправным участником нашего предприятия. В конце концов, без него и без его родины, Кидана, не было вообще никакой экспедиции, и куда бы мы с тобой тогда делись?

— Нашли бы выход...

— Нас отправили бы в пожизненную ссылку на границу или, что еще хуже, меня могли отослать как можно дальше от тебя. — Девушка болезненно поморщилась и положила руку на свой живот. — И наш ребенок был бы убит сразу после рождения или даже раньше...

В комнате наступила тишина, которую нарушил печальный вздох Поломы.

— Теперь мне почти все понятно, — сказал бывший префект, подошел к Алвей и поцеловал ей руку. — Спасибо, госпожа. В обмен на ваше доверие вы получаете мое целиком и полностью.

По мере того как день клонился к закату, привратник начал особенно внимательно осматривать пространство возле дома. Однако он не замечал ничего подозрительного: обычная городская суета — паланкины, слуги, спешащие по своим делам, стражники. Незадолго до заката с восточной стороны улицы появилась пара уборщиков, выметающих мусор длинными метлами: они делали это настолько ритмично, что шуршание было похоже на ровное дыхание великана. Когда солнце село, на землю опустились сумерки, подметальщики оказались возле дома, где проходило тайное совещание. Несмотря на наличие стражи, привратник внимательно наблюдал за ними. Он не доверял посторонним.

Вскоре появился Кадберн, который настороженно оглядывался по сторонам. Увидев подметальщиков, Аксевлерен некоторое время следил за ними, затем куда-то отошел. Через некоторое время он вернулся; за ним шли Мэддин, Алвей, заморский гость и двое стражников.

— Подайте паланкин принца, — приказал Кадберн.

Привратник кивнул и ушел, а вскоре вернулся в сопровождении восьми носильщиков. Выйдя на улицу, слуги собрали паланкин и прикрепили шесты. Мэддин, Алвей и бывший префект забрались внутрь; привратник уже собирался дать команду носильщикам поднять паланкин, когда Кадберн жестом приказал всем замереть на месте. Привратник застыл как вкопанный,

пытаясь услышать то, что слышал Мэддин. Нет, кажется, все спокойно...

Спокойно?.. Он огляделся в поисках подметальщиков. Куда они делись? Вдалеке появился еще один паланкин. Носильщики и стража шатались от усталости после долгого рабочего дня. С противоположного конца улицы в их сторону двигались два человека. Подметальщики, с облегчением подумал привратник, увидев метлы, которые они несли на плечах.

Кадберн кивнул носильщикам: те подняли паланкин. Акскелерен приказал двум стражникам, охранявшим дверь, пойти впереди, еще двое встали по бокам паланкина, а сам он зашагал позади.

Привратник смотрел вслед удаляющемуся маленькому отряду, радуясь, что теперь с него снята всякая ответственность за высокопоставленных гостей.

Кадберну очень не по душе был весь этот маскарад, однако он признавал, что без него никак не обойтись. Мэддин хотел решить свои проблемы как можно скорее. Он не обладал достаточным авторитетом в семье, чтобы открыто противостоять герцогине Юнаре, и это делало его уязвимым. Принц мог лишь помешать исполнению ее планов, если в своем гневе она совершит ужасную ошибку... и Мэддин выживет, чтобы воспользоваться этим преимуществом.

Кадберн ненавидел Юнару. В его глазах она олицетворяла те фамильные черты Кевлеренов, которые он считал гнусными и подлыми, в то время как Мэддин являл собой образец честности и благородства. Такой раскол в семье находил отражение и в государственном устройстве империи, которая напоминала чудовище, унижавшее или возвышавшее народ по прихоти императора или императрицы. Эта империя была способна на величайшие подвиги и столь же ужасные зверства; она толкала людей на созидание и разрушение. Империя, подобно Кевлеренам, не являлась чем-то таким, что можно всегда любить или всегда ненавидеть; ее нужно было любить и ненавидеть одновременно, и подобная невы-

носимая двойственность отравляла ядом сущность каждого гражданина Хамилая.

Кадберн ненавидел Юнару еще и потому, что она хотела причинить вред Мэддину. Аксевлерен мог бы найти способ убить ее, но его останавливали две вещи: если ему удастся задуманное, принц поплатится жизнью за преступление, совершенное своим Избранным; кроме того, к сестре императрицы невозможно подобраться достаточно близко, ведь она была защищена способностью пользоваться Сефидом, а также Нетаргером, своим Избранным.

Очень жаль, что Мэддин вообще связался с Юнарой. Их роман был страстным, кровосмесительным, жестоким, непреодолимым — именно такими словами и можно было охарактеризовать Кевлеренов. А Мэддин, который так отличался от остальных членов своей семьи, мог помочь себе не больше, чем Юнаре, словно любовь и ненависть к собственному роду брали верх над осторожностью и здравым смыслом.

Однако они состояли в слишком близком родстве, даже по меркам Кевлеренов, чтобы иметь детей, и со временем неравноправность их взаимоотношений — ведь Юнара была сестрой будущей императрицы, а Мэддин — всего лишь троюродный брат, один из множества таких же — начала тяготить принца, подтачивать его уверенность в себе и его положение во дворце.

А потом Мэддин встретил Алвей, дочь богатого провинциального фермера, которую отправили в Омеральт, чтобы она получила образование и, возможно, нашла любовника, который обладал бы в столице каким-либо влиянием, чтобы улучшить перспективы ее семьи. Никто даже не думал о том, что Алвей может полюбить одного из Кевлеренов — ведь они заключали браки исключительно внутри своей семьи, — но Мэддин, становившийся все более утрюмым и отчаявшимся, нашел в ней спутника жизни, в котором так нуждался; человека, который будет любить его, а не считать своей собственностью. Кевлерены — и даже Юнара — делали вид, будто не знают об их отношениях; все они считали, что Алвей никогда не станет для него больше, чем просто наложницей.

Затем Алвей забеременела. Согласно традиции, Кевлерены должны рождаться только от Кевлеренов. Мэддин не захотел отказаться от любимой женщины и своего ребенка. Наказанием за строптивость стала ссылка. Но для Юнары этого было недостаточно. Она слишком поздно поняла, что Мэддин испытывал к Алвей гораздо более глубокие чувства, чем к ней.

Началась игра, в которой Мэддин должен был поставить на карту свою жизнь — а также жизнь своей возлюбленной, — чтобы заставить императрицу приструнить Юнару. Как бы это ни было неприятно Кадберну, он все же понимал, что лучше решить проблему прямо сейчас, чем ждать годы или даже десятилетия, пока Юнара не приступит к решительным действиям. Кевлерены никогда не торопились осуществлять свою месть.

И вот теперь, увидев приближающийся паланкин, Кадберн понял, что Юнара сделала первый шаг. Носильщики и стража выглядели слишком усталыми, их одежда — слишком свободной, а паланкин раскачивался вверх-вниз, словно пустой. Восемь слуг и восемь стражников. В общей сложности шестнадцать человек. Несомненно, все вооружены мечами... но есть ли у них огнестрелы? Кадберн решил, что вряд ли: слишком трудно их спрятать.

Впрочем, был только один способ выяснить это наверняка.

Привратник услышал, как Кадберн что-то прокричал. Потом он с удивлением увидел, что носильщики остановились, поставили паланкин Мэддина на землю и вытащили из-под курток длинные кинжалы. На мгновение привратнику показалось, что они сейчас бросятся на принца, затем Акскевлерен сорвал с пояса топорик, выкрикнул еще какую-то команду, и весь отряд, к которому присоединился и сам Мэддин, с криками бросился к приближающемуся паланкину.

Неужели Мэддин и Кадберн сошли с ума?!

Понимая, что совершает глупость, привратник все-таки крикнул им вслед:

— Остановитесь! Вы сейчас кого-нибудь убьете!..

И тут он увидел, как носильщики на противоположной стороне улицы бесцеремонно бросили паланкин на землю и одновременно со стражей обнажили мечи. Откуда у них мечи, ведь слуги не носят при себе оружие, подумал привратник. В Омеральте подобное всегда строго воспрещалось...

Затем мимо пробежали двое подметальщиков; вместо метел у них в руках тоже были мечи. Привратник с ужасом подумал, что сейчас они набросятся на Мэддина и его отряд, но вместо этого они присоединились к людям принца.

Привратнику не оставалась ничего другого, как в оцепенении наблюдать за происходящим.

Кадберн выругался, увидев, что Мэддин вырвался вперед. Принц не придерживался заранее разработанного плана; когда начиналось сражение, Кевлерен забывал обо всем на свете, кроме своего меча.

Кадберн подбежал к нему как раз в тот момент, когда Мэддин налетел на ближайшего врага — лысого громилу, который размахивал секирой, словно косой. Принц увернулся от удара и сделал выпад, вонзив меч прямо в сердце противника. Кадберн занял позицию слева от принца и отразил удар другого врага, направленный Мэддину прямо в шею. Акскевлерен пнул противника в колено, после чего полоснул его кинжалом по лицу. Когда тот ничком свалился на землю, Кадберн ударил его в спину, в почку. К этому времени подоспели остальные люди Мэддина. Бой разгорелся с новой силой. Акскевлерен прилагал все усилия, чтобы обезоружить и взять в плен хотя бы одного из нападавших.

Люди принца были профессиональными солдатами, не участвовавшими в битвах, в то время как нанятые Юнарой убийцы — обычными уличными головорезами. Схватка закончилась так быстро, что никто из защитников Мэддина даже не успел вспотеть. Кадберн сосчитал убитых врагов. Четырнадцать. Вместе с единственным пленным — пятнадцать. Где же еще один?..

Акскевлерен быстро огляделся по сторонам и увидел Алвей, которая держалась за живот. Рядом с ней стоял Полома. В руке

у него был нож, а на земле лежал поверженный им противник. Кадберн услышал, как вскрикнул Мэддин: они оба бросились к девушке.

— Алвей! — закричал принц, заключая любимую в объятия. — С тобой все в порядке?!

Девушка спокойно кивнула и отстранилась.

— Все хорошо — благодаря храбрости нашего друга...

Мэддин облегченно вздохнул и повернулся к изгнаннику.

— Полома Мальвара, я не могу найти слов, чтобы выразить свою... — Он умолк, заметив, что бывший префект испуганно разглядывает убитого им врага и как будто бы собирается выронить окровавленный нож. — Полома, что с вами? Вы не ранены?

Мальвара взглянул на Мэддина. В его глазах читалась растерянность.

— Мне еще ни разу не приходилось убивать...

Кадберн шагнул вперед и взял у Поломы нож.

— Это ведь не ваше оружие, верно?

Полома покачал головой и указал на бездыханного противника.

— Я отобрал нож у него. Он хотел убить леди Алвей... Мне пришлось его остановить.

— Вы проявили храбрость, достойную настоящего воина, — сказал Мэддин. — Даже опытный солдат трижды подумал бы, прежде чем с голыми руками бросаться на противника и пытаться его обезоружить.

Полома кивнул.

— Это далось мне не так просто, — произнес он, потом вытянул левую руку и показал глубокую рану, из которой текла кровь.

Неожиданно его взгляд затуманился.

— О нет... — успел пробормотать Мальвара, прежде чем потерял сознание.

— Наш уважаемый гость скоро придет в себя, — сказал Кадберн, входя в аудиенц-зал. — Рана глубокая, я ее зашил.

Если нет инфекции, заживет быстро, хотя шрам все же останется. Полома будет с гордостью показывать его внукам.

— В счастливый день моей встречи с госпожой Алвей из Хамилая, — нараспев произнес Мэддин, — на меня набросился десяток злобных великанов, вооруженных секирами...

— Прекрати! — резко оборвала его Алвей. — Если бы не он, я бы погибла — вместе с твоим будущим ребенком.

— Я говорю об этом с юмором, потому что мне страшно представить себе, что могло произойти, не подоспей Полома на помощь...

Девушка глубоко вздохнула.

— Да, я знаю. — Она устало закрыла глаза и потерла виски. — Неужели на этом все закончится? Или Юнара попытается еще раз исполнить задуманное?

— Смотря какие сведения удастся получить от нашего пленника, — ответил Мэддин.

— Думаешь, он что-нибудь скажет?

— Скажет, — с мрачной уверенностью ответил Кадберн. — Скажет, я в этом нисколько не сомневаюсь.

ГЛАВА 3

У герцога Паймера Кевлерена не было времени надеть свой рыжий парик. Королевские гвардейцы бесцеремонно затолкали старика в экипаж, позволив, впрочем, взять с собой Избранного, Идальго Акскевлерена.

На протяжении всего долгого пути до столицы мрачные молчаливые стражники не спускали с него глаз. Поместье герцога находилось на порядочном расстоянии от Омеральта, и у Паймера было достаточно времени, чтобы предаться думам о том, что с ним может случиться и чему он обязан столь неучтивым обращением.

— Что именно сказала вам ее величество, капитан? — спросил он у главного стражника, в третий раз пытаясь выяснить причину предстоящей встречи с императрицей.

— Мне приказано незамедлительно доставить вас к ней, — сквозь зубы ответил гвардеец. Франтоватые усики забавно смотрелись на его мрачном лице.

Герцог с трудом удержался от улыбки. В другой ситуации Паймер отпустил бы в адрес офицера какую-нибудь колкость, но сейчас, оставшись без парика, он чувствовал себя крайне неуверенно.

Остаток пути прошел в молчании. Когда экипаж приблизился к стенам Омеральта, старик с удивлением увидел, что они въезжают через главные ворота. Обычно лошадей не пускали на улицы города. Паймер и Идальго обменялись тревожными взглядами.

Их привезли прямо к личным покоям императрицы — отдельному зданию, расположенному непосредственно за Главным Залом, где проходили все официальные заседания. Герцог и его Избранный вылезли из экипажа. Гвардейцы обменялись несколькими отрывистыми фразами.

Все здание было залито светом. Похоже, очень многие задержались здесь допоздна... «Интересно, что со мной сделают, — рассеянно подумал Паймер. — Обезглавят или расстреляют? Или — спаси меня Сефид! — сначала будут пытаться?..» Эх, успеет ли он взять свой рыжий парик, любая попытка была бы нипочем...

Странная все-таки штука человеческая гордость, подумал герцог, направляясь к императрице, которая стояла в центре аудиенц-зала, освещенная двумя факелами, прикрепленными к стене. По залу лениво прохаживались несколько собак Лерены, другие хвостатые ее любимцы отдыхали, устало положив головы на лапы. Позади императрицы стояли несколько ее дальних родственников — как с ужасом осознал Паймер, из числа тех Кевлеренов, что особенно хорошо владели тон-

костями Сефида. Каждый из них держал за руку своего Избранного. Ганиморо, Избранная Лерены, стояла слева от императрицы.

Даже несмотря на то что Паймера часто охватывал страх перед Лереной — впрочем, любой, кто обладал такой огромной властью, внушал страх, — он всегда испытывал самую искреннюю привязанность к ней. В отличие от других Кевлеренов она была низкорослой и коренастой, зато имела миловидное, даже красивое лицо. Двигалась императрица с удивительной легкостью и грациозностью. Длинные распущенные волосы волной падали ей на плечи.

— Как дела, дядюшка Паймер? — спросила Лерена.

— Мне не разрешили надеть мой любимый рыжий парик, — ответил он, стараясь скрыть раздражение.

Императрица улыбнулась.

— Я и сама в ночной рубашке, — ответила она.

— Боже мой! Действительно... Простите меня, ваше величество, но вы в ночной рубашке выглядите гораздо более привлекательно, чем я без парика.

Лерена рассмеялась, однако смех ее прозвучал несколько натянуто.

— Я всегда могу надеяться на то, что в любой ситуации ты меня приободришь.

— Так в чем же дело, ваше величество?

— Дело во мне, — раздался чей-то негромкий голос, и из темноты появилась женщина, которую Паймер опасался еще больше, чем Лерену.

Герцогиня Юнара.

Она оказалась в пышном придворном облачении, отчего старик почувствовал себя чуть ли не голым. Юнара была выше императрицы, даже выше его самого, и слыла одной из самых красивых женщин Омеральта.

Паймер сглотнул ком в горле.

— Как это мило — видеть обеих моих племянниц вместе...

— Не совсем, — возразила Лерена, и две сестры обменялись такими выразительными взглядами, словно были готовы убить друг друга на месте.

Становилось понятным, почему Лерена собрала вокруг себя всех родственников. Хотя над империей властвовала она, а не Юнара, ее сестра считалась самой могущественной волшебницей в Хамилае. Паймер буквально кожей ощущал их взаимную враждебность. Она исходила от них подобно теплу от горящих в камине поленьев.

Неожиданно герцог почувствовал невероятное облегчение. Значит, проблемы не у него, а у Юнары...

— Чем же я могу помочь вам? — спросил он, чувствуя, как возвращается самообладание.

— Попытайся хотя бы ты вразумить ее, — потребовала Лерена.

— Мне хватает собственного разума, — резко ответила Юнара и перевела взгляд на Паймера. В ее глазах явственно читалось предупреждение.

— Что же задумала ее высочество? — спросил старик, стараясь выиграть время.

— Пусть сама расскажет, — ответила Лерена и добавила: — Я оставляю вас наедине.

«Ты всегда отличалась тактом, — подумал Паймер. — Именно по этой причине подданные империи должны благодарить тебя за то, что ими правишь ты, а не твоя сестра».

— Что ж, хорошо, — неохотно ответил он.

Лерена приказала всем — включая стражников — покинуть зал, оставив лишь Юнару, Паймера и их Избранных — Идальго и Нетаргера. Даже собак императрицы — и тех убрали.

Юнара замешкалась: Паймер буквально физически ощутил, как лихорадочно работает ее мозг. В следующее мгновение она прикоснулась к плечу Нетаргера, потом отошла и встала напротив герцога.

— Так что же произошло между тобой и твоей сестрой? — спросил Паймер, стараясь, чтобы голос звучал покровительственно. В конце концов, он был самым старшим из ее родственников.

Юнара шумно выдохнула через нос, как всегда делала, когда была чем-то рассержена; эту привычку она унаследовала от матери, покойной императрицы Хетты.

— Я не хочу обсуждать с тобой этот вопрос, — нахмурившись, ответила герцогиня.

— Разве ты уже обсудила его с Лереной?

— Она накричала на меня, если ты называешь это обсуждением.

— Нет, я совсем о другом.

— Значит, мы с ней ничего не обсуждали.

— Почему же твоя сестра так на тебя сердита?

Неожиданно Юнара отвела взгляд в сторону. Да она смущена, с удивлением понял Паймер. В последний раз он видел Юнару смущенной, когда ей было тринадцать лет.

— Она арестовала одного человека, — наконец произнесла герцогиня.

Паймер удивленно поднял брови.

— Прости, не понял...

— Она схватила одного человека, его зовут... — Тут Юнара наморщила лоб. — Не помню, как его зовут. Он утверждает, что выполнял мой приказ. Делал для меня одну работу.

— Это действительно так? — спросил герцог, удивившись еще больше.

— Нет. То есть да. Но не постоянно. Я наняла его всего на один день.

— На какой такой день?

— На сегодня, — резко ответила герцогиня, словно все и так было понятно.

— Ясно. И что же он должен был сделать?

Юнара отвернулась от Паймера и что-то пробормотала.

— Я не слышу.

Она вновь что-то невнятно произнесла.

Старик наклонился в ее сторону.

— Все равно не слышу.

— Я не хочу об этом говорить!

Паймер поджал губы.

— Понятно. Может быть, мне следует попросить ее величество, чтобы она позволила побеседовать с этим человеком? Уверен, он расскажет мне, в чем дело.

— Возможно.

Чувствуя, что Юнара ведет себя как избалованный ребенок, герцог собрался с духом и язвительно спросил:

— Ты и вправду думаешь, что это игра? Неужели ты все еще считаешь, что можешь вести себя как десятилетняя девочка?

Юнара отступила назад; лицо ее покраснелось от гнева.

— Как ты смеешь!..

— Смею! — закричал Паймер, наступая на племянницу. Она побледнела и отступила еще на шаг назад. — А вот как ты смеешь вести себя с императрицей, будто с последним ничтожеством, словами которого можно пренебречь!

— Я тебя предупреждаю... — произнесла Юнара, но в ее голосе больше не было гнева или решимости.

— Почему ты так ненавидишь свою сестру? — требовательно спросил герцог.

Неожиданно на глаза Юнары навернулись слезы.

— Я не испытываю ненависти к Лерене! Она моя сестра!..

Паймер поспешно отодвинулся от нее, неожиданно осознав всю тяжесть своего обвинения. Однако его тактика сработала. Юнара перестала упрямиться, и теперь с ней можно будет спокойно поговорить.

— Тогда почему ты с такой жестокостью относишься к Лерене? Почему усложняешь ей жизнь? — едва ли не умоляющим тоном спросил герцог.

— Дело вовсе не в Лерене, — ответила Юнара, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно.

Тут Паймеру все стало ясно.

— Ты пыталась убить его, — произнес он, сам еще не вполне веря в собственное предположение. — Ты пыталась убить Мэддина...

Юнара ничего не ответила.

Старик удивленно покачал головой. Он знал, что его племянница позволяет страстям управлять своей жизнью. Но только сейчас ему стало ясно, какие сильные чувства Юнара испытывала к Мэддину. Правда, герцог не вполне понимал, что именно подвигло ее на столь безрассудный поступок — любовь или ненависть.

— Ты говорила, что можно ограничиться ссылкой. Твоя сестра и я часами спорили с тобой, и ты согласилась с нами.

— Нет!.. — прошипела Юнара. — Я ни на что не соглашалась. Согласились вы с Лереной!..

— Кевлерен неправе убить другого Кевлерена! — выкрикнул Паймер, на этот раз действительно рассердившись. — У нас слишком много внешних врагов, чтобы воевать друг с другом!

Герцог был разгневан настолько, что Нетаргер инстинктивно шагнул к своей госпоже. Идальго сделал то же самое — на тот случай, если придется защищать Паймера. Юнара жестом приказала слугам не вмешиваться.

— Все в порядке, — спокойно сказала она Нетаргеру. — Никакой опасности нет.

— Ты не права. Похоже, Мэддин сейчас в серьезной опасности, — произнес Паймер. — Надеюсь, что попытка убийства, предпринятая нанятым тобой человеком, оказалась неудачной... Мне очень хочется верить, что Лерене не придется судить тебя за убийство Кевлерена.

— Да, ты не ошибся, ему не удалось убить его.

— А любовница Мэддина?

Юнара скрипнула зубами.

— Ей тоже повезло.

— Значит, у Мэддина нет повода мстить.

— Он подверг пыткам моего слугу! — с вызовом сказала Юнара.

— Нанятого тобой на один день.

— Ему отрезали уши и мошонку...

— А через несколько часов твоя сестра прикажет осудить его на мучительную смерть, потому что он пытался убить представителя рода Кевлеренов, — сказал Паймер и осуждающе ткнул пальцем в Юнару. — По твоей вине, дорогая племянница.

— Он был уличным...

— Да хоть золотарем, мне все равно. Это один из наших подданных.

Юнара сделала глубокий вдох и опустила голову.

— Ты должна извиниться перед императрицей, — сказал старик и принялся расхаживать перед Юнарой, заложив руки за спину. — А еще пообещай мне, что больше никогда не станешь устраивать покушения на Мэддина и его любовницу.

Юнара подняла голову и бросила на герцога сердитый взгляд.

— Наверное, я должна извиниться перед ней *при всех*? — с издевкой спросила она.

— Не надо делать из меня дурака, Юнара, — холодно ответил Паймер. — Конечно же, не при всех. В городе не должны знать о том, что ты пыталась убить Кевлерена.

— Мэддин постарается повернуть все таким образом, что об этом станет известно всем.

Паймер покачал головой:

— Он не станет этого делать, потому что умен. Если народ поверит, что Кевлерены без малейших угрызений совести могут убивать друг друга, то решит, что и любому можно поступать точно так же. — Герцог остановился, удостоверившись, что привлек внимание племянницы. — Ты готова прямо сейчас пойти к Лерене?

Юнара вздохнула и нехотя кивнула.

Императрица Лерена не спала больше суток. Уже рассвело, но она не ощущала усталости и гуляла по дворцовому саду, где цветы доверчиво раскрывали лепестки первым лучам солнца.

Она знала, что усталость придет позже, в полдень. Сейчас же ее переполняла необъяснимая энергия, вызванная ночными событиями. От беспокойства и напряжения последних суток тело императрицы покрылось липким потом, глаза болели и слезились, нервы были на пределе, зато мозг работал поразительно четко. Лерена испытывала некую отстраненность от проблем сестры, словно лично ее это не касалось.

Однако императрица понимала, что на самом деле все обстоит совсем не так. Юнара представлялась ей величайшей ценностью для государства — и в то же время величайшей опасностью для ее собственного правления. Она обладала уникальной способностью к магии, крайне редко встречавшейся у прежних поколений Кевлеренов. В то же время Юнаре не хватало духовной зрелости и самоотверженности, необходимых для того, чтобы использовать свой дар на благо империи. Чтобы наилучшим образом применять Сефид, требовалась дисциплина, которой у Лерены было в избытке, чего нельзя сказать о ее сестре. Капризная и ревнивая Юнара своей магией могла лишь навредить государству.

Несмотря на то что Кевлерены правили империей более двух тысяч лет, они все-таки не были настолько популярны в Хамилае, чтобы народ стал глубоко скорбеть, если бы эта семья перестала существовать. Поэтому Лерена не позволяла себе полностью разорвать с сестрой. Будущее династии Кевлеренов зависело от того, сумеет ли она найти с Юнарой общий язык и сможет ли держать ее под контролем.

Кроме того, имелась пусть и не слишком неотложная, но достаточно важная проблема: Мэддин и его беременная любовница. Сложившаяся ситуация угрожала благополучию всей семьи. Впрочем, с троюродным братцем можно подождать. Сейчас главной заботой императрицы была все-таки Юнара.

Хвала Сефиду за то, что есть дядя Паймер, подумала Лерена. К этому времени он уже, должно быть, вернулся в свое поместье — усталый и довольный собой. Именно таким она и хотела его видеть. В свое время — точнее, в годы правления ее матери — герцог слыл при дворе весельчаком и гулякой. Сейчас его осведомленность в семейных тайнах и опыт общения с племянницами могут сослужить плохую службу. Возможно, Паймер и является самым добродушным из всех ее родственников, но он был и остается Кевлереном, которых власть всегда притягивала будто магнитом.

Или, что скорее, как падаль манит к себе стервятников, подумала Лерена.

Несколько любимых собак императрицы гуляли по саду вместе с хозяйкой — то убегая вперед, то возвращаясь к ней в ожидании ласки. Позади Лерены шагала Ганиморо — молчаливая и всегда готовая выполнить любое желание своей госпожи. По периметру сад охранялся караулом королевских гвардейцев, следящих за тем, чтобы никто не смел проникнуть в него, пока императрица не завершит прогулку. Сюда не допускались даже садовники, которые обычно начинали работу с восходом солнца.

Краем глаза Лерена увидела световой блик и на мгновение остановилась. Конечно же, она поняла, в чем дело, но этим утром огромный стеклянный вольер для птиц, принадлежащий Юнаре, привлек к себе ее особое внимание. Императрица впервые почувствовала, что Юнара — которая сейчас наверняка наблюдала за ней — понимает, что быть сестрой императрицы — не значит занимать равное ей положение. Существовала граница, перейти которую невозможно. Прошлой ночью она сама в этом убедилась. Если императрица Лерена Кевлерен отдала приказ, то он обязательно должен быть выполнен. Даже герцогиня Юнара Кевлерен не имеет права ослушаться.

Любовь подобна запутанному лабиринту, подумала Юнара. Можно всю жизнь бродить по ее бесчисленным коридорам и закоулкам, но так никогда и не найти выхода. Лучше всего дер-

жаться подальше от всякой ерунды вроде человеческих взаимоотношений. Однако, прожив на свете почти тридцать лет, Юнара поняла, что, несмотря на магические способности, не способна контролировать свои чувства. О, внешне она могла казаться спокойной и невозмутимой, однако изнутри ее сжигала любовь и ненависть, похоть и жадность, ревность и гордость.

И в особенности — любовь.

Юнара посмотрела на купол, потом прищурилась и поднесла к глазам правую ладонь, закрыв его целиком. Все огромное сооружение — бесконечные ряды стекол, миниатюрные леса, искусственное озеро и ручьи, экзотические птицы, жившие в вольере, — все пропало, спряталось под ее рукой.

Вот что значит власть, подумала она. Заставить что-либо исчезнуть по одному мановению руки. На миг Юнара задумалась о том, сможет ли когда-нибудь достичь таких высот власти, но потом решила, что лучше не задавать себе подобных вопросов.

Сквозь ее пальцы струились теплые солнечные лучи.

— Если бы я только могла не любить...

— Вы что-то изволили сказать, ваше высочество?

Юнара обернулась и увидела Нетаргера.

— К тебе это не относится, — улыбнувшись, сказала она. — Ступай к моим Акскевлерам. Я имею в виду иное. Других... людей.

Нетаргер ничего не ответил, поняв, что допустил бестактность. Слова госпожи застали его врасплох. Самое главное для Кевлеренов — это способность любить, утратить которую они боятся больше всего на свете. Что такое власть без любви? Избранный слышал, что именно так говорила сама Юнара. Не верить ей он не мог.

— Скоро придет Шонари, — напомнил Нетаргер.

— За деньгами.

— Верно. За деньгами. Шестнадцать убийц и один лазутчик. Им нужно заплатить.

— Его люди не справились с поручением.

— Он утверждает, что в контракте это не оговаривалось.

— Не было никакого контракта. С какой стати я должна платить за шестнадцать вооруженных людей и лазутчика, если выжил только один человек?

— Думаю, Шонари оставит все деньги себе.

— Позволять ему наживаться на чужих смертях? Нет, так не пойдет. Заплати ему за одного вооруженного человека и одного лазутчика. Если начнет возражать, скажи, что мы ему заплатим только за лазутчика, потому что к этому времени единственный оставшийся убийца будет казнен.

— Он наверняка пригрозит рассказать всем о том, как вы отказались сдержать свое обещание, — сказал Нетаргер.

— Я же тебе говорила: мы не заключали никакого контракта. И еще предупреди Шонари: если он попытается опорочить мое честное имя, ему придется плохо.

— Я передам ваши слова, — пообещал Нетаргер. — Вы собираетесь присутствовать на казни?

Юнара пожала плечами.

— Да, Лерена заставила... Полагаю, это часть моего «наказания». — Она нахмурилась. — Что делал лазутчик?

— Не понял, ваше высочество?..

— Лазутчик Шонари. Что он делал? Или это не мужчина, а женщина?..

— Наверное, наблюдал за поединком, ожидая того момента, когда сможет сообщить хозяину об успехе задания.

— Понятно. Поскольку покушение не удалось, то, может, нам и не следует оплачивать его услуги?

— Шонари будет вне себя от негодования.

Юнара повернулась. Остается достаточно времени, чтобы немного поспать, прежде чем идти на казнь.

— Лучше он, чем я, — сказала она.

Нетаргер поклонился, глядя ей вслед.

— Что-то мне не нравится эта затея, — сказал Кадберн.

— Иначе нельзя, — ответил Мэддин.

Они только что вышли из апартаментов принца и теперь направлялись в сторону дворца. Дорога пролегла мимо парков, административных зданий, толп беспечных гуляк, чиновников и солдат.

— Любой из них может оказаться наемным убийцей. — Кадберн кивнул на вооруженных людей. — Нам следовало ехать в паланкине.

— Успокойся, — сказал Мэддин. — Нужно, чтобы все видели, что я ничего не боюсь. В конце концов, Лерене ведь удалось присмирить Юнару.

— Я в это не верю.

— По крайней мере она заткнула ей рот на то время, которого нам хватит, чтобы покинуть Хамилай. Что будет потом, уже не имеет для меня никакого значения.

— В это я тоже не верю.

— Ты неисправимый скептик. Не веришь ни во что.

— Я верю в то, что твоя троюродная сестра ради мести готова на все.

Утро было ясным и тихим, теплый ветерок ласкал лицо Мэддина.

— Не хочу впадать в отчаяние, — сказал он и похлопал Кадберна по плечу. — Мы остались в живых, друг мой. Нам повезло — по крайней мере на этот раз. А Юнара, усмирила ее императрица или нет, не скоро осмелится снова посягнуть на мою жизнь.

Кадберн попытался улыбнуться и, хотя больше не заговаривал на тему покушения, все равно норовил держаться поближе к Мэддину.

Когда они подошли к дворцу, слуга провел их на площадку, располагавшуюся возле казарм королевских гвардейцев, позади главного здания. Императрица и ее верная Ганиморо были уже там. Рядом с Лереной находились сановники и члены императорской семьи. В центре плотно утоптанной земляной площадки стоял единственный из наемных убийц, кто уцелел после вчерашнего покушения. Вероятно, беднягу жестоко пытали. Интересно, подумал принц, использовалась ли для этой цели магия.

Пленник смотрел себе под ноги, дрожа всем телом. С обеих сторон несчастного держали под руки стражники.

— Рада видеть тебя, кузен, — сказала Лерена, увидев Мэддина. Голос ее прозвучал чуть напряженно.

Принц понимал, что императрица не испытывает особой радости от встречи с ним. В конце концов, ведь он отчасти виноват в том, что этим утром ей пришлось принять трудное решение.

Мэддин ответил еле заметным кивком. Кадберн в отличие от него низко поклонился.

— Ваше величество, я получил ваше послание, в котором говорилось, что я обязан присутствовать на казни...

— Да, ты должен быть здесь, — ответила Лерена. — Когда с этим бедолагой будет покончено, проблему можно будет считать решенной. Ты меня понимаешь?

— Для меня, ваше величество, она разрешилась тогда, когда я обо всем доложил вам. Я всецело полагаюсь на вашу мудрость и справедливость.

— Будь, что будет, — кратко ответила Лерена и посмотрела куда-то в сторону. На ее лице появилось выражение мрачного удовлетворения. — А вот и вторая заинтересованная сторона...

Мэддин ощутил неприятный холодок в груди. Ему хотелось оглянуться, однако он поборол искушение и продолжал упрямо смотреть перед собой. Кадберн последовал его примеру. Они услышали, как Лерена негромко отдала какое-то распоряжение. Последовал чей-то столь же неразборчивый ответ, и рядом с Мэддином оказались Юнара и ее Избранный.

— Теперь, когда все в сборе, можно начинать, — сказала императрица, кивнув офицеру. Тот направился к казармам, и вскоре оттуда стали выходить гвардейцы — целая рота.

Сто солдат построились в две шеренги. Выхватив из ножен мечи, они приветствовали императрицу. Затем обе шеренги повернулись лицом друг к другу.

— Ты пытался убить Генерала Третьего Принца Мэддина Кевлерена, — произнесла Лерена, обращаясь к преступнику.

Ее голос был твердым как сталь. — Попытка убийства любого из моих подданных карается смертью. Наказание за покушение на Кевлерена — смерть. Тебя прогонят сквозь строй. Приговор будет приведен в исполнение немедленно.

Пленник в отчаянии взглянул на Юнару. Та сделала вид, что не замечает его. Он попытался что-то сказать, но с губ слетело лишь неясное бормотание. Мэддин понял, что бедняге отрезали язык, чтобы он не смог обвинить Юнару в присутствии императорской семьи и стражников.

Капитан гвардейцев повернул осужденного лицом к шеренгам, вытащил меч и с силой ударил его плашмя по спине. Пленник упал. Первые два стражника — по одному с каждой стороны — тут же ткнули своими клинками ему в лицо. Приговоренный сдавленно вскрикнул и попятился назад, но капитан вновь ударил его мечом, преградив путь к отступлению. Тогда несчастный попытался прорваться сквозь строй. Со всех сторон на него посыпался град ударов.

Пленник еще раз попытался вырваться, но снова напоролся на мечи стражников. Мэддин краем глаза увидел кровавое месиво, которое когда-то было человеческой головой. Вскоре осужденный упал и больше подняться не смог. Капитан гвардейцев подошел к бездыханному телу, пнул его ногой и отрубил приговоренному голову.

Лицо Лерены побледнело. Она повернулась к сестре и сказала так тихо, что ее слова смогли услышать лишь Нетаргер, Мэддин и Кадберн:

— По твоей вине он пережил столько страданий. Кевлерен не убивает Кевлерена. Если бы Мэддин погиб, то здесь, в грязи, валялось бы сейчас твоё тело.

Она произнесла последнюю фразу таким тоном, что у Мэдина по коже пробежали мурашки.

В следующее мгновение Лерена повернулась и зашагала прочь; за ней последовали ее приближенные. Гвардейцы подняли бездыханное тело осужденного и также удалились, оставив лужу крови, которая медленно впитывалась в землю.

— Итак, — сказала Юнара, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более непринужденно, — дело сделано.

Она сдержанно кивнула Нетаргеру, и они вдвоем последовали за королевской свитой, держась, правда, от нее на некотором расстоянии.

Мэддин и Кадберн остались одни; окружающее пространство внезапно показалось принцу пустым до бесконечности. Во рту он почувствовал вкус крови — словно это его самого только что казнили.

— Я желал бы менее мучительной смерти для бедолаги.

— Так ему и надо. Он пытался вас убить! — пренебрежительно фыркнул Кадберн.

— Как только мы получили необходимые сведения, — покачал головой Мэддин, — нам стоило сразу же прикончить его.

— Он нужен был живым, чтобы доказать императрице факт нападения. Не тратьте попусту время на жалость. Это обычный уличный головорез. Одному Сефиду известно, сколько невинных жизней погубил злодей.

— Тем не менее зрелище было неприятным, — сказал принц и тяжело вздохнул. — Нам пора возвращаться. У нас еще много дел, да и Алвей ждет...

ГЛАВА 4

С наблюдательной башни Омеральтского университета, с высоты плато, на котором был построен город, Гэлис часто любовалась окружающим пейзажем.

Здесьние места неизменно служили источником богатства и могущества Хамилая. Земли, простиравшиеся до моря далеко на востоке, возделывались с незапамятных времен людьми сильными и плодовитыми, как сама почва. На первых ста лигах, где дождь выпадал реже, а трава была более грубой, располагались скотоводческие фермы; там разводили тучных коров, упитан-

ных овец и выносливых лошадей. Далее раскинулись сады с апельсиновыми и лимонными деревьями, потом — поля, засеянные пшеницей, ячменем и хлопком. И, наконец, почти у моря находились фермы, где выращивали лен и овощи.

К берегу лепились многочисленные рыбацкие деревушки. К западу от города плато смыкалось с подножием Вардарских гор, белые вершины которых виднелись вдалеке. Горы тянулись в южном направлении на сотни лиг, а затем поворачивали на восток — огромным хребтом, напоминавшим хвост мифического чудовища. Именно отсюда много столетий назад и пришли первые Кевлерены. Они двинулись одновременно на север и юг, безжалостно истребляя всех, кто пытался встать у них на пути. Кевлерены объединяли племена и основывали города. Города превращались ими в княжества, княжества — в государства, и наконец, государства, расположенные к северу от гор, — в империю.

Гэлис вздохнула. Остановятся ли на этом Кевлерены или же они найдут новый способ дальнейшего укрепления империи? Если кто-нибудь и определит пути развития Хамилая, то это должен сделать кто-то вроде нее самой. В конце концов, она стратег, чья задача — смотреть в будущее и предсказывать развитие событий.

Гэлис невольно рассмеялась. Она не настолько глупа, чтобы предугадывать будущее государства, не говоря уже о судьбе Кевлеренов. Любой стратег отлично знает: чем дальше заглядываешь вперед, тем более запутанными становятся возможные повороты событий.

И все же вопрос о будущем империи не давал ей покоя, особенно с тех пор, как она убедилась, что цель экспедиции Мэдина Кевлерена вовсе не Каел. Не является ли это следующим шагом в создании чего-то еще более могущественного, чем Хамилай в нынешнем его виде? Или империя всего лишь безмятежно потягивается, как великан после векового сна, чтобы раскинуть руки как можно шире, а затем схватить то, что находится в пределах досягаемости? Несомненно, существует некий предел,

дальше которого не сможет расширяться даже огромная Хамилайская империя. Чем обширнее территория государства, тем больше появляется проблем, тем труднее держать ситуацию под контролем. Впрочем, можно ли говорить об этом уверенно? Поскольку за всю историю планеты не существовало более обширного государства, чем Хамилайская империя, то кто знает, каких размеров она может достичь... Действительно ли существуют какие-то пределы имперского величия?

В связи с этим сразу же возникает вопрос о Кевлеренах. Как далеко распространяется их могущество? Насколько они способны контролировать Сефид?

Впрочем, быть может, стоит спросить: а контролируют ли они его вообще? Или просто нашли способ использовать какую-то дырку в мироздании — подобно тому, как старатели разрабатывают случайно найденную золотоносную жилу?..

Однажды Гэлис спросила Китайру, в чем истинная суть магии. Та привела в ответ такое сравнение: ты находишься в хрупкой лодочке посередине огромного океана и чашкой зачерпываешь немного воды. Китайра была уверена в том, что использует нечто могущественное, но абсолютно непостижимое и неподвластное разуму.

— А Кевлерены чувствуют то же самое? — поинтересовалась Гэлис.

Китайра пожала плечами. Людям, способным прикасаться к магии, удастся очень немного — например, вылечить головную боль, — однако даже такое несложное дело требует массы усилий. Она считала, что грамматистам доступен лишь незначительный избыток энергии, который оставался от жертвоприношений, осуществляемых Кевлеренами.

— Совсем другое дело — Кевлерены, — добавила Китайра, понизив голос. — Они обладают врожденной способностью пользоваться магией в чистом виде, тем самым получая безграничную власть над окружающим миром. Через Обладание и жертвоприношения они могут достигать многого... Образно го-

воря, мы, грамматисты, лишь окунаем кончики пальцев в океан магии, а Кевлерены ныряют в него с головой. Разве нам понять, что они при этом чувствуют?

И Китайра рассмеялась, словно речь шла о каких-то пустяках.

Мысли о подруге неизменно вызывали у Гэлис хорошее настроение. Стратег до сих пор не могла привыкнуть к своему счастью: знакомство с Китайрой буквально перевернуло всю ее жизнь.

Вернувшись с границы, Гэлис замкнулась в себе и старалась ни с кем не общаться. Она понимала, что сильно изменилась, стала подозрительной, нелюдимой, даже жестокой. Не желая расстраивать родственников, Гэлис вновь пошла на работу в университет, однако это не принесло ей особого удовлетворения. Одна лишь Китайра сумела понять, что железная стратег очень несчастна. Она решила любой ценой спасти ее. И так жизнь Гэлис круто изменилась.

Гэлис искренне не понимала, почему Китайра обратила на нее внимание. Стратег не очень-то легко завязывала отношения с незнакомыми людьми. Она знала, что не отличается броской красотой, однако ее нельзя было назвать и неприметной. У нее было очень выразительное лицо, красивые белокурые волосы, светлые брови и серые глаза. При правильных чертах лица ее нос был немного широковат, а губы казались чуточку пухлыми. Следовало признать, что во внешности Гэлис было что-то грубоватое, но Китайра почему-то полюбила ее...

Любовь — сложная штука, напомнила себе Гэлис. Слишком сложная, чтобы в ней можно было разобраться простому стратегу.

Со стороны университетской канцелярии донесся звон колокола. Большая перемена. Гэлис стала наблюдать за тем, как студенты выходят из аудиторий и лекционных залов — одни неторопливо шагали, погрузившись в свои мысли, другие оживленно болтали друг с другом, третьи неотступно следовали за преподавателями, засыпая их вопросами.

Неожиданно девушка почувствовала огромную радость от возвращения сюда. Все-таки ей нравилось дарить людям знания. Она

считала, что университет делает духовно чище и благороднее всех, кто учится в его стенах, независимо от происхождения студента.

Университет был основан императором Ричером, дедом правящей императрицы. Что интересно: в прежние времена подобный поступок был просто немыслим для Кевлеренов. Согласно легенде, характер Ричера изменился за одну ночь. Это случилось после тяжелой болезни, которая едва не свела его в могилу и которую невозможно было вылечить даже с помощью Сефида. Кости ног и позвоночник Ричера неожиданно стали хрупким и искривились настолько, что он больше не мог ходить. Однако болезнь, изуродовавшая его тело, каким-то загадочным образом изменила душу. Все предыдущие Кевлерены были безжалостными и алчными правителями, властными и своевольными, исполненными презрения к жителям империи. Ричер стал исключением — вероятно, он решил спасти свою семью от возможного бунта и гибели от рук подданных. Его потомки стали следовать избранному им курсу, правя на благо империи, а не просто ради процветания самих Кевлеренов, и зная, что в конечном итоге это принесет выгоду правящей фамилии.

Всем было известно, что университет стал величайшим подарком Ричера Хамайской империи. Из этих стен выходили врачи и учителя, военные и писатели, мыслители и чиновники, которые день ото дня делали империю более счастливой, более богатой и более могущественной. В университете даже имелся факультет для грамматистов — дилетантов в области Сефида, на которых Кевлерены когда-то смотрели как на гипотетических соперников, а теперь считали потенциальными помощниками в деле управления империей.

В Омеральтском университете Китайру признали лучшим грамматистом из всех, кто когда-либо здесь работал. Многие завидовали девушке, в то же время отдавая дань ее таланту. Теперь же Китайра была готова покинуть университет ради должности официального грамматиста в далекой заморской колонии...

В сотый раз Гэлис спросила себя: что подвигло ее подругу на этот шаг? Китайра не ладила с университетским начальством,

в особенности с канцлером, но даже он с сожалением признал ее право отправиться в экспедицию. Гэлис поступила бы точно так же, будь она моложе — и в самом деле, она некогда так и поступила, отправившись на границу, — однако интеллектуалка Китайра, несмотря на свою готовность бросить вызов условностям, не отличалась особой храбростью. Она боится даже насекомых, напомнила себе Гэлис. Позапрошлой ночью Китайра просила ее убрать жука со стены спальни...

— Я их с детства боюсь, — призналась девушка, виновато пожав плечами. — Наверное, все из-за того, что у них слишком много ног...

Вспомнив об этом, Гэлис улыбнулась. Похоже, если ты любишь, то начинаешь с нежностью относиться даже к слабостям близкого человека.

Когда Китайра пыталась объяснить Гэлис причину, по которой она захотела покинуть университет, в ее речи звучали такие слова, как «страх» и «клаустрофобия». Девушке-грамматисту казалось, что ей не хватает воздуха, что она похоронена под тяжким беременем преподавательских проблем и городской жизни. Ей хотелось простора и бескрайних горизонтов; она надеялась, что жизнь в колонии предоставит ей такую возможность. Стратег отчасти понимала и соглашалась со всем этим и все же ощущала нешуточное беспокойство по поводу реакции Китайры на то, что колония будет основана в Новой Земле, а не на острове Каел. В ответ на прямой вопрос Гэлис Китайра призналась, что заподозрила это еще с самого начала, после разговора с канцлером.

— Тогда почему же ты позволила мне отправиться на аудиенцию к принцу, если чувствовала, что колония будет основана неизвестно где?

Китайра виновато опустила глаза.

— Я хотела сказать тебе, но боялась, что ты откажешься поехать туда, если узнаешь, что цель экспедиции — Новая Земля. Следовало подождать и точно выяснить, возьмут нас или нет...

— С какой стати ты решила, что я передумаю, узнав об этом?

— Нет никаких сомнений в том, что военный конфликт Хамилая с Ривальдом состоится. — Китайра на мгновение замолчала, а затем продолжила, глядя в сторону: — Я имею в виду, после всего того, что ты пережила на границе...

Прежде чем подруга успела еще что-либо сказать, Гэлис выбежала из комнаты.

Чуть позже раскаяние Китайры заставило Гэлис с легким сердцем простить ее, но случившееся стало их первой размолвкой, первым разладом в, как казалось, идеальных взаимоотношениях. Это напомнило стратегу о том, что ничто в мире не совершенно.

Колокола зазвонили вновь. Гэлис задумчиво смотрела на студентов и преподавателей, возвращавшихся в аудитории.

Солнце уже стояло прямо над головой. Далеко на западе над Вардарскими горами висели тучи; небо над ними было серым от пелены дождя. Если западный ветер не разгонит облака, то после обеда ливень обрушится и на Омеральт.

Впрочем, хороший дождь не помешает. С высоты своего наблюдательного пункта Гэлис видела, что улицы и здания выглядят неухоженными и запущенными. Ливень смоем грязь и вернет Омеральту сверкающую улыбку.

Гэлис вспомнила, как она, новоиспеченный стратег, в двадцать один год покинула родной город, отправившись к границе. Ей пришлось целый день ехать по нагорью в южном направлении, но так и не удалось приблизиться к его краю. Когда солнце стало опускаться за линию гор, девушка оглянулась на город, сияющий подобно драгоценному камню. Помнится, она тогда расплакалась; сейчас от этого воспоминания ее сердце наполнилось печалью, ведь через несколько месяцев ей предстоит вновь покинуть город — возможно, навсегда.

Гэлис сердито приказала себе отбросить сентиментальность. Пусть в ее будущем и не будет Омеральта, но кто знает, какие неведомые чудеса ждут в Новой Земле. Заморский континент практически не был изучен. До стратега доходили лишь не слишком достоверные истории, откровенные мифы и полные невероятных преувеличений байки торговцев и моряков. Флотские офицеры,

побывавшие в тех краях, рассказывали о тамошних людях, животных и растениях, однако никто так и не удосужился запомнить или записать их названия. Новая Земля представляла для империи пока еще неясную ценность; она обещала новые возможности, но в равной степени предполагала и новые опасности.

Гэлис похлопала по белому камню башни, которая прочностью и надежностью напоминала такую же прочную и столь же надежную Хамилайскую империю.

В Омеральте в жизни Гэлис мало что менялось. Однако предстоящее путешествие определит всю ее последующую судьбу. Каждый день станет преподносить нечто неожиданное, чудесное. И Гэлис посчастливится начать в том далеком краю новую жизнь, которую вместе с ней разделит ее возлюбленная Китайра.

Как раз в этот момент стратег увидела свою подругу посреди почти пустого дворика — Китайра оживленно разговаривала с канцлером Малусом Майкомом. По ее виду Гэлис предположила, что грамматист чем-то рассержена.

Гос Линседд понимал, что он ничем не командует, разве что письменным столом, за которым сидит, однако сегодня даже это утверждение казалось спорным. Перед ним лежали кипы бумаг, которые напоминали неприступные горные вершины, грозящие неминуемым оползнем.

«Все, что тебе нужно сделать, — лишь прочитать и подписать», — сказал он себе, решительно заточил новое гусиное перо, обмакнул в чернила и вытащил первый лист.

— Отчет из казарм Аджайзер, — пробормотал Гос, читая заголовок.

Он заметил, что многие люди, обучившиеся грамоте во взрослом возрасте, часто проговаривают слова вслух, когда читают. Краем глаза Линседд заметил Родера, знакомого клерка, — тот надменно поджал губы, словно манера чтения Госа вызвала у него неудовольствие. По крайней мере в этой работе есть хоть какие-то преимущества, подумал Линседд и снова уткнулся в бумагу.

— «Включая запрос, прилагаемый к данному письму: кожа для сапог, точильные камни...»

За окном пели птицы.

— «...ремни и каолин...»

Ветер, скорее всего западный, ударил в стены военного ведомства. Гос поднял глаза и увидел, что через верхний ряд окон струится солнечный свет.

«Смотри только на бумаги», — приказал он себе.

— «...и прочие запросы...»

Линседд с раздражением отбросил лист. Забавное словосочетание — «запрос на запросы». Утомленный бюрократическим идиотизмом, Гос не мог читать дальше. Его охватило отчаяние; он почувствовал себя связанным по рукам и ногам. Захотелось сбросить с ног сапоги и расстегнуть мундир. Захотелось выбежать на улицу. Захотелось...

Линседд резко встал, грохнув стулом. Родер неодобрительно посмотрел на него. Гос ответил злым взглядом и вышел из кабинета.

Другие клерки глядели ему вслед — кое-кто даже с нескрываемой завистью.

Линседд вышел в большой зал. Скульптурные изображения героев прошлого весьма неприветливо взирали на него. Шаги Госа эхом отдавались от мраморного пола. Завидев офицера, стражники взяли на караул.

Он вышел во внешний двор, где возвышалась огромная конная статуя императора Ричера. Один из старших офицеров изумленно посмотрел на Госа, когда тот прошел мимо и не поприветствовал его согласно уставу. Теперь Линседд находился на территории дворца; подойдя к западной стене, он перелез через нее, остановился и глубоко вздохнул.

«Что я здесь делаю?» — спросил он себя. Вернулось чувство отчаяния, усугубившееся тем, что выхода из этой ситуации Гос себе не представлял. Он мог быть командиром в экспедиции Мэддина. Мог стать свободным от военного ведомства, свобод-

ным от Родера и всех прочих чиновников, свободным от бланков запросов на запросы и вышестоящего начальства, которое вряд ли за свою жизнь убило кого-то крупнее таракана или оседлало кого-нибудь, кроме дешевой потаскухи.

Тем не менее...

Линседд стукнул себя кулаком по лбу. Тем не менее — что?..

И тем не менее Мэддин, вероятно, думал, что Гос с радостью примет его предложение, надеялся, что все может быть так же, как и раньше, когда он отдавал приказы, а Гос беспрекословно ему повиновался. С тех пор Линседду уже доводилось командовать самому. Он стал офицером, нередко водил солдат в бой, нес ответственность за их жизни. Гос отвык всецело находиться в распоряжении Кевлеренов.

«Прошло двенадцать лет, мой генерал. За двенадцать лет многое изменилось. Я тоже изменился».

Гос глубоко вздохнул и задумался. Целиком изменилась империя. Мы больше не воюем, но пересекаем незримые границы и берем измором города и деревни. То же самое делает и Ривальд. Впрочем, все лучше, чем протирать штаны за письменным столом с пером в руке вместо меча, копья или огнестрела.

«Однако Мэддин предлагает мне кое-что еще более интересное», — подумал Гос, чувствуя себя полным идиотом из-за того, что сразу не принял предложение принца. Конечно, ему хотелось вырваться из проклятого военного ведомства; просто он не собирался бежать оттуда сломя голову только потому, что об этом попросил его прежний господин. Кроме того, утаивание принцем важных сведений оставило в душе Линседда неприятный осадок. Когда они были молоды и плечом к плечу сражались с врагом, между ними не существовало никаких секретов. Сейчас же, несмотря на заверения Кадберна, Гос не мог избавиться от ощущения, что Мэддин не доверяет ему и отказывается посвящать его в свои тайны.

«Уж не потому ли, — подумал Линседд, — что принц понял: я знаю, из-за чего вся эта секретность». Существовало лишь одно место, которое требовало присутствия военачальника со способностями Мэддина, такого количества солдат и такого чело- века, как Полома Мальвара, — Новая Земля. Госу вспомнились ходившие в военном ведомстве слухи по поводу принца из дале- кого города, вынужденного покинуть родину из-за интриг пре- дателей-соотечественников и вторжения ривальдийцев.

И все же Гос не доверял Мэддину. Их взаимоотношения изме- нились. Он стал офицером самостоятельно, без протекции принца, получив звание исключительно благодаря собственным заслугам.

Гос невесело рассмеялся. Благодаря собственным заслугам угодил в военное ведомство, прямо за канцелярский стол... При- нять предложение принца — все равно что навсегда отказаться от карьеры боевого офицера. Линседд получал одно звание за другим, опережая на карьерной лестнице многих аристократов. Ради высокого звания он покинул границу, потеряв возможность дальнейшего продвижения по военной службе. Ему не раз дово- дилось слышать рассказы о том, что такие вещи случались с дру- гими офицерами незначительного происхождения, но Гос не верил, что подобное произойдет именно с ним.

Сумеет ли он отклонить просьбу Мэддина Кевлерена? По крайней мере надо проявить решительность и независимость. Возможно — всего лишь возможно! — он найдет способ сам распоряжаться своей судьбой в Новой Земле — если, конечно, там будет, чем распоряжаться.

Гос вздохнул и, по-прежнему обуреваемый сомнениями, за- шагал обратно к привычной кипе бумаг.

— Я знаю, что мне уже много лет, господа, — сказал плот- ник, лысый круглолицый старик с крупным носом. — Но если в такой экспедиции возникнут непредвиденные обстоятельства, то даже человек почтенного возраста, знающий тонкости своего ремесла, сможет принести немалую пользу.

Он говорил очень грамотно, что было необычно для людей его профессии и никак не вязалось с грубым акцентом. Полома Мальвара догадался, что старика кто-то обучил правильной речи — сын или дочь, которые получили образование, или кто-то из друзей или соседей. Бывший префект понял, что подобное усилие со стороны плотника вызывает к нему симпатию, хотя и не может компенсировать его преклонный возраст.

Со своего места в темном конце коридора он посмотрел на трех чиновников, беседующих с претендентами на участие в экспедиции. Похоже, все трое порядком утомились, и поэтому никто из них не удостоил старика одобрительной улыбкой.

— Например? — спросил один из чиновников.

— Простите, я вас не понял.

— Можете привести нам пример непредвиденных обстоятельств, в которых плотник может оказать помощь?

Старик на мгновение растерялся. Он нахмурил лоб, пытаясь найти ответ, потом открыл рот, но слова как будто застряли у него в горле.

— Белвит! Отвечайте! — поторопил его чиновник, заглянув в лежащие перед ним листы, чтобы узнать имя старика.

— Если корабль сядет на мель, — внезапно нашелся плотник, — то нужно будет подготовить древесину для починки, однако вначале она должна пропитаться водой, на что уйдет три лунных цикла. Если не сделать этого, доски станут гнить, и палуба начнет прогибаться под ногами. А это, уверяю вас, очень неприятно. Еще понадобится верфь для строительства, время для просушки древесины...

По всей видимости, он остался доволен своим ответом, и Полома не мог не порадоваться за него.

— Хорошо, — ответил чиновник. — Спасибо за то, что пришли, Белвит. Мы сообщим вам о своем решении.

Плотник встал; казалось, он не знал, что делать дальше. Потом старик нервно улыбнулся беззубым ртом, провел рукой по лбу, словно откидывая с глаз несуществующую прядь волос, и покинул комнату.

Пока трое чиновников совещались друг с другом, Полома, медленно выводя малознакомые хамилайские буквы, написал слово «да» рядом с именем плотника в своем блокноте. Ну и трудный же у них язык, подумал бывший префект. Зачем они используют так много точек и тире? Поскольку он должен был предоставить Мэддину отчет о проведении собеседования, то не мог воспользоваться своим родным языком.

Да, хотя плотник Белвит и стар, он страстно желает принять участие в экспедиции; кроме того, знает, о чем говорит. «Иначе она начнет гнить». Голос трудяги, простой и бесхитростный, напоминал голоса соотечественников Мальвары. «А это, уверяю вас, очень неприятно».

Полома рассмеялся.

Трое чиновников одновременно повернули головы в его сторону и с упреком посмотрели на бывшего префекта. Полома вежливо улыбнулся в ответ.

— Кто следующий? — спросил он.

— На сегодня хватит, — ответил чиновник, сидевший ближе всех к нему, и встал. Остальные двое тоже поднялись из-за стола.

Взяв бумаги, они направились к выходу.

— Завтра в такое же время? — уточнил Полома.

На его вопрос не последовало никакого ответа. Мальвара вздохнул. Он уже привык к заносчивым манерам и презрительно-высокомерным взглядам имперских чиновников. Если бы их мнение что-то решало, они бы вообще запретили ему посещать собеседования, однако Мэддин настоял на его присутствии — в конце концов, кто, как не префект Мальвара, может отобрать подходящих кандидатов для экспедиции в Новую Землю?.. Тем не менее его участие в подобных собеседованиях держалось в тайне.

Полома тяжело вздохнул и тоже направился к выходу.

Его остановил незнакомый женский голос:

— Послушайте!

Мальвара поднял глаза и увидел, что из-за двери осторожно выглядывает молодая женщина; ее волосы были аккуратно заправлены под шляпку.

— Что вам угодно?

— Скажите, здесь проводится отбор будущих колонистов... ну, тех самых, которые отправляются на остров Каел? — спросила незнакомка.

— Да, здесь, — настороженно ответил Полома.

Женщина сделала шаг вперед — невысокая и совсем молоденькая. У нее были широкие бедра и маленькая грудь. Казалось, девушка не знает, куда деть руки: она то прятала их за спину, то складывала на животе, то вызывающе упирала в бока.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Я пришла для того... я хочу... хочу, чтобы меня взяли в экспедицию.

— Я не имею права выбирать участников экспедиции, — ответил Полома как можно более доброжелательно. — Насколько мне известно, на сегодня собеседование окончено.

— Они уже нашли жестянщика? — перебила девушка, подходя ближе.

Полома удивленно заморгал.

— Кого?..

— Жестянщика.

Сбитый с толку ее голосом, поразительно взрослым и уверенным для столь юной особы, Мальвара начал рыться в своих бумагах. Та-ак... Он присутствовал на собеседовании с пивоваром, булочником, мясником, медником, пыльщиком, лекарем, мастером по изготовлению луков и стрел... Завтра комиссия будет выбирать хирурга, чеканщика монет, конюха, гончара, оружейника, изготовителя котлов. И кузнеца. О жестянщике речь не шла.

— Кажется, в списке такой профессии нет. Может быть, этим занимается другое ведомство...

— Это такое нужное ремесло, господин, — вновь перебила Полому девушка. — Удивительно, что его нет в списке ремесленников, которых вы берете с собой.

Мальвара ощутил непонятное волнение. Он не знал, как вести себя с настырной незнакомкой.

— Я не говорил, что отправляюсь туда...

— Но вы не из этих краев, сударь, — торопливо произнесла она извиняющимся тоном. — Вы — заморский принц? Принц из далекой страны?

Полома с трудом сдержал улыбку. Ему нравилось это определение. Конечно же, оно было скорее преувеличением, чем правдой. Впрочем, Мальвара еще раз напомнил себе, что его участие в экспедиции должно храниться в тайне.

— А чем же занимается жестянщик? — спросил он.

— Я выполняю разные изделия из металла.

— Ах, — с улыбкой ответил Полома, — значит, вы кузнец.

— Нет. Кузнец делает вещи, нужные для фермеров и всадников, в основном он работает с железом. А жестянщик изготавливает домашнюю утварь — черпаки и ложки, ножи, горшки и кастрюли — и использует различные металлы и сплавы...

— А, лудильщик! — воскликнул Полома, обрадованный тем, что наконец-то понял ее.

— Да нет же, — с досадой возразила девушка. В ее голосе слышалась скрытая сила и решимость. — Лудильщик занимается починкой тех вещей, которые я делаю.

Мальвара не сумел скрыть замешательства. В Кидане люди сами изготавливали предметы домашнего обихода. Они просто просили кузнеца вырезать кусок металла нужного размера, а пильщика — отпилить кусок доски. Вряд ли в новой колонии потребуются услуги жестянщика.

— Извините, — твердо произнес он. — Вряд ли у нас есть вакансии жестянщика.

— Потому что я женщина, да?

Действительно, Полома считал, что работать с металлом и горном — типично мужская работа.

— Не в этом дело...

— Вы хотите, чтобы ваши колонисты ели руками? А как насчет нормальных тарелок?

— Я уверен, что мы... то есть они... возьмут столовые принадлежности с собой, — простодушно ответил Полома.

Молодая женщина покраснела.

— Я знаю толк в своем деле, — сказала она.

— О, я уверен.

— Меня всему научил отец.

— Не сомневаюсь.

— В Омеральте не хотят покупать посуду, изготовленную женщиной.

— У вас случайно нет брата?

— У меня вообще нет семьи.

«Мне очень жаль», — чуть было не сказал Полома, проникшись сочувствием к девушке. Он должен быть непреклонным. Не стоит обнадеживать ее.

— Простите, я вряд ли смогу вам помочь.

Девушка понимающе кивнула.

— Господин, не скажите ли вы мне, где набирают чернорабочих?

Полома развел руками.

— Извините, я не знаю...

— Меня зовут Эриот Флитвуд, — торопливо вставила девушка. — Если бы вы назвали им мое имя...

— Извините...

— Я была бы очень признательна, — в который раз перебила она, затем резко повернулась и вышла из комнаты, словно попытка убедить непреклонного нанимателя внезапно отняла у нее все силы.

Мальвара смотрел ей вслед с интересом, однако интерес этот оказался не настолько велик, чтобы окликнуть девушку.

Впрочем, бывший префект был поражен страстным желанием столь юного создания навсегда покинуть родные места — вполне возможно, что она за свою короткую жизнь не видела ничего, кроме этого города — и отправиться на край земли для того, чтобы делать кухонную утварь. Во всем этом было нечто нелепое.

Мальвара горько рассмеялся. Нелепое... по сравнению с чем? По сравнению с Поломой Мальвара, изгнанныком, готовым привести чужаков в родную страну в обмен на формальное руководство под сюзеренитетом хамилайской императрицы? По крайней мере амбиции юной Эриот простирались не так далеко, как его собственные...

Эриот Флитвуд, повторил он про себя и медленно — потому что это было гораздо сложнее, чем начертать слово «да» — записал ее имя в самом низу списка.

Закончив, Мальвара посмотрел на эти два слова, как будто в них содержалось нечто такое, что могло бы что-то поведать ему об этой женщине. Или девушке. Полома затруднился определить, сколько ей лет. Все хамилайцы казались ему одного возраста. Однако написанные им слова оставались лишь набором точек, тире и закорючек.

Мальвара написал имя девушки буквами своего алфавита. У него возникло ощущение, будто он пользуется чужой письменностью, и Полома задумался над тем, что сделала с ним ссылка: бывший префект словно застрял где-то на полпути между Хамилаем и Киданом, так и не став частью ни первого, ни второго.

Честно говоря, записанное киданскими буквами имя «Эриот Флитвуд» выглядело весьма мило и зрительно очень понравилось Поломе.

Да, стоит замолвить за нее словечко, если представится такая возможность. Мальвара отложил перо и подумал — правда, без особой надежды — о том, что юная жестяница все-таки сможет отправиться в новую колонию.

Мэддин провел рукой по своей фамильной цепи; она сверкала в теплом солнечном свете, проникавшем в окно кабинета. Он наизусть знал все ее камни — со всеми присущими им внешними и внутренними изъянами.

Принц слышал, что они отличаются уникальной твердостью, но ему приходилось видеть, как те, кто владеет магией, запросто давили камни на своих цепях одним нажатием большого и указательного пальцев, словно те были слеплены из теста. Знал Мэддин и то, что сам никогда не сможет сделать ничего подобного. Когда он повзрослел настолько, чтобы понять, что не обладает магическими способностями, являясь одним из редких исключений за всю историю династии Кевлеренов, то ощутил в душе бездонную пустоту. Ему стало ясно: неприятное чувство будет преследовать его вечно.

Любимым камнем принца был зеленый. Он будто светился каким-то неповторимым внутренним светом: отражением лучей летнего солнца, заливающего лес, или сиянием теплого спокойного моря...

Большинству Кевлеренов удавалось разломать первый камень в возрасте семи-восьми лет, совершив какое-нибудь несложное магическое действие и удивившись тому, что уничтожение камня открывает дверь в волшебный мир Сефида. Например, смысленные детишки заставляли какое-нибудь животное выполнить их просьбу или делали так, что учитель забывал проверить у них домашнее задание. Затем, в течение примерно года, они крошили оставшиеся камни — до тех пор, пока в цепи не оставалось ни одного. Самым крепким всегда оказывался последний, потому что именно его любили больше всего.

Всегда это нечто такое, что ты любишь...

Мэддин вспомнил, как дядя Паймер в детстве говорил ему: «Не расстраивайся, маленький принц. Обладающие способностью к магии могут воспользоваться ею только в том случае, если пожертвуют тем, что любят больше всего. К примеру, камнем

фамильной цепи, одним из своих домашних питомцев... Или одним из Акскевлеренов».

При этих словах Паймер побледнел, а после короткой паузы добавил: «Или в самом крайнем случае самым лучшим из Акскевлеренов — своим Избранным».

«Своим Избранным!» — воскликнул юный принц, отказываясь верить.

Паймер кивнул.

«Именно. А порой им приходится приносить в жертву кого-нибудь из ближайших родственников. Поэтому Кевлерены вроде тебя и меня — те, кто не обладает магическими способностями — самые счастливые из нашего рода».

Долгое время слова старого герцога помогали Мэддину смириться со своим недостатком. Он даже представить не мог, как может возникнуть желание разломать один из камней фамильной цепи, убить животное, близкого друга или...

Он не осмеливался продолжать эту мысль. Разве можно погубить то, что любишь? Этого он не мог понять до тех пор, пока не узнал от своих наделенных магическими способностями родственников, что Обладание происходит именно так. Слияние в особом ритуале слов и мыслей придает Кевлерену самодисциплину, необходимую для принесения в жертву того, что необходимо для овладения магией. Ритуал этот носит едва ли не сакральный характер, но его результаты вполне ощутимы и измеримы. Большинство Кевлеренов чаще всего приносили в жертву лишь любимых животных, однако тем, кто достигал высоких государственных должностей, в любую минуту могла понадобиться магия чрезвычайно могущественная, необходимая для помощи своей семье — или всей империи. За подобное Обладание приходилось платить более высокую цену.

Мэддин считал, что мысль о таких жертвах может убить любовь, но родственники заверили его, что все наоборот — любовь это только усиливает, ибо они знают, что из-за своих действий могут в любой момент потерять то, что для них дороже всего на свете.

Однажды, когда они с Юнарой лежали в объятиях друг друга, сестра императрицы сказала Мэддину, что любовь к обреченным на смерть — самая сильная в мире. Принц удивился и спросил, приходилось ли ей самой приносить в жертву что-либо более существенное, нежели птица. Юнара, к его удивлению, тут же разрыдалась.

Мэддин проникся к ней искренним сочувствием.

Долгое время он оправдывал стыд за отсутствие магических способностей мыслью, что ему никогда не придется приносить в жертву любимых.

С тех пор как принц приготовился к тому, что может потерять Алвей, все сильно изменилось. Мэддин говорил себе, что делает это ради блага Алвей, но не мог найти оправдания своему самолюбию и гордости. Принц делал это не только ради любимой женщины, но и для себя, и для их будущего ребенка, а еще чтобы досадить Юнаре, показав ей, что Обладание Сефидом — не единственный способ достижения целей.

В конце концов, он ничем не отличается от остальных членов своей семьи.

Мысленно вглядываясь в прошлое, Мэддин подумал о том, что, влюбившись в Алвей, он словно бросился вниз головой с высокой скалы. Принц одновременно ощущал радость и страх; его сердце было готово в любое мгновение вырваться из груди. Ему казалось, что он стал совершенно другим человеком, что та судьбоносная поездка в паланкине с Алвей и ее дядей после погребения императрицы Хетты изменила его — и окружающий мир изменился вместе с ним. Но он все равно оставался Кевленом, готовым использовать любовь в качестве оружия.

Мэддин отвернулся от окна и положил фамильную цепь в карман. На столе перед ним лежал указ императрицы, написанный изящным почерком на тончайшем пергаменте. Это было повеление отправляться в ссылку.

Принц ощутил жалость к самому себе. Ему не хотелось покидать Омеральт. Утешала лишь мысль о том, что в изгнании с ним

будет Алвей. Мэддин улыбнулся. Да, Алвей... и, конечно же, Кадберн. Принц не представлял себе жизни без своего Избранного.

Впервые они встретились, когда им было по семь лет. Именно в этом возрасте, когда впервые проявляются магические способности, обычно и происходит встреча Кевлеренов со своими Избранными. Вместе с другими ровесниками-Кевлеренами Мэддина привели в просторную пустую комнату, где находилось множество детей из простонародья — сироты или ребяташки из многодетных семей, — которых собирали по всей империи специально обученные агенты Кевлеренов. До этого времени юный принц почти никогда не встречался с простолюдинами, хотя об их существовании все-таки знал; он помнил, что всегда относился к ним со смесью любопытства и презрения. Между двумя группами детей находились пятеро самых старших членов его семьи, каждый со своим Избранным. Они стояли молча и с интересом наблюдали за детьми.

Через какое-то время некоторые дети, не задумывающиеся о своем месте в этом мире, сделали шаг навстречу юным Кевлеренам. Прошло несколько минут, и уже образовалось пять маленьких групп, затем десять, двадцать... в конечном итоге каждый маленький Кевлерен разговаривал и играл с бедняком — как правило, но не всегда, своего пола. Детей, которых никто не выбрал, а таких оказалось большинство, быстро вывели из комнаты.

Мэддин сам не понимал, что привлекло Кадберна к нему, но уже в первое мгновение их встречи почувствовал, что нашел того, кто станет его самым лучшим другом.

Дед Мэддина потерял своего Избранного во время одной из немногих больших войн между Хамилаем и Ривальдом. Армии, генералы, битвы с десятками тысяч солдат, разграбленные города, борьба за земли и богатые месторождения железа и золота... Генерал Второй Принц Орбелай Кевлерен попал в окружение, нарвавшись на крупный отряд вражеской кавалерии. Избранный Орбелая погиб, защищая своего господина. Хотя сам Орбелай остался в живых, он не взял себе нового Избранного.

Дед Мэддина сильно изменился и напоминал мертвое дерево — снаружи живое, но с высохшей сердцевинкой. Принц помнил, как однажды, когда ему едва исполнилось пять лет, он увидел Орбелая. На лице старика лежала улыбка, однако глаза оставались безжизненными, как у куклы.

Серьезные войны велись между Хамилаем и Ривальдом редко, поскольку за победу Кевлеренам приходилось платить слишком высокую цену — терять тех, кого они любили больше всего на свете.

Мэддин покачал головой и сосредоточил внимание на указе императрицы.

— Я, Лерена Кевлерен, императрица Хамилайская, — прочитал он вслух, — позволяю Генералу Третьему Принцу Мэддину Кевлерену покинуть мой дворец и земли моей империи с целью создания колонии в Новой Земле, в месте под названием Кидан.

Да, подумал Мэддин, Лерена дала высочайшее позволение. Как там говорят: оставь своего незаконнорожденного ребенка и потеряй дом, или ребенка потеряй, а дом сохрани? По крайней мере она хотя бы предоставила ему выбор. Юнара не способна даже на такое.

Принц вновь посмотрел в окно и задумался, какой пейзаж предстанет перед ним в Новой Земле. Мэддин знал, что там много зелени и более теплый климат — об этом рассказывал Полома Мальвара. Ссылный префект поведал многое о своей родине, но большинство описаний остались для принца лишь пустыми словами, а не настоящими пейзажами, цветами, животными, растениями и запахами.

Мэддин вздохнул. Несмотря на печаль, вызванную скорым прощанием с Омеральтом, принц все-таки ощущал некое радостное волнение. Хотя он предпочел бы до конца жизни оставаться в родном городе, его согревала мысль о том, что он может оказать помощь в создании новой колонии. А еще была тяга к приключениям... и немалую роль играла присущая всем Кевлеренам потребность в сотворении нового.

Что самое важное, колония станет надежным убежищем для Алвей и их будущего ребенка. Возможно, вдали от метрополии они даже смогут стать законными супругами. Это будет первый за всю историю империи случай заключения Кевлереном брака за пределами семьи.

Принц свернул указ и положил к другим бумагам, которые собирался взять с собой. Большая часть его имущества останется в замке, принадлежащем его ветви семьи Кевлеренов. Пока Мэддин жив, замок будет считаться собственностью принца, а после создания колонии он попросит привезти из дома свое имущество, которого наберется немного: ведь он не наделен магическими способностями и не нуждается в зверинце и придворных Акскевлеренах.

Если же ему суждено погибнуть, Лерена передаст замок и все, что в нем находится, кому-нибудь из родственников Мэддина.

Принц взял в руки список с именами участников экспедиции, который утром принес Полома. Почти все вакансии уже были заполнены — вплоть до котельщика: одно из новых ремесел, связанных с недавним появлением паровых двигателей. Мэддин интересовался этим изобретением с тех пор, как впервые проехал в паровом экипаже из Омеральта в Сому. Сейчас прокладывались рельсы, ведущие из столицы во все крупные города и к самой границе.

Мэддину хотелось, чтобы полезный транспорт успешно прижился и в новой колонии. В конце концов, в Кидане некому будет управляться с Сефидом, если не считать потенциальных и скромных по возможностям магов-грамматистов вроде Китайры Альбин. Ну, может быть, чуть позже Лерена отправит в ссылку еще кого-нибудь из Кевлеренов — на сей раз такого, кто обладает магическими способностями. Паровые двигатели — важное и перспективное изобретение, оно непременно потребуется для нужд колоний и поможет поселенцам успешно противостоять набирающему силу Ривальду.

Хамилайские шпионы при дворе Ривальда в Беферене раз узнали, что ривальдийская колония на Новой Земле называется Сьен-

на, но так и не смогли выяснить ее точное местонахождение. Полома говорил, что до его ссылки в Кидане ходили слухи о ривальдийском торговом городке на дальнем краю южного берега Новой Земли. Однако он не знал, действительно ли это колония принадлежит Ривальду; неизвестно ему было и то, откуда пришли солдаты, учинившие кровавую бойню перед зданием магистрата.

Раздался стук: дверь в кабинет открылась. На пороге, добродушно улыбаясь, стоял Кадберн.

— Чему ты так радуешься? — спросил Мэддин.

— Пришел Гос. Он желает поговорить с вами.

Принц оживился.

— Желает?..

Улыбка Кадберна стала еще шире.

— В вашей колонии теперь появился боевой командир.

ГЛАВА 5

Проснувшись в первый раз, Гэлис ощутила, как холодный зимний воздух обжег легкие, и вздохнула еще глубже. Девушка открыла глаза, повернула голову и почувствовала, как похрустывает снег у нее под подбородком.

Стратег увидела белый склон высокой горы. Казалось, белым стал весь мир, даже небо сделалось каким-то белесым. Несмотря на холод, она почувствовала солнечное тепло на руках и шее.

Гэлис перевернулась на спину. На этот раз ее взгляду предстал другой цвет: красный и потрясающе яркий. Кровь на снегу. Огромные пятна крови. Стратег медленно поднялась на ноги и поглядела по сторонам. Вокруг никого не было. Она проверила, нет ли у нее ран. Девушка чувствовала, что на теле появились какие-то синяки, а мышца плеча растянута, однако порезов или глубоких ран не было. Нет, абсолютно ничего не могло объяснить, откуда взялась кровь.

Гэлис шагнула вперед, споткнулась, упала...

И проснулась во второй раз.

Она снова вдохнула холодный воздух. На мгновение девушке показалось, будто она снова на склоне горы. Когда же глаза привыкли к тусклому свету раннего зимнего утра, Гэлис увидела, что лежит в постели, а одеяло сползло до талии. Руки и грудь от холода покрылись мурашками. Стратег заметила, что окно спальни открыто, а штора развевается на ветру.

Рядом, обхватив подушку, лежала Китайра. Ее дыхание было ровным и спокойным. Гэлис внимательно посмотрела на подругу. Прошлой ночью они поссорились во второй раз.

Ложась спать, Гэлис сказала Китайре, что видела ее вместе с канцлером, и поинтересовалась содержанием их беседы. Китайра попыталась сменить тему разговора, но стратег настояла на своем. На этот раз первой рассердилась Китайра. Ссора была недолгой и бурной, а закончилась тем, что Китайра, не желая обсуждать неприятную ей тему, расплакалась. Гнев Гэлис мгновенно испарился; она извинилась и попыталась успокоить возлюбленную. Они заснули в объятиях друг друга, и теперь, в холодном свете утра, возобновление спора казалось бессмысленным.

Гэлис потянулась к спящей Китайре и поцеловала в щеку. Затем встала с кровати и подошла к окну, чтобы его закрыть. Как раз в этот момент высоко в небе она увидела ворона.

Вот гнусная птица, подумала стратег. Снова этот ночной кошмар...

Нет, уже не кошмар, а нечто другое. Воспоминание, которое Гэлис хранила и прятала в себе так долго, что его возвращение просто ошеломило девушку.

Прижавшись лицом к оконному стеклу, стратег сделала глубокий медленный вдох.

Воспоминание из другого зимнего дня. События четырехлетней давности.

Гэлис лежала на животе на гребне холма, ожидая, когда утреннее солнце исчезнет за плывущим с юго-востока облаком.

Внизу, в долине, стараясь не звенеть оружием и доспехами, двигалась колонна ривальдийских войск — вереница серых точек на белом фоне. Стояла зловещая тишина. Стемнело, низкие облака закрыли солнце.

Гэлис подняла голову, прикинула, что у нее в запасе есть несколько минут, и поднесла к глазу подзорную трубу.

— Ну?.. — раздался голос справа.

Это был капитан Коллис, опытный военный, умный, решительный и находчивый. По крайней мере так он ей себя всегда характеризовал.

Стратег ничего не ответила, продолжая наблюдать за передвижением неприятельских солдат, стараясь запомнить как можно больше деталей.

— Сорок два бойца. Примерно треть из них — лучники, — наконец проговорила она.

— Умно.

— Да. Луки не так тяжелы, как огнестрелы.

— Если тетиву как следует смазать воском, то можно стрелять, не опасаясь, что она отсыреет...

Гэлис что-то буркнула, соглашаясь, и продолжала смотреть в подзорную трубу, сосредоточив внимание на шедшем впереди солдате. В руках у него была длинная палка, которую он погружал в снег, проверяя, нет ли впереди ловушек.

— Их командир очень осторожен.

— Кто он?

Гэлис навела трубу на три фигуры, шагающие близко друг к другу. Наблюдая за ними, она поняла, что ближайший к ней человек и есть командир.

— Гладко выбрит, среднего роста... телосложение трудно определить под плащом. Знаков различия нет... впрочем, на его шапке изображен не то барсук, не то россомаха.

— Понятно, — произнес Коллис.

— Что?

— Это барсук. Лебаретт.

— Местная семья?

— Да. На нашей стороне тоже есть кое-кто из них. Так же, как и Кевлерены.

Гэлис не обернулась, но представила, как он улыбнулся. Коллис ненавидел Кевлеренов почти так же, как и ривальдийцев. Это было понятно — даже несмотря на то что он изо всех сил старался быть сдержанным. В Хамилае хватало людей вроде него. Интересно, а как дела обстоят в Ривальде, подумала Гэлис. Неужели их правители-Кевлерены тоже вызывают ненависть у населения? Наверное. Старые династии по обе стороны границы считают Кевлеренов самозванцами, а тот факт, что среди них необычно много правителей женского пола, не располагал к ним таких людей, как Коллис.

Впрочем, у Гэлис сложилось впечатление, что еще больше, чем женщину-правительницу, он ненавидит женщину-стратега.

— Двигаются медленно, — сказал Коллис. — Похоже, до перевала доберутся часа через два.

— Я уже говорила: они направляются не к перевалу.

Коллис насмешливо фыркнул.

— А еще я говорила, что они идут сюда, — прошипела Гэлис. — И оказалась права.

— Да, я знаю, — усмехнулся он и подполз к девушке. — Дайте взглянуть.

Прежде чем Гэлис успела что-либо сказать, Коллис вырвал у нее из рук подзорную трубу и принялся разглядывать вражеский отряд.

Даже отсюда стратег видела, что солдаты противника поднимаются по склону горы, двигаясь по направлению к хамилайцам.

— Хотят перейти через хребет к югу от перевала, — сказала она. — Там идти труднее, но это позволит, как им кажется, остаться незамеченными.

— Я так и думал, — жестко ответил Коллис.

«Тогда почему ты не остановил их раньше?» Впрочем, Гэлис не стала задавать вопрос вслух — между ними и так давно уже чувствовалось напряжение.

Внезапно девушка выхватила у Коллиса подзорную трубу и быстро спрятала ее под одежду. Коллис испуганно посмотрел на нее, однако, перехватив взгляд Гэлис, увидел, что из-за туч выглянуло солнце.

— Мы ведь не хотим, чтобы бликующая линза выдала наше расположение, верно? — неестественно ласковым тоном произнесла стратег.

Офицер лишь что-то пробормотал в ответ.

Они отползли от края вершины и поднялись на ноги. Все солдаты из роты Коллиса выжидающе смотрели на своего командира.

— Ривальдийцы, — сказал тот. — Но их немного. Нас гораздо больше...

Один из бойцов бросил взгляд на Гэлис.

— Значит, она была права, — произнес он.

— На этот раз — да, — раздраженно ответил офицер. — Ладно, довольно разговоров. Огнестрелы оставьте здесь. Сегодня больше нужны мечи. Примерно треть ривальдийцев — лучники, поэтому вначале нужно разделаться с ними. Только не дайте им возможности отступить, иначе они всех перестреляют из укрытия.

— Может, стоит послать отряд им в тыл, чтобы отрезать путь к отступлению? — предложила Гэлис.

Коллис недовольно взглянул на нее.

«И почему я не могу вовремя придержать язык, — подумала Гэлис. — Да просто потому, что я — стратег. Я должна учитывать все варианты».

Очевидно, Коллис не разделял эту точку зрения.

— Предоставьте мне самому решать подобные вопросы... — Он внезапно умолк, странно улыбнулся и неожиданно сказал: — Впрочем, вы правы, стратег Валера.

Гэлис не понравился его тон. Коллис никогда раньше не соглашался с ней.

— Я дам вам отряд, — продолжил офицер и указал на одного из своих капралов. — Атиоту, ты и твои люди... делайте так, как прикажет стратег.

На лице капрала появилось неудовольствие.

— Послушайте...

Коллис поднял руку, приказывая ему замолчать.

— Ты идешь со стратегом. Ясно?

Атиоту мрачно кивнул.

— Остальные следуют за мной к горному хребту.

Большая часть роты ушла за Коллисом. Атиоту и еще десять солдат остались, бросая на Гэлис недобрые взгляды. Их явно удивило распоряжение капитана, и они не знали, как им себя вести. Гэлис поежилась, чувствуя себя неудобно.

— Что скажете, стратег? — обратился Атиоту тем же тоном, каким с ней обычно разговаривал Коллис.

Девушка ощутила, как внутри закипает гнев. Все это произошло не по ее вине. Она была права, предположив, что ривальдийская армия использует эту долину для набегов на хамилайскую территорию. Кроме того, Гэлис угадала и то, что враг решит перейти границу именно в такую безлунную ночь. И она знала, что отсечь неприятелю путь к отступлению — правильное решение. Коллис и его люди настолько привыкли к тому, что война состоит из коротких набегов и перестрелок между малочисленными отрядами, что уже не могли мыслить более масштабно.

— Ну, так что скажете?

Гэлис указала рукой на юг.

— Мы направимся туда, обойдем ривальдийцев с тыла и будем ждать, когда противник начнет отступать. Возьмите с собой огнестрелы и двигайтесь как можно тише.

У Атиоту был такой вид, словно он собрался поспорить по поводу дальнейших действий. Гэлис разозлилась окончательно.

— Следуйте за мной, — сказала она жестко и пошла вперед, не оборачиваясь.

Стратег знала: сейчас солдаты смотрят на капрала, ожидая его приказа. Услышав их шаги у себя за спиной, Гэлис поняла, что первый экзамен сдала.

Пройдя примерно половину пути, она услышала, как Коллис повел своих бойцов в атаку. Гэлис очень хотелось посмотреть на схватку, но она знала, что нужно сохранять хладнокровие. Стратег уверенно шагала вперед, проваливаясь по колено в снег и надеясь, что не свалится носом в сугроб и не сделается пошлостью в глазах Атиоту и его солдат.

Крики позади и справа от них раздавались все громче. Гэлис едва подавила желание броситься к вершине хребта, чтобы посмотреть, кто побеждает в стычке.

Она двигалась вперед, глядя на дерево, возле которого собиралась повернуть отряд, чтобы войти в тыл неприятелю.

Дойдя до него, Гэлис остановилась.

— Заряжайте огнестрелы.

Атиоту презрительно усмехнулся.

— Заряды отсырели...

— Не торопитесь, — перебила его Гэлис, окидывая взглядом солдат. — Доставайте их из середины коробки и не закладывайте слишком плотно. Закончив заряжать, следите за тем, чтобы порох не высыпался с полки. У вас будет только один выстрел, поэтому целитесь точнее.

Атиоту скрипнул зубами, но, увидев, что остальные солдаты начали заряжать свои огнестрелы, нехотя последовал их примеру.

Когда отряд приготовился к бою, Гэлис достала из ножен меч и направилась к вершине хребта. Поднявшись достаточно высоко, чтобы видеть противоположную сторону долины, она жестом приказала отряду ждать. На снегу она увидела много тел: в основном это были хамилайские солдаты, павшие от неприятельских стрел. Однако ривальдийцам не удалось сохранить дистанцию, и теперь схватка велась врукопашную. Численное превосходство солдат Коллиса заставило противника откатить-

ся назад. Вражеская шеренга сильно поредела под ударами хамилайцев.

Гэлис выгащила подзорную трубу и попыталась найти Лебаретта. Он оказался на правом фланге, с ближней к стратегу стороны. Как раз в этот момент два хамилайских солдата атаковали командира ривальдийцев: он с трудом отбивался от их ударов.

Гэлис стремительно повернулась к своему маленькому отряду.

— За мной! — скомандовала она.

Бойцы, увязая в снегу, бросились вперед. Как только они оказались в долине, Гэлис приказала солдатам построиться в одну шеренгу.

— Нужно немедленно атаковать! — заявил Атиоту. — Мы должны окончательно разгромить их!

— Враг уже побежден, — произнесла Гэлис достаточно громко, чтобы ее слышали остальные. — Наша задача — сделать так, чтобы никто из них не убежал. А теперь — ложись!

И вновь у Гэлис не было времени, чтобы проверить, выполнен ли приказ. Она легла в снег и, опершись на локти, стала наблюдать за ходом боя через подзорную трубу. Стратег попыталась найти Лебаретта, того нигде не было видно. Возможно, он уже убит, подумала девушка.

И тут кто-то из ривальдийских солдат повернул и бросился в долину, направляясь прямо к ее бойцам. За первым последовал другой, потом еще и еще.

— Без моей команды не стрелять! — приказала Гэлис солдатам, сердито посмотрев на Атиоту, который неприязненно хмыкнул.

Через мгновение уже весь отряд ривальдийцев обратился в бегство. Подпустив противника на расстояние выстрела, Гэлис приказала открыть огонь. Ее солдаты, как один, поднялись на колени, прицелились и дали залп.

Раздался оглушительный грохот: в воздухе повисло облако черного дыма. Пятеро ривальдийцев упали в снег, остальные в замешательстве остановились. Гэлис обнажила меч и крикнула:

— В атаку!..

Ее солдаты отбросили огнестрелы, выхватили клинки и устремились вперед.

Некоторые ривальдийцы попытались бежать в ту сторону, откуда только что пришли, другие растерянно топтались на месте, однако большинство приняли бой.

Вражеский солдат, к которому подскочила Гэлис, смотрел на нее широко раскрытыми глазами и что-то бормотал себе под нос, вслепую шаря по снегу в поисках оружия. Стратег ткнула ему в лицо острием своего меча, однако противник отпрыгнул, и клинок лишь слегка задел его щеку. Ривальдиец завопил и закрыл лицо обеими руками; из-под пальцев брызнула кровь. Гэлис ударила его мечом по рукам. Противник сдавленно вскрикнул и повалился на спину.

Спотыкаясь и с трудом сдерживая тошноту, девушка приблизилась к нему, однако в этот момент заметила, что один из ривальдийцев, хотя был ранен, пытался организовать сопротивление, крича что-то остальным солдатам и размахивая коротким кинжалом.

Лебаретт, подумала Гэлис и бросилась к врагу.

Вероятно, он услышал ее приближение, но повернулся к девушке как раз в ту секунду, когда она вонзила ему в грудь меч. Ривальдиец упал, а Гэлис, думая лишь о том, чтобы удержать меч, повалилась прямо на него. Клинок еще глубже вошел в тело противника.

Девушка попыталась подняться. Поскользнувшись на залитом кровью снегу, она снова упала, ударив врага рукой по лицу и ощутив запах крови.

Гэлис закричала и рывком вскочила на ноги. Лебаретт судорожно глотнул воздух, закатил глаза... В следующее мгновение его тело безвольно обмякло.

Девушка стояла над поверженным противником, внезапно ощутив невыразимое одиночество. Какой-то частью рассудка она смутно осознавала, что вокруг кипит смертельный бой, однако

видела только остекленевшие глаза Лебаретта и густую кровь, струящуюся по его лицу, подобно пролитым чернилам.

Затем Гэлис заметила у него на голове шапку с изображением барсука. Девушка почувствовала, что ее сейчас вырвет. Она застыла на месте, не в силах поднять голову и даже на шаг отойти от тела Лебаретта.

К реальности ее вернул подошедший Коллис.

— Вот это бой! — произнес он, довольно скалясь.

Тут капитан хамилайцев заметил, что Гэлис не отрывает взгляда от лица мертвого ривальдийского офицера.

— Ты сама его убила, да? Молодец! Хорошая работа!

Стратег не смог вымолвить ни слова.

Коллис кивнул, словно соглашаясь с какой-то собственной невысказанной мыслью. Затем ухватился за рукоятку меча, уперся ногой в живот Лебаретта и потянул клинок на себя. Меч вывободился с противным чавкающим звуком. Коллис вытер его о рукав и вложил в ножны Гэлис.

— Э, да тебя сейчас вырвет, — сказал он и оттолкнул девушку от лежащего у ее ног трупа. — Не стоит блевать на мертвеца.

Гэлис взглянула на Коллиса и с удивлением увидела на его лице сочувствие.

— Ну что, мы?..

— Ты хочешь спросить, что мы с ними сделали?

Гэлис кивнула.

— Да...

Коллис покачал головой, но ничего не сказал.

Девушка перешагнула через Лебаретта и почувствовала, как к горлу подкатила тошнота. Гэлис согнулась пополам, но ее не вырвало.

Перед стратегом находился уходящий ввысь склон горы, весь покрытый снегом до самых деревьев, растущих на вершине; над головой простиралось бледное, словно размытое, небо.

Девушка коротко простонала и, потеряв сознание, рухнула на землю.

* * *

Гэлис отошла от окна. Ее все еще мутило от отвращения. Неся службу на отдаленных рубежах, девушка не сделала ничего такого, чего можно было стыдиться. Наоборот, она заслужила уважение даже таких людей, как Коллис, добросовестно выполняя обязанности стратега. Однако два года, проведенных на границе, уместились в ее памяти в одно короткое мгновение: словно ничего не было, кроме той схватки в долине, где она в первый и последний раз в своей жизни убила человека.

Гэлис услышала за спиной какое-то движение и, обернувшись, увидела, что Китайра проснулась и сидит в постели, протирая заспанные глаза.

— Который час? — сонно просила девушка.

— Пора просыпаться, — ответила Гэлис.

Зима в Омеральте была не слишком благостной: солнце ярко светило в безоблачном небе, но холодные ветра с Вардарских гор были ледяными. Можно было одновременно загореть и промерзнуть до костей.

Изредка небо затягивалось облаками и выпадал снег, который быстро таял на теплых камнях мостовой. Улицы покрывались грязной снежной кашей, медленно стекавшей в придорожные канавы. Однако позапрошлой зимой снег не таял достаточно долго, а температура воздуха была такой низкой, что стражников ночного караула по утрам частенько находили замерзшими насмерть. Земля покрылась плотным снежным одеялом; город с нетерпением ждал весны, чтобы освободиться из ледяного зимнего плена.

Алвей Селфорд вздохнула. Два года назад она была совершенно другим человеком, во многом еще ребенком, плохо разбиравшимся в жизни Омеральта и нравах королевского двора. Тогда девушке казалось, что снег — это самое прекрасное из всего, что ей когда-либо приходилось видеть...

Алвей была родом из аграрного северо-западного района империи, где зимой наступало лишь незначительное похоло-

дание и люди большую часть года ходили в легкой одежде. Девушке очень хотелось еще раз увидеть столицу в снежном убранстве. Закутавшись в одеяло, Алвей выглянула из окна спальни и вновь тяжело вздохнула. Похоже, нынешней зимой этому желанию осуществиться не суждено, а весной она покинет Омеральт навсегда...

Насколько ей было известно из книг и рассказов Поломы Мальвары, снег в Кидане никогда не выпадал; зимой там было теплее, чем в ее родных краях. По большей части это радовало Алвей — она так и не привыкла к холоду. И все же ее печалила мысль о том, что она больше никогда не увидит, как город, словно по мановению волшебной палочки, за одну ночь меняет облик.

Алвей положила руку себе на живот. И ее ребенок никогда не увидит этого. Если, конечно, в империи не произойдет радикальных изменений. Девушка не могла представить, что ее ребенка пустят в Хамилай, пока жива Юнара. Даже несмотря на то что Мэддин приходится троюродным братом правящей императрице.

И все же будущее виделось Алвей гораздо более радужным, чем несколько недель назад, когда казалось, что Мэддина в лучшем случае отправят за решетку, а в худшем — убьют, оставив ее и их будущего ребенка на милость Кевлеренов. Девушка предпочла бы совершить морское путешествие в далекую неизвестную страну, нежели иметь дело с семьей своего возлюбленного.

При мысли о Кевлеренах она поежилась и плотнее запахнула одеяло. Из окна апартаментов Мэддина, расположенных на территории императорского дворца, были видны владения Кевлеренов. Большой Зал — место правительственных заседаний, — строение из желтого камня, с выкрашенными в синий цвет оконными переплетами и крышей; внутренний двор, отделявший дворец от покоев императрицы, длинного двухэтажного здания с бесчисленными коридорами. Рядом располагались апартаменты самых знатных родственников Лерены и казармы королевских гвардейцев. Вокруг этих построек находились правительственные учреждения, в том числе и военное ведомство — единственное здание не из желтого кам-

ня. Мать Лерены, императрица Хетта, приказала выкрасить его в ярко-красный цвет, но со временем оно приобрело неприятный оттенок запекшейся крови.

Наконец, в северо-восточной части дворцовой территории находились апартаменты Юнары — отдельный миниатюрный дворец с впечатляющим куполом птичника, который ярко сверкал в лучах утреннего солнца.

Алвей оглянулась через плечо и посмотрела на спящего Мэддина.

— Я так люблю тебя!.. — прошептала она, зная, что это не вполне соответствует истине.

Когда они впервые встретились на похоронах императрицы Хетты, Алвей, честно говоря, испугалась принца, однако Мэддин оказался нежным и галантным кавалером. И все же последний барьер между ними рухнул лишь после того, как Мэддин признался ей, что не обладает магическими способностями.

На все вопросы принца Алвей неизменно отвечала, что полюбила его с первого взгляда. На самом деле любовь пришла лишь после того, как она разглядела в нем человека, а не венценосную особу. Теперь Мэддин всецело завладел ее сердцем, а недавние события подтвердили, что и он влюблен до безумия. Лишь Кадберн был для него дорог так же, как и она, но Алвей знала, что это совсем другое чувство. Взаимоотношения Кевлерена и его Избранного были для нее чем-то совершенно новым, девушка не видела в них никакой угрозы для себя.

«Да, мне бы очень не хотелось, чтобы Кадберн стал моим врагом, — подумала девушка. — К счастью, в моей жизни появился человек, который без колебаний пожертвует собой ради Мэддина...»

Грудь спящего принца ритмично вздымалась, с лица сошло выражение озабоченности, ставшее уже привычным в часы бодрствования, а губы сложились в некое подобие улыбки. Наверное, он видит сон...

— Надеюсь, ему приснилась я, — вслух произнесла Алвей и, подбежав к кровати, прыгнула на нее.

Мэддин подскочил, тут же проснувшись, удивленно вскрикнул и, упав обратно в постель, исчез под грудой простыней, одеял и подушек. Что-то затрещало, будто ломаясь. Мэддин скинул на пол одеяла и сел.

— Что случилось? В чем дело?..

Тут в комнату вбежали телохранители принца с мечами наголо.

Алвей не могла удержаться от смеха. Мужчины недоуменно огляделись, затем стали смотреть на Мэддина с осуждающим видом, разве что только головами не качали и языками не цокали.

— Я ничего не делал, — стал оправдаться слегка обалдевший принц, который не больше телохранителей понимал причину шума.

Алвей хотела так, что скоро ей стало трудно дышать. Досмекаясь она до того, что потеряла равновесие и свалилась с кровати, отчаянно пытаясь ухватиться за одеяла. Телохранители молча наблюдали за тем, как девушка ворочается под грудой постельного белья. Затем понимающе переглянулись и решили оставить Мэддина с его возлюбленной наедине.

Вложили мечи в ножны и поспешно вышли из комнаты.

Мэддин покачал головой, перегнулся через край кровати и сказал Алвей:

— Тебе не кажется, что это слишком сильная качка для нашего малыша?..

Он увернулся от подушки, пущенной ему в голову, и протянул руку. Алвей взяла ее и с помощью принца забралась на кровать. Потом расправила одеяло, в которое была завернута, будто в кокон, церемонно поклонилась и чопорно произнесла:

— С добрым утром.

Облако пара зашипело у ног Поломы Мальвары, поднимаясь все выше. Он удивился тому, какими холодными оказались капельки воды на его коже.

Бывший префект заставил себя не отходить от стоящей на рельсах рычащей машины, напоминавшей огромное металлическое чудовище. Ему не нравился этот механический монстр, как не нравилась сама идея создания человеком аппарата, способного передвигаться самостоятельно, без помощи какой-либо тягловой силы. Впрочем, Полома понимал, что придется привыкнуть к этому жутковатому механизму. Мэддин Кевлерен намерен построить в Кидане дорогу для паровых экипажей.

Так каких же людей он ведет в свою страну?..

Слишком поздно задавать подобные вопросы, сказал себе Мальвара.

Странно, машина остается неподвижной. Прежде Полома видел паровые экипажи лишь издали, хотя знал о них достаточно много, чтобы понимать принцип действия механизма. Сейчас экипаж не сдвинулся с места ни на шаг. Должен ли он кому-нибудь сказать об этом? Не взорвется ли сейчас машина?

Тут кто-то, находящийся позади аппарата, крикнул: «Пара почти достаточно!»

Достаточно — для чего? Машина все равно не сдвинулась с места. Колонисты продолжали садиться в вагоны, прицепленные один за другим к фырчащему монстру. Поломе пассажиры в большинстве своем не понравились. Это были не торговцы, которых он посоветовал Мэддину взять в экспедицию, а ремесленники, фермеры, чернорабочие. Неряшливо одетые, с грязными лицами, пахнувшие потом... такое впечатление, что их только что выпустили из тюрьмы. Мальвара без особой радости подумал о том, что ему придется разделить с ними путешествие на корабле до Новой Земли.

Тут он не удержался и негодуяюще фыркнул. «Новая Земля» — это их выражение. Для него это была старая земля, родная земля... Вот империя — со всеми ее Кевлеренами, паровыми экипажами и необоснованным высокомерием — была «новой землей», и ему она совсем не нравилась.

«И я приведу все это с собой, — напомнил себе Полома. — Какую цену придется заплатить Кидану за свободу!...»

Мэддин Кевлерен попросил его прийти на станцию и посмотреть на будущих колонистов. Возможно, предположил Мальвара, принц не хотел, чтобы у него сложилось неверное впечатление о количестве людей, которых Лерена выбрала для предстоящей экспедиции. То, что он увидел, не внушало доверия, но лучше выяснить все сейчас, чем потом, когда они прибудут на место. Полома надеялся лишь на то, что солдаты, которые отправляются в экспедицию, окажутся более благонадежными. Вряд ли его политические враги и их ривальдийские приспешники сложат оружие, когда в Кидан прибудут хамилайцы.

— Отбросы империи, — раздался за спиной у Поломы чей-то голос.

Бывший префект обернулся и увидел Нетаргера Акскевлерена. Он не был лично знаком с этим человеком, но за время пребывания при дворе Лерены постарался узнать имена всех влиятельных людей. А Нетаргер обладал в империи значительным весом.

Полома даже не пытался скрыть удивления.

— А где же герцогиня, ваша госпожа?

— Возится со своими птицами.

— Вы пришли сюда по ее повелению?

— Сколько человек ее величество отправляет в Новую Землю? — спросил Нетаргер, оставив без внимания вопрос Поломы.

— Сотни, — ответил Полома.

— Даже так? Что ж, пожалуй, это немного очистит наши тюрьмы.

Мальвара внимательно посмотрел на Нетаргера. Раньше бывший префект никогда не испытывал беспокойства по поводу подобных вопросов. До него только сейчас дошло, что он еще не видел так близко кого-либо из Избранных, кроме Кадберна. Похоже, высокопоставленные Акскевлерены обладали способностью оставаться как бы невидимыми. Сто-

ило внимательно всмотреться, как они словно по мановению волшебной палочки приобретали сходство со своим господином или госпожой. Что касается Нетаргера, то он, подобно Юнаре, был темноволос и светлокож, однако сейчас, когда рядом госпожи рядом не было, Полома разглядел, что у Избранного сестры императрицы крючковатый нос, слегка кривой рот и изрытые оспинами щеки.

— Почему вы пришли сюда, Нетаргер Акскевлерен?

— Я подумал, что вам понадобятся хорошие офицеры с сильной волей, чтобы контролировать этот сброд, когда вы придете в Новую Землю, — ответил Нетаргер.

— Вы когда-нибудь ухаживали за птицами госпожи Юнары? — внезапно спросил Полома.

Брови Нетаргера поползли на лоб.

— Что вы имеете в виду?..

— Я просто хотел узнать, умеете ли вы отвечать на вопросы.

Полома обрадовался, заметив улыбку на лице Избранного. Она была мимолетной и едва заметной, но ссыльный префект научился распознавать даже малейшие выражения эмоций своих собеседников — удовольствие, неодобрение, насмешку.

— Меня попросили доставить вам послание, — сказал Нетаргер.

— От герцогини, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Мальвара.

— Мы не должны разговаривать здесь. Слишком много посторонних ушей.

— Пожалуй, будет неправильно, если кто-нибудь увидит меня с вами. Особенно после того, что ваша госпожа пыталась сделать с Генералом Третьим Принцем Мэддином Кевлереном. — Мальвара показал Нетаргеру свою забинтованную руку и добавил: — Или после того, что она попыталась сделать со мной.

— Уверяю вас, в планы герцогини не входило намерение причинить вам вред.

— Мне от этого нисколько не легче.

Нетаргер попытался улыбнуться вновь.

— Герцогиня Юнара хорошо относится к вам...

Полома промолчал. Нетаргер заметил, что взгляд бывшего префекта устремлен куда-то в пространство.

— Повторяю, ее высочество хочет вам только добра...

— Думаю, вам пора уйти, — холодно произнес Мальвара и едва заметно кивнул.

Нетаргер оглянулся через плечо. Шагах в двадцати от него стоял Кадберн Аксевлерен. Двое Избранных пристально посмотрели друг на друга.

— Думаю, вам пора уйти, — повторил Полома.

— Да, — медленно ответил Нетаргер. — Пожалуй, вы правы.

Он кивнул, бросил еще один взгляд на Кадберна и покинул платформу.

Приблизившись к Поломе, Кадберн широко улыбнулся.

— Мне всегда хотелось понаблюдать за тем, как Избранные общаются друг с другом в отсутствие Кевлеренов, — сказал Мальвара.

— Разговоры с врагом — очень опасная игра, — непринужденно ответил Кадберн.

— Он подошел ко мне без приглашения, — спокойно произнес Полома.

— Что ему было нужно?

— Наш разговор был кратким. Нас перебили.

— Жаль.

— Возможно, вам следовало какое-то время постоять в сторонке, — сказал Полома. — Если мне доверяют леди Селфорд и его высочество, значит, вы тоже можете относиться ко мне вполне открыто.

— Как раз потому, что вам доверяют леди Селфорд и его высочество, я не могу себе этого позволить, — продолжая улыбаться, ответил Кадберн.

ГЛАВА 6

В последнее время Китайру все чаще и чаще охватывали сомнения, за что она постоянно ругала себя.

Гэлис вопросительно посмотрела на подругу.

— Что-нибудь не так?

Китайра отрицательно покачала головой и постаралась изобразить беспечную улыбку. Однако на самом деле ей очень хотелось развернуться и со всех ног побежать домой.

Увы, она зашла слишком далеко. Перед ней стоит задача, которую непременно нужно выполнить.

Несколько дней назад канцлер Майком дал понять Китайре, что от нее *ожидают* посещения премьеры новой пьесы Кэшел Грейтейн «Эмбер спускается с гор». Девушка даже убедила себя в том, что ей самой хочется побывать на премьере, причем до такой степени, что утром она потратила непозволительно крупную сумму на покупку нового платья. У них с Гэлис было не слишком много денег, но грамматист хотела покрасоваться перед возлюбленной. А ярко-алое платье, сшитое из тончайшей ткани, самым выгодным образом подчеркивало достоинства ее фигуры, что должно было произвести на Гэлис нужное впечатление. Кроме того, подумала Китайра, какая им теперь польза от денег? В тех краях, куда они отправляются, деньги ни к чему.

Платье действительно произвело впечатление на стратега, от чего Китайра пришла в смущение и невольно покраснела. Девушки под руку вышли из своих университетских апартаментов и совершили замечательную прогулку в паланкине вдоль городских стен — это тоже стоило немалых денег, но вид Омеральта, спокойно дремлющего под звездным небом, того стоил.

Затем они прибыли в Зал Сказаний с его чрезмерно богатым убранством, и на Китайру вновь нахлынула волна сомнений. Зачем ее сюда пригласили? Она, обычный ученый незнатного происхождения с достаточно скромными магическими способностями, оказалась в шикарном театре, на торже-

ственной премьере новой пьесы самого знаменитого драматурга империи...

Император Ричер, помимо создания университета, построил в непосредственной близости от своего дворца Зал Сказаний, официально признав тем самым популярность и значимость театрального искусства. До этого незамысловатые постановки обычно показывались на рынках, постоялых дворах и в тавернах. Герои таких пьес разговаривали простым языком чернорабочих и фермеров, ремесленников и солдат, прачек и кухарок. Там не встречались свойственные благородному сословию слова непонятного и чужеземного происхождения, принесенные Кевлеренами из их родных мест. Надо сказать, что Кевлерены использовали слова так же, как другие обращались с лодкой, мечом или плугом: это были их «орудия труда».

Создав театр, Ричер помог правителям взять его под свой контроль; в Зале Сказаний на протяжении многих лет ставились одни и те же пьесы, написанные тяжеловесным слогом, таким же вычурно-показным, как и само здание. Новые драматические произведения, сочинявшиеся на заказ, были не более чем льстивыми картинками из жизни Кевлеренов. В конечном итоге театр превратился в место, куда члены правящей фамилии приходили погреться в лучах собственной славы и насладиться низкопоклонством придворных и их приспешников.

Китайра знала, что «Эмбер спускается с гор» — именно такая пьеса; одно из многих бездарных сочинений, где повествуется о том, как первый Кевлерен спустился с гор и приступил к завоеванию континента. Особого желания смотреть постановку девушка не испытывала. Сейчас ей больше всего на свете хотелось надеть обычную повседневную одежду и зайти вместе со своей возлюбленной в таверну, где дают какое-нибудь старомодное представление с непристойными репликами и веселой зажигательной музыкой. Они с Гэлис крайне далеки от жизни королевского двора, они — всего лишь бедные ученые, этикие невинные овечки...

Нет, напомнила себе девушка. Не совсем невинные — по крайней мере она себя таковой не считает.

Кроме того, Китайру смущало, что пьеса имеет политический характер, а политику она терпеть не могла.

Они стояли на лестнице, ведущей ко входу в театр, а толпа двигалась вокруг них подобно шумной реке.

— Мы мешаем людям пройти, — сказала Гэлис.

Китайра горестно вздохнула. Делать нечего. Надо идти.

— Да. Надо идти, — сказала она вслух.

В фойе — огромном помещении с позолоченными колоннами и вычурной лепниной потолка — девушки затерялись среди Кевлеренов незнатного происхождения, Акскевлеренов, чиновников и военных в парадной форме. На гостях красовались одеяния всевозможных расцветок, а также ожерелья, кольца и броши, которые — Китайра не сомневалась — представляли собой немалую часть богатства империи. Это было красочное зрелище, и грамматист попыталась заставить себя любоваться им, но никакого удовольствия не получила, чувствуя себя очень неудобно; девушке казалось, что в любой момент ее вышвырнут отсюда как нахальную самозванку. В отличие от нее Гэлис не переставала радостно улыбаться с той минуты, как только вошла в фойе. Она постоянно оглядывалась по сторонам, с любопытством рассматривая и зал, и находящихся в нем людей.

— Я даже представить себе не могла, что здесь так красиво! — громко воскликнула она, желая, чтобы Китайра услышала ее среди многоголосого хора. — А ты — самая прекрасная женщина из всех, кто здесь присутствует!..

Несмотря на охватившее ее чувство неловкости, Китайра не могла удержаться от смеха. Она указала на лестницу в дальнем конце фойе, которую охраняли королевские стражники.

— Нам нужно туда. У меня приготовлен сюрприз.

Гэлис вопросительно взглянула на подругу, но ничего не сказала.

Когда девушки подошли к лестнице, навстречу им вышла крупная женщина в роскошном наряде, что-то сказала стражникам, и те расступились, пропуская посетительниц.

Наверху стояли еще двое гвардейцев, которые при появлении девушек молча отошли в сторону. Подруги оказались в помещении, которое было лишь ненамного меньше, чем фойе внизу, и которое заполняло такое же количество людей, одетых еще более роскошно. Среди гостей сновали слуги с подносами, уставленными яствами и напитками.

— Это же аудиенц-зал императрицы!.. — удивленно воскликнула Гэлис. — Китайра, что мы здесь делаем?

— У меня для тебя сюрприз... — начала было грамматист, и тут неожиданно перед девушками возник канцлер университета.

— А, Китайра Альбин, — произнес он глубоким голосом, от которого у Китайры по спине побежали мурашки. — Вы пришли с некоторым опозданием. Надеюсь, что она все-таки вас простит!..

Китайра почувствовала, как Гэлис напряглась, и легонько дернула подругу за руку. Хотя стратегу никогда не приходилось выслушивать придирки канцлера, она уже ненавидела его за такое высокомерное отношение к Китайре.

Врач по образованию, администратор и чиновник Малус Майком был невысок и худощав; говорили, что он обладает самым острым умом во всей империи. У него были густые волосы и мелкие черты лица. Майком напоминал Китайре крупного хорька и по своему характеру действительно был похож на это малопочтенное животное. Однако он играл весьма существенную роль в планах грамматиста на будущее, не говоря уже о планах самой императрицы.

У канцлера Майкома была одна — и, насколько было известно Китайре, единственная — слабость: он с невероятным почтением смотрел на все, что имело хотя бы малейшее отношение к Кевлеренам. Порой девушка думала, что безразличие канцлера к окружающим проистекает от осознания того, что они презируют его за столь подобоострастное отношение к императрице и ее ближайшим родственникам. Как

ни парадоксально, именно по этой причине Малус не замечал, что даже те, кому было неприятно находиться с ним в одной комнате, восхищаются канцлером за способность отстаивать интересы университета.

— Следуйте за мной! — произнес Майком. Он отступил на шаг и с преувеличенным вниманием посмотрел на Китайру и ее спутницу. — Да, пожалуй, вы выглядите должным образом.

Не сказав больше ни слова, канцлер развернулся и куда-то пошел.

— Пусть идет, — прошептала Гэлис на ухо Китайре. — Мы можем вернуться в фойе, прежде чем он заметит, что упустил нас из виду.

Китайра отрицательно покачала головой и зашагала вслед за канцлером, таща подругу за руку.

Пробираясь сквозь толпу придворных и стараясь не потерять из виду Майкома, девушки то и дело извинялись перед теми, кого невольно толкали. Когда канцлер наконец остановился, они облегченно вздохнули.

Гэлис застыла на месте как вкопанная. Майком стоял прямо перед императрицей Лереной. Китайра ощутила, как к ее лицу прилила краска, а сердце затрепетало, словно крылья бабочки. Девушка точно знала, что сейчас произойдет. Интересно, что сейчас ощущает Гэлис, подумала она, бросив быстрый взгляд на подругу. Судя по выражению лица стратега, сюрприз произвел должное впечатление.

Девушкам пришлось ждать, пока императрица закончит разговор с кем-то из своих родственников. Когда Лерена повернулась к Майкому, тот низко поклонился. Китайра и Гэлис последовали его примеру.

— Ваше величество, вот женщины, о которых я вам говорил, — произнес Майком.

Лерена и канцлер обменялись понимающими взглядами, затем императрица посмотрела на двух девушек с нескрываемой теплотой и радушием.

— Значит, вы и есть консультанты, отправляющиеся в мою новую колонию.

Ее низкое контральто прозвучало неожиданно: Китайра думала, что голос у невысокой и пухлой императрицы тоненький, как у девочки.

— Если так будет угодно вашему величеству, — поклонившись, ответила грамматист.

— Да-да... Я много о вас слышала, причем не только от канцлера Майкома, но и от моего дорогого кузена.

Тут Лерена посмотрела куда-то в дальний конец зала; оглянувшись, Китайра и Гэлис увидели, как Мэддин поднял бокал. Китайра заметила, что рядом с ним стоял лишь Кадберн Акс-кевлерен. Алвей Селфорд нигде не было видно.

— Вы готовы отправиться в путь?

— Готовы, ваше величество, — машинально поклонилась Китайра. — Причем в любой момент.

— Скоро весна, и мои адмиралы говорят мне, что шторма на Бушующем море уже не такие сильные. Впрочем, мы в любом случае не можем ждать слишком долго.

— Действительно, ваше величество, — сказала Гэлис. — Кроме того, о наших планах могут узнать ривальдийцы. Трудно не заметить огромное количество людей, которых на паровом экипаже отправляют в Сому...

— Такое не удержать в секрете, — спокойно ответила Лерена. — Вот мы и не стали делать из этого тайны. Давно пора основать новую колонию на острове Каел.

— Ривальдийцы больше ничего не заподозрили, ваше величество? — многозначительно понизив голос, спросила Гэлис.

— Если вы имеете в виду участие Генерала Третьего Принца Мэддина Кевлерена и Поломы Мальвары в предстоящей экспедиции, то ничего, — так же тихо ответила императрица. — Мне бы хотелось, чтобы это оставалось в тайне как можно дольше.

— Я имею в виду создание хамилайской колонии на Новой Земле, ваше величество.

Замешкавшись лишь на короткое мгновение, Лерена ответила:

— Безусловно, это может вызвать беспокойство у наших далеких родственников, правящих в Ривальде, но не обязательно должно ввергнуть их в панику. Однако если ривальдийцы узнают, что во главе экспедиции стоит лучший генерал империи, то начнут всерьез опасаться усиления нашего государства за счет расширения территории и скорее всего прибегнут к действиям, которые впоследствии вызовут неудовольствие и в Хамилае, и в самом Ривальде.

— Понимаю, — ответила Гэлис. — Ваше величество наверняка понимает, что, как только Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен отправится в Сому, ривальдийцы сразу же вычислят истинное место назначения экспедиции. Они верят в совпадения не больше, чем мы.

Китайра отказывалась верить своим ушам. Как смело и прямолинейно Гэлис разговаривает с императрицей!.. Девушка затаила дыхание, ожидая, что сейчас разразится гроза.

Скорее с удивлением, нежели с облегчением она услышала, как императрица рассмеялась.

— Жаль, что мои советники не столь откровенны. Теперь я понимаю, почему Мэддин так настаивал на вашем участии в экспедиции.

Посмотрев на Гэлис, Китайра увидела, что лицо ее подруги заливают краска смущения.

— Действительно, ривальдийцы могут заподозрить подвох, как только Мэддин отплывет из Сомы, — спокойно продолжала императрица, — но у них уже не будет времени, чтобы предпринять ответные действия. Позднее, когда противник поймет, что мы не собираемся нападать на его колонию в Сайенне, он успокоится и будет просто наблюдать за развитием событий.

Гэлис посмотрела на Лерену с некоторым недоумением.

Почему-то до сих пор императрица ни разу не упомянула о Поломе. Если для Лерены, как и для Мэддина, было важно держать его имя в тайне от ривальдийцев, то это могло означать

только одно: Мальвара родом именно из тех мест, где Хамилай намеревается основать колонию.

Кидан!.. Да, это именно тот торговый город, из которого два года назад были изгнаны все хамилайские купцы.

— Неужели ваши советники думают, что ривальдийцы не станут нападать на Кидан из Сьенны? — быстро спросила Гэлис. — В конце концов, потребовались немалые затраты для отправки войск, свергнувших префекта по имени Полома Мальвара...

Лерена удивленно посмотрела на девушку.

— Вы хорошо осведомлены.

— Я стратег, ваше величество. Меня учили находить нужные фрагменты мозаики, из которых можно сложить полную картину.

Императрица улыбнулась.

— Вижу, что мне придется более осторожно подбирать слова в разговоре с вами... Что касается вашего вопроса, то Сьенна основана менее десяти лет назад, и все ее ресурсы наверняка давно уже исчерпаны. Нет, полагаю, что Кидан может не опасаться нападений — по крайней мере в ближайшие несколько лет, хотя не исключено, что там остался сильный гарнизон.

— А в дальнейшем? В будущем?

— Будущее — это как раз по вашей части, стратег Валера. Или я не права?

— Безусловно, правы, ваше величество, — ответила Гэлис и учтиво поклонилась.

— А вы, грамматист Альбин, — произнесла императрица, повернувшись к Китайре. — Чем вы предполагаете заниматься в новой колонии?

— Новой колонии понадобится очень многое, — сказала Китайра, лихорадочно соображая. — Хотя я не претендую на глубокое знание Сефида, присущее Кевлеренам, все же целесообразно взять туда кого-то, кто хоть немного разбирается в полезных вещах, ваше величество.

Императрица окинула Китайру долгим изучающим взглядом.

— Особенно если кто-нибудь попытается использовать магию во вред нам, — спокойно произнесла Лерена.

Китайра слегка побледнела.

— Именно так, ваше величество.

— Если мне позволено сказать слово, ваше величество, — вмешалась Гэлис. — Грамматист Альбин имеет ученую степень. Чтобы Кидан стал полноправным субъектом империи, образованию должно уделять особое внимание.

— Вы говорите это как стратег — или как возлюбленная грамматиста Альбин?

— Как стратег, ваше величество, — без колебаний ответила Гэлис. — И, конечно, как ее возлюбленная.

Смех Лерены прозвучал на удивление сердечно. Она посмотрела на девушек с неподдельной теплотой и симпатией.

— Пусть будет так, стратег Валера. Любой Кевлерен скажет вам, что без любви нет будущего.

Китайра внутренне содрогнулась. Всем подданным империи было известно, что именно Кевлерены подразумевали под любовью.

Лерена повернулась к Майкому и громко, чтобы все, кто находился вокруг, услышали, заявила:

— Канцлер, почему бы вам не представить грамматиста и стратега Генералу Третьему Принцу Мэддину Кевлерену! Похоже, у них много общих интересов...

Прежде чем Майком успел увести девушек, Китайра и Гэлис вновь поклонились императрице.

Лерена, понизив голос, сказала:

— Чуть позже мой кузен обсудит с вами все детали предстоящей экспедиции. Держитесь поближе к нему.

Канцлер вновь повел девушек через толпу, направляясь к тому месту, где находился принц.

— Будьте поосторожнее в высказываниях во время беседы с генералом, стратег Валера, — бросил он через плечо. — Вы слишком фривольно разговаривали с императрицей.

— Обещаю вам, что буду внимательно следить за своими словами, — ответила Гэлис и улыбнулась.

* * *

Жестянкище Эриот Флитвуд еще никогда не доводилось бывать рядом со станцией паровых экипажей.

Сами экипажи она раньше видела только издалека — железные машины с грохотом проезжали через город, выбрасывая в небо клубы черного дыма. Эриот относилась к ним с опаской — в монстрах было что-то неестественное и пугающее.

Однако выбора у нее не оставалось. Если она хочет попасть в портовый город Сомы, то ей придется добираться туда на паровом экипаже. Никто во всем Омеральте не мог или не хотел помочь Эриот найти того, кто заинтересовался бы ею и взял в новую колонию. Нужно подобраться к одному из железных чудовищ и попытаться незаметно войти в вагон...

На платформе, освещаемой фонарями на высоких столбах, толпилось множество людей. Садящиеся в вагоны выглядели так, словно отправлялись в путешествие против своей воли. Неподалеку виднелось несколько королевских гвардейцев, но они следили лишь за тем, чтобы никто не вышел из вагонов, совершенно не стараясь остановить тех, кто заходил в них.

Эриот привыкла к тому, что на нее не обращают внимания: кому интересна невысокая простолюдинка? Девушка спряталась в тени между двумя фонарными столбами. Если кто-нибудь окажется рядом, она просто отойдет в сторону и терпеливо дожидется той минуты, когда представится возможность незаметно пробраться в вагон. Вот, кажется, подходящий момент...

Подойдя ближе к одному из паровых экипажей, Эриот огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что на нее не смотрят, а затем спокойно — насколько позволяло бешено колотящееся сердце — поднялась в вагон.

Девушка не знала, что случится дальше, но, ощутив под ногами слегка подрагивающий пол, испугалась настолько, что чуть было не выпрыгнула обратно на платформу. Однако если в вагон ее привела храбрость, то выйти из него помешало отсутствие таковой. Эриот словно окаменела. Хотя она понимала, что дро-

жание вагона не представляет никакой опасности, оно все равно казалось *неправильным*.

— Так ты заходишь или выходишь? — спросил незнакомый мужчина. Несколько стоявших рядом с ним человек задохнулись.

— Да что ты ее дразнишь, — произнес кто-то, чьего лица в темноте не было видно. — Она же такая молоденькая. Кстати, из вагона все равно никому не выйти.

Эриот не поняла, что означала последняя фраза, но, зайдя так далеко в своем намерении уехать на паровом экипаже, решила, что спуску не даст никому.

Она сердито сверкнула глазами на первого незнакомца, собираясь в любую секунду приступить к выяснению отношений.

— Ладно, успокойся, — угадав ее готовность вступить в перепалку, примирительным тоном произнес мужчина. Через секунду он добавил сквозь зубы: — Давай двигайся, не мешай другим. Всю дорогу до Сомы мы будем ехать как сельди в бочке.

Упоминание портового города заставило Эриот на мгновение забыть о своих страхах. Девушка почувствовала, что ноги вновь ей повинуются, и зашагала по вагону. Все места были уже заняты; некоторые пассажиры устраивались в проходе. Какая-то женщина слегка подвинулась и похлопала рукой по металлическому полу.

— Здесь есть место. Присаживайся, дорогуша!

Эриот послушалась совета и тут же пожалела об этом: в следующее мгновение вагон затрясся еще сильнее. У нее мелькнула мысль: может, еще не поздно выскочить на платформу, навсегда выбросив из головы сумасшедшую идею добраться до Сомы, чтобы сесть на один из кораблей, отправляющихся в новую колонию?.. Однако в вагон продолжали заходить все новые и новые люди, и теперь выбраться наружу уже не представлялось возможным.

Через несколько минут двое стражников закрыли двери. Паровоз издал пронзительный гудок, и Эриот, подобно многим другим пассажирам, вздрогнула от неожиданности. Затем вагон резко дернуло. Многие из стоящих в проходе упали на тех, кто сидел на полу. Со всех сторон донеслись проклятия, крики и извинения. Один мужчина даже попытался ударить кого-то. Прежде чем началась потасовка, раздался крик «Поехали!» и суeta прекратилась.

Сидя на полу, Эриот ничего не видела. Бросив взгляд на окна вагона, она подумала, что поехал не вагон, а платформа — вместе со стоящими на ней людьми и фонарями. Ей казалось, будто весь мир за окном пришел в движение и теперь уплывает мимо них в ночь, словно его кто-то тянет на невидимой веревке.

Девушка в страхе отвернулась от окна, пытаясь побороть нахлынувшую на нее волну отчаяния.

Мэддин усмотрел иронию в посещении Зала Сказаний, поскольку сам ощущал себя участником некоего спектакля. Его жизнь близилась к концу второго акта, кульминация должна была наступить после смены декораций. Под сменой декораций, конечно же, подразумевалась экспедиция в Новую Землю. Но вначале нужно было отыграть пару сцен в старых декорациях...

Когда к нему подошел канцлер Майком, ведя за собой стратега и грамматиста новой колонии, принц понял, что сейчас ему придется проявить максимум актерских способностей.

— Ваше высочество, — произнес канцлер, поклонившись с хорошо скрываемой небрежностью: он желал продемонстрировать Мэддину свое не слишком высокое мнение о Кевлеревах, которые считаются в своей семье белыми воронами. — Позвольте мне представить двух моих ученых.

— Ваших? — удивленно переспросил Мэддин, даже не пытаясь скрыть сарказма.

Майком кашлянул.

— Ну, из моего универ... то есть из университета Омеральта. Мэддин смерил Гэлис и Китайру бесстрастным взглядом.

— Продолжайте, — повелительным тоном произнес он и отпил из бокала.

Прежде чем канцлер успел официально представить их, Гэлис сказала:

— Я стратег Гэлис Валера.

— А я — грамматист Китайра Альбин.

— Я — Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен, а это мой Избранный, Кадберн. Вам уже предложили чего-нибудь выпить?

Девушки отрицательно покачали головами.

— Кадберн, поухаживай за дамами.

Улыбнувшись Гэлис и Китайре, Кадберн отправился выполнять просьбу своего господина.

— Благодарю вас, канцлер, — сказал Мэддин. — Думаю, ваши ученые уже достаточно взрослые дамы, чтобы по вечерам выходить без сопровождения.

Он небрежно качнул бокалом, показывая, что не нуждается в обществе Майкома.

Лицо канцлера сделалось таким же красным, как платье Китайры. Он удалился, поклонившись принцу чуть ниже, чем в первый раз.

— Значит, стратег и грамматист, — произнес Мэддин усталым тоном. — Как интересно. Вы часто ходите в театр? Я спрашиваю просто потому, что в последний раз был здесь несколько месяцев назад. От всего этого быстро отвыкаешь.

— Я в театре впервые, — призналась Гэлис.

— Я тоже, — сказала Китайра.

— Тогда позвольте мне раскрывать вам маленький секрет, касающийся искусства лицедейства. — Мэддин, чуть наклонившись вперед, заговорщически прошептал: — Спектакль просто ужасный. Если вдруг заснете, постарайтесь не храпеть, иначе императрица смертельно обидится.

В следующее мгновение в его голосе зазвучали металлические нотки.

— Вы отправляетесь в Сому через десять дней. Я позабочусь о том, чтобы вас заранее посветили во все детали предстоящего путешествия. Думаю, вам следует познакомиться с моим военачальником, то есть главнокомандующим. Вам, уважаемый стратег, придется тесно сотрудничать с ним, когда вы окажетесь на корабле.

— Военачальником? Главнокомандующим?.. — шепотом переспросила Гэлис, даже не пытаясь скрыть удивления. — В колонии на острове Каел?

— Я все думал, сколько же вам потребуется времени, чтобы догадаться, — с улыбкой ответил Мэддин.

Стратег улыбнулась в ответ, стараясь выглядеть как можно более уверенно. Незачем давать принцу понять, что она только сейчас поняла, куда в действительности направляется экспедиция.

Мэддин отступил назад.

— Кстати, вы когда-нибудь встречались со старым воякой? — громко спросил он, притворяясь опьяневшим.

Не дожидаясь ответа, принц помахал рукой человеку в форме старшего офицера, который стоял в стороне и пытался скрыть смущение.

Офицер с явной нерешительностью приблизился.

— Так вы не знакомы? Позвольте же мне исправить это упущение. Стратег Валера и грамматист Китайра Альбин, представляю вам Госа Линседда, опытного воина, надежного защитника границы, завязанного чиновника-бюрократа и старого греховодника.

Офицер обменялся рукопожатиями с каждой из девушек, скромно потупив взор.

— Ну, что касается чиновника, то я согласен, это действительно так, — еле слышно произнес он.

Гэлис решила, что у него слишком невысокий рост для солдата, однако Гос выглядел достаточно крепким и хорошо сложенным.

— Вы служили вместе с его высочеством?

— Да, много лет назад.

— Сто лет назад, — фыркнул Мэддин и посмотрел в свой бокал. — Почти ничего не осталось... Куда же запропастился Кадберн?

— Я здесь, ваше высочество, — ответил Избранный, появившись будто из ниоткуда. Он вручил Гэлис и Китайре бокалы с охлажденным белым вином.

— Нашему командующему нечего выпить, — пожаловался Мэддин. — Да и мой бокал, черт возьми, уже пуст.

— Сейчас исправлю это недоразумение, — сказал Кадберн и вновь куда-то исчез.

— Молодец, — похвалил Мэддин, а затем тихо добавил: — Конечно, немного рискованно, что вы все сегодня оказались здесь, но планы относительно экспедиции уже не держатся в строжайшей тайне, хотя о нашем с Поломой участии в ней известно пока одной только императрице.

— И, вероятно, канцлеру Майкому, — угрюмо ответила Гэлис.

— Это неизбежно, если учесть, что канцлер — один из главных советников ее величества, — кивнул принц. — Он будет держать рот на замке, иначе Лерена просто прикажет его казнить... А теперь слушайте меня внимательно. Вскоре императрица публично огласит имена главных участников экспедиции, и тогда все узнают, что вы трое отправляетесь туда. — На мгновение Мэддин умолк, давая возможность собеседникам переварить новость, затем продолжил: — С этого момента вам запрещается разговаривать с посторонними даже на самые безобидные темы. Императрица скоро назовет имя главы экспедиции. Это будешь ты, Гос.

Линседд удивленно посмотрел на принца.

— Ривальдийские шпионы решат, что в таком назначении нет ничего странного, — объяснил Мэддин. — В новых колониях обычно назначают губернаторов из числа офицеров среднего ранга.

— А сколько кораблей императрица намерена отправить в экспедицию? — поинтересовалась Гэлис.

— Четыре.

— Всего четыре?

— Раньше эти корабли использовались для перевозки зерна, — сказал принц. — Они вполне надежны. Возможно, не очень удобны для пассажиров, зато обладают хорошими мореходными качествами. У них малая осадка, поэтому мы сможем ближе подойти к берегу. Кроме того, чем меньше у нас будет кораблей, тем больше вероятность того, что ривальдийские шпионы недооценят размах нашей экспедиции. Единственной трудностью станет тайная погрузка нескольких лонгтонов на каждое из судов.

— А ваши собственные планы, ваше высочество?

Мэддин пожал плечами.

— Я пока не готов ответить. Точно знаю одно: мы все встретимся на острове Каел. По крайней мере любой ривальдийский шпион, заметив, как мы отплываем из Сомы, подумает, что мы следуем в нужном направлении.

Вернулся Кадберн с бокалами и сообщил, что прибыла герцогиня Юнара.

— Что ж, надеюсь, что спектакль окажется не таким скучным, как о нем говорят, — громко произнес Мэддин.

Лерена любила сестру всем сердцем, однако доверия к ней не испытывала. Она не знала, придет ли Юнара в Зал Сказаний, но была готова к встрече.

Остальные члены семьи, умевшие обращаться с Сефидом, прибыли в театр каждый со своим Избранным. Не то чтобы императрица ожидала от герцогини каких-то сумасбродных выходов, просто ее никогда не оставляла мысль, что Юнара должна понимать: ее сестра начеку и не утрачивает бдительности ни на минуту.

Лерена пригласила герцогиню в императорскую ложу; она знала, что Юнара не посмеет отказаться от такого приглашения. Сестры сердечно поздоровались друг с другом и мило беседовали до самого начала пьесы.

Во время антракта императрица извинилась и вышла в холл. Там не оказалось никого, кроме Мэддина: стражникам было приказано не пускать никого из посторонних.

— Я уже подумал, что сегодня вы намеренно избегаете встречи со мной, ваше величество, — сказал принц. — Потом прямо посреди второго действия мне сказали, что я должен встретиться с вами здесь...

— Вам нравится спектакль?

— Не особенно. А вам?

— Лучше, чем предыдущий. Кстати, сегодня я впервые увидел Госа Линседда.

Мэддин ничего не ответил, молча выдержав пристальный взгляд императрицы.

— Кажется, он выглядит несколько неуверенно.

— Вы непременно сказали бы о нем совсем другое, ваше величество, доведись вам увидеть его в бою...

— А мы и так почти что в бою. Мысли, которые высказывают здесь члены нашей семьи, генералы и чиновники, помогают определить курс развития империи. Впрочем, полагаю, вы уже остановили свой выбор именно на Линседде... Кстати, а ваши колонисты? Они тоже соответствуют требованиям?

— Я уверен, что они построят для вас великий город, — уверенно сказал Мэддин.

— Правда?

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

Императрица кивнула.

— Кстати, как там она?

Принц ничего не ответил.

Лерена была уверена, что он просто не знает, как правильно ответить на этот вопрос. Ее мать, покойная императрица Хетта, однажды сказала, что секрет успешного правления заключается в том, чтобы держать своих более могущественных подданных в неведении. В случае с Мэджином было важно, чтобы он до самого конца не узнал правды.

— Ну же, кузен, — поторопила императрица, изо всех сил стараясь скрыть свое истинное отношение к любовнице принца.

— Срок уже подходит, — ответил Мэддин.

— Вы не должны допускать, чтобы она появлялась на людях до вашего отъезда.

— Я и не собираюсь выходить с ней в свет.

— Нужно очень точно рассчитать момент отплытия. Вы должны сделать так, чтобы ваша женщина покинула Омеральт прежде, чем родится ребенок, но вы не можете отплыть одновременно с основной экспедицией, иначе народ заподозрит неладное.

— Ваше величество, долго скрывать причину моей ссылки не удастся.

Наступила продолжительная пауза, во время которой Лерена постаралась сохранить бесстрастное выражение лица.

— Я постараюсь, — сказала императрица и глубоко вздохнула, словно собираясь закончить разговор. — Вы будете сообщать мне о том, как продвигаются дела в колонии.

— Разумеется, ваше величество, — ответил Мэддин. — Я буду регулярно посылать вам отчеты.

— Каким образом вы намерены это делать?

— Уверен, уже совсем скоро между Киданом и Сомой будут постоянно курсировать торговые суда.

— Смею надеяться на это. Пожалуй, экспедиция обойдется моей казне гораздо дороже, чем я сама или кто-либо из моих советников считали возможным. Я рассчитываю, что затраты окупятся — и как можно скорее.

В этот момент со стороны сцены донеслись голоса актеров. Спектакль возобновился.

— Вот одна из особенностей любой хорошей беседы, — сухо сказала Лерена. — Всегда забываешь о времени.

— Я не стану сожалеть о том, что пропущу часть спектакля.

— Вы жестоки, Мэддин. Не говорите так в присутствии Кэшел Грейтейн, иначе вы больше не увидите ни в одной из ее постановок.

Не ожидая ответа, императрица развернулась и направилась в свою ложу. Юнара вопросительно посмотрела на сестру, но Лерена лишь мило улыбнулась.

Когда спектакль наконец-то закончился, императрица задержалась, чтобы послушать аплодисменты, которые стали особенно громкими, когда появилась автор пьесы. Как обычно, зрители с преувеличенным энтузиазмом выражали свой восторг по поводу спектакля, набитого враньем от начала до конца и не имеющего ничего общего с действительными историческими фактами.

Лерена являлась верной продолжательницей семейных традиций, но она знала, что появление ее предков на равнинах было обусловлено скорее стремлением к расширению территорий, нежели обычным героизмом; Кевлерены руководствовались в первую очередь алчностью. Впрочем, императрица была уверена в том, что судьба — это то, что ты делаешь из своего прошлого, а не из будущего.

Осталось последнее действие, подумал Мэддин, стоя на лестнице Зала Сказаний. Принц понимал, что метафора не слишком удачна, но не мог избавиться от чувства, что за последнее время мир сильно усложнился и все, что с этого момента он скажет и сделает, будет оседать на его плечах тяжелым грузом. Он сознавал, что вступил на путь, свернуть с которого уже невозможно.

Внезапно Мэддин пожалел о том, что два года назад не проявил нужной осторожности и, встретив на похоронах императрицы Хетты красавицу Алвей, без памяти влюбился в нее. Принц покачал головой, признавая абсолютную бессмысленность своих размышлений. Некоторые вещи — такие, как история империи или глупая пьеса — можно переписать заново. Но только не жизнь. Будь у него выбор, он все равно выбрал бы себе будущее, в котором есть Алвей.

— Ваше высочество! — обратился к нему Кадберн, терпеливо ожидавший чуть поодаль.

Вокруг почти никого не было. Пока шли финальные сцены пьесы, пролился сильный дождь: теперь все сверкало в свете, лившемся из холла.

— По пьесам Кэшел Грейтейн я точно скучать не буду, — произнес Мэддин.

Кадберн насмешливо фыркнул, потом посерьезнел.

— Возможно, вам следовало попросить императрицу, чтобы она позволила ей появиться здесь вместе с вами?

— Только не это, во имя Сефида! — Мэддин сделал глубокий вдох, словно собирался нырнуть в морские глубины. — Пора возвращаться. Как ты думаешь, Алвей дожидается меня?

— Думаю, да. Если, конечно, ребенок позволяет, — тихо произнес Кадберн.

Принц усмехнулся.

— Я все гадаю, какой же из меня получится отец?

— Вы будете строгим отцом.

— Такое не в моем характере.

— Это черта вашего характера, о которой пока еще никому не известно, даже вам, — спокойно заметил Мэддин. — Все родители проявляют строгость, если они любят своих детей.

Мэддин зашагал вниз по лестнице.

— Ты и вправду в это веришь?

Кадберн пожал плечами.

— Не помню, от кого я слышал подобное, но мне показалось, что это верное утверждение.

Мэддин улыбнулся и открыл было рот, чтобы пошутить, как неожиданно послышался чей-то женский голос.

— Она будет называться «Незаконный ребенок»!

Принц и Кадберн одновременно обернулись, взявшись за рукоятки мечей. Они увидели, что позади них из холла выходят Юнара и Нетаргер.

Мэддин и Юнара обменялись враждебными взглядами; точно так же поступили и их Избранные.

— О чем вы, ваше высочество? — спокойно спросил принц.

— Это название пьесы, которую Грейтейн напишет о твоём ребенке, — весело рассмеялась Юнара, после чего, словно в задумчивости, наклонила голову. — Или, быть может, так она назовет пьесу, которую напишет о твоей драгоценной колонии. Возможно, она напишет и о том, и о другом. «Незаконные дети империи».

Нетаргер угодливо хихикнул.

— Ваше высочество демонстрирует свое неповторимое чувство юмора, о котором знает весь Омеральт, — по-прежнему спокойно произнес Мэддин, убирая руку с меча. При этом Кадберн не последовал его примеру. — Вы хотели поговорить со мной о чем-то конкретном?

— Нет. Просто хотела в последний раз взглянуть на тебя. В конце концов, мы были так близки, что обидно расстаться, даже не сказав друг другу «до свидания».

— До свидания, — резко произнес Мэддин, повернулся и зашагал вниз.

— Я рада, что мои наемники не прикончили тебя, — сказала Юнара. — Иначе мне пришлось бы жалеть об этом.

Мэддин ничего не ответил. Кадберн неотступно следовал за ним.

— Но мне очень жаль, что они не разделились с гнусной бабой, которую ты любишь так горячо, что готов ради нее предать традиции родной семьи!

Принц резко остановился.

Кадберн положил ему руку на плечо.

— Не надо, — негромко произнес он. — Продолжайте идти как ни в чем не бывало.

Мэддин, ссутулившись, сделал шаг вперед.

— Видишь ли, против нее лично я ничего не имею, — продолжала Юнара. — Но любой, кто восстает против Кевлеренов, должен получить по заслугам.

На сей раз Кадберну не удалось остановить принца. Мэддин обернулся и посмотрел герцогине в лицо.

— От кого получить? От вас? — Он скрипнул зубами. — Даже вы, любезная герцогиня, не сможете достать нас в Новой Земле!

Юнара посмотрела на него долгим взглядом и спокойно произнесла:

— Ты зря говоришь это с такой уверенностью.

Неожиданно все тело герцогини похолодело от внезапного всплеска магической энергии. Мэддин ощутил, как его кожа покрылась мурашками, а волосы на затылке встали дыбом. Он сделал судорожный вздох и отступил назад. Юнара рассмеялась и разжала правый кулак. В ее ладони лежало маленькая окровавленная птичка. Герцогиня тряхнула ладонью, и мертвое тельце упало на землю.

— Одна из моих любимых малиновок, — равнодушно-отстраненным тоном произнесла она, посмотрев сначала на птицу, а потом на принца. — Любовь придает силу всему, что мы делаем.

— То, что вы чувствуете, — это не любовь, ваше высочество, — холодно ответил Мэддин и позволил Кадберну увести его прочь.

ГЛАВА 7

Полома Мальвара с непонятной ему самому веселостью наблюдал за поведением колонистов, испытывая при этом стыд за собственную толстокожесть.

Он хорошо помнил, как мучился от морской болезни во время путешествия из Кидана в Хамилай, и сейчас по логике вещей должен был сочувствовать страдающим от качки людям, которые едва ли не каждый день выстраивались возле борта, чтобы вовремя извергнуть в море содержимое желудка. Мальвара сам удивлялся, почему во время обратного пути не стал переносить качку намного лучше. Наверняка это было вызвано тем, что сейчас он находился на огромном корабле, который держался на

волнах гораздо устойчивее, чем то маленькое и юркое торговое суденышко, которое спасло Полому от преследования коварных соотечественников.

Это было уже два года назад, с удивлением подумал бывший префект. Казалось, что с тех пор, как он бежал из родных мест, прошло совсем немного времени. Теперь же Мальвара с грустью размышлял о том, скольких своих родственников он застанет в живых. Полома надеялся, что плутократы не осмелились отомстить им за его бегство.

Усилием воли он заставил себя не думать об этом. Не пристало возвращаться домой с ненавистью в душе и с руками, обгабренными кровью. Да и вряд ли Мэддин начнет строительство колонии с истребления местных торговцев — ведь они могут способствовать становлению экономической самостоятельности нового поселения.

Уже не в первый раз Мальвара пожелал быть кем-то другим, вести простую жизнь и принимать решения не более сложные, чем выбор обеденного меню или как придумать имя для новорожденного.

Полома горько рассмеялся. Нет, жалеть себя не стоит. Бедные и незнатные люди в его краю едва сводят концы с концами, постоянно недоедают и порой подолгу ждут, прежде чем дать имя новорожденному ребенку, опасаясь, что он может умереть. И сам префект, и его ближайшие родственники всегда вели сытое, беззаботное, ничем не обремененное существование. Если бы Полома не решил заняться политикой, он до сих пор благополучно мог жить в своем родном доме. Мальвара сам сделал свою жизнь такой, как она есть. Он решил воспользоваться предложением Лерены возглавить экспедицию, имевшую целью установление власти чужестранцев в его родной стране. Мысль о том, что потенциальные противники поступили точно так же в отношении Ривальда, нисколько не уменьшала чувство вины бывшего префекта.

Полома надеялся, что у него хватит смелости принять все последствия своего решения. Иногда он пытался заглянуть в

глубины собственной души в поисках чего-то такого, что можно было бы назвать храбростью, то так ничего и не находил, даже несмотря на то что дважды поступил довольно отважно. Первый раз — в киданской Ассамблее, когда он бросил вызов вождю плутократов Майре Сигни, а второй — обезоружив негодяя, пытавшегося убить возлюбленную Мэддина, красавицу Алвей Селфорд. В первом случае он проявил несомненное мужество, потому что принять сторону Сигни означало опозорить себя самого и всю свою семью. Выходит, этот поступок был совершен из чувства гордости. А в случае с наемным убийцей Полома проявил храбрость потому, что Алвей оказала ему доверие, какого ему не оказывал никто с тех пор, как он покинул Кидан. Это показалось ему чем-то вроде подарка судьбы. Так что в тот раз храбрый поступок был совершен из чувства благодарности...

Жизнь абсурдна, сказал себе Мальвара, и эта мысль немного успокоила его. Лучше уж жить в абсурдном мире, чем в заранее предопределенном и предсказуемом, иначе такие люди, как он — то есть те, кто привык принимать обстоятельства такими, как есть, — будут неизменно терпеть поражение.

Полома ощутил дуновение холодного ветра. Он плотнее закутался в плащ и отправился на нижнюю палубу, где было теплее.

В этот момент он увидел ту самую девушку. С позеленевшим лицом она стояла у борта среди других переселенцев, страдающих от морской болезни. Мальвара попытался вспомнить, как ее зовут, но тщетно. Затем совершенно неожиданно перед его мысленным взором появилось имя девушки, написанное буквами киданского алфавита.

Да, верно. Эриот Флитвуд. Жестяница. Девушка, которая назвала его заморским принцем. Значит, ей все-таки удалось попасть на корабль...

Мальвара улыбнулся, вспомнив свою встречу с настойчивой девицей, и долго смотрел на нее, прикидывая, имеет ли смысл подойти к ней. Новый порыв ветра обдал его холодом. Полома поежился и продолжил свой путь на нижнюю палубу.

* * *

Гос Линседд внимательно наблюдал за бывшим префектом. Тот стоял на юте «Ханнема», главного корабля флотилии. Интересно, какие чувства он может сейчас испытывать? Каково это — возвращаться домой после нескольких лет ссылки? Какой прием ожидает Полому по возвращении в родные места? А как встретят в Кидане Госа и других хамилайцев? Вполне вероятно быстрая расправа от рук вероломных правителей города. А что же простой народ? Как воспримет он прибывшую из Хамилая экспедицию? Кем их считают — завоевателями или освободителями?

Гос сокрушенно покачал головой. Во время путешествия по морю начинаешь по-другому смотреть на вещи. Безграничные водные просторы как будто сводят на нет весь твой предыдущий жизненный опыт, и разум, подобно цветку, раскрывается и впитывает самые невероятные идеи. Единственная задача Линседда — командование экспедиционным корпусом. А о последствиях действий его бойцов пусть беспокоятся Мэддин и Гэлис.

Когда находишься в море, появляется слишком много свободного времени. Госу надо было заняться обучением солдат, которые в данный момент находились на борту «Грейлинга». Кроме того, бойцы должны нести караул на нижних палубах, где находились колонисты, содержать в чистоте форму, регулярно проверять состояние оружия, снаряжения, лошадей, запасов продовольствия и так далее. Все это занимало лишь часть дня, а остальное время солдаты слонялись по палубе и главным образом сучали.

Гос сожалел о том, что он и Полома плывут на разных кораблях; они могли бы лучше узнать друг друга. Ему также хотелось поближе познакомиться с офицерами, которые находились в подчинении у бывшего префекта, прежде чем увидит их в бою. Линседд был человеком дружелюбным, но не настолько, чтобы допустить панибратские отношения с подчиненными. Настоящая дружба возникнет позже, на почве взаимного уважения, а не из-за временного одиночества и дорожной скуки.

Еще раз посмотрев в сторону «Ханнема», Гос увидел, что Полома куда-то исчез с палубы. Бросив взгляд в другом направлении, он заметил примерно в двух милях два других корабля, «Зарим» и «Лакстон». Все суда были одного типа — большие и абсолютно надежные. Мэддин говорил ему, что раньше они использовались для перевозки зерна и потому не отличались маневренностью и скоростью. В гавани суда не производили особого впечатления. Впрочем, как признался себе Гос, все-таки было в них что-то величественное, когда они на всех парусах шли по бескрайним морским просторам.

Однако эти корабли не отличались быстрым ходом. Пройдет несколько недель, прежде чем они прибудут в Новую Землю. К этому времени солдаты измучаются от морской болезни, ошалеют от безделья и в лучшем случае будут способны с трудом передвигать ноги по плацу.

Линседд услышал, как кто-то поднимается по лестнице на верхнюю палубу, а затем увидел светловолосую голову Гэлис Валера. Он с любопытством посмотрел на стратега.

Девушка переносила тяготы путешествия легче остальных пассажиров — и гораздо легче, чем ее возлюбленная, грамматист Китайра Альбин. Та проводила большую часть времени на палубе; ее постоянно тошнило. Впрочем, иногда она вообще не выходила из каюты. Гос даже пожалел, что от морской болезни страдает Китайра, а не Гэлис. Грамматист казалась ему намного более привлекательной, чем стратег.

Девушка приветливо улыбнулась ему. Линседд церемонно поклонился.

— Как сегодня чувствует себя ваша спутница? — спросил он.

— Думаю, ей уже намного лучше, — ответила Гэлис. — Матросы сказали мне, что в начале плавания многие страдают от морской болезни так же сильно, как Китайра. Но дней через десять все привыкают к качке. Еще они говорили, что одному из знаменитых хамилайских адмиралов всегда бывало плохо после отплытия, но при виде вражеских кораблей болезнь как рукой снимало.

Она вновь улыбнулась, чтобы выказать Госу свое расположение и немного приободрить его.

— Так оно и было, — спокойно заметил офицер. — Адмирала звали Бандайди. Он был убит Кевлеренами. В те дни слиш-ком успешных людей всегда подстерегала опасность.

Гэлис встала рядом с Госом и посмотрела на море.

— Наблюдать за волнами так же интересно, как любоваться огнем, — произнесла она. — Море завораживает. Через какое-то время мне начинает казаться, что я вижу то, что находится под водой.

Линседд промолчал.

— Вы думаете, что с тех пор ничего не изменилось? — спросила Гэлис.

— Что именно?

— Кевлерены по-прежнему избавляются от тех, кто достиг слишком больших успехов в разных сферах деятельности?

Гос удивленно посмотрел на девушку. О чем это она? Неужели стратег провоцирует его? Может быть, Мэддин попросил Гэлис проверить лояльность командующего?..

— Почему я вообще должен об этом думать?

Гэлис пожала плечами.

— Они вышвырнули Мэддина из Хамилая. Мне говорили, что он был лучшим генералом империи.

— Возможно, так оно и есть, — бесстрастным тоном ответил Гос. — Но ведь это как раз хороший повод поставить его во главе первой колонии на Новой Земле.

— А, тогда понятно. Кроме того, он и сам является Кевлереном. — Стратег посмотрела Госу в глаза и неожиданно спросила: — Вы нарочно меня избегаете?

Линседд поперхнулся, закашлялся и с трудом ответил:

— Нет.

Он признался себе, что это не совсем правда, но предпочел солгать, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. Однако Линседд знал, что в присутствии этой женщины чув-

ствует себя неловко. Она казалась ему слишком хладнокровной, слишком самоуверенной. Ему не нравились эти качества ни в ком — не говоря уже о человеке, с которым придется тесно сотрудничать. Кроме того, Гэлис была возлюбленной красавицы Китайры. Гос ощутил укол ревности, но тут же испытал неловкость за это ничем не обоснованное чувство.

— Просто Мэддин очень хочет, чтобы мы с вами поскорее нашли общий язык. Насколько я понимаю, ему нужно, чтобы командующий и стратег разработали план предстоящих действий еще до того, как наши корабли доберутся до Кидана.

— Такие решения трудно принимать, не зная ситуации, сложившейся сейчас в Кидане. Прошло два года с тех пор, как Полома бежал оттуда. Целая империя за такой срок может радикально изменить свою внешнюю политику. Что уж говорить о небольшом торговом городе.

Вместо того чтобы смутиться после реплики Госа, Гэлис, наоборот, воодушевилась.

— Вот именно! Чем быстрее мы обсудим план будущих действий, тем увереннее будет себя чувствовать Мэддин, когда мы прибудем в Кидан.

Гос понял, что его ловко перехитрили. Он не мог сдержать восхищенной улыбки.

— А что конкретно вы предлагаете?

— Как скоро мы прибудем на Каел и когда встретимся с принцем?

— Это зависит от ветра. Возможно, через пять—восемь дней.

— Может ли Полома каким-то образом попасть сюда, на «Грейлинг»? Или, наоборот, — получится ли у нас перебраться на его корабль?

— Думаю, это вполне возможно. Но сначала нужно спросить у капитана, — сказал Линседд, кивнув в сторону моряков, стоявших на кормовой палубе. Капитан проводил там большую часть времени, наблюдая за тем, как паруса «Грейлинга» надуваются ветром. Его нельзя было назвать разговорчивым челове-

ком. Тут Гос подумал, что Гэлис, видимо, придерживается такого же мнения и о нем самом.

— Тогда давайте прямо сейчас подойдем к нему и спросим, — предложила стратег и зашагала на корму.

До чего же она самоуверенна, подумал Линседд, покачив головой. Впрочем, нет, это не самоуверенность... Стратег просто выполняет свою работу. Кстати, ему самому тоже давно пора приступить к выполнению своих обязанностей. В любом случае, похоже, теперь для скуки времени не останется. По крайней мере до тех пор, пока они не прибудут к берегам Каела.

— Подождите, — крикнул Гос. — Я пойду с вами.

Эриот Флитвуд извергла за борт содержимое своего желудка. Плотнее закутавшись в шаль, она попыталась не думать о холодном морском воздухе. Но как же ей было плохо!..

Спускаясь на нижнюю палубу, где в воздухе стоял крепкий запах давно немых тел, Эриот чувствовала себя совершенно измученной и несчастной, чего никогда не случалось после того дня, когда умер ее отец и она извела всю горечь сиротства.

Девушка шла очень осторожно, опасаясь, что кто-нибудь из солдат заметит ее присутствие на корабле и выбросит незаконную пассажирку за борт. Она аккуратно обходила других колонистов, направляясь к своему месту на нижней палубе — последней перед трюмом, ниже ватерлинии, где не было даже бортовых иллюминаторов, дающих доступ свежему воздуху и свету. Это было темное сырое помещение, освещаемое лишь несколькими фонарями. Эриот нашла место под одним из трапов и села, приготовившись к нескольким часам скуки и неизбежной тошноты, прежде чем настанет время следующего приема пищи. После этого ей снова придется торопливо подниматься на верхнюю палубу, чтобы в очередной раз вывернуть содержимое желудка в море.

Правильно ли она поступила, сев в вагон парового экипажа несколько дней — или уже недель? — тому назад?.. Дорога до порта Сомы была достаточно тяжелой, но когда все пассажиры с поезда

перебрались на огромные сухогрузы, ее воодушевление сменилось тягостным сомнением. Сможет ли она вообще перенести все трудности плавания к Новой Земле, не говоря уже об испытаниях, которые придется пережить при создании новой колонии?..

Однако страдания от нескончаемой качки испытывала не одна Эриот. С тех пор как корабль вышел из порта, ее жизнь превратилась в кошмар. Стоны девушки сливались с жутким хором стенаний остальных пассажиров, страдавших от морской болезни не меньше, чем она. Эриот никак не удавалось как следует отдохнуть, и каждое утро, просыпаясь после тяжелых сновидений, она окуналась в суровую реальность.

Единственным утешением была мысль о том, что приступы морской болезни, к счастью, стали не такими частыми. Девушку уже не так сильно тошнило, и сегодня впервые за последнее время ей удалось выйти на свежий воздух, не наблевав по дороге. Однако, вернувшись обратно, она уже не чувствовала в себе прежней уверенности.

Эриот закрыла глаза, но легче ей все равно не стало.

Тут кто-то хорошенько наступил ей на ногу.

Девушка открыла глаза. Подняв голову, она увидела высокого широкоплечего мужчину с густой черной бородой. В тусклом свете было трудно разглядеть черты его лица, но Эриот все же заметила кустистые брови и острые скулы незнакомца. Подобно большинству колонистов, он был одет в простые штаны и шерстяную тунику с длинными рукавами.

— С тобой все в порядке? — каким-то монотонным голосом поинтересовался бородач.

Эриот поджала под себя ноги и кивнула.

— Я заметил, что после еды тебя обычно тошнит.

Девушка ничего не ответила. С самого начала плавания она старалась не вступать в разговоры с другими пассажирами, боясь, что кто-то заподозрит ее в незаконном пребывании на корабле. В своих самых страшных кошмарах она представляла, как ее выбрасывают за борт в холодные серые волны.

— Меня зовут Арден, — представился незнакомец.

Эриот по-прежнему молчала, но чернобородый тип так пристально смотрел на нее, что в конце концов она не выдержала:

— Это ваше имя — или фамилия?

— У меня есть только одно, — ответил незнакомец все тем же монотонным голосом.

Девушке показалось, что в его словах прозвучала какая-то необъяснимая грусть.

— Но у всех людей есть имя и фамилия.

— С тобой все в порядке? Как ты себя чувствуешь? — повторил он.

— А почему вас это интересует?

Арден пожал плечами.

— Да нет, нельзя сказать, что слишком уж интересует. — Он какое-то мгновение помолчал, а затем добавил: — Твое дело. Поступай как знаешь.

С этими слова он ушел. Эриот с любопытством посмотрела ему вслед. Пройдя несколько шагов, бородач пихнул в бок какого-то мужчину. Девушка видела, что он что-то говорит, но не могла расслышать его слов. Вероятно, Арден задал точно такой же вопрос: «С тобой все в порядке?»

— Он это целый день делает, — раздался женский голос.

Эриот обернулась. Рядом с ней сидела пожилая женщина, которую она всегда видела только спящей. Старушка напомнила жестянищице птицу: маленькая, сухоощавая, хрупкая, с всклокоченными седыми волосами.

— Он приходил сюда утром, когда ты была на палубе. Разговаривал с людьми. Кому-то принес воды. Но ты ему не доверяй. Сдается мне, он один из них.

Девушке не пришлось спрашивать, кого старушка подразумевала под словом они. Среди колонистов было очень много заключенных, взятых с каторжных работ и лагерей-поселений. Все они были одинаково одеты. Эриот заметила, что и на ее соседке была точно такая же одежда.

— Я одна из тех, кого силой выставили из богадельни, — с негодованием сказала пожилая женщина, заметив выражение лица Эриот. — А с законом я всегда ладила...

Тут она подозрительно посмотрела на девушку.

— Ты-то сама откуда?

— Из Омеральта, — просто ответила жестяница.

Ее собеседница внезапно рассмеялась, словно девушка сказала что-то смешное:

— Да, я могла бы и не спрашивать, — сказала она. — Мы тут все из Омеральта. А теперь направляемся... одному лишь Сефиду ведомо куда!

Старушка вновь рассмеялась, и с ее лица исчезло выражение подозрительности. Она наклонилась к Эриот.

— Меня зовут Розалла. Рада познакомиться с тобой, жительница Омеральта.

Эриот замялась, не зная, что сказать.

— Да будет тебе, — успокоила ее Розалла. — У всех нас есть, что скрывать. Даже если мы из богадельни.

— Я — Эриот, — тихо произнесла девушка.

Пожилая женщина вздохнула.

— Что ж, Эриот, держись поближе ко мне. У меня такое чувство, что в этом плавании нам всем понадобятся друзья.

— Когда же мы приплывем на Каел? — поинтересовалась Эриот.

Розалла пожала плечами.

— Никто точно не знает, а матросы ничего не говорят. Я слышала, что мы плывем не на Каел, а в другое место.

— Как это понимать? — удивилась девушка, чувствуя, как ее охватывает беспокойство. Она так рисковала, чтобы попасть на корабль, направляющийся к этому острову!.. — В таком случае, куда же мы плывем?

— До меня дошли слухи, — понизив голос, ответила Розалла, — что мы направляемся к Новой Земле.

— Но это же совсем в другой стороне! — ошеломленно прошептала Эриот.

Девушка почувствовала, как внутри у нее все похолодело. Что же делать? Выдержит ли она дорогу на край света?

— С какой стати отправлять нас туда?..

— Не знаю, дорогуша, но ты подумай: зачем на корабле нужно везти столько солдат? Мне говорили, что именно для того, чтобы присматривать за нами. — Розалла пожала плечами. — Ах, да что они могут знать? Что вообще кто-то из нас знает?..

Тут пожилая женщина закрыла рот обеими руками и болезненно закашлялась.

— Что случилось? Вам помочь? — спросила Эриот.

Розалла махнула рукой, отрицательно покачала головой, но затем снова раскашлялась.

— Я принесу вам воды, — решительно заявила девушка и, несмотря на протесты своей спутницы, направилась к ближайшей бочке и принесла ковшик с водой.

Розалла приняла ковшик с благодарностью. После нескольких глотков ее кашель прекратился.

— Очень любезно с твоей стороны, — хрипло произнесла она.

Относя ковшик на место, Эриот вновь услышала кашель, на этот раз доносившийся с другой стороны. Обернувшись на звук, она увидела какого-то юношу, который сидел у стены, поджав колени к груди. Перехватив ее взгляд, он виновато улыбнулся. Девушка огляделась в поисках давешнего бородача: надо сообщить ему, что здесь находится человек, который нуждается в помощи. Но Ардена нигде не было видно. Эриот вздохнула, вновь наполнила ковшик и понесла его юноше.

Арден находился неподалеку и слышал кашель Розаллы и молодого человека, но Эриот оказала им помощь прежде, чем он успел к ним подойти. Ему было приятно видеть, что кто-то еще, кроме него, беспокоится о своих спутниках и по мере возможностей помогает им. Бородач очень удивился, что таким человеком оказалась маленькая женщина с волевым голосом.

В следующее мгновение еще кто-то попросил воды. Арден решил, что девушка вряд ли побежит на очередной зов, но ошибся. Эриот, снова тяжело вздохнув, наполнила ковш и направила к больному.

Было в этой женщине что-то основательное, и Ардену это очень понравилось. Он решил не упускать ее из виду.

ГЛАВА 8

На протяжении всего пути от Омеральта до порта Мэддин решительно отказывался смотреть в окно вагона. Однако как только паровой экипаж въехал в город, он не мог удержаться и все-таки бросил взгляд на лес корабельных мачт и море, сверкавшее за дальними доками и складами. Чувство тревоги, преследовавшее принца, когда он уезжал из столицы, уступило место радостному волнению при мысли о приключениях и славе, которые может принести ему предстоящая ссылка.

Герцог Паймер Кевлерен сидел напротив Мэджина. Он не мог не заметить, как изменилось настроение его молодого родственника. Старик иронично улыбнулся. Да, Юнаре это совершенно не понравилось бы. От такой мысли улыбка герцога сделалась еще шире. В конце концов, именно по ее вине он отправляется в это злосчастное путешествие.

Паймер не любил покидать свой милый особнячок, стараясь делать это как можно реже — главным образом в тех исключительных случаях, когда возникала необходимость посетить Омеральт по неотложным личным делам или когда Лерена или Юнара настоятельно требовали его присутствия.

Движение экипажа замедлилось. Мэджин высунул голову в окно, желая посмотреть, что находится впереди.

— Черт возьми, да там почетный караул, — проворчал он.

— Разумеется, в честь моего приезда, — небрежно бросил Паймер.

Мэддин насмешливо фыркнул.

— Я не думал, что местный губернатор выставит ради меня весь свой гарнизон. В конце концов, я ведь изгнанник и нахожусь в немилости у императрицы.

— Ты не изгнанник. Тебе оказана честь возглавить экспедицию, цель которой — создание новой хамилайской колонии.

— Каждый военный, у которого есть хоть крупица ума, сразу поймет истинную причину решения императрицы.

Мэддин пожал плечами и как можно более непринужденно ответил:

— Будем считать, что для меня просто настало время покинуть дворец.

Паймер рассмеялся.

— Ты удивительно красноречив.

Сказав это, он отвел глаза от Алвей Селфорд, которая сидела рядом с Мэддином. Ему не хотелось, чтобы девушка восприняла его невинную шутку за сарказм, ведь у него не было причин издеваться над ней.

Принц вновь выглянул в окно.

— Вот наконец и Кадберн.

— А я все думал, почему он не поехал с нами.

— Я отправил его вперед.

— Чтобы разведать обстановку.

— Разумеется.

На лице Мэддина появилась едва заметная улыбка.

— Нет, ничего подобного. Я просто хотел удостовериться, что для Алвей все приготовлено.

Он ласково потрепал по руке сидящую рядом с ним молодую женщину. Та застенчиво улыбнулась в ответ.

Она очень робка, подумал Паймер, поправляя свой любимый рыжий парик. На протяжении всего пути Алвей ни разу не посмотрела ему в глаза. Впрочем, если бы он забеременел от любовника герцогини Юнары, тоже был бы робким. Вернее, окаменел бы от ужаса.

— Что ж, морское путешествие — как раз то, что нужно, — произнес Паймер, чтобы приободрить девушку.

— В это время года море очень спокойное, — обращаясь к ней, произнес Идальго Акскевлерен, сидящий справа от Паймера.

— Да, — еле слышно ответила Алвей.

Интересно, что такого Мэддин нашел в этой невзрачной девице, удивился Паймер, улыбаясь девушке — как ему казалось, вполне по-отечески. Алвей скромно потупилась, и старик подумал, что она, возможно, всего лишь играет роль застенчивой простушки.

Не всегда следует верить тому, что видишь, напомнил он себе.

Поезд остановился. Дверь вагона открылась: на пороге появился Кадберн Акскевлерен.

— Простите за этот почетный караул, — сквозь зубы произнес он, обращаясь к Мэддину. — Но губернаторша все же настояла на своем.

— Ей известно кое-что, чего не знаешь ты, — ответил принц и указал кивком на Паймера. — Мой спутник, по милости герцогини.

— Простите, — Кадберн поклонился Паймеру. — Простите, ваше высочество. Я не знал...

Старик отмахнулся.

— Я сам узнал лишь два дня назад. За два часа до отъезда.

Кадберн отступил в сторону, пропуская в вагон женщину-губернатора. Увидев Паймера, она учтиво поклонилась ему. Затем, выпрямившись, бросила встревоженный взгляд на Мэддина и Алвей.

— Добро пожаловать в славный город Сомы, ваше высочество, — довольно резко произнесла губернатор. — Жилье для вас готово...

— Когда отплывает корабль генерала Кевлерена? — перебил ее Паймер.

Женщина покраснела.

— Гм-м...

— С утренним приливом, — спокойно сообщил Кадберн.

— Когда именно? — уточнил Паймер.

— Сегодня. За час до полудня, — быстро сказал Мэддин.

Губернатор бросила на него удивленный взгляд, а Кадберн с гордостью посмотрел на принца. «Вот это мой господин», — так и хотел сказать он своей улыбкой.

— Отлично, Мэддин, — сказал Паймер, а затем обратился к губернатору: — Я должен возвратиться в Омеральт сразу после отплытия генерала. В столице меня ждут неотложные дела.

Губернатор поклонилась.

— Конечно, ваше высочество. Я распоряжусь, чтобы в вагоне навели порядок и чтобы все было готово к вашему отъезду.

— Буду вам очень признателен, — сказал Паймер и подался вперед.

Губернатор взяла его за руку и провела через узкую дверь вагона. Как только герцог вышел, почетный караул — взвод пехотинцев в полном обмундировании — вытянулся по стойке «смирно». Паймер поправил одежду, парик, затем лениво отсалютовал солдатам.

— Замечательно, — сухо произнес он.

— Ваше высочество желает произвести смотр? — спросила губернатор.

Паймер открыл было рот, чтобы сказать «нет», но, заметив пристальный взгляд Мэддина, ответил:

— Да. Непременно. Вы проводите меня?

Губернатор широко улыбнулась, обрадованная выпавшей ей честью сопровождать столь высокопоставленное лицо, и вышла из вагона. Паймер, сопровождаемый Идальго, последовал за ней.

Когда все ушли, Мэддин выпрыгнул из вагона и помог Алвей сойти на землю.

— Я надеялся, что все обойдется без всяких церемоний, — шепнул он Кадберну. — По всей видимости, императрица тоже на это надеялась.

— И именно поэтому герцогиня Юнара оповестила губернатора о том, что с тобой будет Паймер, — сказала Алвей.

— Мне показалось, тебе удалось убедить Паймера в том, что ты — умирающий лебедь, — улыбнулся ей Мэддин и повернулся к Кадберну. — Ты нашел для нас хороший корабль?

— Да. Торговое судно. «Англаф». На местном наречии это означает «Улыбающийся ветер». Двухмачтовая шхуна. Ее капитан и владеец — ветеран морских сражений, его зовут Авьер. На судне установлена дюжина лонгтонов для защиты от ривальдийских пиратов.

— Во сколько же оно нам обойдется?

Кадберн улыбнулся.

— Вопрос в вашем духе. Ни гроша, если не считать продовольствия.

На лице Мэддина появилось подозрительное выражение.

— В чем же тогда для капитана кроется выгода?

— Вы даете ему то, что он называет «санкцией» на перевозку товаров и пассажиров по маршруту Сомы — Кидана.

— Мою санкцию?..

— Монополию, если угодно.

— Я могу дать капитану Авьеру определенные полномочия, но никак не монополию. Я не хочу заранее лишать колонию каких-либо выгод.

— Авьер все уладит, — поспешил заверить принца Кадберн.

— Как долго нам придется плыть?

— Мне говорили, что до Кидана около ста высоких мачт. — Кадберн почесал подбородок. — Насколько я могу прикинуть, это около пяти тысяч миль.

— Скорее четыре тысячи, — сказал Мэддин.

— Значит, вы сами все подсчитали.

— Все-таки скажи, сколько продлится плавание? — настаивал Мэддин.

— Авьер говорит, что сейчас, когда весна уже почти наступила, две трети пути будут дуть пассаты, а оставшееся время нам придется сражаться с Порывами.

— С Порывами?..

— Не знаете, что это такое? — Кадберн улыбнулся хозяину и увидел, что Алвей тоже расплылась в улыбке. Мэддин насмешливо фыркнул. — Это ветра, которые дуют раз в месяц перед муссоном в Новой Земле к северу от Кидана; они господствуют на всем побережье. Авьер сказал, что в общей сложности путешествие займет месяц и десять дней — при условии, что мы не попадем в штиль или, наоборот, не угодим в шторм.

В этот момент вернулась губернатор вместе с Паймером, который выглядел еще более утомленным, чем раньше.

— Бравые ребята! — сообщил старый герцог.

— У нас уже готов для вас экипаж, ваше высочество, — произнесла губернатор. — И карета, чтобы перевезти вещи генерала и его... спутницы.

— Ведите нас, — ответил Паймер.

Губернатор дала знак почетному караулу, и солдаты выстроились по обе стороны гостей, образовав живой коридор. К этому времени на станции начали появляться пассажиры, ожидающие парового экипажа в Омеральт. Они стояли в стороне и, увидев Паймера, низко поклонились ему. Все поняли, кто он такой; во-первых, из-за почетного караула; во-вторых, из-за рыжего парика и профиля, похожего на профиль императрицы Лерены, который чеканят на монетах империи. Несколько путешественников из Омеральта узнали и Мэддина.

Занималось раннее утро. Путешественников уже ожидали две большие кареты с зелеными занавесками. К каждой карете был приставлен кучер и два солдата. Паймер, Идальго и губернатор сели в первый экипаж, второй заняли Мэддин, Алвей и Кадберн.

Устраиваясь в карете, Мэддин услышал где-то вдалеке крики чаек. Он потянул носом воздух, пытаясь уловить запах моря, но до его обоняния донесся лишь запах конского пота.

Кареты тронулись. Алвей сидела, устремив взгляд в окно; в утреннем свете ее бледная кожа казалась белой, словно молоко.

Принц и Кадберн наконец-то получили возможность поговорить друг с другом. Они не виделись более десяти дней; им еще ни разу не приходилось расставаться на столь долгое время.

Через несколько минут Кадберн спросил:

— Ну, как все прошло?

Мэддин понял, что конкретно он имеет в виду, и искоса взглянул на Алвей. Молодая женщина не подавала виду, что следит за их разговором, и именно поэтому Мэддин понял, что она слушает.

— Так, как и следовало ожидать.

— Она вас провожала?

— Присутствие Паймера было для герцогини Юнары отличным поводом появиться там. — Принц зло улыбнулся. — И для императрицы тоже.

— Герцогиня и без Паймера нашла бы предлог. Ей надо было кое-что доказать.

— Но старик внес свою лепту в мой позор, — сказал Мэддин.

— Почетный караул...

— Да.

— Приободришься, мой принц, — сказала Алвей. — Скоро мы будем свободны. Во всяком случае, более свободны, чем были бы в Омеральте.

Сома был процветающим портовым городом, получающим немалые доходы от торговли, которая велась по всему континенту. Следовало приложить все возможные усилия для того, чтобы приграничные конфликты не мешали ее дальнейшему развитию. Возможно, через несколько лет Сома даже займет место Бойтелла и станет вторым по величине торговым городом империи.

Улица, по которой они сейчас ехали, была вымощена булыжником; по обеим ее сторонам тянулись сточные канавы. Она была застроена двух- и трехэтажными каменными зданиями с крышами из красной черепицы. Жилые дома перемежались лавками, где продавались предметы роскоши — вроде украшений,

дорогих тканей или нарядной одежды. По мере приближения к гавани добротные дома уступили место строениям попроще, а также многочисленным мастерским и складам. Дорожного покрытия здесь уже не было. Оставшуюся часть пути карета качалась и подскакивала на ухабах. Когда она наконец остановилась, пассажиры с радостью сошли на землю.

Со всех сторон их окружал настоящий лес корабельных мачт. Доки были заполнены повозками и телегами, запряженными лошадьми и волами, а некоторые даже людьми. Вокруг деловито сновал народ, занятый своей работой. Появление членов королевской семьи вряд ли кто-то вообще заметил. Единственное, что сразу бросалось в глаза, — это присутствие еще одного почетного караула. Щеголеватого вида солдаты выглядели несколько неуместно на фоне доков и кораблей.

Мэддин глубоко вдохнул, надеясь ощутить морскую свежесть, но вместо этого его легкие наполнились испарениями горячей смолы, запахом сотен немывтых тел, вонью затхлой трюмной воды и гниющей рыбы. Алвей закрыла нос и рот надушенным кружевным платком.

Первая из карет приблизилась к строю почетного караула. Солдаты вытянулись по стойке «смирно»; из кареты вышла губернатор и помогла Паймеру спуститься на землю. Затем они вместе с Идальго провели смотр караула. Мэддин, Алвей и Кадберн подошли к концу шеренги и ждали их там. К этому времени большинство матросов и стюардов прекратили свою работу и внимательно наблюдали за происходящим.

К Мэддину подошел Паймер. Он выглядел бледным и утомленным.

— Теперь я понимаю, почему наши предки решили основать столицу в горах. — Он закрыл глаза. — Здешняя вонь просто невыносима.

Губернатор участливо взглянула на него.

— Ваше высочество, возможно, вы пожелаете посетить мою резиденцию...

— Это где-то поблизости? — поинтересовался Паймер, открывая глаза.

— Да, не более мили отсюда...

— Значит, слишком близко. — Герцог глубоко вздохнул. — В таком случае я могу потерпеть и здесь. — Он указал на атласные нарукавники губернатора. — Они чистые?

— Простите, ваше высочество?.. — На лице женщины появилась смесь удивления и обиды.

Паймер сделал нетерпеливый жест.

— Дайте сюда.

Губернатор нехотя сняла нарукавник и протянула его герцогу. Тот быстро поднял парик и вытер нарукавником лоб.

— Здесь чертовски жарко. Я думал, что от морского бриза будет прохладнее.

— Это все из-за кораблей, ваше высочество, — сказал Кадберн. — Мачты встают стеной на пути ветров.

Паймер повернулся к Мэддину.

— А какой из этих кораблей ваш? Должен сказать, мне все они кажутся слишком маленькими.

Кадберн рассмеялся.

— «Англаф» — слишком большое судно, чтобы стоять здесь. Оно в гавани. Мы поплывем к нему на шлюпке.

— Понятно, — сказал Паймер.

— Шлюпка уже готова? — спросил Мэддин.

— Она ждет еще с ночи, — ответил Кадберн.

— Тогда отвези на корабль Алвей и все наши вещи. Я подожду, пока ты вернешься.

— Я уверена, что там достаточно места... — начала было губернатор.

— Я тотчас узнаю, — поспешно перебил ее Кадберн.

Паймер с любопытством взглянул на Мэддина.

— Может, мы все вместе подождем в вашей карете, пока не вернется Кадберн? — предложил принц. — Одни, — многозначительно добавил он.

— А, ну да, — произнес Паймер, поняв намек. — Отличная идея. Конечно же, если губернатор не станет возражать.

Та поспешно извинилась и направилась в сторону почетного караула. Паймер и Мэддин сели в первую карету. Герцог жестом приказал Идальго подождать снаружи и принялся обмахиваться нарукавником губернатора.

— Ситуация в Омеральте... — начал было Мэддин.

— Это меня не касается, — перебил его Паймер. — Я сейчас нахожусь за пределами двorca.

— У тебя с собой фамильная цепь?

На лице герцога появилось удивление, но он достаточно быстро обрел самообладание.

— Конечно.

— Можно на нее посмотреть?

Паймер состроил недовольную мину, потом пожал плечами и вытащил из-за пазухи цепь. Он держал ее в руке, но Мэддин даже не дотронулся до нее.

— Первый раз ты показал мне ее, когда я был маленьким мальчиком.

— Не помню. Это было давно.

— Я расстроился из-за того, что мне недоступно Обладание, и ты, чтобы приободрить меня, показал мне свою цепь. «Не каждый из нас способен прикасаться к Сефиду, — сказал ты мне. — Кому-то следует довольствоваться тем, что он просто принадлежит к семье Кевлеренов».

— Я так говорил? Надо же, какие высокопарные слова.

— Но ты был прав. — Мэддин показал Паймеру свою собственную фамильную цепь. — Нам с тобой приходилось жить в нашей семье не так, как другим. Наши способности заключаются не в обладании магическим даром, а в уме. Потому я и стал военным.

На лице старого герцога появилось настороженное выражение.

— Интересно, а кем же тогда стал я?

— Ты притворяешься великим дилетантом, братом и дядей, обаятельным и безобидным весельчаком. Ты использовал свое наследство, чтобы создать свой собственный двор вдали от дворца императрицы. Посещая дворец лишь по торжественным случаям, ты забавляешь родственников веселыми историями и забавным рыжим париком. На самом же деле ты стал незаменимым политическим советником, который больше, чем кто-либо еще из Кевлеренов, осведомлен о том, что происходит в мире. Прежде чем предпринять то или иное решение, императрица вначале советуется с тобой.

— Понятное дело.

— И герцогиня Юнара тоже.

Паймер обиженно посмотрел на племянника.

— Ты хочешь сказать, что это я предложил сделать тебя главой будущей колонии?

Мэддин улыбнулся уголком рта.

— Конечно же, это была ваша с ней идея. Юнара хотела, чтобы я куда-нибудь подевался, лучше всего — навсегда. Вероятно, она предпочла бы, чтобы я пал от руки наемного убийцы. Ты заставил императрицу убедить Юнару, чтобы она согласилась с моим изгнанием в далекую страну.

— С какой стати я должен рисковать, вызвав на себя гнев Юнары?

— Потому что ты знаешь — я хороший солдат; кроме того, ты знаешь, что отношения с Ривальдом становятся все напряженнее и напряженнее. Отправляя меня в Кидан, ты не только мешаешь Юнаре совершить убийство близкого родственника, но еще и расстраиваешь планы ривальдийцев на завоевание Новой Земли.

— А вот ты оказываешь мне слишком много чести, — твердо ответил Паймер.

Некоторое время оба молчали, глядя в разные стороны. Затем Мэддин медленно произнес:

— Возвращаясь к ситуации в столице...

— Опять ты об этом.

— Мне нужно знать, что происходит во дворце. Хочу понять, как относятся ко мне и как к Кевлерену, и как к генералу.

Паймер прекратил обмахиваться нарукавником.

— Ты хочешь, чтобы я стал твоим шпионом в столице?

— Почему же шпионом? В конце концов, ты же мой дядя.

— Двоюродный или троюродный, я точно не помню.

— В любом случае дядя.

— У тебя много других родственников, которых ты можешь попросить об этом. Пусть они сообщают тебе о том, что происходит во дворце.

— Мне этого недостаточно. Мне нужен надежный помощник.

Паймер вновь принялся обмахиваться.

— Ты слишком много просишь.

— От меня тоже слишком многое требуется, — возразил Мэддин. — Я же могу погибнуть на Новой Земле.

— Черт возьми, ты чуть было не погиб в Омеральте, — напомнил Паймер.

— Для Хамилая я больше нужен живым, а не мертвым.

— То же самое можно сказать, например, о лошади или об апельсиновом дереве. Это не слишком убедительный довод.

Мэддин тяжело вздохнул.

— Ты поможешь мне, потому что я тебе нужен.

Паймера состроил скептическую гримасу, но возражать все-таки не стал.

Принц с воодушевлением продолжал:

— Юнара обладает во дворце большой властью. Никто не может превзойти ее в магических способностях. Иногда ее Обладание настолько сильно, что все металлические предметы в радиусе тысячи ярдов от ее вольера испускают сильное свечение. В нашей семье еще ни у кого не было таких талантов. Лерене, чтобы потягаться с ней, понадобится половина всех родственников. Для того чтобы одновременно прикоснуться к Сефиду, нужно будет принести в

жертву такое большое количество Избранных, что Кевлерены очень не скоро смогут оправиться от шока.

Паймер по-прежнему молчал. На его лице появилось выражение легкого испуга.

— Но Обладание — не единственный символ власти в империи. Помимо него существуют приближенные императрицы и армия. Власть Лерены над сановниками огромна, но для того чтобы противостоять Юнаре, на ее стороне должен находиться и весь генералитет. А я, черт возьми, лучший генерал из всех, которые имеются у императрицы.

Прежде чем Паймер успел что-либо ответить, вернулась губернатор.

— Ваше высочество, шляпка с человеком генерала Кевлерена возвращается со шхуны.

— Пора идти, — весело произнес Паймер.

Идальго открыл дверь кареты, пропуская принца вперед.

— Ну, так что ты ответишь мне? — спросил Мэддин.

— Я подумаю.

— Это все, о чем я прошу, — сказал принц и направился к причалу.

— Прошу вас, присмотрите за генералом, — обратился Паймер к губернатору, когда Мэддин оказался вне пределов слышимости. — Подождите здесь, пока не увидите, что корабль поднял паруса и покинул гавань. Я слишком опечален расставанием с нашим дорогим принцем, чтобы самому стоять на берегу и махать рукой на прощание.

Губернатор кивнула и зашагала прочь.

— Полагаю, у вас состоялась душевная беседа с герцогом? — спросил Кадберн у Мэддина.

Они сидели на носу шляпки, приводимой в движение шестью дюжими гребцами. Молодой флотский старшина держал руль и старательно избегал встречаться взглядом со своими пас-

сажирями. Они двигались между судов, стоявших на якоре неподалеку от доков. С палуб и причалов доносились зычные голоса матросов и капитанов: приказы, ругань, смех.

Мэддин пожал плечами.

— Мы узнаем об этом лишь тогда, когда он первым свяжется с нами.

— Или не свяжется, — добавил Кадберн.

Шлюпка вышла в открытое море. Неожиданно на них налет порыв ветра, освеживший Мэддину лицо.

— Знаешь, я рад, что покидаю Омеральт, — сказал принц. — Думаю, такая перемена пойдет мне на пользу.

— Возможно, ваше мнение изменится, когда вы прибудете в Кидан. Занимаясь необходимыми приготовлениями, я наслушался разных историй о Новой Земле. Там некому наводить порядок.

— Что ж, я не прочь поучаствовать в каком-нибудь сражении. Куда проще, чем интриги и склоки в Омеральте.

— Ну, это вы сейчас так говорите.

Шлюпка подскочила на волне, закачалась и вновь обрела равновесие. Если бы Кадберн не схватил Мэддина за руку, тот наверняка свалился бы за борт.

— Как же Алвей перенесла «лодочную прогулку»? — поинтересовался принц.

— Пожалуй, лучше, чем вы. Полагаю, ей уже доводилось плавать в лодке.

— Я же солдат, а не моряк.

— Это заметно.

Мэддин кисло улыбнулся.

— Который из них «Англаф»?

Кадберн указал на большой корабль, покачивавшийся на волнах примерно в двух лонгъярдах от них. Мэддин смог разглядеть лишь нескольких матросов на верхней палубе, которые натягивали паруса. «Англаф» показался Мэддину весьма внушительным.

— Я всегда думал, что шхуны — не очень большие суда.

— Некоторые из них действительно не отличаются крупными размерами. Но если судно предназначено для плавания в открытом море, у него по меньшей мере две мачты и оснастка от носа до кормы, то оно в любом случае называется шхуной, каким бы большим ни было. Кстати, мне сказали, что «Англаф» — одно из самых больших судов. Оно намного быстрее любого из современных кораблей.

— Эти сведения ты явно получил от капитана, — сухо произнес Мэддин.

— Капитан — опытный мореход, ветеран морских сражений, — сообщил Кадберн.

— Он — морской разбойник. Пират, корсар, флибустьер. Получил массу выгод в обмен на небольшую прогулку по мелкой луже.

Кадберн фыркнул.

— Арьер предоставил в ваше распоряжение нескольких слуг. Они за вами даже горшки выносить будут.

Мэддин сделал вид, что услышанное произвело на него впечатление.

Краем глаза он заметил нечто такое, что привлекло его внимание: корабль, стоящий на якоре в стороне от всех прочих судов и сильно отличающийся от них по внешнему виду.

Это было необычайно высокое и слишком широкое судно с высокой овальной трубой, из которой в небо поднимались клубы черного дыма. В верхней части борта зияло шесть больших прямоугольных отверстий.

— По всей видимости, это «Хетта», — сказал он.

— Верно, вы угадали, — ответил Кадберн. — Первое паровое судно. Выглядит довольно уродливо.

— Прямо как его тезка, — криво улыбнувшись, заметил Кадберн. — Этот корабль кто-нибудь видел на плаву?

Кадберн покачал головой.

— Я видел, — прозвучал за спиной Мэддина чей-то невнятный голос. Генерал обернулся и увидел, что это флотский старшина.

— И как же оно смотрелось?

— Совсем как дикий кабан на охоте, — ответил покрасневший от смущения моряк. — Шлепает по волнам, передвигается весьма неуклюже. Корпус сотрясается от малейшего дуновения ветерка.

— А для чего эти отверстия?

— Для лонггонов, ваше превосходительство.

— Полностью укрытых? — Мэддин не мог скрыть своего удивления.

— Ваше превосходительство, у «Хетты» не может быть открытой палубы. Нужно защищать топку.

— У парового экипажа тоже открытая топка.

— Да, ваше превосходительство, но если огонь гасится дождем, приходится ждать, когда уголь высохнет. В крайнем случае можно дожидаться другого экипажа. Если подобное произойдет с «Хеттой», судно ляжет в дрейф в открытом море. Оно и так едва стоит в гавани на трех якорях. Это просто чудовище, а не корабль. Нет ни одного матроса, который не испытывал бы жалость к тем бедолагам, которых туда назначают.

Вскоре шлюпка подплыла достаточно близко к «Англафу», и старшина позвал вахтенного.

Когда лодка коснулась борта корабля, с палубы сбросили веревочную лестницу. Как обычно, Кадберн поднялся первым, желая убедиться, что на палубе Мэддину ничего не угрожает. Никакой опасности не предполагалось, просто он привык всегда поступать подобным образом — еще с тех пор, как они были детьми.

Поднявшись на палубу, принц глубоко вздохнул и, прислонившись к поручням, посмотрел на берег. Ему казалось, что вдалеке он увидел зазубренные вершины нагорья, на котором построен Омеральт.

— А где Алвей? — спросил он.

— Она внизу, в вашей каюте, — ответил ему чей-то грубоватый голос.

Оглянувшись, Мэддин увидел невысокого бородатого мужчину с длинными седыми волосами, завязанными в конский хвост. Его борода также была белой как снег. Под мышкой он держал морскую фуражку. Рукава темно-синего мундира украшали золотые шевроны.

— Это вы — капитан Авьер?

— К вашим услугам, ваше превосходительство. Если захотите спуститься вниз, ваш человек знает, как туда пройти. Теперь, когда вы поднялись на борт «Англафа», мы можем поднять якорь. Мне не терпится поскорее отправиться в плавание.

Мэддин одобрительно кивнул.

— Отлично. Полный вперед.

Кадберн пошел в каюту, а принц в последний раз бросил взгляд на землю, которую раньше никогда не покидал...

И неизвестно, увидит ли когда-нибудь ее снова.

Его королевское высочество герцог Паймер Кевлерен сидел в карете, внимательно разглядывая свою фамильную цепь.

Первая ложь, сказал себе старик. Она такая же фамильная цепь, как это — королевский экипаж. Всего лишь декорация.

Большинство амулетов были сделаны совсем недавно и являлись не чем иным, как копиями настоящих. Оригиналы использовались его племянницей, императрицей Лереной, а раньше — ее матерью и сестрой герцога, императрицей Хеттой. Иногда, как виновато признался себе Паймер, ими пользовалась и вторая его племянница, герцогиня Юнара. Сегодня произойдет нечто подобное.

Настоящие магические предметы ему не давали в связи с его слишком скромными способностями к Обладанию.

«Это моя вторая ложь, — подумал Паймер. — Все, кроме Лерены и Юнары, думают, что я, подобно Мэддину и еще паре его ближайших родственников, лишен магических способностей. Однако на самом деле я все-таки умею пользоваться несколькими словами-заклинаниями, позволяющими слегка прикоснуться к Сефиду...»

Послышались тяжелые шаги губернатора и шелест ее платья, подол которого волочился по земле. Солдаты почетного караула расправили плечи, когда женщина подошла к ним.

— Его превосходительство Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен уже на корабле, — произнес герцог, прежде чем губернатор успела открыть рот.

— Да, ваше высочество. Я только что видела, как «Анг-лаф» покинул гавань.

— Знаете, мне будет его не хватать, — признался Паймер. Он снял парик и откинулся на спинку сиденья. — Мне хочется вернуться в Омеральт. Отвезите меня на станцию паровых экипажей. Вы можете поехать во второй карете. Я желаю ехать вместе с моим Избранным.

Губернатор поклонилась и отправилась отдавать распоряжения. Вошел Идальго, и через мгновение Паймер почувствовал, как карета тронулась с места.

Он открыл глаза как раз в тот момент, когда почетный караул поднял огнестрелы, собираясь устроить прощальный салют.

— Отлично, — пробормотал герцог, вяло помахав рукой.

Когда гавань осталась позади, внимание Паймера вновь переключилось на фамильную цепь. Он выбрал амулет из почти прозрачного белого стекла, который ему нравился больше всего, и аккуратно сжал его большим, указательным и средним пальцами правой руки. Герцог закрыл глаза и представил себе Юнару: красивое бледное лицо, блестящие черные волосы и миндалевидные глаза. Этот образ стал для него чем-то большим, чем обычное воспоминание. Оно словно обрело самостоятельную жизнь.

— Я отправляю это тебе, — сказал Паймер, отчетливо произнося каждое слово.

Амулет, который он держал в руке, начал светиться.

В мозгу у герцога зазвучал голос, очень похожий на голос племянницы.

— Да?..

— Я отправляю это тебе, — повторил старик. — Он отплыл.

Последнее слово Паймер едва ли не выкрикнул. Амулет взорвался, и карету залил яркий свет, на мгновение ослепивший герцога.

— Что случилось, ваше высочество? С вами все в порядке?.. — раздался встревоженный голос одного из солдат, сопровождавших карету.

— Ничего не случилось! — крикнул в ответ Идальго. — Мы отправляемся на станцию!..

Когда к Паймеру вернулось зрение, он посмотрел на свою руку, раздавившую амулет. Маленький кусочек камня крепко прилип к его большому пальцу. Старик аккуратно подцепил его, и из крошечной ранки показалась капелька крови.

Герцог слизнул кровь.

— Черт!.. — негромко выругался он.

ГЛАВА 9

Ганиморо Акскевлерен прислонилась головой к стенке мерно покачивающегося паланкина и задремала.

Когда носильщики приблизились к огромному куполу знаменитого птичника герцогини Юнары, ярко сиявшего в свете луны, она испуганно встрепенулась. Прежде чем впустить Ганиморо, облаченные в ливреи слуги остановили паланкин и удостоверились, что это действительно она. Затем отправили посыльного, чтобы оповестить Юнару о визите. Паланкин внесли во внешний двор, где носильщики остановились.

Страхнув с себя сон, Ганиморо сошла на землю. Она стояла молча, ежась в предрассветном холоде и ожидая, когда о ее прибытии доложат Нетаргеру, Избранному Юнары. Висела такая тишина, что было слышно, как в коридорах эхом отдаются шаги слуг, как открываются и закрываются тяжелые двери. На мгно-

вание у Ганиморо возникло странное ощущение: ей показалось, будто она находится внутри гигантских часов.

Внезапно здание словно ожило. В окнах зажглись огни. Открылись двери, из которых выбежали слуги, готовые отвести в дом и накормить носильщиков паланкина. Вернулся посыльный. Задыхаясь от быстрого бега, он потупил взор и прошел мимо Ганиморо, чтобы вновь занять прежнее место на посту вместе со стражей. Вскоре появился Нетаргер Аксевлерен.

— Мы не ожидали вас, — резким, неприятным тоном произнес он.

— Я тоже не ожидала, что отправлюсь сюда, — ответила Ганиморо.

Выражение замешательства на лице Нетаргера позабавило ее. Обычно Избранного Юнары отличала чопорная невозмутимость, но Ганиморо умела при желании расшевелить его.

— У меня срочное сообщение для герцогини.

Можно было не пояснять, что сообщение прислано императрицей. Нетаргер сухо кивнул и повел ее в апартаменты.

Ганиморо с радостью почувствовала тепло, исходящее из открытых дверей. Она была уроженкой портового города Кегра и за тридцать лет служения Кевлеренам так и не привыкла к горному воздуху Омеральта, прохладному даже летом.

«Мне следовало бы заниматься рыболовством, как мой отец, — подумала молодая женщина. — Или быть женой рыбака...»

Она почти не помнила родителей, и самыми приятными воспоминаниями детства были теплые летние вечера, проведенные на крыльце родного дома.

«Не стоит предаваться бесполезным мечтаниям, — одернула себя Ганиморо. — Если твоя судьба — служить Кевлеренам, а это наверняка судьба, а не случайность, иначе выбор не был бы таким суровым, ты больше не властна над собственной жизнью. Все, что остается, — это мужественно переносить выпадающие на ее долю испытания».

Нетаргер специально повел Ганиморо через апартаменты кружной дорогой, давая герцогине время подготовиться к встрече. Оба Избранных молчали. Некоторые части здания не были освещены факелами, и молодой женщине пришлось держаться поближе к Нетаргеру, чтобы не заблудиться. При их приближении слуги прижимались к стенам, уступая дорогу.

Звуки шагов и нервное перешептывание придворных гулким эхом отдавались от высоких потолков коридоров и комнат апартаментов. Каждая дверь, через которую проходили Избранные, открывалась и закрывалась стоящим возле нее стражником.

Несмотря на темноту, Ганиморо поняла, что они приближаются к покоям Юнары. Запахи старого дерева, готовящейся пищи и немытого тела сменились ароматами цветов и благовоний, чистой ткани и отполированного до блеска паркета. Кроме того, их собственные шаги звучали громче; коридоры превратились в широкие холлы, а крошечные помещения — в просторные комнаты.

Избранные шагали через замок, двигаясь в восточном направлении. То ли преднамеренно, то ли случайно — впоследствии Ганиморо решила, что преднамеренно, ибо Юнара никогда ничего не делала просто так, — они вышли на смотровую площадку как раз в то момент, когда в небе появились солнце.

Перед ними раскинулся огромный купол птичьего вольера Юнары — первое строение в Омеральте, на которое утром падали солнечные лучи. Сверкнуло стекло, на мгновение ослепив Ганиморо; молодая женщина замерла на месте.

Когда ее глаза немного привыкли к яркому свету, она бросила взгляд вниз, на просыпающуюся столицу. Синие тени исчезали, растворявшись в медных куполах, которые сияли как маленькие солнца в витражных окнах желтых каменных стен, в высоких башнях с трепещущими на ветру флагами, широких проспектах и бесчисленных узких переулках. Горы на западе смотрелись так, словно свисали с неба, а озеро рядом с Омеральтом из темно-фиолетового стало ярко-синим. На какой-то миг Ганиморо вообразила себя прави-

тельницей города и тут же поняла, зачем Юнара построила эту смотровую площадку. От этой мысли у нее по спине побежали мурашки.

— Герцогиня ждет вас, — произнес Нетаргер.

Они подошли к птичнику; стражник открыл решетчатую дверь, впустив их в небольшой коридор, на другом конце которого находилась железная калитка, украшенная вставками из цветного стекла.

Нетаргер открыл калитку и жестом пригласил Ганиморо войти. Она шагнула вперед и тут же застыла на месте от изумления.

Молодая женщина очутилась на галерее, которая опоясывала купол примерно на середине его высоты. Потолок оказался настолько высоким, что его практически не было видно. Повсюду порхали тысячи птиц; в воздухе мелькало яркое радужное оперение. Воздух оглашали птичьи трели — громкие, нестройные, веселые. Ганиморо невольно рассмеялась от охватившего ее невыразимого удовольствия, и ее смех прозвучал в унисон с пением птиц.

Молодая женщина посмотрела вниз и увидела герцогиню Юнару в окружении своих пернатых питомцев. Самые храбрые из птиц — попугаи с ярким оперением, райские птицы с лазурными и алыми перьями в хвосте, белоснежные голуби — подлетали к ней и доверчиво клевали зерно с ее ладоней.

Нетаргер осторожно похлопал Ганиморо по плечу и повел к винтовой лестнице. Они спустились вниз и подошли к Юнаре. Повсюду летали птицы, и Ганиморо показалось, будто она находится в плотном кольце пернатых созданий, которые окутывают ее огромным живым одеялом. Молодая женщина почувствовала, что задыхается среди множества теплых трепещущих тел.

В следующее мгновение она очутилась прямо напротив Юнары. У Избранной возникло ощущение, что рядом с ней некое существо, совсем не похожее на обычных людей.

Герцогиня была высока ростом даже по сравнению с Кевлеренами-мужчинами. Ее черные глаза смотрели на Ганиморо аб-

солютно равнодушно. Чертами лица Юнара напоминала нынешнюю императрицу, но отличалась гораздо большим изяществом, словно была сделана из фарфора, а Лерена — из обычной глины. Ганиморо поспешила отогнать эту дерзкую мысль; нехорошо думать подобным образом об императрице.

Мягкое птичье крыло коснулось щеки молодой женщины, и она невольно отшатнулась. Заметив это, Юнара улыбнулась. Ганиморо смутилась. «Ради моей императрицы я должна быть храброй», — напомнила она себе.

Юнара что-то тихо произнесла, и птицы моментально вспорхнули под потолок купола.

Ганиморо учтиво поклонилась.

— Я доставила послание императрицы Лерены ее возлюбленной сестре, герцогине Юнаре...

— Почему же она не воспользовалась магией, чтобы передать мне его?

Ганиморо замаялась. Ей было трудно привыкнуть к тому, что кто-то может называть императрицу просто «она».

— Ее величество не сочла это нужным.

— Понятно.

От Ганиморо не скрылось, что Юнара слегка растерялась. Да, она сбита с толку. А это значит, что герцогиня — такая же простая смертная. Молодая женщина почувствовала себя более уверенно.

Впрочем, нет: замешательство сестры императрицы вызвано чем-то другим. Что-то иное занимает ее мысли. Юнара поймала на себе пристальный взгляд Ганиморо, и Избранная поспешила отвести глаза. В этот момент она поняла, что именно скрывает герцогиня: полуприкрытая подолом ее платья, на полу в лужице крови лежала мертвая птичка.

Ганиморо стало страшно. Она подумала, что Юнара, вероятно, пыталась прочитать ее мысли по пути в птичник, но тут же отмахнулась от этого предположения. Если бы магия была направлена в ее сторону, она бы наверняка это почувствовала.

— Случайно послание не касается Третьего Принца Мэдина? — спросила Юнара.

И тогда Ганиморо все поняла. Беспокойство герцогини связано с ее бывшим любовником; она думала о нем даже сейчас, когда он находился на пути в ссылку. У молодой женщины словно камень свалился с души.

— Вовсе нет, ваше высочество.

— Это нечто иное?

— Совершенно иное.

— Что ж, хорошо.

— Ее величество желает, чтобы вы как можно скорее явились во дворец. Она собирается обсудить с вами вопрос чрезвычайной важности.

— Что же это за вопрос?

— Меня попросили сообщить, что это касается королевства Ривальд.

Юнара неожиданно рассмеялась.

— Ривальд?..

Она произнесла это слово таким тоном, словно речь шла о каком-нибудь ничтожном свинопасе, а не о соседней стране.

Ганиморо ничего не ответила, и тогда Юнара небрежным тоном добавила:

— Разве может представлять какую-то важность то, что связано с Ривальдом?

— Я не вправе что-либо говорить, ваше высочество, но поскольку меня посвятили в суть послания, то могу сказать, что это действительно очень важно. Не исключено, что существует угроза нашей безопасности.

Юнара напряглась, но растерянное выражение так и осталось на ее лице.

— Безопасности империи?..

— Именно.

Юнара кивком приказала Ганиморо следовать за ней, и они вместе зашагали к озеру, расположенному в северной части птичника. Нетаргер шел следом, держась чуть поодаль.

Это было самое большое искусственное озеро во всем Омеральте, а может, даже во всем мире. Лонгъярд в ширину и два лонгярда в длину. Здесь имелся даже маленький островок, соединенный с берегом коротким деревянным мостом — причуда архитектора. Услышав человеческие шаги, с озера, хлопая крыльями, испуганно взлетели цапли и журавли, чьи гнезда располагались в высоких желтых камышах возле одного из берегов.

— Ты больше ничего не можешь мне сказать?

Ганиморо отрицательно покачала головой.

Она заметила, как герцогиня украдкой бросила взгляд на Нетаргера. Избранный вежливо кашлянул, прикрыв рот ладонью, и сказал:

— Возможно, это как-то связано с ривальдийской Боевой Ассоциацией.

Ганиморо поняла намек Юнары, но все же смогла скрыть свое удивление. Конечно же, ей следовало этого ожидать. После императрицы никто, кроме ее сестры, не был столь осведомлен о том, что происходит в мире. Ну, наверное, еще герцог Паймер, напомнила себе Ганиморо. Даже маленькая мышка не может справить нужду, чтобы по меньшей мере кто-то один из этой тройцы не узнал об этом.

— Да, кажется, что-то такое припоминаю. Да-да, именно: я что-то слышал о ривальдийских офицерах, недовольных порядками в стране, — встрял в разговор Нетаргер.

А вот это уже ближе к истине, подумала Ганиморо.

— Я должна поскорее вернуться к императрице, ваше высочество, — быстро произнесла молодая женщина и тут же осознала свою ошибку. Сама того не желая, она выложила им все, что они хотели знать.

Не совсем, поправила себя Избранная. Их ожидает мало-приятный сюрприз.

— Конечно. Передай моей сестре, что я буду во дворце через час.

Нетаргер зашагал впереди Ганиморо, показывая ей дорогу. По пути ей пришлось перешагнуть через лужицу крови, растекшуюся вокруг мертвой птицы.

— Неужели сестра затевает со мной какую-то игру? — спросила Юнара.

Нетаргер пожал плечами. Он знал, что герцогиня просто размышляет вслух и не ожидает ответов на свои вопросы. Да и в любом случае, разве он смог бы ответить на этот вопрос? Даже Избранный, главнейший из Акскевлеренов, не имел права обсуждать действия императрицы, невзирая на свои обязательства осведомлять Юнару и давать ей советы.

Герцогиня и Нетаргер находились в ее паланкине. Его несли восемь носильщиков, а еще восемь слуг шли впереди, прокладывая дорогу. Их сопровождали десять личных стражников Юнары — пять впереди паланкина и пять позади.

Через неплотно задернутые занавеси, скрывающие герцогиню от посторонних взглядов, Нетаргер видел желтые каменные здания. Периодически он замечал знакомые лица, провожающие взглядом паланкин. Местный пожарный, который по ночам патрулировал улицы в этом районе Омеральта; женщина, каждое утро приходившая за водой к фонтану, вслед за которой бежала чуть ли не сотня ребятишек; один из личных слуг Юнары с хитроватым выражением лица...

Наверное, собрался встретиться со своей подружкой, подумал Нетаргер. Он знал все, что нужно было знать о прислуге Юнары. Он еще поговорит с этим слугой; пока же герцогине не обязательно об этом знать — в конце концов, не такая уж и большая провинность, а у слуги, возможно, имеется уважительная причина отлучиться из замка.

— Это на нее не очень-то похоже, — продолжала Юнара, качая головой. — Лерена даже в детстве не любила играть. Она столь же серьезна, как Паймер — игрив.

— Значит, безопаснее предположить, что за ее действиями кроется нечто серьезное, — сказал Нетаргер.

Ему тоже очень хотелось узнать, зачем императрице понадобилась Юнара, хотя Избранный и не имел желания заниматься какими-то тайнами. Но вот герцогиня обязательно займется этим. Она считает, что все, даже сама императрица, ей завидуют, и поэтому стараются ослабить ее влияние. Нетаргер был убежден, что неуемное стремление Юнары постоянно искать скрытые мотивы чужих поступков — неотъемлемая часть ее характера. Для нее это было так же естественно, как дышать и думать. Он обратил внимание на эту ее черту еще во время их первой встречи, когда обоим было по семь лет. Испуганный, одинокий мальчик, недавно оторванный от родителей, — и шаловливая, удивительно красивая девочка с самыми длинными волосами, которые он когда-либо видел.

Она сразу же привлекла его внимание. С самого начала Нетаргер и любил, и ненавидел ее за то, кто она такая. Иногда он задумывался, от кого же Юнара унаследовала свой нрав — от матери, покойной императрицы Хетты, или от отца, Бовайна, о котором Нетаргер почти ничего не знал, за исключением того, что тот обладал вспыльчивым характером, а на щеках у него были видны следы лопнувших кровеносных сосудов. Нетаргер предполагал, что Юнаре в большей степени передались именно отцовские гены, потому что Хетта отличалась невероятно замкнутым и спокойным нравом; с ней могла сравниться разве что Лерена, ее старшая дочь и преемница.

Юнара внезапно подалась вперед, и Нетаргер машинально протянул руку, чтобы удержать ее. Герцогиня с недовольным видом отодвинулась. Увидев ее глаза, он понял, что взгляд Юнары устремлен куда-то в пространство. Избранный ощутил присутствие Сефида: волосы у него на затылке встали дыбом.

Герцогиня приоткрыла рот; она не произнесла ни звука, но по ее губам Нетаргер прочитал слово «да». Неужели это послание от Лерены?.. Юнара откинулась на сиденье; выражение ее лица стало мрачным, она старалась не встречаться взглядом с Нетаргером. Кто бы ни вступил с нею в контакт и что бы там ни сообщил, Избранного это не касалось.

По крайней мере сейчас.

Паланкин остановился у главного здания дворца, где располагался тронный зал и личные апартаменты императрицы. Стражник распорядился, чтобы носильщики доставили ее высочество в резиденцию Лерены.

— В любом случае, — сказала Юнара, — это слишком большая тайна даже для двора императрицы.

Нетаргер нахмурился. Сам того не ожидая, он начал беспокоиться за свою госпожу. Дела начинали принимать слишком серьезный оборот. Запахло чуть ли не заговором...

Как ни странно, Юнара немного успокоилась. Заметив озабоченное выражение лица Избранного, она рассмеялась.

— Если бы моя сестра что-то замышляла против меня, то вряд ли бы позволила половине дворца увидеть мое прибытие.

Нетаргер кивнул. Герцогиня, конечно, права.

— Кроме того, — продолжала Юнара, — мы все-таки любим друг друга. Пока что любим.

На это Нетаргер ничего не ответил.

Спустя какое-то время они оказались в покоях императрицы. Там их ожидала Ганиморо.

— Добро пожаловать во дворец, ваше высочество, — сказала она, низко поклонившись. — Императрица ожидает вас.

Ганиморо провела герцогиню и Нетаргера в личный кабинет императрицы — уменьшенную копию тронного зала, где находилась также и уменьшенная копия самого трона.

Кроме Лерены, в помещении находились ее ближайшие советники.

— Значит, вопрос все-таки не настолько секретный, если из него не делается тайны для придворных, — шепнула Юнара своему Избранному.

Нетаргер отметил про себя одну деталь. В кабинете императрицы собрались лишь высокопоставленные сановники. Младшие министры, советники, глашатаи и чиновники низших рангов на этой встрече отсутствовали. Только Лерена и члены кабинета министров — за исключением трех генералов и двух адмиралов.

Все они столпились возле стола, стоявшего в центре комнаты. По всему столу были разбросаны карты, уголки которых прижимались подсвечниками. Где-то вдалеке Нетаргер услышал лай любимых собак Лерены. В этом имелся некий особый смысл: Юнара выбирала своих питомцев из воздушной стихии, а Лерена — из земной. Здесь, подумал Нетаргер, и заключается различие между ними, а также их потенциальными способностями.

Ганиморо негромко кашлянула, и императрица подняла голову. Она явно обрадовалась, увидев Юнару, чем буквально поразила и саму герцогиню, и Нетаргера.

— Благодарю тебя, сестра, за то, что ты пришла, — сказала Лерена, протягивая руку Юнаре.

Герцогиня подошла к императрице, взяла ее руку и сделала реверанс.

— Благодарю за добрые слова, ваше величество, — сказала она и вопросительно посмотрела на советников императрицы.

— В чем дело? Ганиморо сказала, что будет обсуждаться вопрос, связанный с Ривальдом.

— Боевая Ассоциация захватила власть в свои руки, — сообщила Лерена.

Юнара едва удержалась, чтобы не сделать пренебрежительный жест. В конце концов, уже давно ведутся разговоры о том, что рано или поздно нечто подобное должно произойти. Однако серьезное выражение на лицах министров остановило ее.

— Что ж, отлично, — произнесла герцогиня. — Мы никогда особенно не ладили с Торговой Ассоциацией с тех пор, как она получила полномочия...

— Вся власть в Ривальде принадлежит Боевой Ассоциации! — перебила ее Лерена. — Ты что, не понимаешь?

На какое-то короткое мгновение Юнара пришла в замешательство.

Нетаргер смело шагнул вперед.

— Ее величество, вероятно, хочет сказать, что ваша семья больше не правит в королевстве Ривальд?

Юнара заметно побледнела и прижала руки к груди.

— Неужели в Ривальде действительно свергли Кевлеренов?!
Лерена молча кивнула.

— А наши кузены? Что с ними случилось? Их убили?

Лерена сделала знак Генералу Второму Принцу Родену Кевлерену, своему двоюродному брату и главе хамилайской разведки. Это был невысокий мужчина с суровым выражением лица и редкими седеющими волосами.

— Прошлой ночью ее величество услышало зов...

— Крик! — перебила Лерена. — Громкий крик, который был направлен мне Сефидом!

— ...крик Сарры Кевлерен, королевы Ривальда. Это был отчаянный зов о помощи...

— Я чувствовала ее боль, Юнара! — воскликнула Лерена. — Мне никогда раньше не доводилось испытывать что-либо подобное...

— Когда мы узнали об этом от ее величества, то вначале не поняли всего значения случившегося, — продолжал Роден. — Мы тоже осуществили Обладание. Возможно, кузина, сегодня утром вы ощутили отголосок наших действий...

Юнара кивнула, хотя в действительности была слишком сосредоточена на собственном Обладании, чтобы заметить что-либо другое; она принесла в жертву нескольких своих питомцев, пытаясь определить местонахождение Мэддина. После отъезда принца герцогиню обуревало желание определить расстояние между ними, словно оно могло служить мерой возмездия. Пусть ей и не удалось убить Мэддина, но она решила, что изгнание станет для него заслуженным и справедливым наказанием.

Роден нервно облизнул губы.

— Почти сразу мы узнали о том, что Боевая Ассоциация взяла в плен королевскую семью. Мятежники убили саму Сарру и умертвили всех ее Акскевлеренов и питомцев...

Голос генерала задрожал. Он умолк, не в силах продолжать дальше.

Юнара испуганно посмотрела на него. Нетаргер положил руку ей на плечо и спросил:

— Зачем?

— После смерти Сарры и уничтожения всего, что было ей дорого, остальные ривальдийские Кевлерены были настолько, по всей видимости, потрясены, что потеряли волю к сопротивлению. Таким образом, Боевая Ассоциация сумела установить жесткий контроль над королевством, — объяснила Лерена. — Кевлерены получили страшный урок. Беспрекословное повиновение и строжайшая дисциплина — вот теперь их удел.

— То есть Кевлеренов заставили подчиняться воле Ассоциации?!

Как ни старалась Юнара, ей так и не удалось скрыть своего ужаса.

— Именно так, — ответил Роден.

— Не могу в это поверить!

— Утром пришло подтверждение, — сказала Лерена. — Я получила послание от младшего сына Сарры, ее единственного прямого наследника, который чудом остался в живых. Он дал понять, что воспользовался Сефидом, находясь под вражеским контролем. Попросту говоря, ему приказали, чтобы он сообщил нам о случившемся. Боевая Ассоциация хотела, чтобы мы узнали об их действиях.

— Этого нельзя было допустить, — гневно произнесла Юнара. — Ведь это же наши родственники!

— Дальние родственники, — напомнил Роден. — До сегодняшнего утра они являлись нашими врагами.

— Скорее соперниками, — возразила герцогиня и взглянула на Лерену. — Ты, конечно же, не можешь оставить их в беде!

Лерена вновь протянула сестре руку.

— У меня нет выбора, сестра. Военные разлучили Кевлеренов с их Акскевлеренами и питомцами, заперли во дворце... Если кто-либо из них самовольно воспользуется Сефидом, мятежники в отместку убьют любого Кевлерена и всех, кто ему дорог.

— Но это же настоящее преступление! Массовое убийство!.. — воскликнул потрясенный услышанным Нетаргер.

Его слова прозвучали явно не к месту, однако Избранному простили его реплику.

— И мятежники сделают то же самое, если мы вмешаемся, — добавил Роден.

— Каковы намерения Ассоциации по отношению к нам? — спросила Юнара.

Лерена пожала плечами и указала на разбросанные по столу географические карты.

— Мы получили данные о том, что на границе происходят беспорядки — в частности, в районе Геймвальда. Но ситуация не настолько опасна, чтобы стать предметом серьезного беспокойства. Наши намерения могут быть столь же неясны мятежникам, как их замыслы — нам. Для управления Ривальдом они создали Комитет Безопасности. Мы ничего не знаем о том, что это за организация, какова проводимая им политика и каково отношение к империи... Нам остается лишь ждать.

— И прислушиваться к Сефиду, — добавила Юнара.

— Совершенно верно, сестра. — Лерена крепче сжала руку герцогини. — Из нас всех ты — самая сильная, ты обладаешь наилучшими магическими способностями. Тебе в особенности нужно прислушиваться к Сефиду и оповещать нас о любых изменениях. Возможно, это будет единственным предупреждением, которое мы сможем получить.

Юнара проснулась перед рассветом, охваченная внезапной тревогой. Ей приснился Мэддин, который сказал герцогине, что Алвей Селфорд беременна от него.

Юнара села в кровати; острая боль как ножом ранила ее сердце. Но разбудило сестру императрицы все-таки нечто другое, и она поняла, что именно, прежде чем остатки сна успели улетучиться.

— Да, — произнесла вслух герцогиня. — Так и есть.

Ее лицо словно заledenело. Юнара прижала руки к щекам.

— Если в Ривальде беспорядки, то семья может заставить Лерену призвать Мэддина обратно, — сказала она в темноту. —

Он — наш лучший генерал. Мне следовало убить его, как только я обо всем узнала. Черт бы побрал дядю Паймера!..

В изножье ее кровати захныкал маленький мальчик. Юнара вновь мысленно приказала ему спать, но безрезультатно.

Хныканье превратилось в протяжный зевок. Над спинкой кровати появилась детская головенка.

— Что с вами, ваше высочество? Вам нехорошо?..

Юнара посмотрела на ребенка невидящим взглядом, затем сфокусировала взгляд на его лице.

— А где Мика? Где мой ночной слуга?

— Прошу прощения, ваше высочество, но Нетаргер решил, что мне пора приучаться к новым обязанностям...

— Да-да, — вздохнула Юнара. — Напомни мне свое имя.

— Онари, — сонно произнес мальчик. — Онари Акскевлерен, ваше высочество, — поспешно добавил он.

— Как долго ты находишься у меня в услужении?

— Ваши люди нашли меня прошлой зимой.

— Тебе нравится быть моим слугой?

— Да, ваше высочество, — торопливо закивал ребенок.

— А какова цель твоей жизни? — спросила Юнара, стараясь, чтобы ее голос прозвучал нейтрально и мальчик не смог бы угадать, как нужно ответить.

Он какое-то мгновение вопросительно смотрел на герцогиню, и та поняла, что мальчонка думает о своей семье. Всего год назад Онари был обычным ребенком из простой семьи. Его родители надеялись, что, повзрослев, сын продолжит дело своего отца. Но его жизнь бесповоротно изменилась: отныне он — Акскевлерен.

— Онари! Я жду! — поторопила герцогиня.

— Служить, — быстро произнес он, словно это слово только что пришел ему в голову.

Юнара кивнула, и мальчик заметно успокоился, довольный тем, что дал верный ответ на вопрос.

— Я хочу вина. Пойди на кухню и скажи, что нужно подогреть вино. Белое сладкое вино.

Онари выбежал из комнаты, едва не запутавшись в простынях.

Разум Юнары прояснился.

Мэддин.

Герцогиня попыталась разобраться в своих чувствах к принцу, но они казались неясными и расплывчатыми. Что это было — любовь, ненависть, или и то и другое вместе, Юнара не знала. Мэддин отверг ее и стал искать расположения простолюдинки — дочери фермера. Это же немыслимо! Он сделал ее жертвой, и теперь она ни за что не позволит ему вернуться в Омеральт...

«Но Лерена может вызвать Мэддина обратно, — подумала герцогиня. — Мне этого не вынести».

К тому времени, как Онари вернулся с вином, решение было принято. Мальчик подал ей теплый кубок и встал возле кровати, поживаясь от предрассветного холода.

Юнара поманила его к себе.

— Залезай сюда. Я не могу допустить, чтобы ты умер от воспаления легких.

Онари замешкался.

— Залезай, — приказала герцогиня.

Мальчик присел на краешек кровати, затем осторожно забрался на нее и лег на спину, застыв в неудобной позе.

— Так не пойдет, — сказала Юнара и, вытащив из-под него одеяло, накрыла ребенка.

Онари отодвинулся к самому краю постели, явно стараясь держаться как можно дальше от госпожи, и герцогиня еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Какой же он стеснительный! Ей так и хотелось сказать ему, что он слишком мал для чего-то серьезного, но она знала, что такие слова еще больше смутят его.

— Ты скучаешь по своей семье?

— Да, — тут же ответил мальчик, и на его лице вновь появилось выражение испуга. — Но мне здесь очень нравится! — поспешно добавил он.

— Я очень рада. И не вини себя за то, что скучаешь по дому. Пройдет много лет, прежде чем это чувство исчезнет. Но, обещаю, так оно и будет.

Мальчик кивнул; ему очень хотелось верить.

— Кто твой отец?

— Мой отец умер, ваше высочество. Он был пивоваром.

— Мне очень жаль. А у тебя был старший брат, который мог продолжить его дело?

Онари отрицательно покачал головой.

— Только младшие братья и две сестры. Мой дядя, мамин брат, рассказал вашим людям о нашем несчастье, и они дали маме за меня достаточно денег, чтобы она могла заняться каким-нибудь ремеслом.

— Я очень рада. Мне приятно слышать, что я смогла помочь твоей семье.

Неожиданно мальчик поднял голову и посмотрел на Юнару с немым вопросом в глазах. Она тут же поняла, о чем Онари хочет спросить. Рано или поздно все они спрашивают об этом.

— Можно мне написать маме, ваше высочество? Пусть она узнает, что со мной все в порядке...

— Ты умеешь писать?

— Меня учит Нетаргер, — с гордостью ответил мальчик.

— А твоя мама писать умеет?

Онари покачал головой.

— Нет, ваше высочество, но мой дядя немного знает грамоту и мог бы помочь ей.

Юнара печально покачала головой:

— Прости, Онари, но это невозможно. Я знаю, тебе трудно это понять, но будет лучше, если твоя семья не станет получать от тебя известий. Ведь теперь ты принадлежишь Кевлеренам.

Юнара увидела, что мальчик изо всех сил старается не заплакать, и решила, что ей все же нравится этот ребенок. С самого начала это бывает трудно определить, но у Онари определенно доброе сердце.

Герцогиня почувствовала симпатию к мальчику.

— С тобой все получится, — еле слышно произнесла она.

— Простите, ваше высочество, что вы сказали?..

Юнара улыбнулась.

— Да так, не обращай внимания. Вот, возьми, это тебе поможет, — сказала она, протягивая кубок с вином.

Мальчик осторожно сделал пару глотков. Юнара подложила ему под голову белую подушку.

— Закрой глаза. Может быть, я помогу тебе увидеть во сне твою маму, братьев и сестер. Ты ведь хочешь этого?

Онари кивнул, положил голову на подушку и закрыл глаза, но все же по его позе было видно, что он очень напряжен и все еще нервничает. Юнара нежно погладила мальчика по голове. Дыхание Онари сделалось ровным.

Вскоре он заснул.

Герцогиня правой рукой прикоснулась к его шее. Иглой под ногтем мизинца — такую иглу получали все взрослые Кевлерены, наделенные магическими способностями — она нащупала яремную вену мальчика и быстро проколола ее. Онари застонал, но не проснулся. Его кровь хлынула на подушку, и Юнаре стала открываться безграничная мощь Сефида — медленно, по мере угасания жизни юного существа.

Слезы навернулись на глаза герцогини. Скорбь по утраченному, подумала она, обращая жертвоприношение на достижение поставленной цели.

ГЛАВА 10

Мэддин проснулся, чувствуя во рту неприятный привкус.

К его боку крепко прижималась спящая Алвей. Принц взглянул на потолок каюты и услышал шаги ночного караульного, расхаживавшего взад-вперед по палубе. Мэддин подсчитал время до возвращения солдата в обратную сторону и прикинул, что длина

палубы составляет около половины лонгъярда. Он представил, как сам прогуливается по палубе, и вновь попытался уснуть.

Корабль мерно покачивался на воде, а ветер по-прежнему туго натягивал паруса.

Мэддин тихо чертыхнулся и осторожно, чтобы не разбудить Алвей, вылез из кровати. Он нашел ночной горшок, больше походивший на пузатую бутылку, и помочился в него, стараясь производить как можно меньше шума. Затем наскоро оделся в темноте и вышел из каюты.

Выйдя на корму, принц поднялся на главную палубу. В лицо ему тотчас ударил порыв влажного ветра. Мэддин немного подождал, чтобы привыкнуть к перепаду температур, и пошел дальше.

На носу и корме судна горели фонари; в небе из-за облаков выглядывал краешек луны. Было довольно светло, чтобы найти дорогу к ограждению правого борта.

Вокруг простиралось свинцово-серое море.

«Интересно, что же разбудило меня, — подумал Мэддин, но спросонья было трудно найти ответ на этот вопрос. Почему-то ему казалось, что это очень важно. — Может, лучше вернуться в каюту, лечь в кровать и прижаться к Алвей?»

Принц улыбнулся.

А может, стоит разбудить ее?.. Но нет, это несправедливо — будить ее лишь потому, что ему самому не спится.

Мэддин тяжело вздохнул и зашагал вперед по палубе.

Он знал, что берег Кидана лежит в тысячах миль отсюда, но ему хотелось посмотреть с носа корабля в том направлении, проверить, удастся ли ему прочитать свою судьбу по звездам...

Поскрипывание корабельной оснастки напоминало дыхание огромного кита. К носовому кубрику вела короткая лестница. Вскоре Мэддин оказался перед бушпритом с трепещущим на ветру парусом, казавшимся белесым пятном на фоне ночной темноты. Зная, устремленное в будущее. Принц чувствовал, как в спину ему дует юго-восточный ветер, с каждым

мгновением унося «Англаф» и всех его пассажиров все дальше и дальше от Хамилая.

Он отошел к левому борту и зашагал к корме; ветер так упорно пытался сбить Мэддина с ног, словно его насылала сама Юнара.

— Не волнуйтесь, ваше высочество, — произнес он вслух. — Я уплываю, и если смогу, то больше никогда не вернусь обратно.

Говоря так, принц понимал, что слова его верны лишь отчасти. Нет, конечно, он будет с чувством ностальгии вспоминать Омеральт, плато, на котором расположен город, горы и озеро... и жизнь в императорском дворце. В конце концов, он все-таки Кевлерен, пусть даже не наделенный даром Обладания. И его место — в столице.

Тем не менее...

Принц остановился и еще раз бросил взгляд через плечо на восток. Теперь, когда у него над душой не стоит Юнара — или императрица, или даже Паймер, — у него появилось больше возможностей устроить собственную судьбу, а это уже само по себе неплохо.

Мэддин зевнул. Все-таки он устал. Возможно, сейчас ему удастся уснуть. Он пошел дальше, слушая, как его шаги эхом отдаются по палубе.

Сделав несколько шагов, принц остановился. Налетел сильный порыв ветра, надувая пузырем рубашку. Где-то высоко над головой затрещал парус, звучно натянулись ванты. Мэддин отметил про себя, что ему уже стали нравиться звуки на корабле, идущем в открытом море.

А затем он понял, что же именно заставило его остановиться. Принц сделал еще несколько шагов, старательно прислушиваясь. Он уловил лишь звук собственных шагов. А шаги ночного караульного? Они были хорошо различимы, когда он находился в каюте, но почему же их не слышно здесь?..

Мэддин огляделся по сторонам. Единственным человеком на палубе был матрос в рулевой рубке. А где часовой?..

Ветер усилился.

Юнара.

* * *

Алвей перекатилась во сне на другой бок и похлопала рукой по холодной простыне. Истосковавшееся по ласкам Мэддина тело заставило девушку проснуться. Алвей заморгала: на мгновение ей показалось, что она все еще находится в Омеральте.

— Мэддин!..

Звук собственного голоса разбудил ее окончательно.

Представив, как вокруг корабля плещется холодное море, девушка невольно вздрогнула и плотнее закуталась в грубое одеяло.

— Ой!.. — вскрикнула она от неожиданности, когда ребенок сильнее зашевелился у нее в животе. — Я тоже по нему соскучилась, — сказала Алвей вслух.

Так где же Мэддин? Наверное, бродит по палубе или о чем-то беседует с Кадберном. Полюбить принца — все равно что полюбить человека, у которого уже есть две жены. Герцогиня и Кадберн. Вытеснить герцогиню было легко: Юнара считала Мэддина своей собственностью, но никогда по-настоящему не любила его — во всяком случае, не любила так, как любила Алвей. Иное дело Кадберн. Горе тому, кто посмеет вмешаться во взаимоотношения Кевлерена и его Избранного...

В итоге именно Кадберн лучше всего понимал то затруднительное положение, в котором она оказалась. Алвей относилась к нему с огромной симпатией; в отношениях всех троих царила некая гармония, которая нравилась девушке.

Алвей услышала, как кто-то идет к их каюте.

— Он возвращается к нам, — успокоила она ребенка.

У двери каюты шаркающие шаги стихли.

— Мэддин! — тихо позвала девушка. — Возвращайся ко мне в кроватку, дорогой. Мне без тебя холодно.

Принц ничего не ответил, но за дверью снова слышалось шарканье.

— Да заходи же! — сказала Алвей. Потом она тихо хихикнула: ей захотелось немного подразнить Мэддина. — Вот пого-

ди, заведу себе нового любовника, который будет знать, что нужно делать с такой женщиной, как я...

Дверь открылась. Алвей скорее ощутила, чем увидела, как в двери показался силуэт Мэддина.

— Я знала, что это на тебя подействует, — со смехом произнесла она.

Мэддин ничего не сказал.

— Прости, я тебя обидела... — начала девушка и неожиданно смолкла. Она почувствовала, что что-то не так, и натянуло одеяло до подбородка. — Мэддин?..

— Мэддин, — эхом прозвучал незнакомый низкий голос.

— Ты кто? — резко спросила она.

— Мэддин, — ответил неизвестный и подошел поближе к кровати. Алвей ощутила, что он него пахнет морем.

— Кто ты?! — вскрикнула она.

Мужчина нагнулся к ней и, прежде девушка успела что-либо сделать, с силой ударил ее по рукам. Боль была такой сильной, что она даже не могла закричать. Второй удар пришелся по подушке. Алвей лягнула нападавшего ногой, но одеяло помешало дотянуться до противника. Третий удар угодил ей в голову.

Девушка слышала чьи-то голоса, крики и с какой-то отстраненностью поняла, что это кричит она сама. Хотя ударов больше не последовало, Алвей чувствовала себя так, словно ее череп раскололся на две половинки и из него постепенно вытекает сознание.

Свет.

Веки девушки дрогнули. Размытые очертания фонаря. И лицо. Мэддин. Он смотрит на нее своим нежным взглядом. Как я его люблю.

Свет начал тускнеть. Алвей попыталась что-то сказать возлюбленному, но не смогла произнести ни слова.

Кадберн навалился на незнакомца, прижав его к палубе. Он слышал, как Мэддин выкрикивал имя Алвей, и надеялся, что

ничего плохого не случилось. Кто-то требовательно поинтересовался, что происходит. Кадберн узнал голос капитана Авьера.

— Напали на Алвей Селфорд! — крикнул Аксевлерен. — Быстрее приведите к ней корабельного врача! И, черт возьми, принесите лампу!..

Он слышал, как подошли другие люди, разобрал голоса и топот бегущих ног. Противник Кадберна изловчился, высвободил одну руку и ударил Избранного по лицу.

— Мэддин!.. — выкрикнул он.

— Чтоб ты сдох! — прошипел Кадберн и резко ударил негодяя головой в лицо. Тот обмяк, но Аксевлерен на всякий случай продолжал крепко держать его.

Зажегся свет, и Кадберн увидел, что противник находится в бессознательном состоянии; из его разбитого носа струилась кровь.

Избранный узнал его: это был один из членов корабельной команды. Пошатываясь, Кадберн поднялся на ноги. Вокруг столпились матросы.

— Это Клазьер!.. — закричал один из них. — Клазьер, будь он неладен!

Авьер приказал матросам разойтись. Затем он зажег фонарь и поднес его к лицу Клазьера.

— Я не понимаю... — начал капитан.

Кадберн, не обращая на него внимания, повернулся к кровати. На ее краю сидел Мэддин, держа на руках Алвей. Подушка и одеяло были залиты кровью. Кадберн увидел, что глаза девушки закатываются: она не могла сфокусировать взгляд.

Ее веки дрогнули. Мэддин продолжал звать любимую по имени. Кто-то оттолкнул Кадберна. Над кроватью склонился невысокий человек с редкими темными волосами.

— Я — доктор Вайлен, — сказал он Мэддину. — Позвольте мне осмотреть вашу женщину.

Принц кивнул и отошел в сторону.

— Когда ей пора рожать? — спросил врач, поднимая правое веко Алвей и щупая ее пульс.

— Со дня на день, — ответил Мэддин. Подошел Кадберн и положил руку на плечо своему господину.

Доктор внимательно осматривал рану на голове Алвей.

— Чем это сделали?..

Находившиеся в каюте мужчины огляделись по сторонам. Кадберн первым увидел под кроватью металлический прут, поднял его и протянул врачу. Тот что-то проворчал и бросил железяку обратно на пол.

— Что с ней? Она поправится? — спросил Мэддин.

Вайлен поднял глаза. Лицо его было мертвенно бледным.

— Мне очень жаль, ваше высочество. Это агония. Медицина здесь бессильна.

— Нет, — угрюмо произнес Мэддин.

— Удар по голове был...

— Нет, — громче повторил принц.

Доктор нервно облизнул губы.

— Возможно, мне удастся спасти ребенка, — осторожно сказал он.

— Алвей... — простонал Мэддин.

— Мне очень жаль, ваше высочество, — более уверенно произнес Вайлен, — но я ничего не могу сделать для вашей женщины. Но, возможно, мне удастся спасти ребенка, — еще раз сказал он и бросил взгляд на Кадберна.

— Тогда спасайте его, — незамедлительно ответил Избранный.

Мэддин шагнул вперед.

— Его высочеству лучше не присутствовать при этом, — обратился Вайлен к Кадберну.

— Понимаю, — ответил Аксевлерен. — Вам нужна моя помощь?

— Нет. Мне поможет капитан... А вы оставайтесь со своим господином. — Он кивнул на Клазьера, который до сих пор лежал без сознания. — Уберите его отсюда.

Авьер позвал двух матросов, чтобы те унесли негодяя в помещение для арестованных. Кадберн вывел Мэддина из каюты.

— Отведите его на палубу, — приказал Вайлен, и Избранный кивнул, стараясь не смотреть на Алвей и лужу крови вокруг нее.

Как обычно по утрам, Нетаргер пришел к Юнаре, чтобы обсудить с ней планы на день и расписание дежурства слуг.

Он увидел, что герцогиня все еще спит. Лицо женщины было бледным от усталости, волосы слиплись от крови. Рядом с ней лежал бездыханный Онари; смятые простыни вокруг него напоминали красные крылья. В груди Нетаргера вспыхнула искра гнева, но он успел потушить ее, не позволив разгореться ярким пламенем. Он — Акскевлерен, такой же, как и Онари. Их удел — служение Кевлеренам...

«А некоторые из нас должны служить больше, чем другие», — подумал Нетаргер, подходя к кровати и складывая руки Онари на груди. Глядя на лицо ребенка, он вспомнил свое собственное далекое детство... а еще подумал о том, что однажды придет день, когда его постигнет такая же участь. Избранный подошел к другому краю кровати и посмотрел на свою госпожу. Она — самая прекрасная женщина в мире, подумал Нетаргер. Они вместе вот уже многие годы, и он любит ее всем сердцем.

И столь же сильно ненавидит. Именно в этом и заключается судьба Акскевлерена.

Нетаргер нежно коснулся лба Юнары. Герцогиня открыла глаза.

— Мне снился такой ужасный сон! — слабым голосом произнесла она.

— Мне очень жаль слышать об этом, ваше высочество, — сказал Избранный. — Вам бы лучше встать с кровати...

На мгновение Юнара нахмурилась, вспомнив о том, что произошло этой ночью. Взглянув на нее, Нетаргер увидел, как на ее лице отразились ужас и боль.

Она повернула голову и посмотрела на Онари. В глазах герцогини заблестели слезы.

* * *

Утром ветер стал более свежим, принес с собой низкие серые облака и высокие волны.

«Англаф» качался на волнах. По палубе разлетались брызги. Мэддин и Кадберн промокли, их волосы слиплись от соли. Матросы вернулись к своим обязанностям, время от времени поглядывая на них и пытаясь угадать, о чем сейчас думают генерал и его Избранный. Они просто представить себе не могли, почему один из их товарищей совершил столь ужасное преступление, осмелившись поднять руку на спутнику самого Мэддина Кевлерена.

Как только взошло солнце, капитан Авьер подошел к Кадберну и отвел его в сторону.

— Женщина генерала мертва...

— Алвей Селфорд, — сказал Кадберн. — Ее имя Алвей Селфорд. А ребенок?

Авьер с усилием сглотнул комок в горле.

— Это был мальчик.

— Был?..

Капитан угрюмо кивнул.

— Думаю, вам следует посмотреть на матроса, который убил ее.

Кадберн ответил непонимающим взглядом.

— Думаю, вам обоим следует посмотреть на этого человека...

Кадберн вернулся к Мэддину и легонько дотронулся до его плеча. Принц обернулся.

— Капитан хочет нам кое-что показать.

Мэддин кивнул и вместе со своим Избранным последовал за Авьером на нижнюю палубу.

В кормовой части судна находилась небольшая каюта с крошечным зарешеченным окошком, снаружи запиравшаяся на замок. Вход охранял матрос с огнестрелом и абордажной саблей. Авьер жестом приказал стражнику отойти в сторону, посмотрел в окошко, затем пригласил Мэддина и Кадберна последовать

его примеру. Вначале подошел принц, а Аксевлерен с нетерпением ждал своей очереди.

Наконец Мэддин фыркнул и отошел в сторону.

Матрос по имени Клазьер сидел на корточках, опустив голову. Его руки и ноги были связаны. Вначале Кадберн не понял, что именно хотел показать им капитан, но затем пленник поднял голову. Избранный заметил сломанный нос и засохшую кровь над верхней губой и под подбородком.

— Что это?.. — спросил он, и в этот момент увидел глаза Клазьера — ярко-желтые, без зрачков и белков.

Глаза существа, которое уже не было человеком.

— Он просто переполнен магией, — с благоговейным ужасом произнес Кадберн.

Хотя Аксевлерен слышал немало историй о подобных вещах, ему впервые довелось увидеть такую картину. Совершенно забыв о присутствии Авьера и матроса, он повернулся к Мэддину и произнес:

— Юнара.

Принц печально кивнул.

— Этот матрос собирался убить не Алвей...

— Разве она могла воспользоваться магией на таком расстоянии?..

— Мы находимся всего лишь в сутках пути от Сомы. Не слишком большое расстояние для того, кто владеет Сефидом, даже для человека с более скромными, чем у Юнары, способностями... А если магическую силу направить в конкретную точку... — Выражение его лица сделалось каменным. — Юнара знала, что делает.

Сидя на кровати рядом с бездыханной Алвей, Мэддин долго держал на руках крошечное тельце мертвого ребенка — существа, лишь отдаленно напоминающего человека. Но это была его плоть и кровь, его сын, который родился мертвым...

Однако всю свою скорбь Мэддин истратил не на него, а на Алвей, погибшую, но по-прежнему живущую в сердце принца.

Кровать застелили новыми простынями, и теперь уже было невозможно догадаться, каким образом молодая женщина приняла свою ужасную смерть.

Когда солнце достигло зенита, в каюту вошел Кадберн.

— Тучи рассеялись, а ветер немного успокоился, — сообщил он.

— Значит, нам пора, — ответил Мэддин.

Он еще раз поцеловал Алвей, положил рядом с ней ребенка и вышел из каюты.

Кадберн остался, чтобы проследить за тем, как матросы положат мать и ребенка в саван из парусины, добавят в него груз и зашьют, оставив небольшое отверстие.

Когда все было готово, тела покойных вынесли на верхнюю палубу, где уже ждали Мэддин и капитан Авьер. Мэддин снял с шеи треугольный амулет Кевлеренов и положил его в саван, затем отошел в сторону и кивнул Авьеру. Капитан отдал команду, и парусиновый сверток опустили в воду. Раздался тихий всплеск, и над скорбным грузом сомкнулись волны. Здесь, на дне морском, матери и неродившемуся ребенку суждено обрести последнее пристанище...

Авьер поклонился Мэддину и покинул палубу.

— Я все видел. Надеюсь, никто из матросов не заметил, что вы положили в саван, — шепнул принцу его Избранный.

— Какая разница, — с тяжелым вздохом ответил тот, — я больше не Кевлерен.

— А я? — ошеломленно спросил Кадберн. — Ведь я все еще Акскевлерен, верно?

— Ты свободен, друг мой, — произнес Мэддин, не сводя глаз с моря. — Можешь отправляться куда захочешь.

— Вы — мой господин, — сказал Кадберн. — Другого у меня не было, и я не желаю иметь иного.

Принц едва заметно улыбнулся.

— Я рад слышать это.

На противоположном конце судна раздался какой-то шум. Мэддин и Кадберн обернулись и увидели, как четверо матросов

волокут Клазьера на палубу. Вокруг шеи и туловища убийцы была обмотана массивная цепь.

— Нет! — зашипел принц, затем крикнул громче: — Не надо!..

Увы, было слишком поздно. Прежде чем Мэддин или Кадберн успели вмешаться, матросы подтащили Клазьера к правому борту и сбросили в море. Несчастный закричал, но крик тотчас оборвался. Его тело ударилось о воду и исчезло под волнами.

— Что вы наделали?! — закричал Мэддин, подбегая к матросам.

На их лицах появилось удивленное выражение.

— Как что? Казнили убийцу вашей спутницы, — ответил один из матросов. — Он был переполнен магией. Спасти его уже не представлялось возможным. Смерть была для него избавлением от страданий...

Увидев выражение лица Мэджина, матросы отшатнулись. К ним тут же подошел Кадберн.

— Вы все правильно сделали, — поспешно сказал он. — Избавили генерала от необходимости самому расправиться с убийцей...

Матросы понимающе закивали.

— Мы не дали генералу возможность отомстить этому негодяю, — объяснил один из них своим товарищам. Повернувшись к Мэджину, он произнес: — Простите нас, ваше высочество. Мы думали, что окажем вам услугу.

Принц сглотнул подступивший к горлу комок.

— Что ж... отличная работа, — хрипло произнес он. — Просто я не ожидал... не думал, что вы сделаете это так скоро.

Матросы вернулись к своим обычным делам. Мэддин и Кадберн, не сговариваясь, посмотрели за борт.

— Они же не знали, верно? — спросил Мэддин.

— Юнара хорошо владеет магией, — ответил Кадберн. — С этим мало кто сталкивался. — Он посмотрел на принца. — Включая меня. Правильно?

— Да. Тех, кто до такой степени пропитан Сефидом, можно убить, лишь сжигая их заживо...

— Что же будет с Клазьером?

— Он погрузится в глубины моря, ляжет на дно, но не умрет. Однажды, через десятки, а может, и сотни лет, его цепи проржавеют насквозь, и он освободится. Что будет потом — я не знаю...

Кадберн побледнел.

— Это ужасно.

— Магия всегда ужасна, если ее использовать в несправедливых целях...

ГЛАВА 11

Нетаргер нашел Юнару в птичнике.

Он уже искал ее там, но не додумался заглянуть на островок в центре озера. Герцогиня сидела на камне в центре небольшой поляны, в окружении высоких деревьев. У ее ног валялись мертвые птицы — зяблики, жаворонки и даже ее любимец — ворон. Трава была забрызгана кровью; при малейшем дуновении ветра в воздух взлетали перья.

Увидев Нетаргера, Юнара тяжело вздохнула и сделала вид, что расправляет складки длинного платья.

— Вы не хотели, чтобы вас беспокоили, — сказал Нетаргер и указал в сторону деревьев.

— Мне никак не удастся его найти, — произнесла Юнара каким-то сдавленным голосом.

— Кого?

— Мэддина.

— Он мертв?

— Мертв?.. — удивленно переспросила Юнара, как будто ее удивило подобное предположение. Затем она пожала плечами, словно все это не имело для нее никакого значения. — Неужели теперь он находится так далеко, что о нем не узнать с помощью столь скромных жертвоприношений? Однако я никак не могу решиться на большее — по крайней мере мне требуется какое-то время после того, как я потеряла Онари.

Герцогиня поднялась на ноги. На ее лице появилось выражение нетерпения.

— Ты был во дворце?

Нетаргер кивнул.

— Ну же? — раздраженно поторопила его Юнара.

— Императрица была не в настроении, но у меня сложилось впечатление, что другие Кевлерены не горят особым желанием добиваться возвращения вашего кузена.

— Их не беспокоит ситуация в Ривальде?

— Так называемый Комитет Безопасности Ривальда до сих пор не предпринимал против нас никаких враждебных действий. Ничего не слышно и о том, что к границе подтягиваются их войска.

Юнара кивнула. Слова Нетаргера успокоили ее.

— Тем не менее, если между Хамилаем и Ривальдом начнется война, семья может оказать давление на императрицу с тем, чтобы она приказала Мэддину вернуться, — добавил Избранный и недобро поджал губы.

Герцогиня пожала плечами.

— Этого может никогда не случиться. Но будь даже так, возможно, спустя много-много лет я все же прощу Мэддину ту боль, которую он мне причинил.

Нетаргер предпочел не высказывать своего скептицизма по этому поводу.

— По прошествии определенного времени, — добавила Юнара, обращаясь скорее к самой себе, нежели к своему Избранному, — может произойти все что угодно.

На этот раз Лерена заранее оповестила Паймера о том, что желает видеть его во дворце, и потому герцог смог выехать из своего замка полностью одетым и в своем любимом рыжем парике — короче, во всеоружии.

По дороге в Омеральт у герцога было достаточно времени для размышлений — правда, до известной степени беспокойных — о

своем месте в роду Кевлеренов. Проблемы, связанные с принадлежащим ему поместьем, оставляли на это мало времени; впрочем, у него и не имелось особого желания обдумывать эту тему.

Паймер знал, что пользуется уважением у Лерены и даже у Юнары, но это было по-своему опасно, потому что означало, что у него имеется доступ к некоей силе, или влиянию, или знанию, которыми они не обладали. Будучи дядей, то есть братом их любимой незабвенной матери, старик чувствовал себя в относительной безопасности, но долго ли продлится его спокойная жизнь?

Поежившись, герцог вспомнил, как в прошлый раз Лерена вызвала его во дворец. Тогда Паймер решил, что с ним собираются расправиться. Какие глупости, сказал он себе. Если бы Лерена действительно захотела казнить его, разве стала бы она среди ночи тащить дядю во дворец под конвоем? Чтобы усыпить бдительность, она попросила бы его приехать по своей собственной воле, со своими людьми.

Почти как сейчас, не без иронии подумал герцог и улыбнулся. Идальго вопросительно поднял брови, пытаясь понять, означает ли эта улыбка нечто такое, о чем ему следует знать. Но Паймер отмахнулся от него, и Аксевлерен вновь погрузился в свои мысли.

«Нет, — решил старик. — Лерене я нужен живым. По крайней мере в течение какого-то времени. Ей требуются союзники в борьбе против Юнары... и, вероятно, они будут необходимы все время, пока я жив», — мысленно добавил он.

Немного успокоившись, Паймер позволил себе не думать о неприятных вещах, любясь великолепными видами природы. После весенних дождей земля покрылась буйной зеленью; с Вардарских гор после таяния льда стекали потоки воды.

За окном экипажа промелькнули фермы, где резвились ягнята, телята и жеребята; вдоль дороги тянулась череда цветущих деревьев. Через некоторое время вдали показались желтые стены Омеральта, сверкающие под утренним солнцем, и купол птичника Юнары, напоминающий огромный, ослепительной красоты алмаз.

При виде столицы империи сердце Паймера, как обычно, забилось чаще. Омеральт всегда сулил приятное возбуждение, щекотку нервов, возможность соблазнить новую женщину... и не одну, кстати говоря. Герцог был любитель заводить новых любовниц каждые несколько месяцев, а при дворе Лерены претенденток имелось более чем достаточно. Кроме того, во время каждого визита в столицу он, будучи заядлым театралом, мог позволить себе почти каждый вечер смотреть спектакли. Как и большинство Кевлеренов, Паймер был склонен считать, что театр способен подарить ощущение полноты жизни, которым обделены люди, облеченные властью, — такие, например, как он сам.

— Мы уже почти приехали, — обратился он к Идальго. — Интересно, чего же Лерена хочет от нас этот раз?

— Возможно, она пожелает, чтобы вы взяли на себя подготовку к проведению весеннего фестиваля, — предположил Идальго.

На лице Паймера появилось разочарованное выражение.

— Ты на самом деле так считаешь?

Акскевлерен пожал плечами.

— В прошлом году у вас это так хорошо получилось...

— Императрица пообещала мне, что это было в первый и последний раз, — сказал Паймер и покачал головой. — В любом случае на подготовку фестиваля нужно несколько месяцев, а сейчас уже почти весна.

— Может, она задумала устроить летний фестиваль?..

Паймер вздохнул, но затем неожиданно обратил внимание на выражение лица Идальго. До чего же не похожи они друг на друга — что весьма нетипично для Кевлерена и его Избранного! И тем не менее они обладали способностью понимать друг друга без слов.

— Ты шутишь.

Идальго улыбнулся.

— Приятно знать, что мне это еще позволено. Но в каждой шутке есть только доля шутки. У императрицы свои причуды.

Паймер фыркнул.

— Для тебя или для меня это считалось бы причудой. Но у Лерены это приказ.

Теперь герцог уже мог рассмотреть людей на городских стенах — пешеходов, носильщиков паланкинов, стражников и уличных музыкантов. Странно: похоже, стражников сегодня в городе больше, чем обычно.

Паймера вновь охватило беспокойство.

— Ты в последнее время слышал в поместье какие-нибудь новости? — спросил Паймер у Идальго.

— От кого и какие конкретно?

— Он путешественников, гонцов из дворца, купцов...

Внезапно Паймер умолк.

Движение экипажа замедлилось, и через мгновение, посмотрев в окно, они увидели роту королевских гвардейцев.

Солдаты расступились, уступая дорогу. Герцог мрачно покачал головой.

— Короче, ничего такого, что заслуживало бы внимания, — сказал Идальго.

Паймеру очень не понравилось, что солдаты заглянули в экипаж, чтобы рассмотреть пассажиров. Он задернул шторы плотнее.

— Что ж, — раздраженно произнес герцог, — осмелюсь предположить, что очень скоро мы это выясним.

И действительно, они выяснили это сразу же, как только добрались до города.

Экипаж остановился у городских ворот: здесь герцог и его Избранный должны были пересест в паланкин, который доставит их к Лерене. Идальго поинтересовался у носильщика, что происходит, а потом, уже по дороге во дворец, взволнованно поделился услышанным со своим господином.

Паймер был ошарашен.

— Кто бы мог подумать, что ривальдийских Кевлеренов так легко свергнуть?..

— Может ли нечто подобное произойти здесь? — нервно спросил Идальго.

— Готов поспорить, что половина жителей Омеральта задают себе тот же самый вопрос. Думаю, именно по этой причине Лерена и вызвала меня. — Паймер задумчиво поджал губы и покачал головой. — Нет. Армия находится под непосредственным контролем императрицы, а все старшие офицеры — исключительно Кевлерены. Здесь никто не посмеет покуситься на наше могущество.

— Но с какой стати ривальдийская Боевая Ассоциация решила свергнуть королеву Сарру? Или они все еще злы на нее за то, что она положила конец войне между Ривальдом и Хамилаем?

— Вполне может быть. Правда, все это было много лет назад. Зачем же ждать так долго?

— По всей видимости, все эти годы они планировали переворот, — решил Идальго.

Паймер испытующе посмотрел на своего Избранного.

— Да. Вполне возможно. Но почему именно сейчас? Что изменилось?.. — Тут он на мгновение умолк, а затем, понизив голос, добавил: — Они узнали, что Мэддин покинул пределы империи...

Идальго побледнел.

— Верно. Наш лучший генерал покинул нас. Значит, они намерены вторгнуться в Хамилай?

Паймер смерил Избранного суровым взглядом.

— Спокойно. Без паники. Если понадобится, мы даже без Мэддина легко расправимся с Ривальдом.

— А если эта Боевая Ассоциация шантажом вынудит семью королевы Сарры использовать против нас Сефид? Что тогда?

Паймера передернуло.

— Они не осмелятся. Это же будет массовое истребление.

— Истребление Кевлеренов, — осторожно произнес Идальго. — Но есть ли до этого дело Боевой Ассоциации?..

— Это не имеет никакого отношения к Мэддину! — резко заявила Лерена.

Присутствующие разом притихли. Несмотря на то что рядом с ним был его верный Идальго, Паймер внезапно почувствовал себя удивительно одиноким.

— Простите, ваше величество, — поспешно произнес он. — Просто последние новости потрясли меня до глубины души...

Императрица жестом приказала ему замолчать. Она нервно расхаживала взад-вперед перед троном. Вид у нее был усталый, словно ночью Лерена ни на минуту не сомкнула глаз.

— И они не осмелятся использовать наших дальних родственников против нас.

— Но... — начал было Паймер.

— Каким образом Боевая Ассоциация сумеет обеспечить защиту Ривальда против невероятной военной мощи нашей империи, если они выбросят своих Кевлеренов за ненадобностью, как старую негодную посуду? — требовательно спросила Лерена. Прежде чем Паймер успел что-либо ответить, она заговорила снова: — Они уничтожат единственную ценность, которой обладает их королевство. Мятежникам это известно не хуже, чем нам. Можно подумать, они не знают, что, пока у них имеется доступ к Сефиду, я не рискну отдать приказ своей армии вторгнуться в Ривальд.

Императрица яростно тряхнула головой.

— Нет-нет, так называемый Комитет Безопасности не представляет для нас никакой угрозы!

Она посмотрела на Паймера в упор. Герцог поспешил опустить глаза. Его примеру последовали и прочие Кевлерены, находившиеся в этот час в тронном зале.

Лерена глубоко вздохнула.

— Я позвала тебя этим утром, дядя Паймер, чтобы ты из моих уст узнал о том, что случилось с королевой Саррой. Прежде всего мне бы хотелось избежать паники...

Императрица умолкла и закрыла глаза.

— Простите, ваше величество, — едва слышно произнес Паймер. Впрочем, в тронном зале стояла гробовая тишина, и все отчетливо слышали его слова.

Лерена неожиданно улыбнулась и, подойдя к старику, положила руку ему на плечо.

— Прости, если мои слова прозвучали излишне резко. Ночь была такой беспокойной, что я едва стою на ногах от усталости.

Паймер смиренно склонил голову.

— Понимаю.

— Есть еще одна причина, почему я попросила тебя прийти сюда, — прошептала Лерена. — Мне важно, чтобы семья поддерживала меня. Полностью поддерживала. Не хотелось бы, чтобы Юнара подумала, будто на меня оказывают давление... будто меня вынуждают вернуть Мэддина. Это еще больше усугубит и без того сложную ситуацию.

— Ах!.. — вырвалось у Паймера.

Наконец-то ему стало понятно, в чем дело. Старик догадался, что Лерена вызвала его не только для того, чтобы сообщить о низложении королевы Сарры. Постоянно держать под зорким оком Юнару — вечная головная боль императрицы.

«Прекрасно, — подумал Паймер. — Это значит, что я практически незаменим».

— Я пригласила сестру позавтракать с нами.

— Мы будем только вдвоем?..

— Нет необходимости усложнять наши отношения присутствием остальных родственников, — сухо произнесла Лерена.

Перед тем как встретиться с Юнарой, императрица вместе со своими секретарями занялась накопившейся корреспонденцией. Надо была подготовить официальные письма, характеризующие события в Ривальде, которые предстояло отправить всем Кевлеренам, которые служили губернаторами, генералами и адмиралами в отдаленных уголках империи.

Паймер и Идальго прогуливались в дворцовом саду. Аксевлерен рассказывал своему господину обо всем, что он узнал от других Избранных, которых встретил во дворце этим утром. Вокруг них увивались любимые собаки Лерены —

поджарые борзые. Псам было позволено беспрепятственно разгуливать по дворцу, словно здесь они могли затравить дикого кабана или льва из числа водившихся на широких равнинах к югу от города.

Если не считать собак, Паймер с Идальго пребывали в одиночестве.

— Никто из моих братьев не говорил с императрицей о том, чтобы вызвать Мэддина?

— Никто, — заверил его Идальго.

Герцог даже не попытался скрыть своего удивления. Он знал, что среди Кевлеренов, как это бывает во всех семьях, есть люди, склонные в кризисные моменты к излишне пессимистическому взгляду на вещи. Да он и сам из их числа... Некоторые из таких пессимистов имели привычку хвататься за первую же идею, что приходила им на ум.

— Я не понимаю, — признался он.

— Вы заметили состояние императрицы сегодня утром? — осторожно произнес Идальго.

— Естественно. Она была утомлена.

— У нее новая горничная, — добавил Идальго.

— Она тебе понравилась? — улыбнулся Паймер. Внезапно улыбка сошла с его лица. — Лерена позаботилась о том, чтобы никто из ее родственников не впал в панику. Она воспользовалась Сефидом...

— Заплатив за это немалую цену.

— Но я был слишком далеко и потому ничего не ощутил. Или же племянница направляла магию лишь на главных членов семьи в Омеральте.

Оба тотчас же как-то притихли и продолжали шагать в тишине. Паймер не мог не думать о том, какую жертву, по всей видимости, пришлось принести Лерене, чтобы направить магическое воздействие на такое количество людей. Герцог сам удивился тому, что ему вдруг захотелось утешить ее, словно она по-прежнему была его малышкой-племянницей, а не правитель-

ницей огромной империи. В такие моменты старик был благодарен судьбе за то, что обделен магическими способностями. Нет, ему никогда не хватило бы храбрости принести в жертву человеческую жизнь, как это сделала Лерена прошлой ночью...

Идальго тоже думал о том, что совершила Лерена, но со страхом и благоговением. Будучи Акскевлереном, он всегда готов пожертвовать своей жизнью, служа хозяину. Однако необходимость играть столь никчемную роль вызывала в нем чувства, о которых он не осмеливался ни с кем говорить, даже с герцогом, — гнев и презрение.

Уже не в первый раз Избранный благодарил судьбу за то, что ему несказанно повезло — в детстве его отдали Паймеру Кевлерену, а не кому-то другому из числа тех, кто мог Обладать.

Юнара решила искупаться в озере, а Нетаргеру велела навести на островке порядок.

Акскевлерен похоронил всех убитых ею птиц под высокими деревьями, которые росли вокруг поляны, где она совершала жертвоприношения. Лишь ворона, любимую птицу герцогини, надлежало предать земле вместе с Онари — в садах за пределами вольера. Над их могилой будет поставлен надгробный камень.

Нетаргер вовсе не удивился бы, узнай он, что ворон был на несколько лет, если не десятилетий, старше мальчика. Возможно даже, что Юнару больше опечалила потеря птицы, хотя эта жертва — в конце концов, что такое ворон, как не бессловесное создание — не смогла бы обеспечить ей Обладание должной мощи.

Закопав птиц и завернув тело ворона в кусок полотна, Нетаргер позвал двух слуг и велел им убрать следы крови. Слуги старательно избегали смотреть на свою обнаженную госпожу, которая плескалась в озере. Длинные волосы обрамляли ее лицо подобно черному нимбу.

Когда слуги ушли — один из них унес ворона, — Нетаргер позвал Юнару.

— Они все убрали? — спросила она.

— Все.

— А ты знаешь, что я иногда прихожу сюда по ночам, когда все кругом спят, и купаюсь здесь, любуюсь звездным небом?

— Знаю.

Юнара тихо рассмеялась.

— Ну конечно же, еще бы тебе не знать, мой верный, добрый Нетаргер. Ты знаешь обо мне все. Иногда я смотрю на падающие звезды, и мне кажется, что это Избранные, которых какие-то небесные существа, совершив жертвоприношение, отправили на землю... Какую же силу они должны были породить!

— Не могу даже себе представить, чтобы у кого-то было больше власти над Сефидом, чем у вас, моя госпожа, — ответил Нетаргер.

— Ни у кого нет власти над Сефидом, — спокойно сказала Юнара. — Нам дозволено лишь легкое прикосновение к ней. Это почти как поцелуй. — Она вновь негромко рассмеялась. — Нетаргер, ты знаешь, что такое поцелуй?

— Да, ваше высочество. Разумеется, знаю.

— Я имею в виду настоящий поцелуй. Страстный, волнуемый поцелуй, от которого кажется, будто ты — падающая звезда в темном ночном небе...

Нетаргер задумался. Он догадывался, что представляет собой такая страсть. Означало ли это, что нечто подобное было в его собственной жизни?.. Однажды. Давным-давно... Или это был сон? Похищенные воспоминания Юнары?.. Иногда собственное прошлое казалось Избранному не более чем призрачным сном. Прошлое госпожи было для него куда более реальным. Аксевлерен смутно помнил, что в детстве ощущал сильное физическое влечение к Юнаре, хотя никогда не осмелился бы признаться в этом.

— Я не знаю, — сказал он, опустив голову.

— Бедный Нетаргер, — вздохнула Юнара. — Мой бедный, бедный Нетаргер.

Ганиморо собственноручно обмыла тело горничной.

Девушку положили на каменный стол в покойницкой дворца. Джирайла Аксевлерен. Когда-то давно у нее имелось и другое имя, но теперь она была холодна как камень, на котором лежала. Ее кровь смешалась с водой в оловянной миске. Глаза девушки, еще не закрытые, невидящим взором смотрели на Ганиморо.

— Прости, дорогая, — прошептала Избранная, вытирая покойнице лицо. На шее, над яремной веной, виднелся крохотный след от укола. — Прости, что выбрали именно тебя, но что поделать, коль была такая нужда...

Ганиморо аккуратно вымыла грудь и живот Джирайлы, затем ее изящные руки.

— Сейчас ты напоминаешь статую.словно мраморная фигура в мраморной гробнице. Жаль, что не можешь видеть, какая ты сейчас красивая...

Избранная вымыла мертвой девушке ноги, затем передала оловянную миску своей помощнице. Одна из подруг Джирайлы, тоже горничная, помогла Ганиморо одеть покойницу в тунику из тончайшей ткани. Тело девушки уже успело окоченеть, но одевать ее было нетрудно, словно сама Джирайла помогала им.

Они обули ее в красивые матерчатые сандалии, потом поверх туники надели вышитый жакет личных цветов императрицы Лерены Кевлерен и, наконец, расчесали волосы и заплели их в косы.

Когда все было готово, женщины отошли на шаг назад, любуясь своей работой. По щекам горничной катились слезы.

— Ты можешь оставаться с ней сколько захочешь, — тихо сказала Ганиморо, закрывая Джирайле глаза. — Не забудь умыться, прежде чем вернешься к своим обязанностям.

Избранная вышла из покойницкой и зашагала к своим комнатам, располагавшимся рядом с покоями императрицы. Для нее была приготовлена горячая ванна. Она быстро разделась и тща-

тельно вымылась. Слуги забрали окровавленную одежду, подали чистую и причесали ей волосы.

Как и планировалось, перед ужином Избранная вернулась в покои Лерены, готовая служить своей госпоже, как делала это почти всю жизнь. Ганиморо легко прикоснулась к плечу императрицы; Лерена отложила перо, которым подписывала какие-то письма, и, протянув руку, дотронулась до кончиков пальцев своей Избранной.

Лерена, Юнара и Паймер сидели за маленьким столиком в саду. Позади каждого из них стоял Избранный. Слуги принесли подносы с едой и удалились.

Ближе к окружающей сад стене, вне пределов слышимости, стояли дальние родственники, каждый также со своим Избранным. Юнара никогда не должна забывать о том, что у императрицы всегда есть защита.

— Так, значит, Мэддин сейчас плывет к Новой Земле, — произнесла Юнара, на мгновение оторвавшись от нежнейшего рыбного рулета.

— Да, насколько мне известно, — ответила Лерена.

Паймер терпеливо переводил взгляд с одной своей племянницы на другую. Он не удивился бы, узнав, что обе сестры воспользовались магией, чтобы узнать о местонахождении своего кузена, но прекрасно понимал, что ни одна из них сейчас не признается в этом.

— А новое правительство Ривальда не предпринимает против нас никаких действий...

— Ты что-то почувствовала? — спросила Лерена.

Юнара покачала головой.

— Ничего такого, что заслуживало бы внимания. Ни малейшего намека. Комитет Безопасности Ривальда не рискнул использовать своих Кевлеренов. Возможно, они просто боятся.

— Кого? Своих пленников или нас?

— Возможно, и тех и других, ваше величество, — перебил Паймер, который начинал чувствовать себя лишним в разговоре

племянниц. — Никто не может толком понять, что мы, Кевлерены, делаем с Сефидом...

— Если уж на то пошло, дядя, то и ты тоже, — усмехнулась Юнара. — Ты мало что в этом смыслишь.

Паймер воспринял выпад в свой адрес с юмором. С этим при всем желании ничего не поделаешь, если только Лерена не встанет на его защиту. Правда, этим утром она выглядит слишком утомленной. Даже позабыла отчитать утрюмую служанку, не говоря уже о сестре.

— Дело в том, выше высочество, — продолжил свою мысль герцог, — что нам нет никакого резона их бояться. Если мы оставим ривальдийцев в покое, то и они поступят точно так же.

— Что ж. Решено, — сказала Юнара.

Герцогиня и Паймер посмотрели на императрицу.

На лице Лерены появилась легкая улыбка.

— Наверное, вы правы. Мы будем и далее изучать сложившуюся ситуацию... займемся подготовкой к обороне, но пока что оставим все как есть. В конце концов, если этот пресловутый Комитет Безопасности не наберется хороших манер и не отправит в Омеральт посла, то нам придется самим сделать первый ход. Безусловно, договор не даст никаких гарантий, но, возможно, заставит ривальдийцев хорошенько задуматься, если им вдруг придет в голову напасть на нас.

— Отличная идея, — согласилась Юнара.

Теперь обе сестры многозначительно смотрели на своего дядю.

— Ах, все понятно, — сказал Паймер. — Вы хотите, чтобы послом Хамилая в Ривальде стал я.

— Если ты не возражаешь, — ответила Лерена тоном, не допускающим возражений.

— Я всегда к вашим услугам, ваше величество, — любезно произнес Паймер. — Когда же мне следует отправиться в путь?

— Мы дадим Комитету Безопасности время укрепить свое положение, — ответила Лерена. — Пусть думают, что мы не

представляем для них никакой опасности. Например, подождем месяц. Через несколько дней я отправлю к ним нашего чиновника: надо разжечь их аппетит и подготовить почву для тебя.

— Жду с нетерпением. Мне всегда было интересно узнать, что представляет собой их столица, — сказал Паймер и осторожно взглянул на императрицу. — Полагаю, что вы хотите сказать мне что-то еще?..

— Разумеется, ваше высочество. Ведь это высокая дипломатия. Мы с Ривальдом давние соперники, смотрим друг на друга и примериваемся, как бы поудобнее вцепиться друг другу в горло. — Лерена тяжело вздохнула. — Только нам шестерым известно, что ты лишен магических способностей.

— Да, практически полностью лишен таковых, как любит напоминать ваша сестра...

Паймер и Юнара едва заметно кивнули друг другу.

— Я имею в виду вот что, — добавила Лерена. — Если кто-то и может установить связь с нашими кузенами в Ривальде, так это ты, милый дядя.

На мгновение воцарилась тишина. Паймер крепко задумался над словами императрицы.

— Вы хотите, чтобы я вошел с ними в контакт? — осторожно поинтересовался он.

— Комитет Безопасности вряд ли заподозрит тебя в подобном намерении.

— А что именно кроется за попыткой установить с ними связь?

— Нужно удостовериться, что с нашими кузенами все в порядке и им ничто не угрожает. Однако, и это еще более важно, необходимо убедиться, что мятежники не их используют в своих интересах.

— Если меня поймают...

— Тогда тебя скорее всего убьют. — Лерена внезапно подалась вперед и жала Паймеру руку. — Право, мне очень жаль, дорогой дядя. Если бы я могла доверить это поручение кому-то

другому, так бы и поступила. Но я должна убедиться, что Комитет Безопасности не вынуждает ривальдийских Кевлеренов использовать против нас магию. Под принуждением и постоянными угрозами. Кто знает, что может случиться, если они получат доступ к Сефиду?

Заботливость Лерены в данном случае даже растрогала Паймера.

ГЛАВА 12

Этим утром Кадберн проснулся еще до рассвета. После гибели Алвей Селфорд подобное происходило постоянно.

Избранный вышел на главную палубу «Англафа», приблизился к полубаку и замер рядом со своим господином. Мэддин стоял, устремив взгляд в темное море. На востоке горизонт озарился тонкой полоской золотого света. Нос корабля разрезал волны, и этот звук был подобен нескончаемому шепоту.

Склонив голову, принц держался одной рукой за бушприт.

— Прикасаясь к дереву, можно услышать ветер, — тихо сказал он Кадберну. — Оно дрожит, словно ему холодно, а когда ветер дует в нужном направлении, оно поет.

— Вы говорите как настоящий поэт, — сказал Кадберн. — Поющее дерево...

— Это важно, — серьезным тоном ответил Мэддин. — «Англаф» — живой. Это почти как... — Он поднял глаза, но было слишком темно, и Кадберн не смог разглядеть выражение его лица. — Хотя я отверг это имя, в душе я все-таки Кевлерен, а Кевлерены не верят в такие вещи.

Избранный не знал, что ответить. Ему хотелось утешить своего господина, но он был согласен с его словами. Сефид не оставлял места для предрассудков. Алвей мертва, и для нее не существует никакой потусторонней жизни.

Мэддин смущенно закашлялся.

— Капитан сказал мне, что мы доберемся до Каела за пять дней, если только ветер не переменится.

— Даже не верится. Наконец-то мы встретимся с остальными.

— Да.

— Они тяжело воспримут весть о гибели госпожи Алвей. В особенности Полома Мальвара, — произнес Кадберн. Принц ничего не ответил. — Когда ближние разделяют с тобой печаль, то на сердце становится значительно легче.

Мэддин горько рассмеялся и зашагал в сторону каюты.

— В это я тоже не верю, — бросил он через плечо.

Гос с подозрением посмотрел на карту, которую начертил Полома.

— Так в честь кого, вы говорите, они названы?..

Полома нарочито вздохнул, демонстрируя досаду и пытаясь скрыть свое смущение.

— В честь наших двух главных богов и их детей.

Гос и Гэлис удивленно переглянулись.

— У вас есть боги?

— Мой город назван в честь нашего верховного божества, — ответил Полома.

— Кидан — имя?..

— Это имя великой богини-матери, — ответил Полома. — Нашей общей матери. Она символизирует море. И в честь нее назван не только город, но и залив. Это... ее залив.

— Киданский залив, — негромко сказала Гэлис.

— Я забыл, а Фрей — это кто? — спросил Гос.

— Великий отец. — Полома указал на реку, впадающую в Киданский залив. — Фрей оплодотворил Кидан, а их семеро детей, четыре сына и три дочери, стали островами и притоками, точнее, проливами, которые образуют дельту...

Полома глубоко вздохнул и показал на карте каждый пролив, а затем каждый остров — с севера на юг.

— Карим, Сайефф, Полома и Монтамма; Кархей, Херрис и Кайнед.

— Тебя назвали в честь одного из проливов? — спросила Гэлис.

— В честь одного из сыновей Кидан, — уточнил Полома.

— Понятно.

Гэлис указала пальцем на центральный остров.

— Так, значит, вот это — Херрис...

— Именно об этом я и говорю.

— И на нем расположен главный город.

— Верно.

— А что означают все остальные обозначения на карте? — полюбопытствовал Гос.

— Это слова, написанные на языке моего народа, — пояснил Полома.

— Красивая письменность, — сказала Гэлис, прежде чем Гос успел вновь открыть рот. Ей казалось, что каждый раз, когда Линседд что-нибудь говорил, Полома нервничал все больше и больше.

— Только не надо говорить со мной таким покровительственным тоном, — сухо произнес Мальвара.

— Вы начертили очень хорошую карту, — сказала стратег, словно слова Поломы ее ничуть не задели, и принялась указывать на значки. — Ваша Цитадель. Причалы. А это — мост?

Полома кивнул.

— Да. Мы называем его Длинным Мостом. Он протянулся над узкой долиной, ее еще называют Седловиной. Она делит Херрис на две части.

— А это что такое?

— Сооружение на северном острове...

— На Кархее? — перебила его Гэлис.

— Да, на Кархее. Это загон для скота. Когда на реке начинается наводнение, мы здесь держим коров и овец.

— А вот здесь в море, за... Кайнедом?..

— Совершенно верно, за Кайнедом. — Судя по всему, напряжение наконец оставило Полому. — Это садки с наживкой. Их делают из плотно связанных сетей. Здесь наши рыбацкие лодки забирают приманку, а затем выходят в более глубокие воды — либо в залив, либо в море.

— Я вижу, здесь есть еще один причал, прямо у Цитадели.

— Сюда приплывают торговцы. Как видно на моей карте, Цитадель разделена на две части. Нижняя часть защищает склады...

— Ты упомянул про наводнения, — сказал Гос. — Почему они происходят? Из-за морских приливов или из-за разлива рек?

— Наводнения случаются каждый год — из-за таяния горных снегов. Горы находятся на востоке. Реки выходят из берегов...

— Значит, скоро Фрей вновь разольется?

— Совершенно верно. К тому времени, как мы доберемся до Кидана, вода скорее всего уже начнет спадать. Но все равно ее уровень будет еще довольно высоким — если в горах было много снега.

— А бывают наводнения из-за приливов?

— Если прилив сильный, устье реки разливается и затопляет все болота, окаймляющие острова с запада. Когда вода спадает, земля несколько дней пахнет водорослями, дохлой рыбой и крабами... Много лет назад с моря пришла большая волна. Она полностью разрушила Кидан и погубила большую часть его населения. С тех пор мы возвели более высокие стены.

— Когда на реке наводнение, люди переселяются на... — Гос указал на средний остров и вопросительно поднял брови.

— Херрис, — подсказала Гэлис, стараясь, чтобы ее голос не звучал чересчур самодовольно.

— Нет, — ответил Полома. — Бедняки живут рядом с рыбацкими поселениями на Кайнеде, а некоторые пастухи остаются со своим скотом на Кархее.

— А как люди перебираются с острова на остров?

— Разумеется, на лодках, — ответил Полома.

— Ну конечно... А ты уверен, что река сейчас разлилась?

Мальвара поднял брови. На его лице появилось презрительное выражение.

— Прошу прощения, — сказал Гос. — Но это важно.

— И в чем же важность?

— Это даст нам преимущество, когда мы прибудем на место назначения, — сказала Гэлис. — Потому что вода существенно помешает передвижению всех тех, кто пожелает встать у нас на пути.

Полома слегка побледнел.

— Ах да. Конечно... Как это я сам не догадался.

Гэлис и Линседд, почти соприкасаясь головами, склонились над картой. Мальвара внезапно почувствовал себя лишним. Желудок бывшего префекта сжался; он подумал, что его вот-вот стошнит, но через мгновение понял, что мучает его не морская болезнь, а чувство вины.

— Прошу меня извинить, — сказал Полома, — но мне нужно возвращаться на свой корабль...

Командующий и стратег пробурчали в ответ что-то невнятное. В данный момент их внимание было полностью сосредоточено на карте.

Как только Полома ушел, Гос взглянул на Гэлис и произнес:

— Отличная работа. Я просто старался его раззадорить.

— Ты насмеялся над его верованиями. Не следовало этого делать.

— Я просто удивился. Первый раз вижу столь суеверного человека...

— Мне казалось, что ты принимал участие в военных действиях.

— Так оно и было, — обиженно ответил Гос. — В течение нескольких лет.

— А я всего два года. Но и этого было достаточно, чтобы познакомиться с самыми разными суевериями. Солдаты берут в бой амулеты, надеясь, что они сохраняют им жизнь. А еще есть деревенские мифы и легенды. Крестьяне, которые до сих пор поклоняются своим предкам.

— Но ведь это несерьезно.

— Сразу видно, что ты слишком долго общался с Кевленами, — небрежным тоном произнесла Гэлис. — Конечно же, все это очень серьезно. Мир и мифы существовали задолго до того, как Эмбер Кевлерен спустился с гор в хамилайские долины.

— И будут существовать, после того как последний Кевлерен вернется обратно? Так это следует понимать?

— Я этого не говорила, — пожала плечами девушка.

— Впрочем, пожалуй, ты права, — произнес Гос. — Я тебя понял. Буду более осторожен в разговорах с Поломой.

— Тебе не о Полومه следует беспокоиться. Не забывай, что нам предстоит повести в бой тысячи его соплеменников. Вот чьи чувства нельзя задевать — если не хочешь, чтобы тебе вонзили нож в спину. Если мы будем оскорблять их верования, нам придется плохо.

Линседд кивнул, и Гэлис решила, что наступило время сменить тему разговора.

— Насколько я понимаю, у тебя есть план? — сказала она и постучала пальцем по карте.

— Пока нет, — признался Гос. Через секунду он добавил, глядя куда-то вдаль: — Но обязательно будет.

Неряшливого вида повар шлепнул черпак клейкой каши в миску Эриот.

Глядя на раздерганные движения повара, можно было подумать, что ему перепало больше, нежели скромная ежедневная

норма грога. Кто-то, стоявший в очереди сзади, бесцеремонно оттолкнул Эриот. Девушка машинально толкнула обидчика в ответ. Послышалось громкое ругательство.

Эриот тут же обернулась. На нее злобно смотрел жилистый мужчина с неприятными белесыми глазами.

— Пытаешься получить больше, чем полагается? — недовольно спросил он.

— Нет, — спокойно ответила девушка. — Просто мне не нравится, когда меня толкают.

Стоявшая позади мужчины женщина сказала:

— Оставь ее в покое, Риб. Ты толкнул ее, вот она и дала тебе сдачи.

На лице мужчины появилась презрительная усмешка.

— Что ж, этой девчонке пора привыкать к тому, что время от времени ее будут толкать.

— Давайте быстрее! — сказал повар. — У меня и без вас хватает работы.

Эриот окинула Риб презрительным взглядом и отошла в сторону, высматривая свободное место под одним из грузовых люков: забранные легкими решетками, они пропускали достаточно света и воздуха.

Девушка уже собиралась съесть первую ложку, когда ее снова толкнули.

— Ой, смотрите, кого я вижу! — издевательски воскликнул Риб, который незаметно подкрался к ней. На его лице гуляла все та же наглая ухмылка. — Ты грубо себя вела со мной, красотка, а я терпеть не могу людей с плохими манерами.

Эриот пристально посмотрела на него, но ничего не сказала. Затем проглотила первую ложку каши.

— Я видел, как ты расхаживала здесь, словно какая-нибудь вертихвостка. Я еще тогда на тебя глаз положил.

Риб отхлебнул кашу прямо из миски, продолжая в упор рассматривать девушку.

Эриот вздохнула. В такой ситуации самое разумное — просто уйти прочь, но, к сожалению, самообладание — не самое сильное ее качество. Однако уступать обидчику не в ее правилах — особенно сейчас, когда впереди ждет новая жизнь. Искушение отбрызнуть нахала было слишком велико.

— Говоришь, положил глаз? — спросила Эриот.

Прежде чем Риб успел ответить, она ударила кулаком по его миске. Содержимое выплеснулось нагледцу прямо в лицо. Он злобно вскрикнул, бросил миску и принялся протирать глаза.

Когда Риб справился со своим занятием и огляделся по сторонам в поисках Эриот, девушки уже нигде не было видно.

— Я тебя найду, мерзавка! — крикнул он, не обращая внимания на других колонистов, ставших свидетелями этой неблагоприятной сцены. — На корабле тебе нигде не спрятаться! Я тебя из-под земли достану!

Морская болезнь мучила Китайру уже не так сильно, и она решила, что худшее позади.

На палубе девушка чувствовала себя гораздо лучше: например, могла наконец-то фокусировать взгляд на линии горизонта — несмотря на качку, напоминавшую о том, что она все еще находится во власти природной стихии.

Воистину ирония судьбы: всю свою взрослую жизнь Китайра пыталась разобраться в тонкостях Сефида, а что может быть недоступнее для понимания, чем магия? Тем не менее, будучи ученым, девушка свято верила в то, что упорный труд поможет овладеть тайнами заклинаний. Пока же ее способности позволяли лишь излечить простуду или сделать воздух в помещении чуть свежее и прохладнее — это были простые действия, которые сильно утомляли любого, кто не был Кевлереном. Так было до недавнего времени. Теперь же Китайра начала подозревать, что ей никогда не овладеть Сефидом. Вместе с этим прозрением пришло и осознание собственной неполноценности. Как только она смела рассчитывать на то, что простому грамматисту удаст-

ся соперничать с Кевлеренами, путь даже и на самом скромном уровне!..

Когда Китайра была моложе, она мечтала о том, что когда-нибудь сможет творить с помощью магии чудеса. С самого раннего детства девушка ощущала, что существует некая сила, до которой, стоит только захотеть, можно дотянуться рукой. Ее учителя знали об этой способности: девочка любила совершать неприятные фокусы, чтобы позабавить друзей. Именно школьные наставники направили ее в университет, чтобы она стала грамматистом. Грамматист изучает магию — подобно тому, как врач изучает болезни человеческого тела или стратег усваивает основы военной науки. Теперь Китайра точно знала одно: никакое изучение магии не гарантирует понимания того, почему Кевлерены наделены такими мощными способностями... или каким образом они их приобрели.

Поначалу мысли о собственной неполноценности повергли Китайру в уныние, но теперь, когда у нее была Гэлис, к ней постепенно вернулась былая уверенность в себе. Возлюбленная заставила ее воспрянуть духом, увидеть окружающий мир в новом свете. Наверно, Китайре никогда не овладеть магией — по крайней мере не подняться до уровня Кевлеренов, — но все еще оставалась надежда, что, изучая волшебные заклинания, она все же придет к пониманию тонкостей Сефида. Пусть не как практик, но как человек знающий и мудрый...

С горькой иронией Китайра напомнила себе, что за ее взаимоотношения с Гэлис, за это вновь обретенное чувство уверенности ей следует благодарить Кевлеренов — точнее, ту женщину, которая решила использовать их обоих в своих собственных целях. Главное, чтобы возлюбленная никогда не узнала об этом.

Впрочем, сделать это нетрудно: Гэлис на редкость доверчива, когда дело касается тех, кого она любит, а Китайра умела хранить тайны. Она пыталась установить взаимоотношения со стратегом, поскольку ей это было велено, не подозревая о том, к чему это приведет.

В лицо Китайре ударили мелкие морские брызги. От холода у нее перехватило дыхание, но в следующее мгновение она радостно рассмеялась. Последнее время в ее жизни происходит немало удивительных событий. Девушка посмотрела на восток, в сторону Новой Земли, с которой ей предстоит связать свое будущее. Еще несколько недель назад Китайра даже не подозревала, что будет с таким нетерпением ждать окончания плавания. Здесь, посреди Бушующего моря, облака на горизонте казались ужасно далекими.

— Сюрприз! — объявил Гос.

Гэлис недоуменно посмотрела на него.

— Это то, что нам нужно, — добавил Линседд.

— Понятно, — осторожно произнесла она, хотя на самом деле ничего не поняла.

Командующий ввалился в ее каюту без разрешения. Он был взволнован, как подросток.

— Посмотри! — с нетерпением воскликнул Гос и разложил на кровати стратега нарисованную Поломой карту Кидана. — Какая замечательная работа!..

— Зачем вы пришли сюда, командующий Линседд? — спросила Гэлис и в ее голосе звучали суровые нотки.

— Помните, вы предположили, что у меня имеется план?

— А вы ответили: «Еще нет», если мне не изменяет память.

— Ну а сейчас план у меня есть.

— Понятно, — отозвалась Гэлис.

Гос вытянулся по струнке, словно в каюту вошел сам Мэддин Кевлерен.

— Простите. Я помешал вам. Извините мою непростительную грубость...

Гэлис досадливо отмахнулась.

— Рассказывайте мне про свой план.

— Самое главное — заставить их врасплох, — с воодушевлением принялся объяснять Гос. — Взгляните на эти острова.

Насколько я помню, Мальвара говорил нам, что большая часть населения проживает на среднем острове, на Херрисе. Там же находится и Цитадель. На северном острове, Кархее, во время наводнений местные жители держат домашний скот. Лодки и, предположительно, семьи рыбаков занимают южный остров, Кайнед...

— Да, насколько мне помнится, дело обстоит именно так, — согласилась Гэлис.

— Самое главное для нас — овладеть киданскими запасами продовольствия.

Гэлис внимательно посмотрела на карту.

— Вы хотите сказать, что в первую очередь нам следует захватить Кархей и Кайнед?

— Совершенно верно! Мы займем оба острова одновременно, под покровом ночи, еще до наступления рассвета, а на следующее утро предъявим ультиматум городскому совету и восстановим Полому в его правах!

— А что, если нам окажут сопротивление?

— Тогда мы лишим их продовольствия. С помощью наших кораблей перекроем доступ к морю и проливам. У нас есть лонгтоны, а у соотечественников Поломы их нет.

— Раньше не было. Но с тех пор прошло порядочно времени, — осторожно заметила Гэлис. — Вы рассчитываете на то, что лонгтонов в Цитадели нет... Думаю, киданцы смогут продержаться до тех пор, пока не сойдет большая вода. Но потом проливы обмелеют, нашим кораблям будет трудно маневрировать, и мы не сможем контролировать Кидан с моря. Превосходство местного населения в численности превратится в серьезную угрозу для нас.

Гос кивнул.

— Все это верно, но мы не сможем завоевать Кидан, ничем не рискуя. Думаю, что предложенная мною тактика поможет снизить вероятность конфликта между нами и основной массой киданцев. И не забывайте, что Кидан — торговый город; он

был построен таким образом, чтобы держать под контролем пути на материк, ведущие от реки Фрей. А наши корабли будут доминировать в море, и ни одно судно не пройдет мимо!

— Что ж, логично. — Гэлис наклонилась над картой и указала пальцем на место возле южного острова Кайнед. — Здесь находятся причалы. Если мы будем действовать достаточно активно, то сможем захватить большую часть их лодок. А что известно о расположения ривальдийских войск?

— Вот этого мы пока не знаем. Надо обсудить проблему вместе.

Гэлис согласилась встретиться следующим утром.

— Надо пригласить Полому, — предложила она.

— Сегодня он отнюдь не горел желанием сотрудничать с нами, — возразил Гос.

Гэлис не стала говорить, что проблемы с бывшим префектом возникли не у них, а только у самого Линседда.

— Мы будем иметь бледный вид, если доложим принцу свой план, а Полома найдет в нем кучу недостатков, и все потому, что он забыл указать на карте кое-какие детали. Кроме того, кто, по-вашему, передаст ультиматум правителям Кидана? Лишь с помощью Поломы мы сможем убедить самих киданцев в том, что мы мирные поселенцы, а не завоеватели, — сказала девушка.

— Подумаешь. Разница лишь в формулировке, — отмахнулся Гос.

Гэлис недовольно покачала головой.

— Нет, дорогой Линседд, не в одной только формулировке. Разница огромная. Или мы приплыли сюда для того, чтобы основать колонию, или для того, чтобы начать войну. Для благоприятного исхода экспедиции Полома просто необходим. Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен прекрасно понимает это.

— Отлично. Вам виднее. Вот вы и ведите с ним переговоры, я не против. Стоит мне открыть рот в присутствии этого киданца, как он сразу начинает злиться.

— Уговорили, — согласилась Гэлис. — Я договарюсь с капитаном, чтобы он завтра послал за Поломой лодку.

— Тогда до завтра, — сказал Гос, поклонившись.

Не успел он дойти до двери каюты, как та распахнулась и на пороге возникла Китайра — стройная, высокая и красивая. Ее одежда была влажной от морских брызг.

— Ты была на палубе? — спросила Гэлис.

— Да. Там просто восхитительно. Кажется, море понемногу начинает мне нравиться.

— Здравствуйте! — сказал Гос, обращаясь к Китайре. Ее появление стало для него неожиданностью.

— Здравствуйте, командующий! Простите, что не сразу заметила вас.

— Я как раз собирался уходить, — ответил Гос.

— Не хочу вам мешать, — сказала Китайра. — Если вы работаете, я зайду позже.

— Все в порядке, дорогая, — ответила Гэлис. — На сегодня мы закончили.

— Было очень приятно вновь увидеть вас, — покраснев, сказал Линседд.

— А мне — вас, — непринужденно ответила Китайра и шагнула в сторону, уступая ему дорогу. — Станный маленький человек, — заметила она, когда они с Гэлис остались одни.

— Зато очень умный и беззаветно предан принцу.

— Несомненно. Но все-таки он маленький. И очень странный.

— У меня было трое детей, два сына и дочь. — Розалла Серпин начертила три линии на мачте, покрытой коркой морской соли. — Их отец умер от чахотки, когда первенцу не было и десяти. От этой же хвори скончался и старший сын. А крошка Роза, моя дочурка, ушла в лучший из миров, когда у нее случился выкидыш.

Розалла пожала плечами и стерла ладонью две линии.

— Мне очень жаль, — произнесла Эриот. — А что стало с вашим вторым сыном?

— Ровальд сбежал из дома и, как говорят, стал моряком. Впрочем, до меня доходили разные слухи, — сказала Розалла и стерла с мачты третью линию. — Вроде бы он плавал на торговом корабле. А может быть, и нет. Я оказалась в приюте для бедняков. А где твоя семья?

— У меня больше нет семьи, и никто не берет меня на работу жестянщицей. Новая колония — мой единственный шанс сохранить свободу. Оставшись в Омеральте, мне пришлось бы в конечном итоге выйти замуж и нарожать детей.

— Тебе не хочется иметь детей?

Эриот посмотрела на свои руки. Они огрубели от работы с инструментами, кожа была сухой и потрескавшейся.

— Не знаю. А вам хотелось?

Розалла негодуяще надула щеки, затем медленно выдохнула.

— Не помню, — честно призналась она.

— Я покинула Омеральт потому, что не хочу быть никому обязанной, — решительно произнесла Эриот.

Ее до сих пор била дрожь при воспоминании о тех унижениях, которые она испытала после смерти отца, умоляя его старых знакомых взять ее на работу. Каждый раз девушка получала отказ — слишком сильны были вековые традиции и предрассудки.

Розалла в упор посмотрела на нее.

— Это нелегко для любого, не говоря уже о женщине. Особенно молодой женщине без семьи.

— А вдруг в новой колонии все будет иначе?..

— Колония-то, может, и новая, да вот люди все те же, старые.

Эриот кивнула, словно соглашаясь с правдивостью этих слов, но гордость ее была уязвлена. Девушка отказывалась верить в то, что в мире не происходит никаких изменений. Она больше

никогда не станет никого умолять, даже если ей придется умирать от голода.

— Хочу прогуляться по палубе. Нужно немного проветрить легкие.

— Что ж, сходи. Моим легким уже ничто не поможет. Увидимся позже — там, внизу.

Эриот втайне порадовалась, что осталась одна. Ей даже стало чуть легче на душе. На палубе она чувствовала себя более уверенно — особенно тогда, когда думала о своем будущем. Внизу, в трюме, девушке казалось, будто она находится взаперти. Точно так же было и в Омеральте, где она провела всю свою жизнь. А здесь мир открывался перед ней, подобно распускающемуся весеннему цветку, а над головой простиралось безоблачное голубое небо. Эриот верилось в то, что даже невозможное когда-нибудь станет возможным.

Девушка шла по направлению к корме, когда дверь под полуютом открылась и оттуда вышел человек, который занимался вербовкой добровольцев для колонии. Она уже видела его палубе, но сейчас не стала с ним здороваться. В Омеральте ей пришлось призвать на помощь всю свою храбрость, чтобы заговорить с ним.

Их глаза встретились, и Эриот поняла, что он ее узнал. Она покраснела и поспешно зашагала вперед. К удивлению девушки, мужчина догнал ее.

— Эриот Флитвуд, — произнес он со странным мягким акцентом.

Жестяница подняла взгляд и увидела, что мужчина ненамного выше ее.

— Здравствуйте, господин. Не ожидала увидеть вас здесь.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — ответил он без намека на сарказм.

Эриот подумала, что ей никак не удастся выдержать взгляд его темно-карих глаз, и стала смотреть в сторону. Просто удивительно, как много интересных деталей можно рассмотреть на

резных бортах торгового судна, если приглядеться повнимательнее...

— Значит, вы все-таки попали в список? — спросил мужчина. — Я очень рад.

Ей показалось, будто он намекает на то, что этим она обязана именно ему.

Не хочу быть никому обязана, напомнила себе Эриот и вновь встретила с ним взглядом.

— Я тайком прокралась на корабль! — заявила она и внезапно почувствовала себя очень неловко. Лицо ее залила краска смущения.

Слова девушки не вызвали у мужчины той реакции, которой опасалась Эриот. Ее собеседник лишь рассмеялся. Голос его был низким и глубоким.

— Значит, вы действительно очень хотели попасть сюда.

— Мне очень нужно было выбраться из Омеральта. И мне плевать, где я в конце концов окажусь!..

Незнакомец кивнул, словно понял, что она хотела этим сказать. От этого Эриот почему-то почувствовала себя еще более неуютно.

— Там хорошо, господин? В той стране, куда мы направляемся?

Лицо мужчины омрачилось.

— Когда я там был в последний раз — да, — ответил он, и Эриот показалось, что в его голосе прозвучали нотки сомнения.

— Значит, вы знаете, куда мы держим путь? — настойчиво спросила девушка, и по выражению лица собеседника поняла, что перешла границу дозволенного. Что ж, так ему и надо. Нечего болтать с простолюдинкой.

— Простите, господин, мне надо идти, — дерзко произнесла она.

Незнакомец взял Эриот за руку и внимательно посмотрел ей в лицо.

— С вами все в порядке? Как вы себя чувствуете? Я знаю, что вы страдали морской болезнью. Я видел вас на палубе.

— Со мной все в порядке, господин, — сказала девушка, слегка удивившись. — Морская болезнь прошла. Даже странно, как такое случилось со мной.

С этими словами Эриот высвободила руку и зашагала прочь. Она почувствовала, что мужчина пристально смотрит ей вслед, и по ее спине пробежал холодок.

Люк находился совсем рядом; девушка быстро нырнула в него и стала спускаться по лестнице на нижнюю палубу.

В этот момент ее снова кто-то схватил за руку, но на этот раз больно и грубо. Острые ногти расцарапали ее кожу.

— Я же говорил, что буду следить за тобой. Ты от меня не скроешься, — раздался голос Риб.

Негодяй резко потянул Эриот к себе. Он пытался изобразить улыбку, но безуспешно. Такому грубияну, как он, никогда не избавиться от угрюмого выражения лица.

— Так тебе и надо. Я хотел напугать тебя, моя вертихвостка.

— Ты не заметишь вертихвостку, даже если она станет вертеть хвостом прямо у тебя под носом, — резко бросила Эриот.

Но Риб не рассердился.

— А вот это мы выясним, — прохрипел он.

Эриот попыталась вырваться, но Риб сжал ее руку еще крепче, вонзив ногти ей в кожу. Девушка хотела закричать от боли, но передумала — не хватало, чтобы негодяй увидел, что ей плохо.

Эриот быстро огляделась по сторонам, надеясь, что кто-нибудь придет ей на помощь. Однако несколько будущих колонистов, находившихся неподалеку, сделали вид, будто ничего не видят, а солдат поблизости не оказалось.

Внутри у Эриот все клокотало от гнева. Риб продолжал ее тянуть куда-то в темноту, а она изо всех сил сопротивляясь, пытаясь вырваться, и осыпала его всевозможными ругательства-

ми. Однако негодяй лишь хохотал — все громче и громче. Свободной рукой Эриот попыталась расцарапать Рибу лицо, но тот так сильно ударил ее по щеке, что она потеряла равновесие и упала на палубу.

Теперь они привлекли к себе внимание остальных окружающих; послышались громкие недовольные голоса. Риб уже больше не смеялся; грязно выругавшись, он продолжал тащить Эриот за собой. Девушка изловчилась и лягнула своего обидчика в голень. Тот взвыл от боли, выругался, наклонился, вновь ударил ее по лицу и пнул ногой в бок.

Внезапно Риб почувствовал, будто весь воздух мгновенно вылетел у него из легких. Тело негодяя пронзила жуткая боль. Его лицо перекосилось, и он отпустил руку Эриот.

Девушка поднялась на ноги. Риб с недоверием и страхом смотрел на нее, судорожно хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Позади него маячила чья-то фигура. Эриот впервые стало страшно: гнев ее внезапно испарился.

Риб шагнул вперед, затем согнулся пополам и хрипло закашлялся.

— С тобой все в порядке? — спросила тень, и через мгновение Эриот поняла, что вопрос обращен к ней.

— Да... — еле слышно произнесла она, и в этот момент почувствовала, что у нее болит расцарапанная рука. По запястью текли густые теплые капли крови.

Из темноты появился Арден и презрительным взглядом окинул Риб.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты не позволял себе подобных выходов.

Риб попытался было что-то сказать, но ему все еще не хватало воздуха: он лишь беспомощно разевал рот. Обойдя его, Арден приблизился к Эриот. Девушка невольно отступила на шаг назад.

— Как ты? С тобой все в порядке?

— Думаю, да.

— Тебе надо показать свою руку лекарю. Кто знает, сколько всякой заразы под ногтями у этого негодяя.

Подобно огромному раненому пауку, Риб отполз куда-то в темноту.

— Это настоящий подонок, — сказал Арден. — Тебе надо быть осмотрительнее.

— Я не просила, чтобы он на меня нападал!

Бородач вопросительно посмотрел на нее, и Эриот ощутила, что в груди у нее снова вспыхнул гнев. Эх, если бы все мужчины, плывущие на «Ханнема», разом оказались бы на каком-нибудь другом корабле... или вообще остались в Омеральте!..

— Что ж, спасибо за помощь, — отрывисто бросила она, надеясь, что Арден поймет намек и отправится восвояси.

Так бородач и поступил. Насмешливо фыркнув, он скрылся во тьме.

«Я говорил слишком быстро, — мысленно упрекнул себя Полома. — Я тараторил, словно какой-нибудь неотесанный юнец...»

Но еще больше его беспокоило то, что потеря самообладания была связана с Эриот Флитвуд. Честное слово, он не испытывал к ней никаких чувств — просто от всей души желал девушке добра, и все-таки столь неожиданная реакция удивила и немного напугала его.

Наверное, точно так же корабль бросает якорь.

Да, лучшего сравнения не придумать... Казалось, чем ближе Полома подплывает к Кидану, тем быстрее его несет по течению и тем острее он ощущает необходимость в тихой и мирной гавани.

— Ты пытаешься избежать будущего, которое выбрал для себя, — произнес вслух Мальвара, не обращая внимания на то, что проходивший мимо матрос бросил на него удивленный взгляд. — В глубине души ты просто трус.

Впрочем, даже признавшись себе в этом, Полома не ощутил никакого облегчения. Он даже раздосадованно топнул ногой. Ему хотелось быть таким же решительным, бескомпромиссным и храбрым, как Мэддин Кевлерен. Вот кому хватило храбрости отправиться в неизвестность ради блага своей возлюбленной и будущего ребенка! Или даже как Кадберн Аксевлерен, чья единственная цель в жизни — беззаветное служение своему господину. Или как Гэлис Валера с Госом Линседдом...

В его голове бывшего префекта, подобно подхваченному ветром листу бумаги, пронеслась новая мысль. Вот почему ему так неуютно: все из-за встречи со стратегом и командующим. Они держали себя с ним покровительственно, не скрывая своего пренебрежения — словно Мальвара был третьим игроком в партии, рассчитанной на двоих. Точнее сказать, свысока смотрел Линседд. В отличие от Госа Гэлис Валера пыталась включить Полому в игру. Но от этой мысли киданцу легче не стало. Будь его присутствие действительно необходимо, стратегу не понадобилось бы прилагать для этого такие усилия.

Позади себя Полома услышал чьи-то шаги. Обернувшись, он увидел молодого капрала. Тот остановился перед бывшим префектом и торопливо отсалютовал.

— Чем могу быть вам полезен? — поинтересовался Мальвара. Ему было не по себе от таких церемоний.

— Капитан просил передать вам, что с «Грейлинга» получено сообщение. Командующий Гос Линседд и стратег Гэлис Валера просят, чтобы вы завтра утром присутствовали на встрече, которая состоится на их корабле.

Полома смутился.

— Что, опять?

Капрал заморгал.

— Простите?.. Не понял вас.

Мальвара поморщился.

— Я должен дать какой-то ответ?

— Если вам будет угодно. Любое ваше сообщение мы немедленно передадим на «Грейлинг».

— Попросите их, чтобы за мной прислали лодку.

— Слушаюсь! — выпалил капрал и поспешно удалился.

Полома растерянно развел руками.

Неужели он испытывает жалость к самому себе? Может быть, на самом деле все не так уж и плохо? Не выдумал ли он, что с ним дурно обращаются?..

Мальвара покачал головой. Иметь дело с хамилайцами и при этом сохранить самоуважение — не простое дело.

ГЛАВА 13

На одиннадцатый день плавания, едва опустились сумерки, вахтенный на «Англафе» заметил мыс Акстер — самую южную точку острова Каел. Капитан Авьер отправил юнгу известить об этом Мэддина и Кадберна.

Через минуту принц и его Акскевлерен вышли на палубу.

— Хоть какие-нибудь корабли видны? — с нетерпением спросил Мэддин.

— Вижу три мачты, — раздался громкий голос вахтенного. — Но мне никак не разглядеть, что там за мысом... подождите, вот еще четвертая, позади тех трех. О, они только что зажгли огни! Да, я насчитал четыре!..

Из груди Мэддина вырвался вздох облегчения.

— Значит, все уже там.

— Вы выбрали хорошие суда, ваше высочество, — обратился к нему капитан Авьер. — Я даже не сомневался, что все они доберутся до цели.

— Сомневаться — это прерогатива командующего, — бросил в ответ Мэддин. Кадберн укоризненно посмотрел на него и нахмурился.

— Но я рад, что оправдал ваше доверие, — добавил принц, поняв свою оплошность.

— Когда мы подойдем к ним? — спросил Мэддин.

— С той стороны мыса Акстер довольно мелко, а еще там есть рифы. Мы присоединимся к остальным утром, если ваше высочество это устроит.

— Это было бы замечательно, — сказал принц. — Сколько времени уйдет у нас на то, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия?

Авьер пожал плечами.

— Зависит от того, как быстро мои люди смогут поймать несколько коз и пристрелить пару тюленей, а также найти родник с чистой водой. Потребуется, пожалуй, дня два. Если бы вы позволили нам войти в один из портов, а не бросать якорь в дикой южной части острова...

— Исключено, — резко ответил Мэддин. — В этом случае ривальдийские шпионы узнают о нашем прибытии намного раньше, чем того хотелось бы мне или императрице.

Авьер больше ничего не сказал. Он отсалютовал и вернулся к своим обязанностям.

Принц еще долго стоял на палубе, глядя на берег Каела, который освещали лучи заходящего солнца.

Сейчас перспектива встречи с руководителями экспедиции начинала слегка угнетать его. Как, например, он объяснит, что случилось с его красавицей Алвей? Нет, поправил себя Мэддин, не что случилось, а почему.

Трудность заключалась в том, что он сам еще не понимал, что именно стало причиной трагедии. Наверняка за всем этим стоит Юнара. Но в более широком смысле осознание бессмысленности смерти Алвей, смерти их сына казалось ему чем-то вроде неотвратимой болезни, которая обязательно настигнет его, как только пройдет первая боль утраты. Однако принца изгнали из двора императрицы, изгнали с континента, из империи — так почему же Юнара все еще желает отомстить ему?

Чувство долга помогало Мэддину сохранить мужество и самообладание после той ночи, когда была злодейски убита Алвей. Он делал все возможное, чтобы сосредоточивать внимание на какой-нибудь насущной задаче. Кадберн оказывал ему неоценимую помощь: всегда находился рядом, разделяя с принцем его невыразимую скорбь. И все-таки, несмотря на всю свою решительность, несмотря на все то, что мог сделать Избранный, ночи стали для Мэддина самым тяжелым временем. Каждую раз он просыпался в тревоге, в холодном поту, словно кто-то настойчиво будил его. Принц одевался, поднимался на палубу и шел к корме, глядя на море, вслушиваясь, ожидая...

Мэддин сам не знал, чего он ждал. Знака, откровения, призрака, прозрения или обычного забвения — чего-то, что снизойдет с темных небес и лишит его жизни, навсегда утратившей смысл. Ему хотелось услышать принесенный далеким ветром голос Алвей, почувствовать ее присутствие на корабле, но ничего подобного не происходило. Возлюбленная исчезла из его жизни, будто ее вообще никогда не существовало, словно память о ней была всего лишь ложным эхом, обрывком кошмарного лихорадочного сна.

Принца терзали печаль и гнев; ему казалось, что оба этих чувства тесно связаны друг с другом и могут легко переходить одно в другое. Было лишь одно-единственное различие: Мэддин инстинктивно верил, что со временем печаль отпустит его — как уходила печаль по тем, кого он когда-то любил и потерял навеки. А вот гнев останется навсегда. Подобно горящему углю, он до конца жизни будет жечь его сердце.

По ночам, когда окружающая тьма проникала в сердце Мэддина, принц обещал себе, что, как только колония будет основана, станет самодостаточной и в его присутствии там больше не будет необходимости, он вернется в Омеральт и вышибет Юнаре мозги, разбив ей голову о стекло птичника. Иногда Мэддину казалось, что его гнев настолько силен, что способен, подобно Сефиду, лишить Юнару сил.

Затем наступал день, и его фантазии исчезали, словно туман в утренних лучах солнца. Все, что оставалось для принца в будущем, кроме печали и гнева, — это Кидан, и потому колония стала центром его существования. Он отомстит своей семье, основав могущественный город вдали от Омеральта. В один прекрасный день Кидан избавится от власти чужеземного правительства. Однажды Кидан плюнет в лицо империи, пусть даже это случится в отдаленном будущем, когда самого Мэддина уже не будет в живых.

Он сделает все, что в его силах, чтобы этот день все-таки наступил.

Рассуждая так, принц иногда приходил к выводу, что его жизнь, возможно, когда-нибудь вновь обретет смысл.

— Пора идти вниз, — сказал Кадберн, прервав размышления принца. — Становится холодно.

— Холод мне нипочем, друг мой, — сказал Мэддин. — Если Полома сказал правду, то в Кидане будет значительно теплее.

Избранный пожал плечами.

— Значит, тогда можно немного и померзнуть.

На следующее утро, когда «Англаф» присоединился к остальным кораблям экспедиции, небо было темным от туч. Надвигался шторм.

С запада налетел свирепый ветер — влажный пассат, как назвал его Авьер. Пять кораблей двигались рядом к бухте с высокими обрывистыми берегами — это была единственная защита в случае шторма. За небольшим мысом нельзя укрыться от бури, и уж тем более — спрятаться от стены проливного дождя, который вскоре обрушился с небес. Вахтенному — как и любому, кто по глупости своей оказался на палубе — корабли казались серыми призраками, покачивающимися на высоко вздымающихся волнах.

Авьер посоветовал Мэддину подождать, пока не стихнет буря, и только потом отправляться на встречу со своими офи-

церами. Если в такую погоду шлюпка перевернется, то упавшие в воду люди в считанные мгновения найдут смерть в морской пучине.

Принцу хватило ума послушаться мудрого совета. Вместе с Кадберном он спрятался в трюме, прислушиваясь к тому, как дождь неумолчно барабанит о корпус корабля. Судно стояло на одном якоре, и потому сопротивление волнам и ветру было минимальным. «Англаф» раскачивался из стороны в сторону, как пьянчужка, бредущий по шаткому мосту. Мэддину и Кадберну пришлось не раз воспользоваться ведерком, чтобы вывернуть туда содержимое своих желудков.

В каюту заглянул радостно улыбающийся Авьер. С его кленчатой накидки ручейками стекала вода.

— Ждать осталось недолго, ваше высочество! — бодро крикнул он. — Еще несколько часов, и буря уляжется. Обычно здесь так все и происходит.

— Если, конечно, мы протянем эти несколько часов, — простонал Мэддин, обращаясь к своему Избранному.

Но капитан оказался прав: к середине дня западная часть неба расчистилась. Буря ушла на восток, унося с собой дождь. Ветер утих чуть позже, но к этому времени почти все люди выбрались наверх подышать свежим воздухом. На мачтах и парусах сверкали капли воды; казалось, будто снасти опутаны тончайшими хрустальными нитями.

Мэддин стоял на корме, глядя вдаль.

— Я сейчас спущу на воду вашу шлюпку, ваше высочество, — сказал ему Авьер. — Или, если хотите, дам знать стратегу и командующему, чтобы они прибыли сюда.

— Никаких претензий ни к вам, капитан, ни к вашему кораблю у нас нет, но мне бы очень хотелось ненадолго покинуть его. Кстати, я вовсе не удивлюсь, если у моих офицеров на других судах возникло точно такое желание. Я вижу небольшой заливчик в изгибе бухты. Подайте им сигнал, чтобы они шли туда. В любом случае, если не ошибаюсь, вы соби-

рались отправиться на берег, чтобы пополнить запасы продовольствия и воды.

Через некоторое время Мэддин и Кадберн уже сидели в шлюпке, плывшей в направлении узкой полоски берега в форме полумесяца, усыпанной мелким белым песком и поросшей высокими хвойными деревьями.

Матросы выпрыгнули из лодки, чтобы подтащить ее вместе с принцем как можно ближе к берегу. Каково же было их удивление, когда Мэддин и Кадберн последовали их примеру и вскоре, толкая лодку, зашагали вместе с ними по пояс в воде.

Шлюпку вытащили на песок. Несколько матросов отправились охотиться на диких коз и тюленей. Другие взяли пустые бочки, чтобы набрать в них пресной воды.

Мэддин остался стоять у кромки прибоя, устремив взгляд на море. Он видел, как две другие шлюпки приближаются к берегу; длинные весла то грациозно ныряли в воду, то, подобно крыльям альбатроса, резко взмывали ввысь.

— Мы будем ждать их здесь? — спросил Кадберн.

Принц огляделся по сторонам.

— Нет, — сказал он и показал на поросшую травой поляну между хвойными деревьями. — Я буду ждать вон там. Ты приведишь их ко мне.

— Вы хотите, чтобы я сказал им?..

Мэддин глубоко вздохнул.

— Нет. Это сделаю я сам.

— А если они спросят? — настаивал Кадберн.

— Ничего им не говори.

Кадберн кивнул.

Заложив руки за спину и задумчиво склонив голову, Мэддин зашагал в сторону поляны. Он все пытался решить, как преподнести остальным участникам экспедиции печальную новость, как справиться с их ужасом, а главное, чего он опасался больше всего, — с их сочувствием. На «Англафе» соболезнований высказали более чем достаточно: в них можно было просто утонуть:

Вскоре послышался скрип песка: на берег вытаскивали шлюпки. Мэддин расправил плечи, тронул эфес меча и поднял глаза.

В следующее мгновение он увидел идущего к нему Кадберна. Следом шли еще четверо: невысокий Полома Мальвара, серьезный и сосредоточенный; Гос Линседд, ростом ненамного выше киданского префекта, но даже с расстояния было видно, что он полон энергии, словно сжатая пружина; Гэлис Валера — уверенная в себе, стройная и подтянутая. Кто же четвертый? Мэддин прищурился. Ах да, Китайра Альбин, грамматист. Интересно, зачем она сюда пожаловала? Насколько помнил принц, грамматист не входила в число советников.

Она не хочет ни на минуту разлучаться с Гэлис, сказал он себе. Ты сам знаешь... ты знал... что это такое.

Неожиданно Мэддин подумал: а почему бы этой ученой даме не стать одним из его главных советников? Она умна, хорошо образована... даже если и не умеет обращаться с магией, то хотя бы разбирается в ней. Надо обязательно поговорить об этом с Кадберном и Поломой. Между прочим, он сам на месте Китайры поступил бы точно так же — то есть мог счесть за оскорбление, если бы его не включили в состав этой группы.

Четверо подошли ближе и остановились перед принцем, выжидающе глядя на Мэддина. Чего же они ждут? Чего хотят? Поприветствовать его? Что ж, возможно. Но, наверное, они желают не только этого. Предвкушают грядущие приключения, с надеждой ожидают загадочное будущее, которое с каждым днем становится все ближе и ближе.

— Друзья мои, — произнес Мэддин и тут же понял, что следует сказать дальше. Не мешкая, он продолжил: — Я не нахожу слов, чтобы выразить мое удовольствие от встречи с вами на этой земле, откуда рукой подать до цели нашего путешествия, до нашего нового дома. Но есть и печаль в моем сердце, ибо я с прискорбием должен сообщить вам, что одна из нас никогда не закончит эту дорогу...

Ближе к обеду Розалла вновь начала стонать.

Эриот, сидя на палубе, держала ее на руках, осторожно покачивая. Пожилая женщина так и не пришла в сознание после того, как порывом сильного ветра ее ударило о борт корабля. Во время шторма Эриот поднялась на ноги лишь на мгновение, чтобы унять судорогу в икре. Когда же качка улеглась, а крики несчастных колонистов стихли, девушка увидела, что Розалла лежит на палубе, и у нее из носа сочится кровь.

— Все будет хорошо, — сказала ей Эриот и крепче прижала к себе, словно тепло ее тела могло привести несчастную в чувство.

Веки Розаллы затрепетали. Из ушей хлынула кровь. Она сделала глубокий вдох, затем слабо, еле слышно выдохнула.

Эриот отпустила Розаллу и быстро встала. Тело пожилой женщины безжизненно лежало на палубе, словно куча старых тряпок.

Эриот стояла и смотрела на несчастную, не в силах отвести взгляда. Ей вспомнилось, что отец после смерти лежал точно так же. Девушка хотела уйти, но ноги отказывались повиноваться ей. Вокруг собрались люди; кто-то пытался утешить Эриот.

— Я даже не знала ее толком, — пробормотала жестяница.

— Она умерла? — раздался чей-то басовитый голос.

Девушка подняла глаза и увидела темную фигуру мрачного чернобородого Ардена. Как он угадывает тот момент, когда нужно появиться?

— Да, похоже на то.

Эриот опустила руку на корточки и положила руку на губы Розаллы — дыхания не было. Арден присел рядом и дотронулся до шеи пожилой женщины.

— Да, она умерла, — заявил он. — Она была тебе другом, — обращаясь к Эриот, добавил он, словно ничуть в этом не сомневался.

— Я ее очень плохо знала, — почему-то возразила девушка. — Мы пару раз поговорили, только и всего...

Арден поднял с палубы тело Розаллы.

— Значит, вы были друзьями, — сказал он и зашагал по направлению к кормовому люку.

— Куда вы ее несете?

Бородач остановился и посмотрел на Эриот.

— Прости, но мы не можем оставить ее здесь.

Девушка поняла, что он собирается сделать, и бросилась вслед за ним.

— Вы не можете просто так взять и выкинуть ее за борт!

Арден подошел к трапу, но не успел сделать дальше и шага, как Эриот схватила его за руку. Со всех сторон на них смотрели другие колонисты — людей привела в восхищение храбрость девушки, но помешать великану никто не осмелился.

— Так нельзя. Ее нужно...

— Ей больше ничего не нужно, — возразил Арден.

С этим словами он стал подниматься на главную палубу. Эриот последовала за ним.

Они подошли к груде камней, сложенных пирамидой у борта корабля. Девушка увидела, что здесь лежали другие тела, все в простых одеждах колонистов. Матросы привязывали к ним камни, а затем сбрасывали трупы за борт. Арден начал привязывать два камня к ногам Розаллы. Эриот присела рядом с ним на корточки и дотронулась до его руки.

— Что, по-твоему, я должен еще сделать? — спросил бородач, немного повысив голос. — У нее нет семьи. Ты — ее единственный друг. — Он подождал, надеясь услышать ее ответ, но Эриот молчала. — Никто на этом корабле не может дать ей ничего больше, — повторил он.

Девушка убрала руку. Арден закончил привязывать камни, затем без видимых усилий поднял тело Розаллы и опустил за борт. Эриот перегнулась через поручень, но так и не успела ничего увидеть. Розалла бесследно исчезла под водой.

— По крайней мере кто-то пришел проводить ее в последний путь, — произнес Арден на удивление ласково.

Эриот долгое время стояла у борта, глядя на волны. Она жалела о том, что не могла ничего сделать для покойной, и ей было грустно, что она потеряла единственную знакомую на всем корабле.

Повернувшись, девушка увидела, что Арден помогает матросам хоронить других умерших. Одно из тел было маленьким и скрюченным, но Эриот успела разглядеть лицо.

Арден привязал камни к ногам Роба и бесцеремонно бросил его за борт. Выпрямившись, он увидел, что девушка пристально смотрит на него.

— Во время шторма мы потеряли семерых, — бесстрастно сказал великан. — Виной тому — несчастный случай.

Полома подумал о том, что последние два года его постоянно преследуют потери. Будучи изгнанником, он лишился дома и семьи; как проситель при дворе императрицы Лерены, он утратил былую гордость; став участником экспедиции по завоеванию Кидана, он потерял честь... Теперь же его постигла самая горькая потеря.

Все же как ни печально было сознавать, хоть убийство Алвей Селфорд и казалось самой глубокой раной, но заживет она раньше всех остальных душевных травм. Мальвара любил Алвей, но не был в нее влюблен. Она была первой из всех хамилайцев, кто проникся к нему доверием. Молодая женщина не задавала ему никаких вопросов, потому что верила, что он заслужил такое отношение по праву — как мужчина и как киданец. Даже странно, что простая доброта способна вызвать столь сильные чувства... и все-таки Полома всегда будет ей за это благодарен.

Порой Мальвара удивлялся собственной отстраненности; казалось, он смотрел на собственную жизнь так, как смотрел бы на муравья или мышь. Наверно, это было нужно для того, что-

бы оградить себя от превратностей жизни и сердечных привязанностей. Вот и сейчас Полома пытался столь же отстраненно думать о смерти Алвей, лишь бы немного облегчить свою боль. Увы, это было невозможно. Алвей — не тот человек, о котором можно думать как о чем-то чужом.

И еще одна странная вещь. После того как Мэддин рассказывал о гибели возлюбленной, у Поломы разболелся шрам на левой руке, полученный в тот день, когда Мальвара спас жизнь леди Селфорд. Поначалу он давал знать о себе тупой, ноющей болью, но теперь, когда бывший префект позволил себе предаться воспоминаниям, боль стала почти невыносимой.

— Полома Мальвара!..

Голос Кадберна. Пора идти к остальным.

Полома бросил взгляд через плечо.

Они стояли там — хамилайцы, возглавлявшие экспедицию, целью которой было завоевание его родины. Удивительно, но он почему-то не испытывал ненависти к ним. С таким же удивлением бывший префект вынужден был признать, что ему нравятся Мэддин Кевлерен и Гэлис Валера. Правда, Кадберн по-прежнему вызывал у него безотчетный страх, но каким-то странным образом Полома испытывал к Акскевлерену даже нечто вроде симпатии — наверное, потому, что ему искренне нравился Мэддин. Китайру Альбин он не знал — да и откуда ему было ее знать? А Гос Линседд... Что ж, Полома не испытывал к нему никакой неприязни, хотя и сомневался, что им когда-либо удастся найти общий язык.

Увидев, что Акскевлерен машет ему рукой, Мальвара зашагал к собравшимся, а Кадберн склонился над картой.

«Моей картой», — напомнил себе Полома. Еще одно маленькое предательство.

— Я не хочу, чтобы это выглядело как вторжение, — донеслись до него слова Мэддина, когда он подошел ближе.

Полома застыл на месте. Впервые он услышал из чужих уст слово, которое не осмеливался произнести сам. Хамилайская

империя решила завоевать Новую Землю. А для этого ей нужны корабли, солдаты, огнестрелы и колонисты...

— Моя вина, — тихо произнес Мальвара. — Это исключительно моя вина.

— Ваше высочество, если мы отправим наших солдат на северный и южный острова, то сумеем захватить продовольственные запасы города. Пока уровень воды в реке высок, у киданцев не будет иного выхода, кроме как заниматься рыболовством и пасти скот, находящийся на Кархее.

Это говорил Гос Линседд; он приводил доводы в защиту своего плана — того самого, который они с Гэлис изложили Полومه два дня назад на борту «Грейлинга».

Но что же скажет Мэддин?

— Я не хочу, чтобы первые дни нашего пребывания в Новой Земле начались с ультиматума. Нам нужно, чтобы Кидан добровольно вошел в состав Хамилайской империи. Применять силу — не самая лучшая тактика.

— Они не станут сопротивляться, — возразил Гос. — Я в этом уверен.

— «Они»? — переспросил Мэддин. — Кто это такие — «они»?

Остальные хамилайцы недоуменно посмотрели на принца.

— Не забывайте, что наши враги — не киданцы, — твердо сказал Мэддин. — Противник — ривальдийские войска, которые оккупировали город. Если мы будем придерживаться вашего плана, то пострадает местное население.

— Ваше высочество, это дает нам наилучшие шансы на успех, — возразила Гэлис. — Такой план с самого начала ставит нас в самое выгодное положение... Мы сможем оказать давление на плутократов, захвативших власть в городе. Как только эти два острова станут нашими, мы сумеем взять под контроль все торговые пути, ведущие в Кидан.

— Если начать основание колонии с подобных действий, — сказал Мэддин, — то киданцы всегда будут относиться к нам как к завоевателям.

— Простите, ваше высочество, — снова возразила Гэлис, — но нас в любом случае будут воспринимать как завоевателей. Мы не предоставляем Кидану выбора. Единственный выход для них — присоединиться к империи. Мы скажем киданцам — и не важно, понравится им это или нет, — что с момента нашей высадки они становятся подданными императрицы Лерены, а солдаты и колонисты будут постоянно напоминать им об этом.

— А почему бы нам не переманить местное население на свою сторону? — едва ли не умоляющим тоном произнес Мэддин. — Сделать все для того, чтобы киданцы добровольно присоединились к нам. Тогда мы будем строить новый город вместе. — Он поднял взгляд на Кадберна. — Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу этим сказать.

Избранный покраснел; он явно чувствовал себя неуютно.

— Какое бы решение не было принято, я буду поддерживать вас, ваше высочество. И вы это прекрасно знаете.

— Где же Полома? — раздосадованно спросил Мэддин. — Хотелось бы знать его мнение.

— Он с нами согласен, — ответил Гос. — Когда мы работали над картой, то постоянно обращались к нему за советами.

Принц обернулся, ища взглядом Полому. Заметив его, он умоляюще протянул руки к бывшему префекту.

— Вы же не можете согласиться с командующим и стратегом!..

— Ваше высочество, мне непонятно, из-за чего вы так переживаете, — как можно спокойнее ответил Полома. — Мы всегда знали, что придется применять силу. Я уже говорил, что представляют собой здешние плутократы. Или, по-вашему, они сдадутся на милость хамилайцев, не оказав равным счетом никакого сопротивления? — Мальвара обвел взглядом собравшихся. — Как мне кажется, мы забыли один очень важный фактор...

— А почему вы ничего не сказали о нем во время наших совещаний? — спросил Гос, внезапно рассердившись.

— Потому что только сейчас подумал об этом, — ответил Полома. — Я удивляюсь, что никому из вас, хамилайцев, не пришла в голову одна простая мысль. Ведь вы столько раз слышали мою историю. Когда ривальдийские солдаты вторглись в Кидан, ими командовал кто-то из Кевлеренов. А что, если он все еще там?

— Сефид... — пробормотала Гэлис.

— Вот именно, — согласился Мэддин. — Как вам, надеюсь, известно, я не наделен магическими способностями.

Все разом сникли.

Все, кроме одного человека.

— С некоторыми изменениями, но этот план все-таки может сработать, — откашлявшись, сказала Китайра Альбин.

Собравшиеся одновременно взглянули на нее, и девушка смутилась от столь неожиданного проявления внимания. Военный совет — это вам не университетская аудитория. Перед ней стоял один из принцев Хамилайской империи!..

Китайра почувствовала себя очень неудобно, а когда заговорила, то поняла, что ее голос дрожит.

— У нас есть своего рода ключ... Серьезный козырь в игре. Полома Мальвара когда-то возглавлял их правительство!

— Но я был вынужден отправиться в изгнание... — возразил бывший префект.

— Тем не менее, — упрямо покачала головой Китайра, — в Кидане вы все еще имеете авторитет — по крайней мере среди ваших политических сторонников. Разве не так?

Полома беспомощно пожал плечами.

— Полагаю, да, но...

Грамматист снова перебила его; на этот раз в ее голосе слышалась сила и уверенность.

— Объединившись с вашими сторонниками, мы могли бы справиться с ривальдийским Кевлереном — если, конечно он все еще в городе, — прежде чем противник решится на ис-

пользование Сефида против наших войск. Этим мы убьем сразу двух зайцев. Во-первых, сумеем подавить моральный дух и ривальдийских солдат, и плутократов; во-вторых, жители Кидана поймут, что не все их соотечественники настроены против нас.

Мэддин молчал, глядя на остальных. Во взгляде его читался немой вопрос: «Ну что? Сработает затея?»

— В этом есть нечто наивное, — произнес Полома. — Эх, сумей мы осуществить подобный план...

Он умолк и задумчиво нахмурился. Гэлис с интересом смотрела на него.

— И каковы шансы? — громко спросил Гос.

— Что? — повернулся к нему Мэддин.

— Как велика вероятность того, что Полома живым доберется до города? Разве там не вынесли нашему другу смертный приговор? Уж если плутократы вынудили префекта отправиться в ссылку, то вряд ли примут его с распростертыми объятиями.

— Нам надо что-то придумать, — рассудил Кадберн.

На какое-то мгновение все умолкли, затем Гэлис кротко взглянула на Китайру и произнесла:

— Полагаю, твой план весьма удачен. Жаль, что я сама до этого не додумалась.

На лице Китайры появилась улыбка.

Полома откашлялся. Обращаясь в большей степени к Мэддину, нежели к остальным собравшимся, он сказал:

— Полагаю, что идея Китайры Альбин не лишена смысла, но есть в ней один недостаток. Мы должны прийти как освободители, а не как завоеватели, и Хамилай сможет основать колонию, лишь сотрудничая с Киданом, а не за его счет.

— И как же нам это сделать? — скептически осведомился Гос.

— Очень просто, — пожал плечами Полома. — Я представляюсь своему народу как глава экспедиции.

ГЛАВА 14

Эриот закончила свой завтрак — кусок вяленой козлятины и сыр с твердым как камень хлебом. На вкус — сплошная соль, но ощущение наполненности в желудке успокаивало. Правда, подумала девушка, после смерти отца она редко испытывала спокойствие.

Эриот вернулась на свое обычное место на нижней палубе. Вот если бы с ней сейчас была Розалла! Ей так хотелось, чтобы кто-нибудь оказался в эту минуту рядом. Кто-то, кто настроен к ней доброжелательно, с кем можно поговорить по душам...

Впрочем, было в этом и нечто забавное — считать, что тебе никто не нужен, кроме себя самой, не думать об окружающих людях, пропускать мимо ушей пустые разговоры, которые велись в течение дня. Странно, но здесь, на корабле, среди множества людей, Эриот чувствовала себя безумно одинокой. Она была бы даже не против, чтобы сюда вернулся Арден; хотя нет, он непредсказуем, а значит, опасен, как океан... или как буря. Великан даже внешне напоминал девушке шторм — растрепанные черные волосы, борода, суровый взгляд...

С другой стороны — на этом корабле масса людей постоянно пребывали в дурном настроении. Лишь теперь, когда суда прибыли на остров Каел, колонисты немного воспрянули духом. Эриот слышала разговоры о планах на будущее, о фермах, родственниках и хорошей погоде. Никто ни слова не говорил о море. Никто больше не желал видеть его.

Колонисты с нетерпением ждали, когда им разрешат сойти на берег.

Эриот краем уха слышала, как на главной палубе началась суета. Матросы бросились к мачтам; их шаги эхом отдавались от деревянного палубного настила. Колонисты обменялись недоуменными взглядами, у некоторых на лицах появилось тревожное выражение. Неужели они решили, подумала девушка, что на корабль кто-то напал?

Затем до нее донесся звук, который невозможно было ни с чем перепутать, — скрип якорной цепи. Вскоре матросы затаили песню.

Корабль уходил из залива.

На нижней палубе раздался дружный вздох облегчения.

«Возможно, мы направляемся к другой части острова», — подумала Эриот.

Неожиданно она услышала отданную громовым голосом команду:

— Поднять паруса!..

Послышалось гулкое хлопанье парусов, похожее на отдаленные раскаты грома.

— Во имя Сефида, мы отплываем! — раздался чей-то взволнованный возглас.

— Они не могут заставить нас! — разгневанно выкрикнул кто-то еще. — Мы хотим сойти с этого чертова корабля!..

На секунду вновь воцарилось молчание, словно каждый думал о только что сказанных словах. Затем тишину нарушил возмущенный ропот. Постепенно он становился все громче и громче, а затем начали раздаваться громкие крики и протестующие возгласы. На верхней палубе снова поднялась суета; по всему кораблю забегали солдаты.

Постепенно недовольные крики стали тише, но полностью так и не смолкли.

Паруса наполнились ветром. Корабль слегка закачался и заскрипел. Протестующие вопли колонистов превратились в стон, который глухо разнесся над темной водой.

Мальвара и Гэлис наблюдали, как солдаты спускаются в трюм. Ропот недовольных колонистов продолжал отдаваться вибрацией палубы под ногами.

Полома проглотил застрявший в гортани комок. Где-то глубоко внутри он ощутил страх, от которого ему стало дурно.

«Ну почему мне, как всегда, не хватает храбрости», — подумал Мальвара и что-то проворчал себе под нос. Впрочем, будь даже ее у него в избытке, что от этого изменилось бы?..

— Представляю, как вам было нелегко, — неожиданно произнесла Гэлис.

Полома внимательно посмотрел на нее. Он никак не мог понять, что за человек стратег Валера. В девушке было столько жизнелюбия, столько храбрости и уверенности в себе. По сравнению с ней сам Мальвара наверняка казался угрюмым, робким и незащищенным.

Глядя сейчас на Гэлис, вряд ли кто-то мог сказать, что внизу, под ее ногами, в трюме находятся несколько сотен возмущенных мужчин и женщин. Стратег выглядела так, словно совершала развлекательную морскую прогулку.

Из разговора с Мэддином и Кадберном Полома узнал, что эта женщина действительно участвовала в военных действиях на границе. Ему это казалось совершенно невероятным. В какой-то степени Гэлис Валера олицетворяла собой все таинственное, что было в Хамилайской империи, — непредсказуемость, властность и уверенность в своих силах на грани высокомерия.

— Что вы имеете в виду? — спросил Мальвара.

— Все то, что произошло после вашего изгнания. Подозреваю, что оказаться вдали от родины — весьма тяжелое испытание.

— Порой приходится делать совсем не то, что хочешь, — сдержанно ответил Полома, надеясь, что его собеседница не уловит нотки настороженности в его голосе.

Ах, если бы в присутствии подобных людей Мальвара мог говорить непринужденно, даже небрежно!.. Но почему же он нервничает в ее обществе? Или девушка так же влияет и на хамилайских мужчин? Однако она не настолько красива...

«Да, но зато умна, — напомнил себе Полома. — Еще как умна. Может, даже умнее меня самого».

Он невольно улыбнулся. Так кто же из них двоих более высокомерен?..

— Я хочу сказать, что выбора у меня нет, — произнес Мальвара, стараясь говорить как можно спокойнее. — Я отдал себя на милость хамилайцев и, надо отдать им должное, они проявили ко мне милосердие.

Полома отметил по себе, что Гэлис смотрит на него не менее пристально, чем он не нее. Интересно, что же такого она увидела? Мальвара не питал никаких иллюзий относительно своей внешности и даже подозревал, что хамилайцы если и не испытывали к его темной, кофейного оттенка, коже неприязнь, то уж точно находили ее экзотической. Однако Гэлис, похоже, смотрит не столько на цвет кожи, сколько заглядывает в душу. И от этой мысли Поломе стало не по себе.

— Возможно, хамилайцы и милосердны, — сказала страгет, — но зато надменны, ограниченны и не хотят знать никого, кроме самих себя.

— То же самое можно сказать и про мой народ.

— И все-таки, — возразила девушка.

Догадывалась ли она, что происходит у него в душе?

— Все-таки я просто передать не могу, как скучаю по дому.

Гэлис и бывший префект прохаживались по шканцам — пространству между мачтами. Стратег прибыла на «Ханнема» якобы для того, чтобы поговорить о вторжении в Кидан, но Полома сразу понял, что на самом деле ее интересовал куда более широкий круг вопросов.

— Конечно же, я вас понимаю, — бесхитростно ответила девушка, растрогав Полому таким ответом. — И вы беспокоитесь о том, что случится, когда мы прибудем туда. Беспокойтесь о вашем народе и вашем городе.

— Безусловно. Мы — лишь мелкие рыбешки в море, кишащем хищниками.

— Кто знает. Возможно, в будущем все изменится, — задумчиво сказала Гэлис. — Вполне вероятно, что в один прекрасный день Кидан обретет реальное могущество, и тогда ему не страшны будут никакие хищники.

Полома остановился и хмуро посмотрел на девушку.

— По-вашему, Кидан тоже станет хищником?

Стратег пожала плечами.

— Ну, не совсем хищником. Я однажды видела, как дикий вепрь напал на двух всадников, вооруженных копьями, и одолел их. Но ведь вепрь — не хищник... Я хочу, чтобы Кидан обладал именно такой мощью — спокойной, величавой и уверенной в себе.

— Вот тут-то мы с вами и расходимся во мнениях. Я не хочу, чтобы Кидан становился сильным. Я не верю, что сила — источник и гарант безопасности. По-моему, пусть лучше Кидан останется маленьким и неприметным государством.

Гэлис грустно улыбнулась и покачала головой.

— Увы, слишком поздно, префект Полома Мальвара. Вы опоздали на целых два года. — Она глубоко вздохнула. — Принц отдал приказ: еще до того момента, как флотилия достигнет Тюленьей Скалы, мы должны ознакомить вас с планом вторжения в Кидан.

— Кажется, я там был, — отстранено произнес Полома. — Во время моего первого путешествия через Бушующее море... Торговый корабль, на котором я плыл, сделал остановку на Тюленьей Скале, чтобы пополнить запасы продовольствия. Скажите, Гэлис, как долго нам туда плыть?

— Дней десять.

Полома покачал головой.

— Понимаю, — сочувственно сказала Гэлис. — Плыть по морю всегда долго.

— Нет, — возразил Полома. — Как раз наоборот. Я ждал два года, чтобы вернуться на родину и освободить мой народ, но теперь мне хочется немного замедлить ход времени. Думаю, я бы с радостью отложил свое возвращение еще на пару лет.

Гэлис вопросительно посмотрела на него.

— Не уверена, что понимаю вас.

— Просто я боюсь, только и всего. — Полома постучал каблуком по палубе. — Боюсь человеческого груза, который мы везем. Боюсь ривальдийцев. Боюсь того, что увижу, когда вернусь в Кидан...

Он умолк.

— И боитесь хамилайцев? — спросила Гэлис.

— Больше всего, стратег Валера, я боюсь хамилайцев.

Мэддин с задумчивой улыбкой смотрел на корабли, на которых когда-то перевозили зерно.

Эти суда имели более низкую осадку, чем «Англаф», им были не страшны волны и течения, но, покачиваясь на волнах, они производили впечатление тяжелых и неповоротливых посудин. В отличие от них «Англаф» был маневренным и быстроходным. Он похож на стремительную борзую, в то время как эти неторопливые посудины — сущие коровы на льду, подумал принц с некоторой гордостью. Как все-таки он и его шхуна подходят друг другу по темпераменту. Зато медленные и устойчивые сухогрузы куда лучше соответствуют его намерениям... а заодно и его унылому состоянию духа.

Хотя флотилия вновь двинулась вперед, а Мэддин получил причитающуюся ему долю сочувствия и соболезнований, тоска вновь обрушилась на него подобно снежной лавине.

Принц намеренно не стал поднимать на своей шхуне все паруса — ему не хотелось догонять остальных. Правда, время от времени он с трудом подавлял искушение попросить капитана Авьера, чтобы тот отдал команду отклониться от взятого курса и уйти далеко-далеко в открытое море, подальше от горестных воспоминаний и возложенной на него императрицей ответственности, чтобы больше никогда-никогда не видеть землю. Океан велик, где-нибудь в его глубинах он сможет наконец-то утопить свое горе. Или хотя бы попытается сделать это.

Авьер что-то сказал, и Кадберну пришлось окликнуть своего господина.

— Простите, — сказал Мэддин, — Я не расслышал.

— Это хорошие корабли, ваше высочество, — произнес Авьер, кивая в сторону сухогрузов. — Пусть они не так уж быстроходны и красивы, но зато надежны и выносливы, как тягловые лошади.

Принц улыбнулся.

— Я так и подумал, — без малейшего намека на сарказм произнес он.

— Понимаю, вам нужно о многом поразмыслить, ваше высочество, — сказал Авьер. — Если позволите, я оставляю вас.

— Разумеется, капитан, — ответил Мэддин. — Возвращайтесь к своим обязанностям.

Когда Авьер отошел достаточно далеко, Кадберн сказал:

— У нас возникли кое-какие сомнения...

— Сомнения? А вот у меня уже давно нет никаких сомнений. У меня нет никаких сожалений. Сейчас же я делаю то, что делаю, потому что ничего другого мне не остается. Без Алвей... — На секунду принц умолк, а потом с трудом заставил себя продолжить: — Мне осталось завершить лишь одно дело.

— Месть. Вы хотите отомстить, — спокойно произнес Кадберн.

Мэддин кивнул.

— Ты считаешь, это неправильно? По-твоему, мне в первую очередь следует думать о колонии?

— То, что вы остались в живых, — это и есть месть. А после основания колонии в Кидане, когда Авьер отправит императрице ваше послание об убийстве леди Алвей, Лерена поймет, что Юнаре доверять нельзя.

Мэддин недовольно поджал губы.

— Не согласен. Я остался жив — и это все, что нужно Лерене. Она не осмелится устроить свару в семье из-за Алвей. Но ты прав, я расскажу Лерене о случившемся, и наша императрица найдет способ наказать сестру. Ее величество не может оставить без внимания вторую попытку покушения на мою жизнь.

— Вы думаете, план грамматиста окажется успешным?

— Да, — не задумываясь, ответил Мэддин. — При условии, что Полома будет правильно играть отведенную ему роль.

— Вы в нем не уверены?

— Почему же? Вполне, — ответил Мэддин.

Кадберн промолчал.

— Ты думаешь о встрече Мальвары с Нетаргером, — произнес Мэддин.

— Да.

— Полагаю, ничего страшного в этом нет. Просто разговор, в который ты влез прежде, чем было сказано что-то важное. Полома действительно был искренне предан Алвей. Он бы не сделал ничего такого, что могло бы подвергнуть ее опасности, и теперь ни при каких обстоятельствах не станет оказывать содействие ее убийце. И вообще не будем забывать о том, что главное желание Мальвары — освобождение его родной страны. — Мэддин потер глаза. — А теперь, когда у Поломы появился помощник в лице Гэлис Валера, план грамматиста непременно работает...

— Вижу, вы устали. Вам следует пойти в каюту и поспать.

— У меня слишком много дел, — вздохнул принц.

— Через два часа я вас разбуджу.

Мэддин кивнул: он действительно слишком устал.

Кадберн проводил его до каюты, удостоверился, что дверь заперта, а затем вновь поднялся на палубу.

Внизу его охватывали приступы клаустрофобии. Казалось, что корабли были рассчитаны на низкорослых матросов, а не на высоких обитателей суши. Затем взгляд Избранного упал на плывущий неподалеку «Ханнема». На палубе Аксевлерен заметил две фигуры. Может, один из них — Полома?

Интересно, о чем он сейчас думает?

Оказывается, экспедиция держит путь к Новой Земле...

Эриот узнала об этом из слухов, упорно ходивших среди колонистов. Одни говорили, что подобное невозможно; другие

просто отказывались верить в то, что такое место вообще существует на белом свете. Но стоило Эриот услышать новость, как она сразу поняла: слухи верны.

Поначалу слова эти — «Новая Земля» — были чем-то призрачным. Страна, существующая только в воображении... Однако после разговора с Розаллой они обрели реальные очертания. Эриот мрачно улыбнулась, подумав, что пожилая женщина на верняка была бы счастлива, окажись все правдой.

Неожиданно девушка поймала себя на том, что она сама тоже очень рада, потому что держит путь к Новой Земле, прочь от Хамилы, прочь от прежней опостылевшей жизни.

Отлично, подумала Эриот и со свойственной ей практичностью решила, что было бы неплохо хоть на пару дней сойти на сушу. Она устала от пребывания в чреве огромного деревянного кита, где было темно и душно. Ей нужен воздух, но вряд ли солдаты позволят выйти даже на палубу. Эриот подумала, что, как и все остальные колонисты, она будет вынуждена провести остаток путешествия в трюме, и от этой мысли ее охватила паника. Нет, этого ей не пережить. Заточение в трюме равносильно смерти.

По ступеням спускались все новые и новые солдаты — в основном рядовые, но оказался среди них и один офицер, судя по шеврону на рукаве мундира. Они столпились внизу возле лестницы, словно опасаясь, что им придется второпях подниматься вверх. Офицер показался Эриот чересчур молодым — такому не то что солдат, детей нельзя доверять.

Он откашлялся, чтобы привлечь внимание, а затем заговорил на удивление начальственным тоном, какого Эриот от него никак не ожидала.

— У меня для вас сообщение от капитана корабля.

Его голос слышали на всей палубе; колонисты стали придвигаться ближе к лестнице, но солдаты преградили людям дорогу, не пуская дальше.

— Уверен, что вы все поняли: мы плывем не на остров Каел, — произнес офицер.

Несколько колонистов попробовали было возмущаться, но остальные зашикали на них.

Офицер подождал, пока восстановится тишина.

— Как многие из вас уже догадались, в действительности наша экспедиция направляется к Новой Земле.

Эриот ожидала, что вновь раздадутся возмущенные крики, однако все стихли. Офицер вновь сделал паузу: или ожидал, что его перебьют, или для того, чтобы подчеркнуть важность своих слов.

— Плавание займет около тридцати суток — возможно, меньше. Дней через десять покажется небольшой островок под названием Тюленья Скала. Там мы запасаемся пресной водой и свежим мясом. После этого вам позволят выходить на палубу по несколько человек один раз в день. Чуть позже вы сможете выходить на палубу в любое время.

У Эриот сжалось сердце. Неужели ей придется провести узнницей в трюме целых десять дней?..

— Но почему капитан поверит в нашу лояльность только после Тюленьей Скалы? — спросила она, поднимаясь с места, и сама удивилась своему решительному тону.

— Кто это спрашивает? — требовательно произнес офицер.

Эриот выступила из темноты, чтобы он смог увидеть, кто с ним говорит.

— Это я спрашиваю, — произнесла она слегка дрожащим голосом. Потом добавила более твердо: — Мое имя Эриот Флитвуд.

Представившись, девушка расправила плечи и гордо подняла голову.

— Потому, Эриот Флитвуд, что капитан известил меня, что после Тюленьей Скалы ветры и течение не позволят нам вернуться в Хамилай и останется только одно — плыть к Новой Земле. Как только мы минуем Тюленью Скалу, обратной дороги назад у нас больше не будет.

— Это не слишком утешительная новость, особенно для тех, у кого больше не осталось сил, — раздался еще один голос, и рядом с Эрнот встал Арден.

Солдаты еще крепче сжали свои огнестрелы, хотя великан пока никому не угрожал своими действиями. Что касается офицера, то тот явно растерялся: либо он не ожидал такой откровенности, либо не знал, опасаться ему Ардена или нет.

За его спиной возникла еще одна фигура. Это оказалась женщина, светлокожая и светловолосая. Офицер слегка кивнул и отступил, пропуская ее вперед.

— Мне кажется, вы все заслуживаете того, чтобы знать правду, — произнесла женщина спокойным и звонким голосом.

— Прежде всего мы заслуживаем того, чтобы самим выбирать — быть нам колонистами или нет, — ответил Арден, и за его спиной пробежал ропот. Люди громко выражали свое согласие со словами великана.

Женщина подняла руки, прося тишины.

— Я полностью согласна, — спокойно ответила она, и ропот моментально стих. — Однако независимо от того, как с вами обошлись, теперь вы здесь, на борту корабля. Скажу честно и прямо — назад дороги нет.

— Назад дороги нет после Тюленьей Скалы, — громко произнесла Эрнот. — Но туда мы еще не доплыли.

Женщина посмотрела в ее сторону.

— Я ничуть не сомневаюсь, что если бы вы захотели, то могли бы захватить корабль.

После этих ее слов солдаты заметно встревожились. Колонисты же не знали, как им реагировать на сказанное.

— Предположим, вам удалось бы поднять мятеж и взять верх над солдатами и матросами на борту «Ханнема». Но кто из вас знает, как управлять судном? — жестко усмехнулась женщина. — Кто из вас знает, как установить паруса? Чинить оснастку? Вязать узлы, управляться с канатами? Кто готов провести судно в шторм, подобный тому, в который мы попали вчера?

С этими словами женщина отошла от своего спутника и, выйдя из кольца солдат, приблизилась к Эриот и Ардену. Колонисты покорно уступали ей дорогу.

Когда она оказалась совсем рядом, то при желании любой из них мог ее ударить.

— Скажите, кто из вас жил в Омеральте припеваючи? А кому хочется начать новую, лучшую жизнь на Новой Земле? — продолжила задавать вопросы женщина.

— Ну да. При условии, что все мы останемся живы после этого путешествия, — хмуро произнес Арден, хотя уже и без прежней убежденности в своей правоте. — Редко какой корабль возвращается после плавания через Бушующее море.

— «Ханнема» и три других судна прочны и надежны, — уверенно заявила женщина. — Мы все доберемся до Новой Земли.

Тут среди колонистов снова пробежал ропот. Эриот и Арден переглянулись и отступили с освещенного места в темноту, чтобы ни у кого не осталось сомнения, кто именно выиграл этот спор.

Женщина вернулась к офицеру и поставила ногу на первую ступеньку лестницы. На секунду она остановилась, обвела взглядом присутствующих и сказала:

— Я поговорю с капитаном. Лично я считаю, что вы имеете полное право прогуливаться по главной палубе.

В дверь каюты постучали. Гос недовольно оторвал взгляд от карты Кидана, расстеленной на койке, и негромко выругался. Он выждал мгновение в надежде на то, что незваный гость передумает и уйдет, но стук повторился.

Линседд даже не пытался скрыть своего раздражения: издав недовольный стон и нарочито громко топая, он подошел к двери и распахнул ее, состроив самую что ни на есть недовольную гримасу. Однако стоило ему увидеть Китайру Альбин, как недовольство тотчас сменилось удивлением. Как же она все-таки

красива, подумал про себя Гос. Тусклый свет, освещавший лицо девушки, делал его еще более прекрасным.

— Надеюсь, я не оторвала вас от важных дел, командующий, — сказала она.

— Чем могу вам помочь, уважаемый грамматист? — спросил Линседд, придав голосу отчетливую нотку нетерпения.

Гос был не в силах противостоять очарованию Китайры, однако помнил, как внезапное появление грамматиста во время разговора с принцем нарушило все его планы.

Нет, он сегодня явно не в том настроении, чтобы принимать гостей.

Казалось, Китайра тоже не знала, как ей себя вести. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала и лишь смущенно покачала головой.

— Что-то не так?

— Вы не против, если я зайду? — спросила она.

Гос глубоко вздохнул, однако отступил в сторону, пропуская девушку внутрь, после чего закрыл дверь.

Китайра обвела взглядом кабину, словно надеясь увидеть что-то хорошо ей знакомое.

— Так чем же я могу вам помочь, грамматист? — повторил Гос свой вопрос.

Взгляд Китайры остановился на карте. Словно увидев нечто такое, что навело ее на дальнейшие мысли, девушка подняла глаза и сказала:

— Я пришла извиниться.

Гос растерялся.

— Извиниться за что?

— За то, что помешала вашим с Гэлис планам, — ответила она и добавила с виноватой улыбкой: — Мне это далось нелегко. Как правило, ученые не извиняются. Подметив у вас какую-нибудь ошибку, они всю жизнь будут ею колоть вам глаза.

— Прямо как в армии, — пробормотал Линседд.

— У меня такое ощущение, будто вы думаете, что во время нашей встречи на Каеле я вмешалась не в свое дело.

Гос побледнел. Китайра попала в самую точку, хотя ему самому это было чертовски трудно признать.

— Вы ошибаетесь, — не слишком уверенно возразил он. Потом окончательно растерялся и повторил: — Вы ошибаетесь...

— Я хочу, чтобы вы знали: Гэлис нашла ваш план очень разумным. Она уверена, что нас ждет успех.

Линседд хотел было принять комплимент, но вместо этого почему-то рассердился.

— Но вы по-прежнему считаете, что он мог быть и лучше, правильно?

Китайра отвернулась.

— Никто из нас не вспомнил о ривальдийских Кевлеренах, даже сам принц. Скажите, сработал бы ваш план, если бы в Кидане все еще оставались Кевлерены?

— Нет, — ответил Гос, глядя себе под ноги.

— Командующий, я не хотела вас обидеть. Все произошло после того, как Полома Мальвара упомянул в разговоре, что в Кидане могут находиться Кевлерены. Скажите, вы бы на моем месте смолчали?

Не дожидаясь ответа, Китайра поспешно вышла из каюты.

Полома с опаской смотрел на собравшихся на главной палубе колонистов.

— Вы уверены, что их можно сюда пускать?..

— Вполне, — ответила Гэлис.

Девушка сидела на решетке кормового люка, наслаждаясь последними лучами заходящего солнца. Глаза ее были полузакрыты: она любовалась переливами цвета, возникавшими у нее на внутренней поверхности век. Ей хотелось разглядеть в этом некую закономерность, которой, судя по всему, не было, что сильно раздражало стратега.

Гэлис всегда казалось, что в основе любой вещи, будь то природное явление или поступки человека, лежит определенное правило. Если к чему-нибудь как следует присмотреться, то всегда можно обнаружить некую путеводную нить, потянув за которую, можно добраться до самой сути. Ей ужасно не хотелось признавать, что в ее неписаном законе могут быть исключения.

Она едва ли не кожей чувствовала исходящее от Поломы напряжение.

— Они ничего не сделают, потому что мы им нужны, — успокоила она его, нехотя открывая глаза. Ее взору тотчас предстал реальный мир со всеми его привычными красками.

Гэлис попробовала запомнить пурпурный оттенок куртки одного из колонистов и насыщенный красный цвет корабельного якоря, однако она знала: стоит отвернуться, как яркие краски тотчас поблекнут в ее памяти, превратятся из реальности лишь в мысленное представление о ней.

— Что еще важнее, они прекрасно знают, что мы им нужны... К чему тревожить такое равновесие?

— А как же другие корабли? — спросил Полома.

— Уверена, что и там все в надежных руках. А тебе, Полома, я бы посоветовала перестать волноваться. Лучше подумай о том, как нам пробраться в Кидан, не поднимая при этом шума. Вот что теперь для нас самое главное.

— Ну, это проще простого, — сказал Полома уверенно. — Мы пройдем болотами.

Вскоре после того как загадочная блондинка — которую ни один из колонистов раньше не видел на борту «Ханнема», но чье слово, судя по всему, имело немалый вес — ушла, солдатам был отдан приказ разойтись.

К этому моменту Эриот уже убедила себя, что ей больше нечем дышать, и поспешила на главную палубу. Она была рада последним лучам заходящего солнца, рада возможности набрать полную грудь чистого морского воздуха, очистить легкие от ми-

азмов трюма и потому подыскала себе место в отдалении от остальных, у самого борта.

Свежий ветерок приятно ласкал кожу. Эриот прислушивалась к журчанию воды за бортом. Над ее головой кружили чайки — в надежде на то, что за борт выбросят что-то съестное.

На северо-востоке постепенно исчезал за линией горизонта остров Каел, а на юго-западе в море медленно погружалось солнце. Небо постепенно приобретало золотистый оттенок, затем оранжевый и, наконец, красный. Ветерок превратился в настоящий ветер, холодный и пронизывающий, и Эриот подумала, что пора вернуться вниз.

Она повернулась и увидела, как заморский принц и загадочная блондинка о чем-то разговаривают между собой. Вид у парочки был хмурый и озабоченный.

Эриот поняла, что на них возложена ответственность за судьбу путешествия и эту ответственность они хорошо осознают. Девушка даже ощутила некоторую зависть: ведь ей самой никогда не изведать ничего подобного. Вместе с тем Эриот испытала и облегчение: на ее плечи никогда не ляжет столь тяжкое бремя. На данный момент девушку вполне устраивало то, что она все еще жива.

Мир поделен на тех, кто способен вести за собой остальных, и тех, кто покорно следует за вожаком, подумала Эриот. Неожиданно, словно прочитав ее мысли, появился Арден, который проворно вскарабкался по лестнице вверх. Он даже не повернул косматой головы, пока шел через всю палубу, словно делал это из некоего чувства долга, а не по собственному желанию.

Да, еще есть Арден, подумала Эриот. Есть те, кто любит идти в одиночку, те, кому нет места в этом мире — как нет и желания это место обрести.

Когда великан подошел ближе к девушке, то заметил, что она смотрит на него. Арден поприветствовал жестяницу доброжелательным кивком и зашагал дальше.

Эриот не ответила на его приветствие. Она была слишком сконфужена — будто он застал ее за чем-то постыдным, словно услышал, как о нем говорят вслух. А потом девушка увидела, что заморский принц тоже заметил ее и улыбнулся.

Такое повышенное внимание к своей персоне Эриот вынести не смогла. Она быстрым шагом направилась к лестнице, чтобы спуститься на нижнюю палубу.

ГЛАВА 15

С губ Паймера Кевлерена слетел стон.

Идальго вопросительно посмотрел на своего повелителя. Герцог кивнул ему, приглашая взглянуть на картину, которая открывалась из окна кареты.

Акскевлерен выглянул наружу. Его взору предстал отряд ривальдийской кавалерии. Солдаты сгрудились вокруг пограничного столба. Завидев проезжающий мимо экипаж, они принялись делать оскорбительные жесты в адрес его пассажиров.

— Не обращайтесь на них внимания, ваша светлость, — произнес Идальго.

— Насмешки тут ни при чем, — ответил Паймер негромко, чтобы его не услышал стражник, проверявший их документы. — Все дело в коже...

Идальго вновь перевел взгляд на кавалеристов. И верно: все они были с ног до головы облачены в кожу — скрученные кольцами кожаные ленты свисали у них с эполетов, воротников и перчаток. Весьма живописно, но зато крайне неудобно в бою.

С другой стороны, на своем веку Избранный повидал немало хамилайских полков, облаченных в куда более потешную форму. Идальго подумал про себя, что его хозяин воспринимает все чересчур обостренно. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, просто начинает сказываться напряжение последних дней. В

конце концов, кто знает, как новоиспеченный Комитет Безопасности Ривальда отнесется к представителю Кевлеренов... тем более что эта страна лишь недавно сбросила с себя их власть. И не стоит обольщаться по поводу того, что герцогу обещана абсолютная дипломатическая неприкосновенность.

— Нельзя ли поживее? — обратился Паймер к пограничнику. — Я ведь везу письма для вашего Комитета Безопасности!

Пограничник посмотрел на них так, что Идальго сразу понял: их пребывание на границе еще больше затянется.

— А как вы, ваша светлость, смотрите на то, чтобы нам с вами выйти из кареты и немного размяться? — предложил он своего хозяину. — Здесь еще придется прождать какое-то время.

— Что?! Выйти к этим варварам, которые шпионят за нами, и их лошадям? Ни за что. Ты, если хочешь, можешь прогуляться. Я же останусь здесь.

Идальго все-таки предпочел размять ноги.

Выйдя из кареты, он сначала демонстративно потянулся, затем неторопливой походкой обошел пограничный столб. Ему показалось, что хамилайские пограничники следили за ним куда пристальнее, нежели ривальдийские. Кроме всего прочего, Избранный, по всей видимости, являл собой объект насмешек для тех и других.

Идальго поднял голову, подставив лицо солнечным лучам. День был ясный, хотя и слегка прохладный — здесь, на горном перевале, по которому пролегла главная дорога, соединяющая обе страны, всегда бывает такая погода. Аксевлерен почувствовал, как в разряженном воздухе высокогорья натянулась его кожа.

Во время последней войны этот перевал не раз становился свидетелем кровавых стычек. Причем ни одной из сторон не удавалось добиться преимущества — и все потому, что рельеф хотя и помогал держать оборону, зато практически исключал наступательные действия.

К северо-востоку дорога спускалась вниз, к альпийским лугам, раскинувшимся вокруг озера Бегущей Лошади, а дальше вела в Каттл, первый крупный хамилайский город. Если же двигаться на юг — а именно в этом направлении и держали путь Паймер и Идальго, — то можно попасть в самое сердце Ривальда, в город Геймвальд.

Вернее, поправил себя Идальго, в *бывшее* сердце Ривальда.

Если верить легендам и мифам, то все Кевлерены родом именно из Геймвальда. По крайней мере так утверждали ривальдийские Кевлерены. Тем не менее из стратегических соображений — и по причине суровых местных зим — реальной столицей Ривальда стал Беферен, лежащий к югу от Хамилая. А поскольку ривальдийские Кевлерены утратили в королевстве власть, то Геймвальд, можно сказать, превратился в заштатный провинциальный городок. Чего Идальго очень не хотел.

Геймвальд интересовал его, но по иной причине. Ведь если Кевлерены ведут свое происхождение именно отсюда, то было бы любопытно узнать, отличается ли этот город от всех остальных.

Акскевлерен прошелся немного вверх по горному склону, крутому и скользкому от стершихся едва ли не в порошок серых камней. Хотя он старался ступать осторожно, после нескольких шагов все же оступился. Чтобы не упасть, ему пришлось уцепиться за ближайший валун.

Выпрямившись, Идальго увидел в расщелине между камнем и склоном человеческий череп — недвусмысленное напоминание о последней войне. После этого Избранный довольно неуклюже спустился вниз, ощущая на себе пристальные взгляды пограничников и пеших путников по обе стороны границы. Рассеянно почесав ухо, он решил, что Паймер все же был прав — ему не следовало выходить из кареты.

А герцог начинал сомневаться в своей правоте. Хотя внутри кареты было еще довольно прохладно, солнце постепенно начинало припекать: Паймер даже вспотел под своим пари-

ком. В ином месте он наверняка бы сорвал его с себя, чтобы проветрить лысину, но стоило герцогу вспомнить о ривальдийцах, как ему тотчас расхотелось выставлять себя на посмешище. Паймер видел, как они с гадкой ухмылкой переглядывались между собой. Странно, однако, что молодые солдаты везде ведут себя одинаково — независимо от того, в чьей армии они служат.

Герцог рассеянно подумал: а не вынуть ли ему, пока никто не видит, фамильную цепь и не разыграть ли один из тех фокусов, на которые он был мастер? Например, слегка напугать лошадей, чтобы те разбежались. Глядишь, солдате найдется занятие.

Искушение было велико, но Паймер его поборол. Сефид — вещь коварная, этак недолго испугать лошадей, запряженных в его собственную карету. В голове у герцога тотчас возникла мало-приятная картина: обезумевшие кони пускаются в галоп, он сам вылетает из кареты, взбешенные ривальдийские кавалеристы устремляются к нему и, заведя в его руках фамильную цепь — о ужас! — тут же на месте отскакают ему голову.

Нет, уж лучше убрать ее подальше от посторонних глаз. Вернее, держать ее в кармане от греха подальше все то время, пока он будет в Ривальде, хотя Лерена и настаивала на том, чтобы Паймер использовал Сефид для поиска их ривальдийских родственников.

Спустя какое-то время ривальдийский пограничник вернул герцогу его бумаги и пропустил карету. К раздражению старика, чужие кавалеристы восприняли это как сигнал к действию: часть их последовала за каретой.

— Это просто возмутительно! — воскликнул Паймер, обращаясь к Идальго.

— Это наш эскорт, ваша светлость. Или вы думали, что Комитет Безопасности позволит Кевлерену разъезжать по Ривальду без всякого сопровождения? Тем более что этот Кевле-

рен доводится родным дядей самой императрице Хамилая. На вашем месте я бы попытался воспринимать их как нечто само собой разумеющееся. Скорее всего кавалеристы будут сопровождать нас до самого Беферена.

Они достигли Геймвальда еще до наступления темноты. Воздух сделался заметно холоднее. Чтобы согреться, Паймер с Идальго вытащили из-под сидений теплые накидки и завернулись в них.

Сначала путь хамилайского посланника лежал мимо беспрядочно разбросанных крестьянских домов, конюшен и сараев. Людей попадалось немного: те, кто встречался им на пути, выглядели не слишком довольными жизнью.

— Может, им просто холодно, как и нам, — высказал свое предположение Идальго.

— Или же революция не столь здесь популярна, как в Хамилае, — возразил ему Паймер.

Он сказал это шепотом, словно вместе с ними в карете ехал представитель Комитета Безопасности.

Дорога постепенно изменилась — изъезженную горную тропу сменил выложенный камнем тракт. Деревянные колеса неприятно громыхали по твердому покрытию, но ехать стало удобнее.

Вскоре путешественникам стали попадаться городские дома, некоторые весьма внушительного вида, а также рынки и площади. Народа на улице заметно прибавилось, и вообще стало как-то веселее. В большинстве домов горел свет. Серый дымок, поднимавшийся вверх из тысяч печных труб, висел в небе.

— И куда, по-вашему, они нас отвезут? — спросил Идальго.

— На какой-нибудь вшивый постоялый двор.

— Я бы не отказался от горячей пищи и камина, перед которым можно погреть косточки.

Карета сбавила ход. Кавалеристы эскорта, которые до этого момента держались сзади, теперь поравнялись с экипа-

жем. Копыта лошадей громко цокали по каменной мостовой. Когда же карета окончательно остановилась, один из всадников подъехал к ее дверце еще до того, как оттуда вышли Паймер и Идальго.

— Ваша светлость, — произнес он, причем довольно учтиво, и Паймер был вынужден ответить ему кивком, — сегодня вы ночуете здесь.

С этими словами всадник спешил, распахнул дверцу кареты, а сам сделал шаг в сторону.

Первым вышел Идальго, как это всегда бывало в неизвестном месте. Паймер поправил парик и последовал за ним.

Перед ними высился внушительный трехэтажный особняк, сложенный из камня. В темноте он производил довольно угрюмое впечатление.

— Это постоянный двор? — надменно поинтересовался Паймер.

Всадник рассмеялся.

— Отнюдь нет, ваша светлость, — возразил он и махнул рукой в сторону здания. — Это резиденция губернатора.

И кавалерист снова едва не прыснул со смеху.

Встречать гостей вышла прислуга. Из распахнутых дверей лился теплый свет. Паймер тотчас взбодрился.

Слуги поклонились герцогу и его Избранному, после чего забрали из кареты весь их багаж, а самих проводили ко входу в особняк, а оттуда — в просторную гостиную, где в камине приветливо пылал огонь. Оба хамилайца подошли поближе, чтобы согреться. Слуги поинтересовались, не хотят ли гости чего-нибудь выпить, и оба заказали вина. В следующий момент двери закрылись, и герцог со своим Акскевлереном остались одни.

Они настороженно переглянулись.

— Как ты думаешь, нас заперли снаружи? — спросил Паймер с печальной улыбкой.

— Разве что с той стороны дверь забаррикадировали, ваша светлость, — хмыкнул Идальго. — Тут нет замка.

— Верно подмечено, — вздохнул Паймер. — Если горит камин, значит, мы здесь гости. И мои старые косточки вновь возвращаются к жизни. Я едва не превратился в ледышку, пока ехал.

Двери распахнулись, и в комнату вошли две женщины-служанки. В одной руке у каждой из них была золотая тарелка, в другой — хрустальный бокал, наполненный красным вином. Вслед за ними появился высокий мужчина в белом парике.

Когда служанки поставили все на стол, он поклонился — вернее сказать, учтиво кивнул.

— Ваша светлость, — произнес мужчина с улыбкой, — для меня высокая честь принимать вас. Мое имя Чиерма. Я — здешний мажордом. Когда вы отдохнете, будет подан обед, после которого вы можете удалиться в свои апартаменты. Если вам что-то понадобится во время пребывания здесь, без всяких колебаний обращайтесь ко мне или любому из слуг.

Чиерма выжидающе посмотрел на герцога. У него был длинный заостренный нос, кончик которого, казалось, двигается во все стороны, как у мыши, и водянистые голубые глаза, в которых читалось плохо скрываемое презрение к гостям.

— Отлично, — сухо произнес Паймер. — Надеюсь, это будет полный обед. Потому что мы проголодались.

Улыбка Чиермы заметно поблекла.

— Именно так и никак иначе, ваша светлость, — ответил он столь же сухо, после чего отвесил церемонный поклон и удалился, закрыв за собой двери.

— Что-то он мне не нравится, — произнес Идальго, как только они остались одни.

— Парик у него просто ужасен, — заметил как бы невзначай Паймер. — С первого взгляда видно, что за ним плохо ухаживают, и сидит он на голове как куча дерьма.

— По-моему, этот Чиерма опасен.

— Ты считаешь, он нам может чем-то угрожать? — удивленно спросил Паймер.

— Не знаю. Повторю: лично на меня он произвел впечатление весьма опасного человека.

Герцог надул губы.

— В таком случае я воздержусь от комментариев в адрес его парика в присутствии более многочисленной аудитории.

Паймер собрался пригубить вино, но Идальго остановил его, выхватил у старика бокал из рук и сделал первый глоток. Выждав секунду-другую, он отдал бокал герцогу.

— Поверь мне, мой дорогой Идальго, — серьезно произнес герцог, — единственное, чего Комитет Безопасности не посмеет со мной сделать, так это отравить.

— Но ведь они ненавидят вас, ваша светлость, — возразил Идальго.

— Знаю, что ненавидят, и наверняка бы предпочли, чтобы в качестве посланника Лерена отправила сюда кого-то другого. Однако мятежники никогда не рискнут начать войну против империи — по крайней мере сейчас. К тому же, даже если бы они и решили использовать мою смерть как предлог для начала военных действий, им пришлось бы изобрести нечто более зловещее и кровавое, нежели банальное отравление.

Паймер с Идальго допили вино, и в этот момент, сияя улыбкой, в гостиную вернулся Чиерма. Правда, взгляд его водянистых глаз по-прежнему оставался ледяным.

— Если вы все еще голодны, то обед ждет.

— Ведите нас, — распорядился Паймер, и они проследовали за мажордомом в более просторный зал с узкими стрельчатыми окнами под сводчатым потолком, что напомнило герцогу старую архитектуру Омержальта.

Пылал камин, отбрасывая по всему помещению пляшущие тени. Большую часть пространства занимал длинный стол, накрытый на пять персон. Кроме камина, зал освещался свечами в двух тяжелых подсвечниках. Чиерма подвел Паймера и Идальго к двум приборам на одной стороне стола.

— В отсутствие императрицы Лерены и ее сестры мой герцог привык сидеть во главе стола! — возмутился Идальго.

— Ничуть не сомневаюсь, что в Хамилае так оно и есть, — пожал плечами Чиерма. Хотя его тон нельзя было назвать язвительным в полном смысле этого слова, было видно, что он доволен тем, что сумел-таки нанести гостям оскорбление.

— Я с удовольствием познакомлюсь с теми, с кем разделю трапезу, — поспешил ответить Паймер, прежде чем Идальго успел ответить колкостью на колкость. Старику меньше всего хотелось, чтобы первая ночь их пребывания в Ривальде была омрачена стычкой с дворецким.

— Я — один из них, ваша светлость. — Чиерма склонил голову в поклоне. — Другие двое будут здесь с минуту на минуту.

— Понятно, — сухо ответил Паймер. Вот сейчас он по-настоящему оскорбился и счел нужным это показать. Ни при каких обстоятельствах герцог не сел бы есть за одним столом с челядью, за исключением разве что Избранных.

Однако все-таки Паймер промолчал. Какое-то время все трое просто стояли у своих стульев, причем хамилайцы демонстративно избегали смотреть в глаза дворецкому. К счастью, тот не встал позади стула во главе стола. Случись такое, дело наверняка кончилось бы скандалом и дипломатической нотой.

Послышались шаги. Двери распахнулись: в зал вошли несколько мужчин и одна женщина.

В первую минуту Паймер решил, что наступил тот самый кровавый конец, о котором он упомянул в разговоре с Идальго: все мужчины оказались затянутыми в кожу кавалеристами. Их грозный вид слегка портили, как ни странно, только палаши, довольно комично болтавшиеся ниже колен. Герцог узнал в них свой почетный эскорт.

Кавалеристов вел офицер. Выглядел он так надменно, что даже Паймеру при всем желании было до него далеко. Впрочем, остальные кавалеристы тоже не пытались скрывать презрительных ухмылок.

«Вот и все, — подумал про себя герцог. — Сейчас меня выведут во двор и отрубят голову или сделают что-то подобное. Правда, мой рыжий парик пока на мне...»

Затем старик перевел взгляд на женщину и тотчас выбросил из головы мысли о скорой кончине. Нет, раньше он ее никогда не встречал, но все-таки с первого взгляда определил, что это его родственница. При желании она вполне могла бы выдать себя за одну из племянниц герцога.

Ага, оказывается, ему предстоит отобедать с представительницей ривальдийских Кевлеренов — тех самых, с которыми императрица поручила вступить в контракт. Но каково место этой женщины в королевской семье? По выражению лица Идальго Паймер догадался, что тот тоже понял, кто перед ними.

В следующее мгновение герцог увидел, что его Избранный недоуменно поднял брови. В чем дело, подумал Паймер, бросив взгляд в сторону тех, что приближался к нему. Одна представительница Кевлеренов и несколько недружелюбного вида солдат... и что?

И тут до Паймера дошло.

Женщина была одна! Где же ее Избранная?..

Кавалеристы заняли места по периметру зала, вытянулись в струнку и положили руки на сабли. Офицер и женщина-Кевлерен подошли к столу. Каково же было изумление обоих хамилайцев, когда место во главе стола заняла не женщина, а сопровождавший ее офицер.

Командир кавалеристов был средних лет, высок ростом и широкоплеч. И хотя он уже довольно заметно раздался в талии, а черты лица слегка оплыли, бравая выправка по-прежнему выдавала в нем настоящего военного.

— Я тысяцкий Маркелла Монтранто, — произнес офицер. Голос его звучал глухо, как будто дыхание давалось ему с трудом. — Ваша светлость, от имени Комитета Безопасности Ривальдийской республики я приветствую вас в нашей недавно освободившейся стране. Надеюсь, что пребывание здесь доста-

вит вам немалое удовольствие, а также окажется полезным с точки зрения укрепления дружбы между двумя нашими странами.

Паймер демонстративно посмотрел сначала на женщину, потом на Монтранто.

— Благодарю за теплые слова. Я целиком и полностью разделяю ваше мнение, — произнес он.

Наступила пауза. Офицер смотрел на герцога с таким видом, будто ждал, что Паймер добавит к сказанному что-то еще, но тот молчал.

— Что ж, в таком случае, — промолвил Монтранто, — прошу к столу.

Он хлопнул в ладоши, и тотчас появились слуги.

Паймеру показалось, что прислуга демонстрировала неподобающую спешку. Быстро поставив на стол тарелки для каждого гостя и отодвинув от стола стулья, слуги столь же быстро удалились.

Для герцога явилось неожиданностью, что Идальго выждал несколько секунд, позволив ему сесть первым. Он даже покраснел, словно его застали врасплох за чем-то постыдным, однако медленно опустился на стул. Когда Идальго тоже занял свое место, снова появились слуги: они принесли супницу и глубокие тарелки, которые поставили на мелкие, разлили в них густой овощной суп и покинули зал.

Все это они проделали стремительно, едва ли не бегом.

— Полагаю, мадам, мы незнакомы друг с другом, — произнес Паймер, откашлявшись. — Я...

— Ей известно, кто вы такой, — не дал договорить ему Чнерма.

Герцог умолк, сраженный столь вопиющей бестактностью. Никто за всю его жизнь не разговаривал с ним так непочтительно, разве что Юнара. Паймер заметил, что Идальго попытался встать, и поспешил положить руку на колено Избранному, чтобы тот успокоился.

— Однако официально их не представили друг другу, — вмешался в разговор Монтранто.

Чиерма посмотрел на офицера с тем же нескрываемым презрением, с каким он смотрел на Паймера и Идальго. Монтранто отвернулся первым: неожиданно герцог понял, кто на самом деле сегодня здесь хозяин.

Кстати, а кто он вообще такой, этот Чиерма? Член Комитета Безопасности? И с какой стати он наделен властью над этим офицером и этой женщиной?..

— Я — леди Энглей Кевлерен, — ответила женщина, причем едва ли не скороговоркой, словно боялась, что ей не дадут договорить.

Чиерма посмотрел в ее сторону с нескрываемой злобой. Паймер даже испугался, что дворецкий ударит женщину, несмотря на ее высокое происхождение. Испугался не потому, что она приходилась ему родственницей, а просто потому, что, случись такое, Идальго наверняка бы вмешался, и он не смог бы остановить своего Избранного. Хотя Идальго был воспитан для того, чтобы защищать в первую очередь его, Паймера, любой Акс-кевлерен автоматически встанет на защиту любого Кевлерена.

Но Чиерма не стал устраивать сцен, а только произнес с нескрываемым сарказмом:

— Уже не леди. Теперь вы просто Энглей Кевлерен.

Наступила томительная пауза, которую первым нарушил Паймер.

— Рад познакомиться с вами, леди Энглей Кевлерен, — произнес он, обращаясь к женщине.

— Вы, наверно, еще не слышали, ваша светлость, — сказал Чиерма, — но в Ривальде аристократов отстранили от власти. Мы теперь республика, и у нас нет никаких лордов и никаких леди, никаких королей и герцогов. Мы — свободные люди.

— Не стану спорить, — спокойно отвечал ему Паймер. — Однако каждая женщина-Кевлерен для меня была, есть и будет леди.

Энглеј слушала его со смешанными чувствами: ей было и смешно, и немного страшно. Неожиданно герцог понял, что своими речами только усложняет ее и без того двусмысленное положение. Ведь утром он отсюда уедет, а леди останется наедине с этим злобным Чиермой.

— Впрочем, я вовсе не собирался наносить оскорбление вашей республике, — поспешил добавить Паймер.

— Уверяю вас, никто в этом не сомневается, — откликнулся Монтранто и сменил тему разговора: — Кстати, я буду командиром вашего эскорта отсюда и до Беферена, где прибытия хамилайского посланника уже с нетерпением ждет Комитет Безопасности.

— Сочту за честь, — ответил Паймер без всякого сарказма.

Судя по всему, Монтранто остался доволен.

— А теперь — за еду, — предложил он.

Пока все ели суп, никто не проронил ни слова. Но как только пустые тарелки унесли, разговор возобновился как ни в чем не бывало.

— В нашем винном подвале есть недурной запас вина из Оффры, — произнес Чиерма. — Кстати, вы его уже попробовали, как только прибыли сюда.

— Вино было превосходным, — подтвердил Паймер.

— Кстати, оно входит в список товаров, которыми Ривальд хотел бы торговать с империей, когда наши отношения... э-э... нормализуются.

Подали второе блюдо — ласточек в густом лимонном соусе. Как бы ни отразилась на Ривальде и судьбе местных Кевлеренов революция, она, судя по всему, абсолютно не изменила привычек тех, кто повелевал народом. И пусть лордов и леди сменили солдаты и дворецкие, они не отказывали себе в удовольствиях.

— Мне сказали, что это бывшая резиденция губернатора, — как бы между прочим заметил Паймер. — А кто сейчас стоит во главе Геймвальда?

Вопрос явно обескуражил Монтранто и леди Энглей. Чиерма же ехидно улыбнулся и счел нужным пояснить:

— Ваш источник информации немного ошибся. Этот особняк был и остается резиденцией губернатора. Сменился лишь сам губернатор.

— А разве он не разделит с нами трапезу?

— Он ее разделяет, — ответил Чиерма, улыбаясь шире.

Паймер невольно обменялся взглядом с Идальго.

В манерах Чиермы, хотя те и не отличались галантностью, было нечто такое, что позволяло определить, что когда-то он состоял в услужении. Даже первые слова приветствия, сказанные в адрес гостей, отдавали угодливостью, из чего Паймер и Идальго сделали вывод, что Чиерма в прошлом — слуга, вынесенный революцией на высоты власти. Однако чтобы из челяди — и прямоком в губернаторское кресло? Это уж слишком.

— В таком случае почему вы сидите не во главе стола? Почему это место занимает тысяцкий Монтранто? — поинтересовался Идальго. Он больше не мог хранить молчание, когда имели место столь вопиющие нарушения этикета, поскольку знал, насколько большое значение придает таким мелочам его хозяин.

— Что ж, интересный вопрос! — деланно рассмеялся Монтранто и вопросительно покосился на Чиерму.

— Наш тысяцкий хочет сказать, — ответил тот, — что как военный, то есть член Боевой Ассоциации, он находится в непосредственном подчинении Комитета Безопасности, а под его началом служат обыкновенные администраторы вроде меня.

— Понимаю, тянуть военную лямку — дело нелегкое, — сочувственно произнес Паймер. — Кстати, воробьи приготовлены превосходно.

— Ласточки, — поправил Чиерма.

— Что ж, гражданская служба — тоже нелегкое дело, — кивнул Паймер.

Чиерма откинулся на спинку стула, всем своим видом давая понять, что именно он здесь хозяин.

— Я рад, что вы это понимаете. Многие, кто не испытал этого на собственном опыте, обычно не верят, когда им говоришь, каким тяжелым бывает бремя власти. Ведь на вас ложится ответственность за принятие самых разных решений, за жизни столь многих поддан... — Чиерма осекся, вытер губы салфеткой и добавил: — Столь многих граждан.

— Что ж, кто-то должен заниматься и таким делом, — сочувственно произнес Паймер.

Чиерма довольно кивнул.

— Лишь те, кто готов пожертвовать собственным счастьем ради блага других!

— А порой — и жизнью! — добавил Паймер. — Потому что вечные волнения вряд ли идут на пользу здоровью.

Мажордом-губернатор снова кивнул.

— Вы, можно сказать, попали в самую точку, ваша светлость. Я чувствую, как здоровье мое ухудшается буквально день ото дня.

— Насколько я понимаю, именно данное обстоятельство и явилось причиной отстранения вашего предшественника...

При этих словах все присутствующие словно окаменели. Лишь языки пламени в камине и отбрасываемые ими тени продолжали плясать как ни в чем не бывало.

— Что-то не так? — растерянно спросил Паймер, поднося ко рту очередную ласточку.

— Главное блюдо! — крикнул Чиерма и громко хлопнул в ладоши. — Его уже давно пора подавать!..

У герцога было такое чувство, будто он стал свидетелем второго, и последнего, акта плохо разыгранной пьесы. Все вокруг притворялись, причем притворялись весьма неумело, стараясь отвлечь его внимание от любого вопроса, который мог представлять для герцога хоть малейший интерес.

Вошли слуги и забрали тарелки с еще недоеденными ласточками, поставив на их место блюда с ростбифом и овощами в темном густом соусе. Паймер и Идальго были изрядно голодны:

они вежливо слушали, как их хозяева обсуждали за столом особенности местного сельского хозяйства, новые строительные проекты и тому подобное, а сами предпочитали хранить молчание, налегая на еду. Энглей тоже почти не участвовала в общей беседе, однако ела без аппетита. Впрочем, Паймер ее отлично понимал. Ведь леди принадлежала к тем, у кого революция отняла бывшие привилегии, кто лишился своего извечного права пользоваться даром Обладания Сефидом, благодаря которому они и были теми, кем были, возвышаясь над толпой. Паймер не сомневался, что раньше Энглей имела значительное влияние в Ривальде.

Он поежился. Герцогу стало немного не по себе от того, что он не сразу решил эту довольно простую головоломку. Да, до революции губернатором Геймвальда была именно леди Энглей... Теперь же она оказалась низведенной до положения военного трофея, который кичливо был выставлен на обозрение ему, родному дяде императрицы Лерены и полномочному послу Хамилайской империи, чтобы он воочию убедился, как низко пали в Ривальде здешние Кевлерены. Боевая Ассоциация демонстрировала свою власть и непоколебимую уверенность в собственных силах. А еще это было предостережение хамилайцам, которое Паймер и должен был передать Лерене.

У герцога тотчас пропал аппетит. Он продолжал мысленно корить себя за то, что сразу не понял очевидную вещь: перед ним разыграли не скверно отрепетированную пьеску, а хорошо поставленный пропагандистский спектакль.

Медленно пережевывая куски говядины, он пристально изучал своих сотрапезников. Чиерма изо всех сил пыжился, стремясь продемонстрировать свою значимость, хотя Паймер подозревал, что на самом деле им владел страх: выглядело это так, словно ривальдиец боится, что в любой момент кто-то сюда войдет и разоблачит в нем самозванца.

Вид у леди Энглей был подавленный, словно недавние события выпили из нее последние силы. Что касается Монтранто,

то герцог подумал про себя, что вояка наверняка предпочел бы либо гарцевать на коне где-то поближе к границе, либо в окружении светских красавиц развлекаться на балу в Беферене, где можно вдоволь нахвастаться своими военными подвигами и вообще распушить хвост. Паймер никак не мог решить для себя, кто перед ним — brave солдат, любитель пустить пыль в глаза или то и другое вместе.

Герцог решил, что в непринужденном общении необходимо сделать паузу. Он оттолкнул тарелку, негромко рыгнул, прикрыв рот рукой, потом похлопал себя по животу.

— Должен сказать, что я давно не пробовал столь отменного ростбифа и, главное, в столь изысканном обществе. Но, увы, больше мне никак не съесть, а проделанный путь изрядно утомял меня...

— Но ведь еще полагается десерт! — возразил Чиерма.

— В таком случае, губернатор, можете съесть и мою порцию, — ответил Паймер. — Я же, с вашего позволения, предпочел бы пройти в отведенные мне покои. Приношу мои глубочайшие извинения леди Энглей Кевлерен и тысяцкому Монтранто за то, что должен откланяться.

Как и следовало ожидать, у Чиермы не нашлось возражений. Он приказал слугам убрать остатки еды и проводил гостей до их апартаментов на втором этаже.

Чиерма сам открыл дверь перед герцогом и его Избранным и даже счел нужным упомянуть, что лично участвовал в подготовке покоев к встрече высоких гостей: это по его предложению просторную кровать Паймера поставили изголовьем к стене без окон, а кровать Идальго, чуть пониже, — перпендикулярно к ней. Не без гордости Чиерма продемонстрировал прекрасный вид на весь Геймвальд, который открывался с террасы. Город, несмотря на позднее время суток, весь сиял огнями.

Герцог учтиво поблагодарил хозяина за проявленную им предупредительность и, как только обмен любезностями закончился, выводил его за дверь.

Когда мажордом-губернатор ушел, Паймер облегченно вздохнул.

— Я уже думал, он застрянет здесь навсегда, — произнес герцог.

Идальго ничего не сказал и принялся наводить в комнате порядок на свой вкус. Хотя переставлять было особенно нечего и некуда, он все-таки придвинул к входной двери стул и разбросал по полу перед балконной дверью пригоршню колющих шипастых шариков, которые всегда возил с собой в дорожной сумке.

Паймер быстро разделся и нырнул под одеяло. Идальго задул свечи, после чего тоже лег в постель.

— Ты прав, мой друг, — в темноте произнес герцог, обращаясь к Избранному, — Чиерма — опасный тип.

— Куда более опасный, чем это кажется на первый взгляд, ваша светлость, — негромко ответил Идальго. Было в его тоне нечто такое, отчего Паймер решил, что Акскевлерен не хочет развивать эту тему дальше.

Что ж, значит, не будем, решил про себя Паймер и лег поудобней, однако сон не шел к нему. Слова Идальго почему-то не давали покоя старику.

— Что значит — куда более опасный, чем кажется на первый взгляд?

До Паймера донеслось сопение Идальго. Его Избранный всегда громко сопел, стоило в разговоре затронуть щекотливую тему.

— Давай-давай, будь добр, объясни, — сказал ему Паймер.

— Кто такой, по-вашему, Чиерма?

— Выскочка, вот кто. Какой-нибудь бывший лакей, который, как только произошла революция, воспользовался первой же возможностью пробиться к власти.

— Но как тогда объяснить отношение к нему Монтранто?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Монтранто — член Боевой Ассоциации. Кроме того, он офицер. Значит, если на него возложена обязанность со-

проводить вас до Беферена, то тем самым он выполняет поручение Комитета Безопасности. Надеюсь, вы со мной согласитесь?

— Пока что — да.

— А вы обратили внимание, какое подобострастие он проявлял по отношению к этому Чиерме? Если же надо было возразить этому шуту-губернатору, тысяцкий тотчас весь напрыгался, словно своим несогласием рисковал навлечь на себя крупные неприятности.

Паймер и сам уже пришел к подобному выводу, хотя и не нашел убедительных объяснений поведению Монтранто.

— Продолжай, — велел он своему Избранному.

— Кроме того, вы не заметили, что леди Энглей Кевлерен по какой-то причине боится этого человека? Она даже не хотела садиться с ним рядом. А когда Чиерма говорил, то всякий раз так или иначе старался унижить несчастную женщину.

— Верно, это я заметил.

— Наконец, вы обратили внимание, как он бахвалился тем, как хорошо подготовил для нас комнату?

— Да, словно ему хотелось доказать, что он не какой-то там ривальдийский варвар, а человек образованный, знающий толк в самых разных вещах. Впрочем, ничего удивительного.

— За исключением того, что он прав, ваша светлость. Скажите, как часто такое бывало во время наших путешествий? А что вы скажете о моей кровати, которая сделана так, чтобы я мог ощутить даже самую легкую вибрацию пола? Нет, Чиерма очень хорошо знал, что делал.

— Ну и что? Просто до нашего прибытия сюда ему хватило ума проконсультироваться у какого-нибудь Акскевлерена. Он прозорливый человек, этого у него не отнять...

— Прошу простить меня, ваша светлость, но вы упускаете самое главное.

— И что же именно? — резко спросил Паймер.

— Вы помните тот момент, когда Монтранто и Энглей только вошли в обеденный зал? Мы с вами сразу увидели, что перед нами женщина-Кевлерен, однако в ней было нечто странное...

Паймер сел в кровати.

— Ну разумеется! Я совсем забыл! Рядом с ней не оказалось Избранного!..

— Вот именно, — ответил Идальго, и в его голосе послышалось раздражение и печаль одновременно. — Ее Избранный был там. Это Чиерма. Он — Аксевлерен.

Как бы ни был изумлен Паймер, но он сразу понял, что Идальго абсолютно прав. Чиерма — единственный за обеденным столом, кто не назвал своего полного имени. Вроде бы мелочь, но в действительности какое огромное значение она имеет!..

Герцог стоял во дворе губернаторского дома, и холодный утренний воздух обволакивал его подобно перчатке. Если не считать двух часовых у входа, которые устало покосились на старика, продрогнув, судя по всему, в своей кожаной форме не меньше, чем сам герцог, здесь больше никого не было. Весь дом был погружен в сон.

Паймер предпринял все меры предосторожности, чтобы не разбудить Идальго. Тот не любил, когда его хозяин позволяя себе подобные вольности. Всякий раз, не застав в комнате своего господина, он терзался чувством вины по поводу того, что тот сумел выскользнуть незамеченным. Но за долгие годы Паймер успел наловчиться делать это достаточно бесшумно, тем более что слух у Идальго уже не тот, что раньше.

А еще этим утром, впервые за всю свою жизнь, Паймер почувствовал себя в полной безопасности, даже не имея рядом с собой Избранного. Ощущение это даже слегка опьянило старика и вскружило ему голову. Разве он мог когда-либо даже на миг представить себе нечто подобное?

За всю историю его семьи не было ни единого случая, чтобы Аксевлерен предал своего господина. Возможно, этот Чиерма

безумен, подумал Паймер. Герцогу очень хотелось надеяться, что так оно и есть, хотя он понимал, что это просто последние искорки надежды тлеют в его душе.

Но самое ужасное — то, каким образом, по мнению Идальго, Боевая Ассоциация осуществила государственный переворот. Военные прибегли к помощи Акскевлеренов. Разумеется, в этом грязном деле приняли участие не все и даже не большинство Избранных. Скорее всего жалкая горстка предателей, которые осмелились восстать против своих повелителей. Но все равно это весьма печально. Судя по всему, Избранная королевы Сарры или предала ее, или же была убита вместе с ней по приказу Комитета Безопасности.

Теперь понятно, почему Монтранто с таким почтением относился к Чиерме. Паймер не исключал возможности того, что Комитет Безопасности, который, судя по всему, и стоял за государственным переворотом, есть не столько детище Боевой Ассоциации, сколько взбунтовавшихся Акскевлеренов. Теперь здесь всем заправляют бывшие Избранные. Но если ситуация именно такова, то тогда война между Хамилаем и Ривальдом не просто возможна. Она неизбежна.

В свое первое ривальдийское утро Паймер уже успел получить ответы на все вопросы Лерены, и серьезность ситуации в так называемой республике стала герцогу ясна со всей очевидностью. Последствия мятежа для членов его семьи были катастрофическими.

Интересно, подумал Паймер, любили ли местные Кевлерены своих Акскевлеренов столь же сильно, доверяли ли они им столь же безоглядно, как хамилайские Кевлерены своим Избранным? Раньше ему казалось, что так оно и есть. Но что же в таком случае заставило некоторых Избранных предать своих повелителей, отринуть все то, что они были призваны защищать — в том числе и ценой собственной жизни? Если он все-таки прав и ривальдийские Кевлерены относились к своим Акскевлеренам с той же любовью, что и хами-

лайцы, кто может поручиться, что нечто подобное не произойдет и в империи? А если герцог ошибается, то относительно чего еще он может заблуждаться? Все ли Кевлерены на его родине относятся к своим Акскевлерам так, как он сам относится к Идальго?

Нет, все-таки это был печальный день для герцога Паймера Кевлерена. Его мир пошатнулся — и теперь уже никогда не станет таким, как раньше.

Позади старика раздался какой-то звук. Паймер обернулся. К нему приближался полуодетый Идальго.

— Ваша светлость! Что заставило вас встать так рано? И почему вы не разбудили меня?

Паймер отвернулся. Ему не хотелось встречаться взглядом с Избранным. Мало ли что он может прочесть в его глазах...

— Мне не спалось.

Идальго подошел к герцогу. Какое-то время они стояли бок о бок, как когда-то в детстве. Паймер закрыл глаза и постарался сделать вид, как будто все в порядке.

Увы, это получилось у него плохо. К тому же еще ни разу в жизни он не чувствовал себя столь одиноко.

Когда герцог снова открыл глаза, то заметил, что выражение лиц стражников изменилось. Или это только показалось ему? Но нет, действительно: в их взглядах появилась настороженность, если не страх.

«Неужели это потому, что рядом со мной Идальго», — подумал Паймер.

— Может быть, велеть, чтобы подали завтрак? — спросил Идальго. — Если надо, я разбужу слуг.

— Не стоит, — сказал Паймер раздумчиво. — А впрочем, давай. Отличная мысль. Поручаю тебе это дело.

— А вы сами разве не пойдете в дом? Здесь довольно свежо, — заметил Идальго.

— Я не замерз, — покачал головой Паймер.

— Вам небезопасно оставаться одному.

— Я стою здесь уже достаточно долго, — спокойно произнес герцог, — и никто не сделал мне ничего дурного. А теперь ступай и проследи, чтобы нам подали завтрак.

Идальго пожал плечами и ушел. Паймеру тотчас стало спокойнее. Однако он ощущал едва ли не физическую боль при мысли о том, что вся его прежняя жизнь, все его прежние взгляды на мир разнесены в щепки ветром ривальдийской революции. Герцог чувствовал внутри себя лишь пустоту. Ведь если у него отобрали прошлое, то как может он быть уверен в будущем?

Солнечные лучи начинали золотить крыши самых высоких зданий Геймвальда, но желанного тепла они не принесли.

ГЛАВА 16

Весна в Омеральте всегда служила поводом для проведения разного рода праздников. Казалось, будто каждую неделю всевозможные гильдии, купеческие дома и зажиточные Кевлерены, желающие выставить напоказ свое состояние, а заодно поддержать нуждающихся художников, устраивали выставки живописи и скульптуры, литературные и музыкальные вечера, давали балы.

Три дня, которых императрица Лерена Кевлерен страшилась больше всех остальных, занимал Фестиваль Историй, когда все до единого драматурги с претензиями на имя в литературе боролись друг с другом за место в театральной афише.

Это было любимое мероприятие Паймера: он посещал театр всякий раз, когда приезжал в Омеральт из своего загородного поместья. Лерена обещала начать фестиваль в его отсутствие. К сожалению, на его открытии необходимо было высидеть от начала до конца на спектакле по пьесе Кэшел Грейтейн «Рождение Империи». Эту пьесу ставили всякий раз не столько как дань уважения к таланту ее автора, сколько в честь правящего

дома империи. Лерена уже потеряла счет тому, сколько раз она видела «Рождение Империи» — наверное, примерно столько же, сколько часов проспала в театре на этом спектакле.

На этот раз, так как событие все-таки было важно, ей ничего не оставалось, как заставить себя бодрствовать. А поскольку на спектакле присутствовала и автор нетленного шедевра, то Лерена из всех сил пыталась отыскать нечто новое в пьесе, по поводу достоинств которой как драматического и исторического произведения ей придется высказать свое мнение в разговоре с Грейтейн.

Действие развивалось мучительно медленно — по крайней мере до того места, где Эмбер, великий прародитель хамилайского клана Кевлеренов, должен выбирать: то ли ему казнить собственного сына за то, что тот преступил закон, то ли простить и утратить моральное право быть императором. Разумеется, Эмбер выбрал казнь.

Неожиданно Лерена стряхнула с себя апатию. Почему она раньше не замечала, насколько сильна, насколько волнующа в действительности эта сцена?.. Наверное, императрица была слишком молода, чтобы оценить спектакль по достоинству в те первые десять раз, когда его видела. Вернее, не могла правильно понять пьесу до тех пор, пока сама не взошла на трон.

Раньше Лерена как-то не задумывалась, какая ответственность ложится на плечи того, кто правит империей. Это бремя было неизбежным, оно нещадно давило всей своей жуткой тяжестью. Каждое решение должно быть единственно верным — ведь на кону стояло не только собственное благополучие императрицы, но и судьба всей империи, а также ее семьи.

Впервые Лерена прониклась сочувствием к героям пьесы. Теперь по окончании спектакля ей будет что сказать — причем сказать искренне — создателю произведения...

Гостем Лерены в королевской ложе был канцлер университета Малус Майком. Он с искренним восхищением аплодировал во время ключевых сцен, стремясь продемонстрировать свою

лояльность правящей династии. Императрица ценила его преданность монаршей семье, хотя порой ее раздражало несколько чрезмерное проявление этой преданности. Она спросила у канцлера, что тот думает по поводу выбора, с которым столкнулся император Эмбер.

Майком издал звук, напоминающий сдавленный всхлип. Лерена догадывалась, о чем он думает в данную минуту. Согласиться с тем, что император должен казнить сына, — значит согласиться с казнью Кевлерена. С другой стороны, если канцлер встанет на сторону юноши, то получится, что выступает против принятого Кевлереном решения.

Лерена уже было собралась прийти ему на выручку, высказав собственное мнение, когда Майком сглотнул застрявший в горле комок и заговорил:

— Думаю, мы должны согласиться с решением императора, каким бы ужасным... — Малус умолк и облизнул губы. — Вернее сказать, каким вынужденным оно ни было. В то же время мы не должны забывать, что у сына могли иметься весомые причины для того, чтобы преступить закон так, как... м-м-м... это сделал он. Несомненно, юноша шел на смерть, исполненный мужеством, каким славится его семья. — Тут канцлер улыбнулся Лерене. — Точнее, ваша семья, ваше величество.

— Благодарю вас, — довольно холодно сказала императрица, не в силах более выслушивать льстивые слова. Пойманная в западню — с одной стороны канцлер, с другой — Грейтейн, — она ощущала себя оскверненной, словно ее облизал своим воющим языком какой-то неведомый зверь.

— А что нам хочет сказать Кэшел Грейтейн?

Майком растерянно заморгал.

— То есть как это что? Она хочет нам сказать... насколько славен дома Кевлеренов.

— Я имею в виду — какова мораль пьесы?

Майком уставился на нее как громом пораженный.

— А-а-а, — протянул он. — А-а-а...

Императрица с неподдельным интересом ждала более внятного продолжения, но оно не последовало.

Лерена вздохнула.

К этому моменту дежурные аплодисменты уже стихли, актеры разошлись по гримерным, а Грейтейн поднялась на сцену, чтобы произнести краткую речь. Насколько помнила императрица, эту самую речь драматург произносила каждый год, разве что иногда переставляла местами абзацы.

И вновь прозвучали дежурные аплодисменты, и опять Лерена прошла из ложи в фойе, где был приготовлен банкетный стол. Здесь ее ждали сотни гостей. Королевские гвардейцы не давали любопытным подойти слишком близко. Впрочем, людей отпугивал и сам вид Кевлеренов в обществе Избранных.

Лерена одарила присутствующих благосклонной улыбкой, помахала рукой и направились в сторону Кэшел Грейтейн, которая поклонилась ей так низко, что едва не задела при этом носом ковер на полу фойе.

— В который раз, Кэшел, ваша пьеса пользуется громадным успехом у зрителей.

— Все дело в теме, — скромно ответила женщина. Выражение ее лица наводило на мысль, что в данный момент она проявляет великодушие.

— Несомненно, — ответила Лерена с едва скрываемым сарказмом, отчего Грейтейн испугалась, не переступила ли она границы дозволенного. — В особенности на меня произвела впечатление третья сцена второго акта.

— Это когда говорится о том, в чьих руках сосредоточена власть? — уточнила Грейтейн.

— Именно, — счел нужным вставить канцлер Майком.

— Тебе нравится весна? — спросила Юнара у своего Избранного.

Нетаргер в легком замешательстве оторвал взгляд от отчета, в котором говорилось о положении дел в поместье.

— Прошу прощения, ваша светлость?..

— Весна. Время года. Весна тебе нравится?

— Пожалуй, да. Я не большой любитель холодов и всегда рад окончанию зимы.

— А как тебе другой аспект весны?

Нетаргер явно растерялся.

— Другой аспект?.. Вы имеете в виду фестиваль?

На его лице проступило слегка озабоченное выражение. Юнара обожала фестивали. Она порхала с одного праздника на другой, словно беззаботная весенняя пташка.

Нетаргер перевел взгляд на отчет. Но вот цифры...

— Нет, не фестиваль, — произнесла Юнара сердитым тоном. — Ты нарочно делаешь вид, будто не понимаешь меня.

Избранный почувствовал, что начинает злиться, но постарался подавить гнев.

Он вздохнул и захлопнул отчет.

— Вы имеете в виду любовь...

— Я всегда имею в виду любовь. Разве я когда-либо говорю о чем-то другом? И вообще о чем еще может говорить Кевлерен?..

Нетаргер знал, что порой Юнара питает страсть к громким словам и пафосным речам. И потому промолчал.

— Да, я имею в виду любовь, которая приходит вместе с весной. Природа всю свою энергию направляет в русло любви.

— Вам нужен кто-то для любовных утех?

— Да.

Нетаргер встал.

— Что ж, я позабочусь об этом.

— Но, что куда более важно, моей сестре такой *кто-то* нужен еще больше.

Аксевлерен нахмурился.

— Вы хотите сказать, что ей нужен супруг?

Юнара покачала головой.

— Нет, просто любовник. Кто-то, кто согревал бы ей постель. Тот, кого она щедро одаривала бы любовью. Кто мог

бы называть ее по имени — просто Лерена, а не ваше величество.

Нетаргер сомневался, что любви Лерены хватило бы хоть на полевую маргаритку. Разумеется, императрица любила Ганиморо и всех своих остальных Акскевлеренов, а в какой-то степени даже своих родственников, но ему ни разу не доводилось видеть в ней ту бездну чувств, какая была присуща его госпоже.

— Вы предлагаете, чтобы я подыскал ей любовника?

— А разве это так трудно?

Неожиданно Нетаргера почувствовал интерес.

— Надо найти того, кто был бы предан вашему дому?

Юнара сделала вид, будто задумалась над его вопросом. Потом она кивнула.

— Думаю, нечто подобное устроить нетрудно. Но только при условии, что необходимый кандидат уже имеется.

— Ваша светлость имеет в виду нового юношу. — Слова Избранного прозвучали как утверждение, а не как вопрос.

И вновь герцогиня ответила ему кивком.

— Если я не ошибаюсь, его зовут Верклофф.

— Мне казалось, вы его уже наметили для себя.

— Возможно, — ответила Юнара с улыбкой. — Но не важно. Кстати, поскольку в Омеральте он недавно, то его почти никто не знает.

— Идеальный вариант, — согласился Нетаргер.

— Именно. Значит, ты этим займешься.

Нетаргер отвесил ей поклон и направился к двери.

— И понищи кого-нибудь для меня. Не хотелось бы провести весну в холодной постели.

Ганиморо наклонилась вперед, чтобы Лерене было видно ее лицо, освещенное светом уличных фонарей, который просачивался сквозь занавеси паланкина.

— Вы чем-то обеспокоены, ваше величество?

Лерена рассеянно покачала головой. Ей очень хотелось закрыть глаза и уснуть под мерное покачивание паланкина, пока слуги несли их назад во дворец, но где-то в глубине ее сознания засела некая смутная мысль, которая не девала императрице покоя. Лерена не могла сказать конкретно, что это за мысль, однако причиной ее раздражения была пьеса Кэшел Грейтейн.

Ганиморо пристально посмотрела на императрицу. Она давно уже заметила, что хотя Лерена и не любит обсуждать свои личные проблемы, однако ждет от Избранной, что та предложит помощь.

Лерена постоянно требовала подтверждения тому, что ее любят, особенно в собственном доме. Ганиморо неизменно следила за тем, чтобы новые Акскевлерыны или новые слуги никогда первыми не заговаривали с императрицей и отвечали коротко, но учтиво, если она сама обращалась к ним с вопросом.

— Как вы себя сегодня чувствуете, ваше величество?

Лерена любила, чтобы этикет соблюдался всегда. По ее мнению, порядок был превыше всего остального: эта черта характера стала еще заметнее после того, как она взошла на трон. Пожалуй, в этом и состояло главное различие между ней и ее сестрой. По мнению Ганиморо, Юнара была непредсказуема: Избранной импонировала эта непосредственность. Питомцы сестер тоже резко отличались: выдрессированные, преданные своей хозяйке псы Лерены и яркие, но пугливые птицы Юнары. Императрица была крепкой, будто скала, герцогиня — изменчивой, словно туман. Лерена неизменно твердо шла к намеченной цели, Юнара же отдавалась на волю случая.

Долгое время Ганиморо пребывала в убеждении, что непредсказуемость Юнары делает ее наиболее опасной из сестер, но за последние два года изменила свое мнение. В стремлении Лерены к укреплению своей власти, в том, как методично она решала возникающие проблемы, не было ничего тайного, скрытого от глаз — наоборот, все на виду. Императрица прекрасно разбиралась в тонкостях гигантской государственной бюрократичес-

кой машины и чутко улавливала настроения в обществе. Она знала каждую ниточку паутины отношений человека и государства и безошибочно чувствовала любую попавшую в нее муху. Обычно Лерена выжидала какое-то время, прежде эту муху убить, однако как только этот момент наступал, действовала быстро и решительно, не оставляя жертве ни малейшей надежды.

Личность Юнары также отличалась недожиданной силой, а что касается Сефида, то в магии ей вообще не было равных. Однако своей непосредственностью герцогиня скорее напоминала ребенка, в чьи руки попал лонгтон, стреляющий тяжелыми ядрами; ребенка, неспособного даже правильно прицелиться и потому опасного для окружающих, будь то друзья или враги. Лерена же — бывалый солдат, вооруженный простеньким огнестрелом, однако всаживающий пулю неприятелю прямо между глаз.

Слуги опустили паланкин у входа во дворец. Ганиморо последовала вслед за императрицей в ее опочивальню. Избранная первой вошла внутрь, дабы убедиться, что там все в порядке. Горничная была на месте: она поправляла покрывало и грелку, готовясь лечь в свою кровать у изножья постели Лерены.

Императрица обвела взглядом комнату, убедилась, что все готово для отхода ко сну, и Ганиморо вернулась к себе. Ее спальня была ничуть не меньше, чем опочивальня императрицы. Здесь она поработала около часа, вместе с дворецким сверяя счета, после чего тоже легла в постель.

Избранная уже начала дремать, когда в ее комнату стремительно вошла Лерена, а вслед за ней — горничная, у которой был донельзя несчастный вид. Императрица приказала девушке зажечь все светильники, после чего отослала ее на кухню заказать легкий ужин, а сама присела на край кровати Ганиморо. Та попыталась встать, но Лерена жестом велела ей оставаться в постели.

— Не надо, лежи. Я ненадолго.

Ганиморо не стала говорить, что если к вам зашли всего на минуту, ужин обычно не заказывают.

— Чем я могу вам помочь, ваше величество?

— Скажи, ты долго приучала себя произносить эту фразу?

— Какую фразу? — не поняла Ганиморо.

— «Ваше величество», вместо «ваше высочество», кем я являлась до того, как умерла моя мать.

— Нет, ваше величество. С того самого момента, когда нам обоим было по семь лет и мы познакомились с вами, я знала, что в один прекрасный день вы станете императрицей. И я приучила себя произносить эти слова еще в те дни... Когда пришло время, они стали произноситься сами собой.

Лерена кивнула, словно ожидала услышать именно такой ответ, а потом сказала:

— Повелитель может быть только один.

Ганиморо растерянно заморгала. Избранной было трудно понять, куда клонит императрица. Кроме того, она не понимала, какая роль в этой беседе отведена ей самой, что само по себе выглядело довольно необычно. Тон, каким Лерена произнесла свою фразу, тоже показался Ганиморо весьма странным, словно это был вопрос, а не маловразумительные полуночные размышления.

— Разумеется, ваше величество. Так оно всегда и было, — поспешила ответить Избранная, подумав, что императрица наверняка имеет в виду Юнару.

От этой мысли девушке стало не по себе. В настоящий момент между сестрами не было откровенной вражды — главным образом благодаря тому, что Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен исчез за горизонтом, а в Ривальде революция смела Кевлеренов с трона. Интересно, подумала Ганиморо, что в таком случае гложет императрицу?..

— Тем не менее власть бывает разная, — продолжала тем временем Лерена, глядя куда-то в пространство отсутствующим взглядом.

— Мне не совсем понятно, что вы хотите сказать, ваше величество...

Императрица тяжело вздохнула.

— И мне тоже, милая Ганиморо. Я далеко не все понимаю... что само по себе уже плохо. Мне не дают покоя какие-то смутные мысли, я пытаюсь уловить их смысл, но он то и дело ускользает от меня. — Императрица неожиданно поднялась с постели и поправила покрывало там, где только что сидела. — Ничего, когда-нибудь пойму. А теперь скажи служанке, чтобы она принесла ужин в мою опочивальню.

Тысяцкий Авенел Кенди, посол Ривальдийской республики в Хамайской империи, в пятый раз за утро посмотрел на свое отражение в зеркале.

— Вы прекрасно выглядите, — польстил ему секретарь, кстати, также пятый раз за утро.

Авенел тыльной стороной ладони пригладил мундир.

— Да-да, я знаю, и все же, — сказал он и в очередной раз придирчивым взглядом окинул свое отражение.

— Понимаю: вам следует в этом самом убедиться.

От тысяцкого не скрылся сарказм в голосе Синесса Ардры, и он следка покраснел. Нервозность уступила место гневу.

— Вы забываетесь, — произнес он, не оборачиваясь, и тотчас обратил внимание, какая в комнате воцарилась тишина. Ага, Ардра наверняка задумался, что ему на это сказать.

— Прошу прощения, ваше превосходительство, — произнес Синесс, — но время поджидает.

Авенел бросил взгляд на каминные часы.

— У нас еще целый час...

— Не забывайте, что мы с вами в Омеральте, ваше превосходительство. — В голосе Ардры снова послышались презрительные нотки. — Здесь мы не сможем заказать экипаж. Нас либо понесут пешие носильщики, либо мы пойдем своим ходом.

— Но это же просто смехотворно! — негромко произнес Кенди.

— Согласен. Даже в те дни, когда к власти в Ривальде еще не пришел Комитет Безопасности, никому и в голову не пришло бы изгнать лошадей с улиц Беферена.

Зато здешние Кевлерены все еще у власти, подумал Авенел, но вслух ничего не сказал. Потому что одно неосторожное слово — и Синесс сообщит кому надо. И тогда его отзовут в Ривальд, где и казнят.

— В таком случае распорядитесь, чтобы нам подали паланкин, — произнес он с надменным видом.

Как только секретарь ушел, Авенел презрительно фыркнул и в очередной раз посмотрел на себя в зеркало.

Голубовато-серый мундир неплохо смотрелся на его слегка располневшей фигуре. Правда, бледное лицо на таком фоне казалось осунувшимся. Однако ничего не поделаешь: это официальный мундир ривальдийского посланника. Ничего не поделаешь и со старческой кожей, залысинами и брюшком.

Авенел чуть-чуть подтянул штаны, чувствуя, что мышцы пресса по-прежнему крепки.

Он отвернулся от зеркала, взял свой парадный кортик в голубовато-серых ножнах — это тоже была часть костюма посланника — и направился вниз. Синесс уже поджидал его у входа в здание. Возле парадного крыльца в спешном порядке готовили посольский паланкин.

«Мой личный паланкин», — поправил себя Авенел. Ему было трудно привыкнуть к мысли, что он в Омеральте, столице злейшего врага его собственного народа. Интересно, какая сволочь из состава членов Комитета Безопасности предложила его кандидатуру на пост посланника?.. Не будь Кенди всю свою жизнь бессловесным и исполнительным служакой, он наверняка бы сумел отклонить это предложение. Однако именно потому, что он никогда не обсуждал приказы, к нему и приставили Синесса в качестве секретаря. Даже в природе каждому кролику полагается свой хорек.

— Мои бумаги у вас? — поинтересовался он у Ардры.

Секретарь улыбнулся и похлопал по карману своего мундира, после чего отвесил легкий поклон, приглашая Авенела занять свое место в паланкине. Посланник негромко фыркнул, однако позволил посадить себя и сел. Кортик повис у него между ног. Кенди выждал пару минут, пока к нему не присоединился Синесс, хотя его так и подмывало приказать носильщикам тронуться с места без секретаря. Он мысленно представил себе эту картину, и на губах его заиграла легкая улыбка.

Дорога в королевский дворец заняла достаточно много времени — даже несмотря на то что эскорт расчищал дорогу перед паланкином. Авенел подумал, что гораздо быстрее было бы добраться пешком. Правда, подобное вряд ли к лицу посланнику, который направляется на свою первую аудиенцию у императрицы Лерены. Ничего, прогуляемся как-нибудь в другой раз, когда формальностями можно будет пренебречь...

Авенел выглянул в окно паланкина. Вид ему понравился. Безусловно, Омеральт прекрасный город: главное, здесь гораздо теплее, чем в его родном Беферене. Кенди нравился теплый желтовато-оранжевый цвет городских стен, он с удовольствием разглядывал пестрые флаги, возвещавшие об открытии очередного фестиваля. Украдкой взглянув на Синесса, Авенел подумал, что и его секретарь, несмотря на свой склочный характер, тоже в восторге от Омеральта.

Порой Авенелу казалось, что ненависть Синесса к Хамилау носит преувеличенный, если не патологический характер. Даже в те далекие дни, когда сам Кенди был простым солдатом, ни он, ни те, кого он знал, не пылали к империи такой яростной ненавистью. Синесс же никогда не был военным, и его ненависть — лишь следствие всего того, что накопилось у него в душе, подумал Авенел. И тотчас с горечью осознал, что его секретарь, несмотря на свой малый рост, человек крайне опасный. Впрочем, не такой уж и малый, ведь Кенди выше его самого всего на одну ладонь. Иное дело, что у Синесса вошло в привычку сутулиться, отчего он кажется

ниже. А еще эта его привычка заламывать руки и всюду совать свой нос!..

«Прекрати, — одернул себя Авенел. — Каким бы ни был секретарь, с этим уже ничего не поделаешь». Оставалось лишь одно — откинуться на спинку сиденья и наслаждаться открывающимся из окна видом. А какие здесь восхитительные запахи!..

Паланкин проплыл мимо палатки, в которой продавалась какая-то еда, отчего у Авенела потекли слюнки, затем миновал другую, в которой торговали букетами удивительно красивых цветов, потом навстречу попался уличный торговец с корзиной ароматных трав, и Кенди тотчас вспомнились весенние поля и прогулки в горах. Казалось, все в Омеральте было наполнено жизнью, яркими красками, волнующими ароматами. Посланника так и тянуло выскочить из паланкина и провести остаток дня, беспечно гуляя по городским улицам и переулкам. Ему очень хотелось взобраться на городскую стену, погреться в лучах солнца...

Синесс негромко кашлянул.

Авенел постучал ножнами кортика по полу. Один точный удар в шею решил бы всего его проблемы. Кенди тяжело вздохнул. Да, а потом его семья в Беферене станет жертвой отмщения со стороны Комитета Безопасности.

Паланкин остановился. Внутрь заглянуло хмурое лицо одного из гвардейцев. Синесс с издевательской усмешкой вручил стражнику кипу бумаг. Тот просмотрел их, вернул секретарю и удалился.

Спустя мгновение паланкин снова пришел в движение, и они проследовали в дворцовые ворота.

— Кто там на этот раз? — раздраженно спросила Лерена у Ганиморо, пока они с ней шли в тронный зал.

— Новый ривальдийский посол.

— Да-да, это мне известно. Я хочу знать, кто он такой.

— Тысяцкий Авенел Кенди.

— Тысяцкий?.. И каков аналог этого звания в нашей армии?

— Командующий, ваше величество.

Лерена остановилась как вкопанная.

— Командующий?! — В голосе ее звучал нескрываемый гнев. — Ривальд направил к нам в качестве посланника командующего?

— Он в армии не так давно, — пояснила Ганиморо.

— Замечательно!

Избранная быстро сверилась с бумагами.

— Зато он несколько лет прослужил в Совете Иностранных Дел Ривальда... или как там сейчас называется эта служба после того, как к власти пришел Комитет Безопасности.

Лерена фыркнула.

— Что ж, в таком случае он наверняка в курсе того, кто мы такие, — сказала она через пару минут.

— Думаю, что да. И его послали сюда потому, что он эксперт по Хамилаю. И вообще Боевая Ассоциация не видит ничего оскорбительного для нас в том, что направила сюда человека столь низкого звания. Не будем забывать, что для простого солдата эта значительное достижение. К тому же Комитет Безопасности вряд ли бы снова направил к нам Кевлерена.

Женщины вошли в тронный зал. Гвардейцы тотчас вытянулись в струнку, а придворные почтительно поклонились. Кевлерены столпились у возвышения, на котором стоял трон — причудливое деревянное кресло, вырезанное, согласно легенде, из цельного куска дерева, которое Эмбер привез с собой, когда спустился с гор.

Лерена уселась, быстро пробежала глазами список мероприятий, который составила для нее Ганиморо, и кивнула сержанту, стоявшему у входа. В следующее мгновение двери распахнулись, и тысяцкий Авенел Кенди со своим секретарем вошли в зал. Стража подвела их к трону, где новоиспеченный посланник — в отличие от секретаря, который не стал сильно стараться — отвесил глубокий поклон и передал бумаги Ганиморо, которая, в свою очередь, вручила их Лерене.

Императрица взяла бумаги, но изучать не стала.

— Добро пожаловать в Хамилайскую империю, ваше превосходительство! — произнесла она ровным тоном.

Кенди выпрямился.

— Мое правительство оказало мне высокую честь представлять интересы Республики Ривальд в вашей стране, ваше величество. Я счастлив и горд видеть вас.

— Кто это с вами? — спросила Лерена.

Синесс оторвал взгляд от пола. В глазах его читался легкий испуг. Лицо Авенела не изменило своего выражения.

— Ваше величество, позвольте представить вам моего секретаря, Синесса Ардру.

Тот вновь отвесил поклон, на этот раз с большим усердием.

— Пусть ваше пребывание здесь будет длительным и плодотворным, — сказала Лерена, обращаясь к посланнику. — Как мне кажется, сейчас крайне важно, чтобы между нашими двумя государствами установились добрые отношения, потому что вместе с добрыми отношениями приходит взаимопонимание, а со взаимопониманием — мир.

— Совершенно согласен со столь мудрыми и справедливыми словами, ваше величество, — поклонился Кенди.

— Отлично. А теперь перейдем к делу. Скажите, устраивают ли вас отведенные вам апартаменты? Они более просторны, нежели те, что были предоставлены вашему предшественнику, да и находятся ближе ко дворцу.

— Они великолепны, — ответил Авенел, однако Лерена заметила в его глазах немой вопрос: ближе ко дворцу — это лучше или хуже?

— Скажите, вы не доставили для меня послание от моей миссии в Ривальде? — поинтересовалась Лерена.

Авенел растерянно посмотрел на нее.

— К сожалению, нет, ваше величество. Мне ничего не передавали.

— Совершенно ничего?..

Кенди нервно сглотнул. Кажется, императрица спрашивала у него, не использовал ли Комитет Безопасности кого-то из пленных Кевлеренов для того, чтобы передать ему сообщение...

— Даю вам слово, ваше величество. Я не получал никаких сообщений.

— Как известно, мой дядя Паймер Кевлерен не способен пользоваться Сефидом. Я надеялась, что правительство вашей страны известит меня о его благополучном прибытии в Ривальда и прибытии в Беферен.

— Я наведу все необходимые справки, как только вернусь в здание посольства, ваше величество, — ответил Авенел. — Если из Ривальда получены какие-либо известия, я тотчас извещу вас.

— Как это мило с вашей стороны, ваше превосходительство.

Тысяцкий в очередной раз отвесил поклон и направился к выходу, сделав знак адъютанту, чтобы тот последовал его примеру.

Лерена осталась довольна: новый посланник понял намек на то, что аудиенция окончена. Что ж, вполне возможно, с ним удастся найти общий язык.

Ганиморо наклонилась и шепнула на ухо императрице:

— Чем раньше поставит его в рамки, тем лучше.

— Почти то же самое, что и дрессировка собак, — улыбнулась в ответ Лерена.

День аудиенций затянулся. Когда Лерена вернулась в свои апартаменты, то чувствовала себя по-настоящему усталой. Она без аппетита поглощала ужин, когда в комнату вошла Ганиморо.

— Прибыл некто, кого вы хотели бы видеть.

Но Лерена покачала головой.

— Я слишком устала. Займись им сама.

— Но это дело не государственное, а семейное.

— Новый Акскевлерен?

Ганиморо пожала плечами с загадочным видом.

— Вы должны посмотреть сами.

Лерена недовольно вздохнула, встала из-за стола и последовала за своей Избранной.

— Куда мы идем?

— В опочивальню, — ответила Ганиморо. Как только они подошли к спальне, девушка широко распахнула двери. — Насколько я понимаю, это подарок от вашей сестры.

У кровати стоял молодой человек, прекрасно сложенный и с очень красивым лицом. Увидев императрицу, он тотчас залился краской смущения, потом улыбнулся и поклонился.

— Верклофф!.. — воскликнула Лерена, не скрывая своего раздражения. — Что ты здесь делаешь?

Она повернулась к Ганиморо.

— Разве мы не отослали его к Юнаре?..

ГЛАВА 17

Перед Мэддином лежала бумага, на которой можно было прочесть десяток слов. Примерно половина их составляла заголовок: «Необходимое для Киданской колонии». Под заголовком шел ряд подзаголовков: «Провиант», «Правительство», «Оборона», «Торговля», «Разное», «Местное население».

Мэддин положил перо, вздохнул, поднялся со стула и пригладил ладонью коротко стриженные темные волосы. В каюте было тепло и душно, отчего думалось плохо, однако принц знал: стоит ему выйти на палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха, и все его мысли тотчас обратятся к Алвей. А ведь еще ждет масса дел, и чем дольше он будет тянуть, тем труднее будет за них взяться.

Все подзаголовки в принципе сводятся к одному: местное население. Потому что все зависит от самих киданцев. Насколько готовы они встать на сторону Поломы и выступить против заси-

ля плутократов, как отнесутся к хамилайским колонистам, какова будет их реакция, когда они поймут, что Кидан становится просто дальним форпостом Хамилайской империи, захотят ли подчиниться указам императрицы Лерены... да и любого из Кевлеренов, в том числе и самого Мэддина...

Принц понимал, что эти вопросы не имеют ответов и не будут их иметь до тех пор, пока их флотилия не достигнет Кидана.

Однако необходимо подготовиться к прибытию: нужно составить план по поводу того, каким образом распределить провиант и зерно для посева, как учредить такую администрацию, которая могла бы эффективно работать и с местным населением, и с колонистами, как защитить себя от возможного нападения со стороны ривальдийской армии...

Мэддин вновь взялся за перо и в десятый раз за утро попытался что-то написать, но, чувствуя, что все равно ничего не получится, бросил перо на бумагу, отчего получилась внушительных размеров клякса. Негромко выругавшись, он быстро поднялся из-за стола, больно ударившись головой о потолочную балку.

Принц тяжело опустился на стул, потирая ушибленное место. Ему даже стало жаль себя. Боль вскоре утихла, но Мэддин продолжал сидеть, не в силах взяться за работу.

Он наклонился, чтобы взять еще один лист бумаги, и в этот момент фамильная цепь выскользнула из-под рубашки. Мэддин замер, глядя на нее. Ему почему-то пришла в голову мысль, что во время похорон Алвей следовало в первую очередь избавиться от этой цепи, а не от знаков отличия его семьи. Потому что цепь символизировала Сефид, в то время как знаки — лишь принадлежность к семье. А ведь его возлюбленная была убита именно при помощи магии...

Мэддин откинулся на спинку стула и правой рукой поднял цепь, чтобы ожили амулеты. Но ничего не произошло. Не вспыхнуло ни единой искры... и никогда не вспыхнет. Не-Кевлерены наверняка ощущают точно такую беспомощность перед Сефидом, подумал принц, и ему стало жаль себя.

Мэддин тотчас постарался отогнать прочь эту подлую жалость, но так и не смог — по крайней мере ему не удалось этого сделать до конца. Принцу по-прежнему было искренне жаль всех тех, кому выпало родиться не-Кевлереном и чьи судьбы в той или иной мере были связаны с судьбой его семьи...

Мэддин дал себе слово, что он это изменит. Он непременно сделает все для того, чтобы его колония была свободна от прихотей Кевлеренов. Принц пока не знал, каким образом этого добьется, но в том, что так оно и будет, не сомневался ни секунды.

Неожиданно Мэддин ощутил прилив работоспособности. Он хмуро улыбнулся, спрятал фамильную цепь и вновь взялся за перо.

У Китайры тоже была фамильная цепь.

Она извлекла ее с самого дна огромного сундука, чтобы еще раз внимательно изучить. Грамматиста всякий раз изумляло, насколько прекрасны амулеты. Все они были сделаны из стекла самых разных оттенков. Вот, например, красный, с веточкой розмарина внутри; а вот — молочно-белый, с крупинкой золота; вот желтый, с застывшим в нем крылышком жука...

Китайра потрогала каждый амулет. Затем напрягла все свои чувства, чтобы не попустить искру — знак, свидетельствующий о том, что установлена связь с Сефидом. Пару раз возникало слабое свечение, но такое тусклое, что девушка решила, что это ей показалось.

Какой щедрый дар, подумала она про себя. Достойный той, что его преподнесла.

И все-таки было в этом подарке нечто от насмешки.

Китайра, чью мудрость признавали грамматисты всего Хамилая, чьи труды по изучению Сефида уважал сам Малус Майком, была бесплодна. Несмотря на упорный труд, она так и не разгадала тайну Обладания. В некотором роде девушка так и оставалась ребенком, лишь замочившим пальцы ног в безбрежном океане Сефида.

Дар Кевлерена.

Порой Китайре хотелось выбросить эту цепь в море или раздавить амулеты каблуком. В иные мгновения она желала поднести камни к глазам и смотреть сквозь них на солнце или звездное небо до конца своих дней. В этом суть красоты, решила девушка. Нечто такое, что способно довести до безумия.

Но любоваться подаренной ей семейной цепью Китайра могла лишь в одиночестве. Кроме того, цепь она получила в подарок еще до того, как познакомилась с Гэлис. Так что стратегу про цепь ничего не известно.

Это был секрет, которым Китайра не спешила ни с кем делиться. Источник радости и боли — все, что осталось от связи с повелительницей-Кевлереном, связи, которая сначала казалась такой многообещающей и которая так мало дала ей.

За исключением Гэлис, напомнила себе девушка, хотя Кевлерены наверняка бы изумились, узнай они, какое глубокое чувство питала она к стратегу. Интересно, подумала, а как же другие, кто, как и она сама, раздираем между любовью и личными амбициями? Чувствуют ли они то же самое? Впрочем, Китайре удалось достичь некоего равновесия: ее страсть к Гэлис была по силе равна страху и ненависти к Кевлеренам. Девушка была привязана к обеим женщинам, и вряд ли будущее что-либо изменит.

Китайра подумала, что в этом мог заключаться источник понимания сути Сефида, но это понимание, как всегда, ускользало от нее.

Но должен ведь быть какой-то выход! В этом Китайра не сомневалась. Рано или поздно, но она разгадает тайну Сефида. Не могут же одни лишь Кевлерены бесконечно владеть этим секретом.

Грамматист взяла цепь в левую руку и вернулась к бумагам. В последние несколько дней — после того как Гэлис перебралась к Поломе на «Ханнема» для разработки совместных планов — Китайра провела немало часов, записывая все, что ей

было известно о Сефиде. Она часами перечитывала написанное, пытаясь проследить закономерность, отыскать подсказку, которая явилась бы ключом к невероятной тайне, но так ничего и не нашла. Ничего страшного, наверняка еще найдет...

И Китайра взялась за новые записи.

Гэлис проснулась. В темноте она не сразу сообразила, где находится. Девушка попыталась вспомнить сон, который ее разбудил. Немного успокоившись и придя в себя, она встала с кровати.

Во сне Гэлис видела Китайру. Они занимались любовью. Длинные ноги Китайры обхватывали ее ягодицы, груди девушек соприкасались. Она целовала изящную шею Китайры, затем подбородок и чувственные губы.

А потом накатил боль, резкая и неожиданная.

Стратег посмотрела на постель: в ней что-то копошилось. Гэлис отдернула верхнюю простыню.

В воздух взлетела какая-то черная мерзость. Девушка машинально отшатнулась, хотя испытывала не страх, а любопытство. Она наклонилась вперед, вглядываясь в темноту.

Жук. Размером в половину ее большого пальца. С непропорционально большой головкой, которой он водил из стороны в сторону, словно искал жертву; две огромные, похожие на клещи клешни угрожающе шевелились.

Гэлис почувствовала, как ее по левому бедру стекает какая-то струйка, и перевела взгляд вниз, но в темноте ей мало что удалось рассмотреть. Она подошла к столику и зажгла светильник. Поднеся лампу ближе к обнаженному телу, девушка увидела на талии небольшую ранку от укуса, из которой сочилась кровь. Гэлис посмотрела на мерзкого жука, который вновь пытался зарыться среди простыней.

— Вот ублюдок! — негромко выругалась стратег, с решительным видом подошла к кровати и ладонью раздавила жука.

Она вытерла руку о край матраца и мысленно поблагодарила судьбу, что рядом с ней не было Китайры: при виде гнусного

насекомого, копошащегося в постели, ее возлюбленную наверняка хватил бы удар.

Место укуса перестало болеть, но Гэлис какое-то время держала руку прижатой к ранке, чтобы остановить кровотечение. Разбитая, раздраженная тем, что ее сон прервали, она откинулась на подушках, предварительно пошарив рукой в поисках других незваных гостей. Ничего не найдя, девушка вновь попыталась уснуть.

Корабль застонал.

Неожиданно налетел порыв ветра. Захлопали паруса.

Место укуса начинало чесаться.

А еще Гэлис затосковала по Китайре. Это было нечто большее, чем обычное плотское желание. Скорее — тоска. Любовь, похоть, одиночество — все это слилось воедино, разливаясь в ней подобно... подобно крови из раны.

Гэлис вскрикнула и снова села в постели. Ночь была теплой, но стратег чувствовала себя страшно одинокой в тесной каюте. Раньше ей казалось, что она постепенно привыкает к путешествию по морю и что со временем даже войдет во вкус, но такие ночи заставляли Гэлис усомниться в этом. Ей хотелось вновь почувствовать под ногами сушу. Там можно встать с постели и пройти долгие мили, не повстречав ни одной живой души. Здесь же, в море, девушку окружала великая пустота, но в ней нельзя было скрыться. Стратег чувствовала себя словно в западне, в которую попала заодно с пятью сотнями других человеческих душ.

О, умей она летать как альбатрос или плавать как рыба!..

Или будь сейчас рядом с ней Китайра...

Эриот проснулась от того, что кто-то легонько тряс ее за плечо. Она с трудом разлепила веки и увидела перед собой смутные очертания человеческой фигуры.

Арден!

Первое, что пришло ей в голову: почему это она машинально не отстранилась от бородатого великана?..

Странно.

— Нам надо срочно поговорить, — прошептал Арден.

— Прямо сейчас? — Эриот осмотрелась по сторонам. Кажется, все вокруг спят. — А сколько времени?

— Час до рассвета.

— О чем ты хочешь поговорить?

— Как защитить себя, — ответил Арден.

Он сел перед девушкой, подобрав под себя ноги.

— Защитить себя — от кого? — недоуменно поинтересовалась Эриот.

— От тех, кто намерен использовать нас как рабочий скот.

Девушка растерянно заморгала.

— Ты что, замышляешь мятеж?

Арден отрицательно покачал головой.

— Нет, это не пройдет, нечего даже надеяться. Эта белокурая бабенка была права, — ответил он с улыбкой. — Мозговитая особа.

— Тогда о чем ты?

— О том, что надо объединяться против Кевлеренов. Это по их прихоти мы все здесь оказались.

— Все, но не я, — поправила его Эриот.

Арден несколько мгновений пристально смотрел на нее.

— Верно. Все, кроме тебя. Розалла сказала, что ты вроде бы как безбилетный пассажир. Но что касается остальных — то я прав. И Кевлерены выжмут из нас все соки, как только мы окажемся на Новой Земле, помани мое слово. И из тебя, между прочим, тоже, вне зависимости от того, как ты попала на этот корабль.

Эриот не знала, что ему возразить. Она не могла понять, почему Арден завел с ней подобный разговор, но вид у великана был серьезный, и это встревожило девушку.

— Как ты сказал? Выжмут из нас все соки? Но мы же не рабы.

— Это еще как сказать, — ответил Арден. — Ведь большинство находится здесь против собственной воли. Нас вырва-

ли из тюрем и работных домов, не спросив согласия... Неужели ты думаешь, что те, кто всем заправляет, позволят нам разбредаться в разные стороны, как только мы ступим на сушу?

— А кто здесь всем заправляет? — спросила Эриот.

— Мне пока неизвестно, кто тут самый главный, кто дергает капитана Авьера за ниточки, словно марионетку... да и других капитанов тоже... но в конечном итоге на самом верху всегда оказывается какой-нибудь Кевлерен.

— Я смотрю, ты их не слишком жалуешь. Я имею виду Кевлеренов.

— Дело вовсе не в том, люблю я их или нет.

— Тогда о чем ты? От кого надо нас защищать?

— Я хочу создать гильдию. Гильдию колонистов. И постараюсь сделать так, чтобы в нее вступили все.

— Гильдию?.. А какая от нее польза?

— Будем трудиться все вместе. И потому договоримся о том, что мы согласны делать, а что — нет. Кто бы ни отдал распоряжение, станем выполнять его в соответствии с нашими собственными принципами.

— Принципами?..

— Ну да, — с воодушевлением произнес Арден. — То есть дадим понять им, какие вещи нас устраивают, а какие — нет. Если будем держаться друг друга, то сможем за себя постоять сразу же, как только сойдем с корабля на далеком берегу.

— А как же колонисты на других судах? Как мы им об этом расскажем?

— Сначала все организуем на «Ханнема». А когда высадимся на Новой Земле, то собственным примером убедим остальных.

Эриот с подозрением посмотрела на Ардена.

— А кто возглавит эту твою гильдию?

Арден глубоко вздохнул, но ничего не ответил.

— Ага, понятно, — усмехнулась девушка. — Теперь наш новый начальник — ты. Тебе очень хочется сравняться с теми, кто наверху. — Тут она ткнула пальцем в потолок.

— Ни за что! — воскликнул Арден, явно задетый ее словами. — Только не я! Из меня никогда не вышло бы хорошего лидера... — Он умолк и нервно облизнул губы.

Эриот подумала про себя, что это выглядит довольно странно, если учесть его рост и внушительную внешность.

— Только не я, — повторил он. — Видишь ли, мне думалось о ком-то таком, кто мечтает обосноваться в колонии, кто надеется начать там новую жизнь... О человеке, которому небезразличны другие люди. Он уже успел проявить мужество, ему уже случалось вставать на защиту слабых и удалось заслужить их уважение. Умный и сильный духом...

— Послушай, ты это серьезно? — перебила его Эриот. — О ком это ты подумал?

— Конечно, серьезно, — ответил Арден убежденно. — Я подумал о тебе.

ГЛАВА 18

Под началом тысяцкого Маркеллы Монтранто имелось всего три десятка воинов, однако, по мнению Паймера, он держал себя так, будто командовал целым полком.

Маркелла восседал в седле подобно генералу, позирующему перед скульптором. Одна рука, затянута в перчатку, держит поводья и картинно прижата к бедру; другая, без перчатки, покоится на рукоятке сабли. Грудь выпячена вперед, спина ровная, лицо повернуто к окружающим в три четверти. Одним словом, герой высшей пробы.

Паймер находил такую напыщенность смехотворной. Чего ради вся эта показуха? Неужели только из-за того, что тысяцкому выпало сопровождать пожилого человека в рыжем парике?

Каждый раз, когда они приближались к какой-нибудь деревне, Монтранто непременно отправлял вперед всадника, чтобы на главную улицу высыпали любопытные — встречать кавалькаду. Каждый вечер он прилагал усилия к тому, чтобы к вящей славе своей довести до сведения местных жителей важность возложенной на него миссии...

Манеры кавалеристов, входивших в эскорт, также оставляли желать лучшего. Всякий раз, обращаясь к Паймеру или Идальго, они кривили губы в язвительной усмешке. Понемногу герцог начал ощущать себя не посланником, а пленником. Однако теперь он хотя бы был избавлен от встреч с бывшими Акскевлеренами. Ведь ему ни за что не перенести еще одной ночи под одной крышей с кем-либо вроде Чиермы.

Возникла и еще одна серьезная проблема. В последнее время герцогу почему-то стало довольно трудно общаться с Идальго.

При мысли об Избранном у Паймера всякий раз становилось тяжело на сердце. Он перевел взгляд на сидевшего рядом с ним Акскевлерена и принялся украдкой рассматривать его.

Неожиданно старик поразился тому, что, зная Идальго долгие годы, привыкнув к постоянному присутствию рядом с собой Избранного, он не мог мысленно представить себе его лицо — которое, казалось бы, знал лучше, чем свое собственное. Но если от него ускользает внешность Идальго, то что говорить о душе Избранного? Впрочем, разве герцог когда-либо пытался понять своего наперсника?..

Словно почувствовав на себе взгляд Кевлерена, Идальго улыбнулся. Паймер поспешно отвел глаза в сторону, как будто его поймали на том, что он исподтишка любит чужой невестой.

«Что же он может обо мне думать», — подумал герцог. Поразмыслив, старик пришел к выводу, что не знает, какого мнения Идальго был о нем всю жизнь. Паймеру стало стыдно, что он усомнился в верности своего Избранного. Пять десятков

лет Идальго служил ему верой и правдой, не давая даже малейшего повода усомниться в верности господину. Однако герцога по-прежнему преследовала тревожная мысль, что в свержении Кевлеренов участвовали и Аксевлерены. Это они передали своих хозяев в руки заклятых врагов.

Впервые в своей жизни Паймеру стало не по себе от того, что он — Кевлерен.

В отличие от Омеральта, расположенного на высоком плато, Беферен, столица Ривальда, стоял на побережье.

Дорога, по которой следовал кортеж посла Хамилайской империи, пошла под уклон. После залитого солнцем степного плоского-рья путники попали под своды темного хвойного леса, где сквозь густые кроны пробивались лишь редкие солнечные лучи. Воздух в лесу был сырым и холодным. Идальго вытащил из-под сиденья покрывала и предложил одно из них Паймеру. Тот молча принял предложенное, не удостоив слугу даже благодарного кивка. Избранному подумалось, что настроение хозяина сделалось таким же мрачным и холодным, как лес, по которому они ехали.

Идальго догадывался почему, однако не осмелился заговорить об этом с Паймером; подобные темы имел право поднимать в разговоре только герцог. Давняя, выработанная за долгие десятилетия службы привычка проявлять сдержанность не позволяла Избранному заводить разговор о взаимоотношениях с хозяином. Подобное не в обычае Аксевлеренов.

Дорога уводила путешественников все дальше в чащу леса. Идальго изо всех сил напрягал слух, пытаясь услышать пение птиц или жужжание насекомых, однако до него доносились лишь скрип седел да позвякивание оружия.

Вскоре кавалькада выехала на открытое пространство, и дорога, следовавшая вдоль впадавшей в океан реки, сделалась шире и ровнее. Через какое-то время Идальго ощутил запах моря.

Солнце уже коснулось линии горизонта, когда кортеж добрался до окраины Беферена. Местные жители с любопытством

разглядывали карету и эскорт. Идальго, в свою очередь, пытли-во вглядывался в дома и их обитателей, надеясь увидеть следы обнищания, которое — он был в этом почти уверен — должно было прийти в эти края после свержения Кевлеренов. Аксевлерен прямо-таки жаждал, чтобы ему наконец подвернулся повод сказать хозяину: «Видите, изгнав ваше семейство, этот народ обрек себя на тяжкие страдания».

Увы, ему на глаза попадались такие же фермеры, торговцы, рабочие и пастухи, что и близ Омеральта. Обычные люди, занятые каждый своим привычным делом. Даже если революция что-то и изменила в их жизни, это никоим образом не отразилась на лицах ривальдийцев.

В отличие от Омеральта Беферен был городом низким. Берег, на котором он раскинулся, являлся верхней частью склона затопленной долины, которая теперь оказалась почти на одном уровне с морем. Неподалеку от устья реки город окружала крепостная стена, однако, кроме нее, не было ничего такого, что придавало бы ландшафту какое-либо своеобразие.

В свете угасающего дня Беферен казался чернильным пятном, растекшимся по листу пергамента. Большая часть домов была сложена из серого камня; их южные стены поросли мхом, который серебристо поблескивал в сумеречном свете. С моря потянуло ветром, и в карете стало еще прохладнее.

— Прекрасно, — произнес Паймер. Вытерев с лица капельки влаги, закрыл окно кожаной занавеской.

— Утром здешние места кажутся более привлекательными, — с надеждой в голосе произнес Идальго и плотнее укутался в покрывало.

Карета ехала вдоль крепостной стены. Путешественники увидели, что дома в этой части города преимущественно деревянные, крытые пучками высушенных водорослей. Толстые стекла окон покрывали разводы морской соли, а металлические переплеты поросли коростой ржавчины.

Было уже совсем темно, когда они добрались до бывшего дворца королевы Сарры. Идальго высунулся из окна кареты, чтобы лучше рассмотреть здание, но наступившая темнота помешала ему. Однако он разглядел, что дворец также построен из дерева. Из дерева была сложена и крыша, и украшавшие ее жутковатые фигурки гаргулий. Избранный предположил, что в таких суровых погодных условиях пожаров местные жители не боятся.

Карета и сопровождавшие ее всадники остановились перед широкими двустворчатыми воротами, выкрашенными зеленой краской. Маркелла Монтранто, несколько не утративший самоуверенного вида, спешил. Подойдя к воротам, он несколько раз ударил в них рукояткой сабли.

Одна створка со скрипом отворилась; наружу высунулось чье-то бледное лицо и тут же скрылось. В следующее мгновение ворота распахнулись. Карета въехала внутрь, оставив эскорт снаружи.

Слуга с поклоном открыл дверцу экипажа с той стороны, где сидел Идальго. Аксевлерен поспешил выйти наружу и протянул руку, предлагая ее хозяину. Однако герцог даже не посмотрел в его сторону и выбрался из кареты самостоятельно.

Перед ними снова оказались двери, на этот раз распахнутые настежь. Гостей ожидал почетный караул из военных и гражданских, чьи одеяния были богато украшены золотым шитьем, драгоценностями и наградами. В столь поздний час этот парадный наряд смотрелся крайне нелепо и совершенно неуместно. Солдаты — на сей раз это были пехотинцы, вооруженные копьями — тут же образовали живой коридор между каретой и встречающими.

Когда мимо копейщиков проходили Паймер и Идальго, они мгновенно вытянулись по стойке «смирно». Вышедшие встречать посланника обитатели дворца вежливо улыбались, однако в их радости сквозила плохо скрываемая фальшь. Избранному показалось, что ривальдийцы встревожены прибытием герцога.

Очевидно, еще свежа память о том, что они сделали с местными Кевлеренами... Впрочем, здешние простолюдины восприняли приезд посланника довольно равнодушно.

На какое-то мгновение возникла неловкая пауза. Нарушил ее один из военных, молодой человек, столь щедро увешанный медалями, что Идальго подумал, как бы этот воин под их грузом не рухнул на землю.

Юноша шагнул вперед и, прочистив горло, произнес:

— Ваша светлость герцог Паймер Кевлерен, приветствуем вас от имени Комитета Безопасности. Добро пожаловать в Беферен!

Высокого гостя тотчас окружили остальные встречающие. Идальго принялся разглядывать гражданских. В большинстве своем они явно испытывали неловкость, оказавшись среди военных. Лишь один человек выделялся из общей массы встречавших: в отличие от остальных он держался уверенно и с несомненным достоинством. Внешности незнакомец был вполне заурядной, однако от прочих его отличало то, что он не сводил с Паймера глаз.

Это он, подумал Идальго. Этот самый человек возглавляет Комитет Безопасности. Он — главный правитель Ривальда.

Паймер важно кивнул ривальдийцам.

— От имени императрицы Лерены Кевлерен благодарю вас за гостеприимство. Я испытываю огромную радость от вашего добросердечия...

Молодой офицер, на которого обратил внимание Идальго, сделал шаг вперед.

— Я — тысяцкий Крофт Харкер, президент Комитета Безопасности.

Затем тысяцкий представил остальных военных — членов Комитета. Никто из присутствующих не был более высокого звания, нежели сам Харкер. Среди них не нашлось ни одного генерала. А еще, как только сейчас понял Идальго, ни один из них не был старше сорокалетнего возраста.

— А кто эти господа? — поинтересовался Паймер, указывая на гражданских.

— Наши советники, — непринужденно ответил Харкер. Секунду помедлив, он добавил: — Ничего особенного они не представляют.

Идальго продолжал разглядывать человека в штатском платье, по-прежнему не сводившего взгляда с его хозяина. На лице незнакомца играла ироничная улыбка.

— Должно быть, вы устали после долгого пути, — продолжил Харкер, обращаясь к Паймеру. — Для вас уже приготовлена комната. Туда же принесут ужин. Верительными грамотами мы обменяемся завтра, если вы не возражаете.

— Меня это вполне устраивает, — ответил герцог и глубоко вздохнул. — Дела дипломатические всегда могут подождать до утра.

Харкер и второй ривальдиец вежливо рассмеялись, как будто их гость отпустил необычайно остроумную шутку. Идальго решил, что они боятся его хозяина.

После позднего ужина, который они съели в отведенной для них комнате, Паймер долго не мог уснуть. За последние несколько часов они с Идальго перемолвились лишь парой слов. Герцог постоянно думал о том, как бы случайно не завести разговор о Чиерме или...

Акскевлерены, все они — Акскевлерены, думал он, вспоминая гражданских «советников» Комитета Безопасности. Харкер опасался, что я узнаю их, как только они осмелятся заговорить. Они такие же члены Комитета, как этот тысяцкий и его подручные...

Герцог рассеянно похлопал рукой по краю постели. Если бы не Сефид, он ни за что на свете не согласился бы ехать сюда, выполняя поручение племянницы. Посмей он ответить Лерене отказом, она наверняка бы нашла способ подчинить его своей воле.

«Нет, я, конечно, бы мог показать ей, что на меня не следует полагаться в подобном деле. Но как долго мне в таком случае осталось бы жить на белом свете?..»

Отвечать на этот вопрос ему не хотелось.

И вот еще что. Чего он наверняка не стал бы делать, так это пытаться войти в контакт со своими собратьями в Ривальде при помощи Сефида. Подобного желания герцог не испытывал еще до приезда в Беферен. К тому же, рискни он прибегнуть к заклинаниям, Избранные вполне могли догадаться об этом, а ведь они изменили делу его семьи.

Мир Паймера окончательно рухнул, и это не давало ему покоя, лишило аппетита и сна. Такого рода революции должны вершить молодые и энергичные люди — те, кто еще не успел привыкнуть к домашнему уюту и размеренной жизни. А разве он сам может сказать, что свил уютное домашнее гнездышко? Нет, конечно, однако ему не хочется ничего менять в этом мире. Жизнь, черт побери, почти прекрасна.

Жизнь была почти прекрасна, черт побери, мысленно поправил себя Паймер. Сейчас же от прошлого остался лишь неприятный осадок.

До него донеслось приглушенное дыхание Идальго. Избранный безмятежно спал, нисколько не заботясь о несовершенстве окружающего мира. Но действительно ли ему все безразлично? Неужели его не тревожит то, что произошло в Ривальде? И что он думает об Аксевлерегах, свергнувших своих хозяев?..

Этот вопрос непременно следует задать, вот только хочется ли герцогу услышать ответ на него? Ведь королева Сарра Кевлерен была так же уверена в преданности своей Избранной, как и он — в своем Идальго.

Разрушенного доверия уже никогда не вернуть.

Но могут ли их отношения продолжаться на какой-то другой основе?

Паймер с горечью упрекнул себя за себялюбие и трусость. Сейчас не время предаваться мелким личным переживаниям.

Пора подумать о судьбе империи. Какими будут последствия здешних событий для Кевлеренов в Хамилае? Что произойдет, если ривальдийский Комитет Безопасности попытается разжечь огонь революции за пределами своей республики?

Все это заставляло сделать неизбежный вывод. Хамилаю не избежать войны с Ривальдом. Комитет Безопасности нужно свергнуть. Акскевлеры уже продемонстрировали, как это можно сделать.

Иного выбора у империи нет.

Когда Идальго проснулся, герцог все еще спал. Избранный оделся, подошел к единственному в комнате окну и, стараясь производить как можно меньше шума, распахнул деревянные ставни.

Отведенная гостям комната располагалась на втором этаже. Выше была лишь одинокая сторожевая башня. Идальго предположил, что дома в Ривальде все такое низкие потому, что море здесь часто штормит или почва слишком мягкая и ей не выдержать груз более высоких строений. Внизу находился небольшой внутренний дворик, вымощенный булыжником, где происходила смена караула. Ривальдийские солдаты в своих бело-голубых мундирах смотрелись весьма живописно. В отличие от высоких фуражек хамилайских пехотинцев на головах у них были береты с пером, засунутым за узенький ремешок.

Вскоре церемония закончилась, и во дворе на какое-то время вновь стало тихо.

Бросив взгляд в сторону города, Идальго испытал радостное чувство. В свете туманного утра Беферен показался ему чистым и аккуратным. Ровно проложенные улицы и низенькие домики не загораживали вид на море, которое простиралось до линии горизонта. Впадавшая в него река разделяла Беферен на две равные части.

Море спокойно поблескивало в лучах неяркого солнца. Над водной гладью с пронзительными криками носились чайки. Хо-

лодный воздух пах водорослями и йодом. Хотя Идальго нашел запах слишком насыщенным, он был ему приятен и заставил улыбнуться.

Избранный сделал глубокий вдох, отступил назад и бесшумно закрыл ставни.

За его спиной беспокойно заворочался на постели Паймер. Обернувшись, Идальго увидел, как герцог поднимается с кровати.

— Как вы себя чувствуете? — участливо поинтересовался он.

— Устал, только и всего.

Аксевлерен поспешно приблизился к хозяину.

— Позвольте помочь вам...

— Пожалуйста, распорядись, чтобы нам принесли завтрак, — произнес каким-то сдавленным голосом Паймер.

Идальго замер на месте и судорожно сглотнул. Он отчаянно надеялся, — потому что больше ему ничего не оставалось, — что по окончании путешествия отношения между ним и хозяином войдут в прежнюю колею.

— Слушаюсь, ваша светлость, — сказал Избранный и вышел из комнаты.

Как только за Аксевлереном закрылась дверь, Паймер прекратил одеваться и, чувствуя, что им овладевает стыд, медленно опустился на край постели. Он намеренно обидел Идальго, совершил то, чего раньше никогда себе не позволял по отношению к своему Избранному. Это вышло само собой; герцог даже не подумал, что будет потом, и вот теперь он испытывает ту же душевную боль, что и Идальго. Нет, этому кошмару просто не видно конца.

Чувствуя тяжесть на сердце, Паймер закончил одеваться. В следующий момент в комнату вошел Идальго в сопровождении двух слуг. В руках у них были подносы, на которых стояли тарелки с горячей кашей, свеженспекенным хлебом и ломтиками соленой рыбы. В высоких деревянных кружках пенилось пиво. Слуги поставили подносы на стол, придвинули по обеим сторонам по стулу и удалились.

— Ну что ж, на вид вполне аппетитно, — прокомментировал Паймер с наигранной бодростью в голосе. Он нагнулся к тарелке, понюхал кашу и жестом предложил Идальго садиться. — Садись, Идальго. Ешь.

Взяв ложку, герцог принялся за кашу.

Он скорее почувствовал, нежели увидел, что его Избранный колеблется.

— Нужно хорошенько подзаправиться, — с набитым ртом проговорил Паймер. — Вот увидишь, сегодня нас ждет трудный день. Придется много ездить.

Идальго сел и попробовал кашу. Герцог попытался перехватить его взгляд, однако Аксевлерен быстро отвел глаза в сторону. Паймер чуть было не выговорил ему за это, но вовремя спохватился и постарался взять себя в руки.

Герцог отложил ложку и собрался поднять кружку с пивом, однако передумал и вздохнул.

— Извини.

Паймеру хотелось, чтобы это короткое слово прозвучало громко и искренне, но все получилось вовсе не так, как он надеялся. Извинение было высказано тихо, едва ли не шепотом.

Идальго перестал жевать. На этот раз он посмотрел хозяину прямо в глаза. Паймер подумал, что сейчас его Избранный скажет что-то вроде «Вам незачем извиняться, ваша светлость». Однако вместо этого Аксевлерен коротко ответил:

— Понимаю.

Впервые в своей жизни герцог понял, что его простили. У него словно камень свалился с души. Ему захотелось рассмеяться, но он заставил себя сдержаться. А вот улыбку герцог скрыть не смог. Идальго улыбнулся ему в ответ.

Больше герцог и Аксевлерен не сказали друг другу за завтраком ни слова.

Как только они покончили с трапезой, в комнату вошли слуги и принялись убирать со стола.

— Вашу светлость ждут в библиотеке. Если вы готовы, я охотно провожу вас туда, — произнес старший из них.

Вскоре Паймер и Идальго шагали вслед за слугой по настоящему лабиринту коридоров. По сравнению с ним замок Юнары мог показаться чистым полем. Путь освещали фонари, висевшие снаружи, по ту сторону окон, поэтому в коридорах царил полумрак. Выглядело так, будто хамилайцы шли по лесной чащобе.

Паймер подумал: такие лабиринты понастроили из-за того, что дворцовые помещения нужно было уместить на двух этажах. Впрочем, герцог несколько не удивился бы, узнай он, что оказался в театре теней, призванном создать у посетителей ощущение, будто на самом деле дворец имеет гораздо большие размеры.

В конце концов они оказались в просторном коридоре, довольно сносно освещенном, с окнами почти под самым потолком. Слуга остановился перед скромного вида дверью. Предварительно постучав, он открыл ее и проводил Паймера и Идальго в просторную библиотеку.

Вдоль стен тянулись изящные резные полки, уставленные книгами в кожаных переплетах. Крофт Харкер встал со стоящего в центре комнаты массивного кресла, чтобы поприветствовать гостей. Он был в библиотеке один. Стоявшее рядом второе кресло пустовало. Между креслами стоял низкий столик, на нем — графин красного вина и два бокала.

— Президент Харкер, герцог Паймер Кевлерен! — с поклоном объявил слуга и отступил в сторону.

Хамилайский посланник и хозяин обменялись рукопожатиями. Харкер указал герцогу на кресло.

— Этим утром нам предстоит многое обсудить.

Идальго собрался занять место за спиной хозяина, но слуга взял его под руку.

— Я знаю, что у вас в Хамилае иные порядки, нежели у нас, — пояснил президент Комитета Безопасности, — особен-

но после рево... после недавних событий. Но мы не приглашаем на наши переговоры Аксевлеренов.

Паймер напрягся.

— Я не привык обходиться без моего Избранного, — заявил он. — Понимаю, что теперь в Ривальде многое изменилось, однако, как посланник императрицы Лерены, я...

— Как посланник вы обязаны следовать нашим обычаям, подобно тому, как наш посланник в вашей стране обязан соблюдать ваши, — мягко возразил Харкер.

Паймер сделал глубокой вдох. До чего же ему хотелось вернуться и выйти из библиотеки вон!.. Интересно, как поведет себя в таком случае Комитет Безопасности? С другой стороны, горячиться не стоит. Ведь он здесь по поручению племянницы, и чем скорее справится с порученным делом, тем раньше вернется в Хамилай.

— Хорошо, — выдавил из себя герцог. — При условии, что обсуждение этого вопроса мы отложим на более поздний срок.

Харкер обиженно поджал губы, однако кивнул.

— Решено, — коротко ответил он и снова указал на кресло.

Паймер сел и кивком велел Идальго выйти.

Как только они остались одни, тысяцкий заметно повеселел.

— Итак, с чего начнем? — спросил он и улыбнулся герцогу.

Идальго ожидал, что его отведут обратно в отведенную им с герцогом комнату, однако Избранного проводили через внутренний дворик в другое крыло дворца, немного отличавшееся от той части, в которой они уже были.

Деревянная постройка имела более светлый оттенок, как будто была сооружена совсем недавно. Идальго поинтересовался у слуги, куда его привели, однако на вопрос тот ответил лишь загадочной улыбкой.

Они вышли во второй внутренний дворик, меньшего размера, чем предыдущий, весь усыпанный мелкими белыми камеш-

ками. Здесь было высажено несколько хвойных деревьев. Не-высокая живая изгородь делила двор на квадраты; в каждом имелось по деревянной скамье. Над двориком нависали балко-ны второго этажа. Солнце еще не успело позолотить крыши до-мов, а воздух был влажным и прохладным.

Слуга проводил Идальго в средний квадрат. Там сидел че-ловек в гражданском платье, из числа тех членов Комитета Бе-зопасности, кого Избранный герцога видел прошлой ночью во дворце. Незнакомец встретил Идальго чуть ироничной улыб-кой. У него были умные голубые глаза и изрытое оспинами лицо. Чем-то он напомнил Аксевлерену Нетаргера, Избран-ного Юнары.

Слуга удалился, не сочтя нужным представить их друг другу.

— Ты — Аксевлерен, — заявил Идальго. — Как твое имя и кому ты принадлежишь?

— Я не принадлежу никому, кроме себя, — ответил не-знакомец бесстрастным тоном, чеканя каждое слово. — Мое имя — Атилас.

— Атилас Аксевлерен.

Атилас спокойно покачал головой.

— Кевлерены больше ничего не значат в Ривальде. Акс-евлеренов здесь тоже больше не существует. Я просто Атилас.

— А я — Идальго Аксевлерен.

— Ты произносишь это с такой гордостью, — саркастичес-ки заметил Атилас. — Мне давно хотелось встретиться с тобой — с тех пор как только стало известно, что императрица Лерена отправила сюда посланником своего родного дядю.

— Это — дипломатический визит, не более того... — Идаль-го запнулся. Атилас улыбнулся еще шире — Надеюсь, то, что меня сейчас разлучили с его светлостью, не имеет ничего общего с новыми порядками Ривальда, верно?

— Разумеется, нет. Если бы герцог Паймер настоял на сво-ем и потребовал твоего присутствия, думаю, Харкер наверняка пошел бы на уступку.

Атилас нагнулся и выгасчил откуда-то из-под скамьи бутылку вина и два стакана.

— Это из Оффры, — пояснил он. — Я подумал, что вам с герцогом понравится здешнее вино. Присаживайся. — Он кивком указал на скамейку.

— Могу я спросить тебя, зачем члену Комитета Безопасности Ривальда сидеть рядом с прислужником Хамилайской империи и тем более разговаривать с ним?

— Тысяцкий Крофт Харкер объяснил вам минувшей ночью, что мои соплеменники и я не являемся членами Комитета. Как гражданские лица, мы не имеем на это права. Ведь революцию осуществила Боевая Ассоциация.

Идальго собрался было возразить своему собеседнику, но передумал. Этому человеку незачем знать о его с Паймером подозрениях.

— В таком случае, полагаю, что наша встреча состоялась с ведома Комитета Безопасности, — сказал он.

— Это для тебя действительно важно?

— Как ближайший помощник герцога Паймера Кевлерена, я не допущу, чтобы его дипломатическая миссия была чем-то скомпрометирована.

Атилас понимающе кивнул.

— Ясно. Даю тебе слово, что Комитет Безопасности в курсе этой встречи.

— Но зато герцог не в курсе, — с нажимом произнес Идальго.

Глаза Атиласа недовольно сузились, как будто слова Избранного вызвали у него раздражение.

— Он узнает, когда ты ему об этом скажешь, — ровным голосом проговорил он, после чего разлил содержимое бутылки по стаканам. — А пока давай посидим, выпьем вина.

Идальго на секунду замешкался. Пить с Атиласом ему не хотелось, но и обижать своего собеседника он тоже не желал. В конце концов он опустил на скамью и взял протянутый стакан.

— Хорошее вино, — заметил Идальго, сделав глоток.

— Ты давно знаешь герцога? Ты всегда был его Избранным или тебя приставили к нему за какие-то заслуги?

— Я поступил в услужение к герцогу, когда ему было семь лет. Я — его единственный Избранный, других у Паймера никогда не имелось. Ему никогда не нужна была многочисленная свита.

— Разумеется. Герцог ведь не владеет даром Сефида. Зачем содержать штат потенциальных жертв, если жертвоприношений не будет?

— Акскевлеры — нечто большее, нежели просто потенциальные жертвы.

— Тогда почему у Паймера их нет?

Услышанное потрясло Идальго. Во-первых, Атилас назвал его господина просто по имени, а во-вторых...

Чтобы скрыть охватившее его волнение, он сделал второй глоток вина. Конечно, Акскевлеры предназначены для того, чтобы их приносили в жертву, но большинство живут полнокровной, нормальной жизнью и доживают до глубоких седин...

— Детей отрывали от родителей, — продолжал Атилас. Идальго почувствовал, что бесстрастный голос собеседника вызывает у него нарастающее раздражение. — Они вынуждены прислуживать правящей династии пришедших с гор узурпаторов. А сколько их приняло мученическую смерть! Тебе крупно повезло, что Паймер не обладает даром Сефида. По сравнению с остальными ты просто счастливчик.

Идальго был уверен, что Атилас сейчас добавит нечто вроде «Счастливей, чем остальные из нас».

— Вообще-то обладание Акскевлерами — это разновидность утонченной жестокости. Сама фамилия, которую они носят, постоянно подчеркивает их рабскую зависимость от хозяев. Они во многом напоминают животных. Правда, у них есть язык, дарующий им речь, и сердца, безраздельно любящие своих господ...

— Наши хозяева тоже нас любят, — робко возразил Идальго.

— Совершенно верно, — согласился Атилас. — Как ты и я любим верного пса.

Идальго захотелось встать и уйти, но по какой-то причине он сдержался. Возможно, потому, что Атилас только что озвучил его собственные сомнения — сомнения, на которые он привык реагировать так, как приучили его Кевлерены. Вряд ли в намерения Атиласа входило проверить, насколько он предан к герцогу, однако тот факт, что его собственные мысли только что были произнесены вслух, потряс Избранного до глубины души.

— Я значу для герцога много больше, чем верный пес!..

— Нисколько не сомневаюсь в этом, но нам известно, что твои отношения с герцогом Кевлереном носят особый характер.

С этими словами Атилас снова наполнил стаканы.

Во время разговора его улыбка сделалась печальной, даже страдальческой, как будто он терпел те же муки, что и безымянные Акскевлеры, о которых беседовал с Идальго.

— Кто же ты? — спросил Идальго.

— Атилас Акскевлерен, — признался его собеседник и, секунду помедлив, добавил: — Когда-то меня звали Атилас Ньюком.

Идальго изумленно посмотрел на него.

— Ты что-то знаешь о своей семье?

— Случайно узнал.

Идальго смущенно закашлялся: ему стало неловко за бестактный вопрос. Присутствуй при их разговоре Паймер, Избранному пришлось бы извиниться перед своим хозяином.

— Я хотел узнать, кто избрал тебя на роль Акскевлерена.

— Наверное, желаешь спросить, кто сделал из меня Акскевлерена? Однако тебе скорее всего больше всего хочется узнать о моей настоящей семье.

На этот раз Идальго все-таки встал. Разговор принимал оборот, который он посчитал опасным, едва ли не предательским.

Атилас протянул руку и взял его за рукав.

— Прошу тебя, не уходи. Я больше слова не скажу о моей семье.

— Извини. Я не могу тут больше оставаться, — сказал Идальго, хотя на самом деле был бы рад продолжить беседу.

— Давай поговорим о *твоей* семье.

— Но герцог...

— О *твоей* настоящей семье.

Голос Атиласа собеседника сделался вкрадчивым, словно ривальдиец инстинктивно понял, что с Идальго нужно действовать осторожно, чтобы он не обиделся и не ушел раньше времени. Иными словами, Атилас попытался едва ли не соблазнить Избранного Паймера Кевлерена.

— Ты не допил вино. Кроме того, президент с герцогом еще не закончили свой долгий разговор.

Идальго остался стоять, однако уйти уже не пытался.

— Что тебе известно о моей семье? — спросил он и сразу же добавил: — Я имею в виду мою *настоящую* семью.

— Мы с тобой разумные, понимающие люди. Мы оба знаем, что происходит в мире. Поэтому я не выдам тебе государственной тайны, если скажу, что и Хамилай, и Ривальд имеют шпионов, действующих на территории друг друга.

Атилас на мгновение замолчал, видимо, ожидая реакции Идальго на свои слова. Но Избранный герцога Паймера Кевлерена был нем, как статуя.

— Один из наших людей, находящийся на территории Хамилайской империи, выяснил — разумеется, совершенно случайно, — где живет *твоя* семья.

— Это никакой не секрет, — отозвался Идальго с легкой насмешкой в голосе. Почему-то на какой-то миг он поверил, что этот человек скажет ему нечто такое, что повергнет его в трепет,

поразит настолько, что содрогнутся сами основы жизни. — Я родился в Каstellе. Надеюсь, мои родственники по-прежнему живут там.

Атилас отрицательно покачал головой. Затем отпил глоток вина и сказал:

— Твой отец был зажиточным владельцем суконной мануфактуры. Он обычно приобретал шерсть у купцов, которые привозили ее морем, на кораблях, прибывавших в порт Каstellа...

— Мой отец?.. — изумленно переспросил Идальго. Ему стало нехорошо, как будто чья-то невидимая рука ударила ножом прямо в его сердце.

— Именно. Ему сопутствовала удача. Он скупил складские помещения. Нанял множество чесальщиков, ткачей и красильщиков. В Омеральте твой отец создал мануфактуру, которая отнимала у него почти все время. Дела шли хорошо, и семья вскоре перебралась к нему. Я имею в виду, конечно же, остальных членов семьи. Твою мать, двух братьев и сестру. У тебя была еще одна сестра. Но она умерла при родах, пытаясь дать жизнь третьему своему ребенку. Имеется у тебя также и несколько племянников и племянниц...

Идальго растерянно опустил на скамью.

— Мои мать и отец... Они живы?..

— Увы, нет.

Идальго почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Идальго!

— Когда... когда это... случилось?

— Извини, но наш шпион не сумел этого выяснить. Как я уже сказал, ему удалось лишь узнать об их кончине, да и то потому, что он занимался торговлей и имел дело с твоими родственниками. Ему удалось подружиться с одним из твоих братьев. Как-то раз, на совместной пирушке, тот обмолвился, что его старшего брата отдали Кевлеренам. Дальнейшая же судьба мальчика неизвестна. Твой брат помнил лишь имя — Идальго. И еще то, что тебя отдали кому-то из придворных, некоей высо-

копоставленной особе. Нашему согладату — он, разумеется, знал по именам всех старших Кевлеренов и их Избранных — не составило особого труда понять все остальное. Теперь он знал, откуда у Паймера появился Идальго. И посчитал, что эти сведения смогут нам каким-то образом пригодиться.

Идальго встряхнул головой, как будто пробуждаясь от кошмарного сна.

— Нам?..

Атилас сдержанно усмехнулся.

— Вот мы и вернулись к тому, с чего начали разговор. Впрочем, мы оба знали, что так оно и будет.

Идальго не совсем понял, к чему клонит его собеседник, но одно уяснил точно: Атиласу нужно, чтобы Избранный Паймера думал, будто сам Идальго направляет разговор в нужное русло.

— А что такое Комитет Безопасности?

— Это — мы. Те, кого ты с герцогом видел прошлой ночью. Военные и гражданские.

— И все гражданские — Акскевлеры?

— Больше чем Акскевлеры.

Идальго пристально посмотрел на Атиласа.

— Значит, вы все — Избранные?

— Мы были ими.

— И Избранная королевы Сарры тоже?

Атилас отвел взгляд в сторону.

— Нет. Джалале осталась...

— Верна... — закончил за него фразу Идальго.

— Верна старым обычаям, — нехотя кивнул Атилас, и Идальго лишь сейчас уловил в его голосе легкую нотку грусти. — Верна Кевлеренам.

Ривальдиец оглянулся по сторонам, затем снова повернулся к Избранному Паймера. На его лице снова заиграла саркастическая улыбка.

— Но, как оказалось, верность Ривальду она не сохранила.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

Атилас только развел руками.

— Чтобы открыть для тебя мир, Идальго. Чтобы ты увидел то, что находится за горизонтом.

Обсуждение самых разных вопросов — включая проблемы торговли, таможенных пошлин и стычек на границе — длилось примерно час, после чего беседа между Паймером и Харкером прекратилась сама собой.

Они сидели молча в окружении вековой премудрости бесчисленных книг, потягивая вино и проникшись взаимным недоверием. Паймер уже было подумал, что вряд после этого разговора будет принято какое-либо существенное решение, но тут Харкер неожиданно покашлял в кулак и сказал:

— Самую щекотливую тему я оставил под конец нашей беседы.

Паймер вопросительно посмотрел на президента Комитета Безопасности и подумал о том, сколько же еще щекотливых тем им предстоит затронуть. Однако, будучи гостем, он не пожелал делать первый ход.

Герцогу хотелось, например, узнать, удастся ли ему встретиться с Кевлеренами, пусть даже в присутствии посторонних. Он также желал осведомиться, сколько еще придется ждать решения Комитета Безопасности о создании постоянной дипломатической миссии Хамилая в Беферене, необходимости в которой раньше не было, поскольку местные Кевлерены могли сноситься со своими братьями на территории империи при помощи Сефида. Паймеру хотелось быть в курсе планов Комитета Безопасности относительно здешних Кевлеренов. Если эти вопросы еще не были официально рассмотрены Харкером или другими членами Комитета, то в конечном итоге ему, посланнику императрицы Лерены, придется поднять их, невзирая на возможные нарушения дипломатического этикета.

— Это касается ваших родственников...

Паймер натужно рассмеялся.

— Каких именно? Кевлеренов на свете много.

— Я имею в виду Генерала Третьего Принца Мэддина Кевлерена.

— Продолжайте, — после секундной паузы сказал герцог.

— Мы получили сведения о том, что генерал недавно покинул континент. Признаюсь вам, нам стало известно, что его отъезд состоялся сразу после отправки главной экспедиции, имеющей целью создание новой колонии на Каеле.

— И что из этого следует?

— На остров Каел будущие колонисты отправились в сопровождении нескольких сотен профессионально обученных воинов. А корабли, на которых они плывут, оснащены лонггонами.

— Собственно говоря, лично мне об этом практически ничего не известно...

— Но в порту Сомы видели, как вы провожали генерала в плавание.

— Что ж. Меня иногда приглашают на подобные официальные мероприятия, — сказал с невозмутимым видом Паймер и пожал плечами.

— Но на Каеле нет никакой опасности для колонистов. Там вовсе не требуется присутствие такого количества солдат.

— Однако остров еще толком не освоен.

— Да неужели, ваша светлость? Даже наши люди нашли время, чтобы хорошенько изучить его прямо у вас под носом... Нам также известно, что местные жители, подобно всем остальным подданным империи, хранят верность императрице Лерене. Куда же все-таки держит путь экспедиция?

— Не думаю, чтобы это каким-то образом касалось вас, — ответил Паймер. — Хамилайские колонии не имеют никакого отношения к делам Ривальда.

— До тех пор, пока они не затрагивают интересов нашей страны. Давайте не будем ходить вокруг да около, ваша светлость. Нам с вами прекрасно известно, что вы знаете о колонии

Сайенна на Новой Земле. Мы не допустим никаких посягательств на нашу территорию — ни здесь, ни где-либо еще.

— Даю вам честное слово, что экспедиция под командованием принца Мэддина Кевлерена не преследует никаких интересов в Сайенне. Кстати, красивое название.

— Но зачем же тогда посылать в те края солдат? — гнул свою линию Харкер, не желая отвлекаться от главной темы.

— Не каждому в Новой Земле понравится появление у стен своего дома нескольких сотен человек с другого берега Бушующего моря.

— Кидан.

Услышав это короткое слово, Паймер невольно покраснел, как будто его и впрямь уличили в посягательстве на интересы Ривальда. Однако он быстро справился с собой и удивленно поднял брови.

— Комитет Безопасности хотел бы сообщить вам, что Кидан находится в сфере наших интересов на Новой Земле.

Вот тут герцог растерялся. Ему показалось, что он плохо расслышал слова Харкера.

— Комитет Безопасности желает иметь гарантии того, что ее величество императрица Лерена правильно понимает нашу позицию в этом вопросе. Сайенна вызывает у нас самую серьезную озабоченность. Комитету Безопасности не хотелось бы лишаться своей единственной заморской колонии сразу же после прихода власти в государстве. С другой стороны, судьба чужого города, который может причинить больше бед, чем он того стоит, безразлична Комитету Безопасности.

Паймеру показалось, что он снова ослышался. Хотя ни сам герцог, ни Лерена не ожидали, что Кидан станет предметом спора между Хамилаем и Ривальдом, что два народа пойдут из-за него друг на друга войной, однако и он, и императрица предполагали, что город можно будет использовать в качестве дубинки, которой Хамилай попытается добиться уступок в других вопросах.

Паймер погрузился в долгое молчание. Но последняя фраза, произнесенная тысяцким, всплыла на поверхность его сознания, будтодохлая рыба.

— Больше бед, чем он того стоит? — переспросил герцог.

Президент Комитета безопасности мрачно улыбнулся.

— Это мы предоставляем решать вам. В конце концов, это ведь ваша экспедиция.

К ним подошел слуга, чтобы заново наполнить графин вином, но Харкер жестом остановил его.

— Остались ли еще какие-то вопросы, которые ваша светлость желали бы обсудить?

Паймер отрицательно почал головой, продолжая думать о том, что президент Комитета Безопасности сказал о Кидане.

— В данный момент — никаких. Хотя ответы еще на некоторые вопросы мне хотелось бы услышать от вас до момента моего возвращения в империю.

— Разумеется, — добродушно ответил Харкер. — Уверен, что вы желали бы узнать, как поживают ваши здешние родственники.

Герцог быстро поднял на него глаза. Похоже, что этим утром тысяцкий приготовил для него немало сюрпризов.

— Разумеется.

— Тогда мы с вами встретимся завтра примерно в такое же время. А сейчас, ваша светлость, я вынужден покинуть вас: меня ждет масса неотложных государственных дел.

Паймер поднялся с кресла.

— Понимаю. Я и так отнял у вас слишком много времени. Комитет Безопасности был крайне любезен ко мне. Значит, встретимся завтра.

Харкер повернулся к слуге.

— Пожалуйста, проводите герцога в его апартаменты.

Обменявшись рукопожатием с президентом, герцог вслед за слугой вышел из библиотеки.

Он был слишком погружен в раздумья и потому не заметил, что возвращается обратно к себе другой дорогой. Проходя через внутренний дворик, Паймер увидел своего Избранного.

Идальго о чем-то оживленно беседовал с человеком, который был среди тех, кто прошлой ночью встречал имперского посланника.

Один из изменников-Аксевлеренов.

ГЛАВА 19

Гэлис Валера попыталась не думать о кортике на тяжелой перевязи. Она не носила холодного оружия с тех пор, как много лет назад убила ривальдийского офицера, Лебаретта. И сейчас ей претила эта затея, однако Мэддин настоял на своем, и стратег была вынуждена подчиниться.

Покопавшись в одном из огромных сундуков, принц вытащил из него церемониальный кинжал с навершием эфеса в форме имперской короны, с обтянутой кожей рукояткой и похожей на подкову гардой. Однако нацепить на себя что-либо столь официально-помпезное Гэлис наотрез отказалась: поступаться гордостью до конца ей совершенно не хотелось. Тогда один из моряков вручил девушке трофейный ривальдийский кортик в ножнах — изящную штучку, настоящее произведение искусства, инкрустированное золотом и серебром. Моряк помог ей надеть перевязь и отошел в сторону, восхищенно любуясь грозной амазонкой.

— Совсем другое дело. Любо-дорого посмотреть, — с довольным видом произнес он.

Суденышко качнулось на волне, и Гэлис машинально ухватилась за планшир. К горлу подступила тошнота; чтобы унять ее, стратегу пришлось сделать несколько глубоких вдохов. Кортик ударился о корабельную банку, на которой она сидела.

«Думай о чем-нибудь другом, — приказала себе Гэлис. — Еще раз прикинь, что будешь делать, когда окажешься в Кн-дане».

Прежде всего нужно благополучно высадиться на берег. Несмотря на то что солнце уже давно опустилось за линию горизонта, а сумерки сгустились настолько, что вот-вот должны были перейти в темноту, стратег различила берег, лежавший примерно в трех лонгъярдах от корабля, а также темные очертания мангровых рощ.

Второе. Нужно по возможности благополучно пройти через заболоченные леса до того момента, как окончательно стемнеет, и постараться по пути избежать неприятностей вроде крокодилов и прочей гадости.

Третье. Оставаясь незамеченными, пробраться в дом родственников Поломы и там заняться собором сведений о состоянии оборонительных сооружений города, дислокации и численности ривальдийских войск.

Четвертое. До рассвета собрать как можно больше сторонников Поломы, желающих присоединиться к восстанию, и, если удастся, захватить в плен или убить ривальдийских Кевлеренов.

Пятое. С наступлением рассвета способствовать высадке главных сил под командованием Генерала Третьего Принца Мэддина Кевлерена.

Шестое. Остаться в живых.

Гэлис на мгновение задумалась. Ах да, есть еще и седьмое. Позаботиться о собственном будущем и будущем той, за кого она с готовностью отдаст жизнь, — прекрасной Китайры Альбин. Надо сделать все, чтобы на их долю больше никогда не выпало бед и страданий.

Разумеется, завтра пункт седьмой осуществить не удастся. Но если не случится ничего из ряда вон выходящего, можно будет заняться и планированием будущего.

Стратег оглянулась через плечо. Мачты «Англафа» теперь лишь смутно вырисовывались над волнами. Корабль скоро скро-

ется с глаз тех, кто находится на берегу, но завтра все будет по-другому, когда он пристанет к острову Херрис, чтобы высадить на берег несколько сотен пехотинцев и кавалеристов. А уж потом в воды Киданской бухты войдут остальные корабли флотилии.

В сутках пути от «Англафа» находятся четыре транспортных судна, переоборудованных для перевозки людей. Если все пройдет удачно, то колонистов можно будет высадить на самом северном острове, Кархее. Если же, напротив, экспедицию постигнет крах, корабли отплывут обратно в Хамилай и жизнь пассажиров будет спасена.

Гэлис продолжала смотреть на удаляющуюся шхуну: на «Англафе» осталась ее возлюбленная любимая Китайра, а также Мэддин и Гос. Затем девушка перевела взгляд на средний из трех островов, Херрис, где проживало больше всего людей и на котором раскинулся город Кидан.

Теперь мангровые деревья казались значительно ближе, чем раньше. Полома сидел на планшире прямо перед девушкой, загораживая собой почти весь обзор. Гэлис рассеянно подумала, знает ли бывший префект, что у него поредели волосы на макушке, и стоит ли сказать ему об этом. Она улыбнулась при мысли о том, что Полома в один прекрасный день облысеет. Мальвара сильно напоминал Гэлис отца, только кожа у него была более темная.

Неожиданно от волнения у стратега перехватило горло. Вряд ли ей когда-либо доведется увидеть свою семью... В последний раз, когда все ее близкие собрались вместе, она пребывала в депрессии, была чертовски несдержанна, если не груба. Гэлис оставила университет ради блага родственников — и в равной степени ради собственного блага. Когда-то она любила всех — и родителей, и обеих сестер. Теперь же ее любовь к ним приобрела абстрактный характер. С тех пор как Китайра спасла Гэлис, вытащив из марка безысходности, вся прошлая жизнь девушки словно оттородилась от настоящей каким-то занавесом. Все, что было раньше, представлялось зыбким, словно полузабытый сон.

До берега оставалось совсем немного. Гэлис даже смогла различить отдельные мангровые деревья. Они имели причудливую форму, а их темные листья покрывал налет морской соли. Прибрежная вода пахла растительной гнилью и тухлыми яйцами.

Боцман приказал гребцам сушить весла и при помощи шеста подогнал баркас ближе к заболоченному берегу. Солдат, стоявший на носу, помогал ему тем, что хватался за ветви деревьев, а затем отталкивался от них. Увы, остальную часть пути им придется проделать на своих двоих.

Медленно, чтобы производить как можно меньше шума, все двенадцать человек, находившихся на баркасе, соскользнули за борт. Вода доходила до пояса. Гэлис была готова к тому, что вода окажется холодной, однако, к ее удивлению, та оказалась теплой. Ощущение было такое, будто погружаешься в остывшую ванну; правда, дно тут было чрезвычайно вязким.

Когда весь отряд покинул суденышко, боцман и еще один моряк осторожно оттолкнулись шестом от берега и, выплыв из-под полога мангровых деревьев, налегли на весла. Вскоре баркас полностью растворился в сгущающейся тьме.

Оказавшись посреди прибрежного болота под покровом ночной темноты, отряд сбился в кучу. Гэлис еле слышно откашлялась и негромко сказала:

— Полома, мы готовы следовать за тобой. Я пойду замыкающей. Двигаемся цепочкой, след в след. Сейчас ничего не видно, так что все полагаемся на слух. Соблюдаем молчание, без необходимости никто не должен произносить ни единого слова.

Полома повел отряд вперед. Бывший префект двигался с грацией фламинго — создавалось впечатление, будто его ноги совсем не проваливались в густой, вязкий ил. Деревьев он касался лишь кончиками пальцев, как будто боялся запачкать руки. Остальным путь давался не так легко: кроме того, солдаты ста-

рались не намочить свои огнестрелы. Для Гэлис труднее всего было вытаскивать ноги из трясины. Ее преследовал страх, что она провалится в глубокую яму и навеки там останется. Очень скоро девушка уже вся перемазалась в густой, омерзительно пахнущей грязи.

Не способствовала продвижению отряда и безлунная ночь. Впрочем, это позволяло надеяться, что на суше высадку отряда не заметят. Низко висящие ветки деревьев выдирали клочья волос, покрытые шипами листья безжалостно раздирали кожу на руках и лицах, крабы цепко хватали за пальцы.

К моменту, когда вода достигла уровня колен и почва под ногами сделалась значительно тверже, с момента высадки прошло не меньше двух часов. Отряд и без того устал от плавания в баркасе, а теперь с великим трудом преодолевал последний отрезок пути к берегу.

Когда воины наконец выбрались из липкой грязи на сухое пространство, все как один едва не поддались искушению броситься на землю и тут же заснуть. Сказывалась не только физическая усталость, но и нервное напряжение, вызванное отсутствием ориентиров, невозможностью видеть цель ночного марша, опасением быть замеченным береговой стражей или стать жертвой голодных крокодилов. Однако Гэлис никому не дала расслабиться. Максимум, что она позволила солдатам, это лишь немного перевести дух. Чем скорее они окажутся под крышей родного дома Поломы, тем лучше. Там они будут в полной безопасности. Ладно, пусть даже не в полной, зато там наверняка нет этой мерзкой, зловонной болотной жижи.

Берег постепенно стал подниматься. Впереди показались участки обрабатываемой земли и нечто, похожее на фруктовые сады. Однако никаких жилых домов поблизости не было видно. Полома нашел узкую тропинку и зашагал по ней. Гэлис поспешила вслед за ним; догнав, велела свернуть в сторону: ведь если вдруг этой ночью в поле окажется кто-то из местных жителей, он наверняка предпочтет идти по тропе.

Вскоре отряд хамилайцев приблизился к какому-то поселению. Солдаты двигались, стараясь пригнуться как можно ниже к земле. Они часто останавливались, прислушиваясь, не идет ли кто-нибудь. По словам Поломы, во время половодья береговая стража утрачивает свою обычную бдительность, однако возле болот несет вахту зорко, потому что сама опасается крокодилов.

Дойдя до ближайших к берегу домов, отряд разделился. Солдаты по одному уходили в ночь, направляясь в глубь киданской территории.

Рукоятка кортика больно упиралась Гэлис в бок. Грязь на коже постепенно начинала высыхать, отчего все тело отчаянно чесалось. Проходя мимо первого попавшегося им на пути дома, Гэлис внимательно рассмотрела его.

Дом был сложен из массивных камней и толстых бревен, отчего казался темным и довольно-таки зловещим. Сквозь плотные занавески на маленьких квадратных окнах слабо пробивался свет. Типичное киданское строение, подумала Гэлис, когда хамилайцы двинулись дальше. Интересно, что заставило людей выбрать столь неудачное решение? Почему не строили по-другому — ведь в Кидане, по словам Поломы, так много солнца и света!..

Наконец весь отряд собрался за невысоким плетнем. Полома жестом подозвал к себе Гэлис.

— Это граница дома моей семьи, — прошептал он.

— Граница?..

— Это наше поместье. Оно довольно большое, — пояснил Полома. — По киданским меркам наша семья долгое время считалась зажиточной. У нас имеются обширные поля, где мы выращиваем хлеб и овощи, и еще собственный фруктовый сад. Ждите меня здесь, я скоро вернусь.

— Что делать, если здесь кто-нибудь появится?

— Стража тут никогда не ходит — во всяком случае, при мне не было таких случаев. Если меня все-таки заметят, то примут за местного. Подумаешь, просто человеку вздумалось со-

вершить ночную прогулку... В случае чрезмерно долгого моего отсутствия дальнейшие решения принимайте самостоятельно, но мой вам совет: лучше будет вернуться к болоту и дать сигнал кораблю, когда он утром будет направляться к Херрису.

Гэлис еле сдержалась, чтобы не застонать. Что угодно, лишь бы не снова жуткий марш по болоту!..

Девушка покорно кивнула, и Полома ушел. Остальные воины устроились на земле возле плетня, желая остаться незамеченными.

Вернулся бывший префект неожиданно быстро. Что-то стряслось, подумала Гэлис, однако Мальвара приказал как можно скорее следовать за ним.

— Не всем слугам моей семьи теперь можно доверять. Если мы поторопимся, никто не заметит вашего появления здесь.

Отряд быстро и без особого шума стал передвигаться от одного строения к другому, пока не приблизился к жилому дому.

Сквозь приоткрытую дверь через весь двор пролегла узкая полоска света. Полома подвел их прямо к порогу. Оглянувшись по сторонам, он распахнул дверь шире и, впустив товарищей, вошел внутрь сам.

Гэлис оказалась в большой квадратной комнате, в которой пахло чуть подгнившими овощами и еще, но совсем чуть-чуть, лавандой. В тусклом свете единственного фонаря, подвешенного к потолочной балке, были видны стены, увешанные пучками сушеных трав и связками лука и чеснока, и полки, уставленные кувшинами с какими-то соленьями и маринадами. Воздух в помещении был сухим и холодным.

За спиной стратега раздался громкий женский голос.

Гэлис и остальные солдаты обернулись. У двери, через которую они только что вошли, стояла невысокая седовласая женщина. Одета она была в тунику из светлой шерстяной ткани, перехваченную поясом из замысловато сплетенных водорослей. Полома быстро шагнул к женщине и что-то сказал на своем родном языке. Затем он попросил Гэлис подойти ближе. Стратег

сняла руку с кортика и жестом велела солдатам опустить стволы огнестрелов.

Ей еще ни разу не доводилось слышать, как Полома говорит по-кидански. Этот язык показался ей более резким, чем хамилайский; кроме того, в нем было много гортанных звуков. Гэлис уловила в речи бывшего префекта свое имя и имя принца.

— Гэлис, это моя мать, Соркро, Мудрость Мальвары, Первой семьи.

Полома взял руку матери и соединил ее с рукой Гэлис. У женщины кожа была грубая и морщинистая, покрытая пятнами старческой пигментации.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, — произнесла Гэлис. Полома тут же перевел.

Соркро молча выслушала слова сына. Ее губы растянулись в довольной улыбке. Глаза у нее были незрячие, белесые и матовые, как облака. Гэлис попыталась убрать руку, но пожилая женщина сжала ее еще крепче.

— Хехер, — произнесла она непонятное слово.

— Подожди, — перевел Полома.

Соркро подняла вторую руку, прикоснулась к затылку Гэлис и что-то сказала. Мальвара снова стал переводить.

— Эта женщина много повидала и многое совершила, несмотря на свои юные годы. — Тут Соркро перевернула руку Гэлис тыльной стороной вверх. — Ей ведома мудрость, ее взгляд смело устремлен в будущее и... — Соркро вздрогнула, но хватку не ослабила, — ...она убивала.

Полома вопросительно посмотрел на Гэлис.

— Не этой ночью, — быстро ответила та, прочитав его мысли.

— Нет, не этой ночью, — произнесла Соркро, и ее сын стал переводить дальше. — Это было давно. — Улыбка старой женщины сделалась еще шире. — И она желает добра мне и моей семье. Я это чувствую.

С этими словами мать Поломы выпустила руку девушки.

— Я чую странный запах, — добавила она, и Полома опять перевел.

— Это болотная грязь, — смутившись, ответила Гэлис.

— Нет, — возразила Соркро. — Запах болотной тины мне хорошо знаком. Это что-то другое, новое, мне не знакомое. Что-то твердое, сделанное рукой человека. Его запах висит над вашими людьми подобно облаку.

Гэлис нахмурилась, но в следующее мгновение кто-то из солдат у нее за спиной щелкнул затвором.

— Это гонблеки, — объявила Соркро.

— Гонблеки?

— Мои друзья — солдаты, мама, — пояснил Полома. — У них имеются...

— Огнестрелы! — возбужденно перебила сына Соркро и что-то быстро произнесла на своем языке. Полома не успевал переводить ее слова.

— Моя мать слышала о них от одного ривальдийца, но никогда не прикасалась к таким предметам...

Соркро задала вопрос, и ее сын перевел:

— А что делают с гонблеками?

— В них взрывается порох, который с огромной силой выбрасывает из дула кусочки свинца, — ответила Гэлис.

Старая женщина одобрительно кивнула.

— Вам понадобится сила, чтобы сделать то, чего желает мой сын!

Она снова протянула девушке руку.

— Стратег Гэлис Валера, спасибо тебе, что привела ко мне моего сына. Я уже думала, что мне больше никогда не прикоснуться к нему.

— Вам следует благодарить принца Мэддина Кевлерена, а не меня, Мудрость Мальвары, — ответила Гэлис.

Соркро потянула ноздрями воздух.

— Я чувствую, как от тебя исходит запах болотной жижи. Если хочешь, чтобы здесь никто не догадался, что ты при-

плыла сюда и шла через болото, то тебе нужно помыться. Я распоряжусь, чтобы для вас нагрели воду и принесли чистую одежду.

— Киданская одежда нам действительно пригодится, — подтвердила Гэлис. — И ванна тоже пришлась бы кстати.

— Боро, мама... — начал было Полома, но Соркро жестом велела сыну замолчать, отпустила его руку и направилась к двери на противоположной стороне комнаты.

Солдаты расступились перед ней подобно тростнику, раздвигаемому цаплей.

— Все прошло хорошо... — заговорила Гэлис, как только Соркро скрылась за дверью, но оборвала фразу, заметив слезы на щеках Поломы. — Что случилось?!

— Я остался последний, — дрогнувшим голосом ответил тот. — Из всей нашей семьи — отца, брата и сестры — я остался один.

— Мне очень жаль, Полома, я искренне сочувствую тебе...

— Они погибли из-за меня. Плутократы казнили их, стремясь отомстить именно мне... Это я виноват в их гибели.

— Нет, Полома, ты не виноват. Виноваты твои враги.

— Мать хочет, чтобы я отомстил за них.

— А как же иначе?

— Но я не могу, — ответил Полома и стыдливо опустил глаза. — Я не могу вернуться в родной дом лишь для того, чтобы начать новую жизнь с кровопролития.

Гэлис успокаивающе положила ему на плечо руку и почувствовала, что Полома дрожит. Ей захотелось ласково, по-матерински взять его за руку, но она не осмелилась этого сделать.

— Мэддин тоже не желает кровопролития. Он поговорит с твоей матерью и все ей объяснит.

В дверь, через которую вышла Соркро, постучали.

Один из солдат сделал движение, собираясь открыть, но Полома опередил его и жестом велел всем прижаться к стене. Затем он осторожно приоткрыл дверь.

В комнату буквально вкатилась какая-то женщина. Когда перед ней выросла Гэлис, она застыла на месте, удивленно поднеся руку к губам. Незнакомка была такого же невысокого роста, что и Полома, но настолько толста, что ее локти скрывались под складками плоти. Темные волосы с нитями седины собраны в пучок. Такая же туника, как и у Соркро, но из простой ткани и с более коротким подолом. Женщина встревоженно огляделась по сторонам, однако, заметив Полому, радостно вскрикнула и бросилась к нему. Бывшего префекта ее появление тоже обрадовало: его лицо просияло улыбкой, и он раскрыл объятия. С силой, удивившей Гэлис, Мальвара подхватил толстушку на руки.

Какое-то время они возбужденно говорили по-кидански, то плача, то смеясь от радости. Присутствующие в смущении переминались с ноги на ногу.

— Твоя родственница? — осмелилась спросить Гэлис, когда суматоха немного улеглась.

Полома непонимающе посмотрел на нее, как будто на миг забыл о присутствии посторонних.

— Хэтти? Родственница? Нет, она моя... — Он попытался найти правильное слово. — Как называют ту, которая присматривает за детьми?

— Няня, — подсказала Гэлис.

— Верно! Хэтти была моей няней.

— У тебя была нянька?

Хэтти улыбнулась Гэлис, как будто поняла ее слова. Девушка не смогла удержаться и улыбнулась ей в ответ. У няни Поломы было широкое розовощекое лицо и огромные карие глаза.

— Я рада знакомству с ней, — сказала Гэлис, и Мальвара перевел сказанное.

Хэтти задала какой-то вопрос, и Полома покраснел. В ответ он ограничился короткой фразой и отрицательно покачал головой. Вид у него при этом был довольно смущенный.

— Она спросила, являешься ли ты моей спутницей...

— Конечно, являюсь, — кивнула девушка.

— ...которая делит со мной ложе, — виновато договорил Полома.

Гэлис так энергично замотала головой, что Хэтти не могла не понять ее.

Полома и его нянька заговорили снова, на этот раз более серьезным тоном. Когда они закончили разговор, Хэтти вышла из комнаты, а Мальвара объяснил присутствующим, что его мать распорядилась нагреть воду для всего отряда. Однако потребуются время, придется немного подождать. Сейчас Хэтти принесет еду и питье.

При одном упоминании о пище в животе Гэлис заурчало.

— Нам еще долго оставаться здесь? — спросила она.

— Ну скажем так: какое-то время. В этой части дома хранятся съестные припасы, поэтому ночью сюда никто не зайдет. Мать говорит, что нынче можно доверять далеко не всем нашим слугам. Так что говорите как можно тише. Те, кто находится в доме, не должны услышать хамилайскую речь, это может вызвать подозрения.

Вскоре в комнате снова появилась Хэтти с подносом, уставленным снедью. Поставив его на пол, она вышла и вернулась с новой порцией пищи, двумя кувшинами пива и несколькими деревянными кружками. Затем ушла снова — видимо, для того, чтобы посмотреть, как греется вода для мятья.

Гэлис и ее солдаты уселись на пол и с нескрываемым удовольствием приступили к трапезе. Во время морского путешествия им приходилось довольствоваться скудным корабельным рационом, и поэтому все с жадностью набросились на мясо и овощи.

Несмотря на то что пища была приготовлена необычно, с добавлением местных специй, а пиво имело непривычный сладковатый привкус, все ели с завидным аппетитом. Гэлис не сразу заметила, что Полома сидит в стороне от остальных, прижавшись спиной к стене и задумчиво устремив взгляд в простран-

ство. Она ощутила легкий укол совести: они едят, а он сидит в одиночестве!

Девушка отставила кружку с пивом в сторону, вытерла губы тыльной стороной ладони и подседа к бывшему префекту.

— Ты, должно быть, очень страдаешь. Это надо же — вернуться домой и узнать, что твои близкие погибли, — сказала она.

— Вообще-то я знал об этом еще до возвращения сюда, — признался Полома, стараясь, что его голос звучал ровно. — Я все время мысленно убеждал себя, что нужно надеяться на лучшее, но теперь понимаю, тем самым лишь готовился к неизбежному... Брат прекрасно знал, что нашей семье придется дорого заплатить за мое бегство. Но я притворялся, пытался обмануть себя, будто все обойдется.

— Тебе известно, кто именно из плутократов виновен в гибели твоих близких?

— Главу плутократов, объединенных в Ассамблею, зовут Майра Сигни. Это тот самый богатый торговец, который вывел солдат на площадь перед зданием Ассамблеи.

— Все плутократы занимаются торговлей?

Мальвара отрицательно покачал головой.

— Моей семье основное богатство принесла торговля, но здесь есть и немало землевладельцев — причем и тех, кто на моей стороне, и тех, кто связался с плутократами. Разница лишь в наших взглядах на жизнь. Плутократы убеждены, что те, у кого деньги, имеют право помыкать другими людьми.

— А чьи интересы стал бы отстаивать ты, если бы оказался в составе Ассамблеи?

Полома горестно усмехнулся.

— В этом-то и состоит ирония судьбы. Мне не хватило сообразительности собрать вокруг себя сторонников. Будь у меня достаточно времени и верных людей, мы бы, несомненно, создали свою фракцию... но сначала я выступал против плутократов как таковых. В ту пору у меня не было своих политических взгля-

дов. Майра Сигни это вовремя понял и смог собрать силы, которые и двинул против нас. Мы же были лишь малочисленной группой близких по духу друзей.

Интересно, подумала Гэлис, а сумел бы Полома довести эту ситуацию до понимания Мэддина? Принц скорее всего посчитал бы, что на родине бывшего префекта возникла мощная политическая оппозиция, ожидающая благоприятной ситуации и готовая вступить в бой, как только Мальвара призовет их и вдохновит личным примером. Китайра тоже, по всей видимости, могла поверить в это.

— Твои друзья на этот раз поддержат тебя? — спросила Гэлис, нервно облизнув губы.

— Те, кто все еще остается моими друзьями, — да, — устало ответил Полома. — Два года, проведенных вдали от дома, — большой срок. Моя мать убеждена, что во всем виноват лишь Сигни. Для нее главное — месть, а не политика.

Когда вода нагрелась, Хэтти первыми отвела мыться Полому и Гэлис. Она проводила гостей в деревянный сарай, где стояла огромная жестяная ванна, полная горячей воды. Затем вышла, чтобы отвести Полому в соседнее помещение.

Гэлис торопливо разделась и с наслаждением залезла в ванну. Она моментально почувствовала, как уходят прочь усталость и напряжение. Скоро Хэтти вернулась, чтобы забрать грязную, пахнущую болотной жижей одежду гостей. Нянька демонстративно несла вещи девушки в вытянутой руке, как можно дальше от носа.

Рядом с ванной, на табуретке, Гэлис нашла мочалку и брусок мыла, которыми принялась яростно стирать с себя присохшую к коже грязь. Наконец ей удалось соскрести с тела противную корку, и она почувствовала себя так, будто заново появилась на свет. Затем девушка встала и облила себя водой, чтобы смыть мыльную пену.

На массивной деревянной полке лежали две стопки сложенной одежды. В первой оказались поношенные брюки, во второй — па-

русиновые рубашки. Гэлис вытерлась полотенцем, затем порывалась в одежде, выбрала себе подходящий по размеру наряд и облачилась в него.

Перед тем как выйти из комнаты, она бросила взгляд на ванну, из которой только что вылезла. Грязная вода в ней была похожа на болотную жижу. Интересно, подумала Гэлис, кто и куда будет выливать ее, но тут в комнату вошли двое слуг — пожилой мужчина и женщина — с огромными кувшинами горячей воды. Вычерпав грязную воду, они заново наполнили ванну.

— Энки Мальвара, — произнесла Хэтти, указывая на слуг.

Гэлис непонимающе посмотрела на нее.

— Семья Мальвара им доверяет, — раздался за ее спиной голос Поломы. Обернувшись, деушка увидела, что у него мокрые от мытья волосы и чистое, распаренное лицо. — Это самые старые слуги нашего семейства. Они старше моего отца. Если уж им нельзя доверять, то я вообще не знаю, кому можно.

В сопровождении Поломы и Хэтти Гэлис вернулась в кладовую, где хранились съестные припасы. Здесь оставались двое последних солдат, которых нянька Мальвары тут же увела за собой. После ванны Гэлис особенно чутко уловила исходящий от них запах.

— Это не только грязь, — угадав ее мысли, произнес Полома. — Это долгие дни без бани, проведенные на корабле.

— Он здесь, — сообщила Соркро при помощи сына, который перевел ее слова Гэлис и воинам ее отряда.

— Твоя мать знает, как его зовут? — поинтересовалась Гэлис.

— Намойя, — ответил Полома. — Намойя Кевлерен. Ты его знаешь?

Гэлис покачала головой.

— С ним был телохранитель, — продолжила Соркро, — и целая свита рабов.

— Это Акскевлерены, — кивнула Гэлис. — Он произносил заклинания после твоего бегства из Кидана?

Заметив выражение ее лица, Мальвара сощурился, но ничего не сказал.

Затем, повернувшись к матери, он перевел вопрос.

— Заклинания? — удивилась Соркро.

— С их помощью вызывают мощь Сефида.

Мать Поломы отрицательно покачала головой.

— Где мы можем найти его?

— В Цитадели, — ответил Мальвара. — Именно этого я и опасался. Нам будет нелегко туда пробраться.

— Мы в любом случае должны попытаться. Причем еще до возвращения «Англафа», — сказала Гэлис. — Нам можно рассчитывать на помощь твоих друзей?

— Трудно сказать, — пожал плечами Полома. — Я до сих пор не знаю, кто из моих старых товарищей готов нам помочь. Мать говорит, что очень многих казнили вместе с моими родственниками сразу после моего бегства.

— Когда они смогут прийти сюда?

— Мать отправила им записку вместе с надежными слугами. Наверное, скоро. Если вообще придут.

— Они не выдадут нас плутократам?

На лице Поломы проступила тревога, но он не стал отрицать того, что подобное в принципе возможно.

— В записке, которую отправила моя мать, ничего не говорится о вас. Там написано лишь о том, что я вернулся.

Слова его не слишком обрадовали Гэлис, однако беспокоиться было уже поздно.

— Отлично. Что ж, нам теперь не остается ничего другого, как ждать прибытия твоих друзей.

— Думаю, что ждать придется недолго, — отозвался Полома.

Стратег ничего не ответила, и Мальвара с матерью принялись что-то обсуждать на своем родном языке.

Пусть поговорят, подумала девушка. Кто знает, может стать-ся, им больше не суждено встретиться. Впрочем, трудно загадывать что-либо на будущее: не исключено, что весь отряд погибнет при штурме Цитадели.

Мысли Гэлис вернулись к Китайре, и она с грустью подумала о том, что они покинули Омеральт весной, когда весь город был в цвету.

Девушка трянула головой, чтобы отогнать ненужные воспоминания. Мечты о Китайре и Омеральте переместились на задворки сознания. Стратег посмотрела на солдат. Все они были воинами из личной гвардии Мэддина: преданные своему командиру, хорошо обученные, закаленные в боях. Вид у них был простецкий, все — в киданской одежде. Однако Гэлис нисколько не сомневалась, что бойцы выполняют все, что от них потребуется. В данный момент они занимались огнестрелами — проверяли, не забились ли стволы грязью, исправно ли работают спусковые механизмы. В бою всегда побеждает тот, кто успевает удачно сделать первый выстрел.

Полома и Соркро закончили разговор.

— Мы с матерью готовы встретить всех моих друзей, которые приняли ее приглашение, — сказал Полома, подойдя к Гэлис. — Если произойдет что-то непредсказуемое, никто не узнает, что вы здесь. Хэтти даст знать обо всем, и уж тогда решайте, что делать. Если все сложится удачно, то я сразу же приду за вами. Вы станете доказательством того, что меня поддерживает Хамилай.

— Но ведь твоя мать рискует жизнью, разве не так?

Полома молча кивнул. Гэлис с улыбкой посмотрела на Соркро.

— Как будет по-кидански «спасибо»? — спросила она у бывшего префекта.

— Боро.

— Боро, Соркро Мальвара.

Соркро широко улыбнулась и несколько раз поблагодарила гостью, как будто девушка оказала ей великую любезность.

«Наверно, мы действительно заслужили благодарность, — решила Гэлис. — Вернули ей сына, помогаем ему обрести прежнюю власть.

Да, но при этом мы раз и навсегда лишим Кидан независимости», — с горечью подумала она.

ГЛАВА 20

Гэлис попыталась сосредоточить мысли на Китайре. Всего несколько минут назад она не могла заставить себя не думать о ней. Теперь же, когда стратегу требовалось выбросить из головы мысли о том, что происходит в данный момент в главной части дома бывшего префекта, ей стало ясно, что образ возлюбленной сделался смутным, призрачным и неуловимым.

Гэлис сидела на полу кладовой, стараясь сохранять на лице невозмутимое и даже чуть скучающее выражение — к облегчению ее солдат. Девушка вспоминала минуты, проведенные в обществе Китайры. Летний Омеральт, восхитительный и теплый, нежные объятия возлюбленной... Безмятежные обеды в университетских кабачках, доверчиво склоненные головы. Увеселительные поездки в Вардарские горы, где ни единой души на многие мили вокруг. Однако все эти картины рассенвались как утренний туман под лучами солнца, уступая место сомнениям. А если Полому и Соркро выдал какой-нибудь предатель из числа их общих друзей? Быть может, «Англаф» все-таки засеки, несмотря на отчаянные усилия его капитана проскользнуть незамеченным? А вдруг плутократы именно сейчас готовятся к отражению возможной атаки?.. Возможно, ривальдийский Кевлерен сейчас направляется к дому Поломы, готовый в любую минуту применить против них сокрушительную мощь Сефида.

Стоп, приказала себе Гэлис. Хватит. Все будет хорошо...

Послышались чьи-то шаги. Решительные, спокойные, неспешные. Идет явно один человек.

Стратег выразительно посмотрела на солдат, и те медленно подняли огнестрелы.

Дверь открылась. На пороге стоял Полома, одетый в просторные штаны из цветастой ткани и жилет, сшитый из более плотной материи и богато украшенный вышивкой. На ногах у него были открытые сандалии. Волосы подстрижены короче, чем принято по хамилайской моде. Полома удивленно посмотрел на десять стволов, направленных ему в грудь.

— Так-то каждый может, — с иронией произнес он.

Солдаты нахмурились и опустили оружие.

— Пожалуй, нам следовало бы договориться о пароле, — пробормотала Гэлис.

— Что-то вроде специального танца, исполняемого прямо в коридоре перед дверью? — сыронизировал Мальвара.

— А у нас получится? — игриво подхватила Гэлис.

— Вполне, — улыбнулся ее собеседник. — Однако сейчас не время для танцев, к большому моему сожалению.

Его улыбка слегка угасла. Он перевел взгляд на солдат.

— Было бы лучше, если бы они ненадолго отошли в сторону. Не стоит потрясать воображение моих друзей. Во всяком случае, пока что.

Гэлис кинула, приказала солдатам подождать ее, потом собралась было последовать за Поломой, однако неожиданно остановилась и указала на свой кортик.

— Пожалуй, его тоже лучше не брать с собой.

Сняв перевязь через голову, стратег оставила ее возле двери.

Кладовая, в которой прятались хамилайцы, была соединена с главным жилым помещением узким коридором с дверьми в каждом конце.

Когда Гэлис вышла наружу, то не смогла скрыть своей радости. Из верхнего ряда окон, освещающих хоры и световые люки, открывался роскошный вид на осыпанное звездами небо. Беленные известью стены в свете фонарей и факелов казались мертвенно-бледными и значительно увеличивали окружающее пространство. Посередине находился небольшой внутренний дворик, открытый ночному небу; в центре его безмятежно журчал фонтан. В углах и нишах в изобилии расставлены деревянные скульптуры. Коридоры выходили на все стороны дома. Четвертая сторона являла собой главный вход — две широкие массивные двери.

Друзья Поломы стояли полукругом. К каждому из них подходил слуга, предлагая поднос со сладостями. Рядом стояла Соркро, беседуя о чем-то с киданцами.

Все гости были одеты столь же живописно, как и Полома, однако Соркро перещегооляла всех, облачившись в длинную тунику из пестрого тонкого материала такой красоты, что Гэлис буквально не могла оторвать глаз от него.

Позади нервно переминались с ноги на ногу слуги. Появление Поломы заставило кое-кого из присутствующих замолчать.

Соркро тоже умолкла и стала внимательно вслушиваться в речь одного из гостей. Он произносил долгие, певучие предложения, показавшиеся Гэлис чем-то вроде ритуального заклинания.

Полома легонько похлопал стратега по руке, призывая выйти вперед, чтобы ее увидели все присутствующие. Но прежде чем девушка успела сделать хотя бы один шаг, раздался настойчивый стук в дверь. Все разговоры разом смолкли, однако никто не двинулся с места.

Полома глубоко вздохнул и кивнул слуге, угощавшему гостей сладостями. Тот поспешил к двери и торопливо открыл ее.

Гэлис было не видно, кто там появился, поскольку от входа ее отделяла масса человеческих тел, однако заметила, что поведение толпы мгновенно изменилось. Те, кто стоял возле самого входа, мгновенно застыли на месте. Словно последовав их примеру, остальные тоже пришли в оцепенение. Выглядело это так, будто всех сковал леденящий холод.

Какое-то время ничего не происходило, и Гэлис оставалось лишь гадать, в чем же дело. Затем Мальвара провел ее сквозь толпу к дверям. Люди послушно расступались перед ними с какой-то почти недостойной поспешностью и облегчением. Все киданцы по-прежнему хранили довольно-таки злоеющее молчание.

После того как толпа раздалась в стороны, Гэлис наконец-то поняла, чей приход вызвал такую тревогу. Это был темноволосый мужчина, ростом даже ниже Поломы, с необычайно широким лбом и неприятно узким, заостренным подбородком. Глаза — самые холодные, какие только Гэлис доводилось видеть у человеческого существа, а выражение лица столь бесстрастное и безразличное, что девушку бросило в дрожь.

Незнакомец прибыл не один. С ним были еще трое людей, все в некоем подобии униформы — рубашки из белой шерсти, парусиновые штаны, заправленные в сапоги, широкие кожаные ремни с мечами на перевязи и черные шляпы с узкими полями, зауженными спереди.

Соркро задала какой-то вопрос, видимо, не понимая, что происходит. Полома что-то ответил ей, и она замолчала на полуслове.

— Квардо Съенна?

— Да, мама, — сказал Полома, затем спросил ее о чем-то.

Соркро покачала головой, и ее сын повторил вопрос, на это раз еще более настойчиво. Женщина с явной неохотой шагнула вперед и встала рядом с Поломой. Затем поприветствовала прибывшего. Тот ответил ей писклявой монотонной фразой; он произносил слова так, будто они были лишены всякого смысла. После этого тон Соркро изменился: в ее голосе прозвучал нескрываемый гнев. Она вспыхнула, а на губах появились крошечные пузырьки слюны. Черноволосый ответил ей по-прежнему монотонно, словно вспышка ярости пожилой женщины нисколько его не задела.

Пока шел этот обмен любезностями, Гэлис тихонько вышла в коридор, ведущий в подсобные помещения, после чего едва ли не бегом поспешила к кладовым комнатам. Ее солдаты развлекались игрой в кости, однако как только заметили свою госпожу, немедленно схватили свои огнестрелы и взяли их на изготовку. Стратег торопливо разъяснила им сложившуюся ситуацию и отдала необходимые указания. Ее выслушали молча, никаких вопросов не последовало. Проверив оружие и приготовив его к бою, солдаты стали выходить наружу.

Гэлис подняла с пола перевязь с ножнами и надела ее. Затем снова вернулась к киданцам.

Черноволосый незнакомец продолжал что-то говорить, и по его интонации девушка догадалась, что он обращается ко всем присутствующим, а не только к Поломе или его матери. При этом мужчина водил глазами по всему пространству, и взгляд его на мгновение останавливался на каждом из присутствовав-

ших. Когда же очередь дошла до Гэлис, на лице незнакомца впервые отразились эмоции.

Он спросил о чем-то Полому, и в голосе его прозвучало несомненное удивление. В следующее мгновение глаза всех, кто находился в этот момент в зале, обратились к девушке.

— Он желает знать, откуда ты родом, — произнес Мальвара, разглядывая ее кортик.

— А кто он вообще такой? — вопросом на вопрос ответила Гэлис.

— Его имя Квардо Сьенна, — ответил Полома. — Он... он был... другом моего покойного брата. Мать считала, что он будет исполнен гнева на плутократов за то, что те сделали с братом и его друзьями. Похоже, что это не так.

— Кто это с ним? Солдаты?

Полома пожал плечами.

— Они из числа бывших стражников, но после того как плутократы взяли верх, у киданцев, похоже, не осталось своего ополчения... Майра Сигни и ему подобные ни за что не будут доверять простому народу. Думаю, эти парни так же похожи на местных солдат, как и мы. Судьба города теперь в руках Ривальда.

— Какой же пост занимает Сьенна?

— Он — офицер Ассамблеи. Его обязанности состоят в том, чтобы приглашать граждан на собрания, надзирать за общественной безопасностью, руководить караульной службой, арестовывать возмутителей общественного спокойствия... вроде нас. Собственно говоря, арест он только что произвел. Сейчас Квардо читает собравшимся наставления по поводу того, какое неблагоразумие они проявили, общаясь с нами.

— Его спутники знают, как обращаться с этими жалкими сабельками, что болтаются у них на поясе?

— Они пользуются ими только при встрече с безоружными, — не смог удержаться от улыбки Полома.

В следующее мгновение Квардо Сьенна довольно резким тоном задал ему какой-то вопрос.

— Ему не понравился мой смех, — пояснил Гэлис Полома.

— Отлично, — отозвалась Гэлис и тоже рассмеялась. Затем еще ближе подошла к Соркро и ее сыну. — Пожалуй, пора сказать ему, кто я такая.

Гэлис спокойно выдержала недовольный взгляд Сьенны, сделала паузу и заговорила. Полома сразу же принялся переводить ее слова.

— Меня зовут стратег Гэлис Валера, я офицер при дворе Генерала Третьего Принца Мэддина Кевлерена, двоюродного брата императрицы Лерены, властительницы Хамилайской империи, прямой наследницы великого Эмбера Завоевателя, первого императора. Кто вы и каков ваш титул?

Полома перевел все ее слова. Глаза Сьенны удивленно расширились, а лицо заметно побледнело. Стратегу оставалось только надеяться, что сказанное произвело аналогичное впечатление и на спутников этого неприятного человека.

Услышав ее вопрос, Квардо сначала замялся, а затем довольно нервно ответил — по-видимому, сильно смущенный тем, какой оборот приняли обстоятельства. Он явно утратил контроль над ситуацией. Гэлис, напротив, была полна решимости. Главное — не дать ему снова перехватить инициативу в свои руки.

— Он говорит, что его имя Квардо. Он — Протектор Сьенны, Первой Фамилии и офицер Киданской Ассамблеи.

Сьенна продолжал что-то говорить. Выслушав его, Полома рассмеялся.

— Кроме того, он утверждает, что является прямым наследником Мафури Сьенны.

— А кто это? — переспросила Гэлис.

— Глава одного из первых семи семейств Кидана.

— Он был воином? — поинтересовалась Гэлис.

— Нет, он был рыбаком... Вовсе не из той славной когорты, к которой принадлежал Эмбер.

Сьенна сказал еще что-то, на этот раз обращаясь к Поломе, и указал на Гэлис.

— Он требует объяснений. Желает узнать, почему вы оказались здесь.

— Скажи ему, что у него нет права требовать от меня чего-либо. Я стану отвечать только моему принцу.

Полома перевел. Съенна от возмущения поперхнулся и закрытал: этот звук слышали все присутствующие. Затем, взяв еще более высокую ноту, Квардо заговорил снова. Шестеро его спутников быстро обменялись озабоченными взглядами. Стычка с полномочным представителем столь могущественного принца явно не входила в их планы.

— Он говорит, что вы находитесь в Кидане, где следует подчиняться местным законам и обычаям, установленным Ассамблеей города, — перевел Мальвара.

— Ах, так вот в чем дело, — задумчиво произнесла Гэлис, обращаясь скорее к себе самой, чем к Поломе. — А как он хочет поступить со всеми вами?

— Собирается отвести нас в Цитадель, — ответил ей бывший префект. — По всей видимости, он желает представить нас Намойе Кевлерену.

Съенна что-то пролаяла в сторону Поломы. Гэлис предположила, что неприятному киданцу не нравится, когда на него не обращают внимания. Она хмыкнула про себя, продолжая делать вид, что не замечает Квардо.

— Думаете, что он хочет сделать сюрприз Намойе Кевлерену? Или же Кевлерен сам отправил его сюда?

Полома задумчиво наморщил лоб.

— Мне кажется, Съенна делает это по собственной инициативе, чтобы добиться расположения Ривальда и плутократов.

— Согласна. Я того же мнения, — сказала Гэлис, бросив взгляд на верхние окна на восточной стороне дома. Небо постепенно светлело. Затем стратег улыбнулась Съенне. — Хорошо. Не будем заставлять протектора ждать. Думаю, всем нужно увидеться с Кевлереном.

Полома перевел. В зале послышались удивленные возгласы. Лишь одна Соркро презрительно усмехнулась.

Сьенна снова произнес какую-то фразу.

— Он говорит, что вы проявили благоразумие, — сообщил Полома.

«Отлично, Квардо Сьенна, — подумала Гэлис. — Мы еще посмотрим, сколь весомой властью вы обладаете».

Бесцеремонно оттолкнув Сьенну в сторону, она направилась к дверям. Ее поведение, видимо, настолько удивило офицера Ассамблеи, что он в растерянности замер на месте.

Сьенна открыл было рот, чтобы выразить свое неудовольствие, но Полома, взяв под руку мать и сделав знак остальным приверженцам своей семьи следовать за ним, направился за Гэлис.

Как только они прошли мимо караульных и оказались на дорожке, ведущей к границе поместья, Мальвара произнес что-то такое, отчего киданцы зашлись веселым смехом.

— Что вы им сказали? — полюбопытствовала Гэлис.

— Я спросил их, чего они ожидали. Сьенна пришел сюда, чтобы торжественно сопроводить нас в Цитадель, но теперь мы стали его эскортом.

Гэлис немного замедлила шаг, чтобы всмотреться в лица тех, кто сейчас шел рядом с ней. Вид у киданцев был испуганный, но в то же время решительный. Все ясно: такие готовы победить — или умереть.

Стратег поймала себя на мысли, что отчаянно надеется на то, что «Англаф» прибудет вовремя.

Рядом с ней шли Сьенна и его люди. Квардо одарил стратега взглядом, в котором читалось твердое обещание расквитаться за оскорбление. Он украдкой посмотрел на кортик девушки, и Гэлис, сжав рукоятку, быстро отвела глаза в сторону.

Глянув через плечо, она увидела, что ее солдаты стоят на прежнем месте в тени возле дома, выжидая момента, когда можно будет последовать за стратегом. Девушка беззаботно улыбнулась Сьенне и прибавила шаг, чтобы отвлечь его внимание от своих людей. Киданец постарался не отстать от нее, приказав караулу конвоировать Полому и его мать.

Небо на востоке потихоньку начало светлеть, но на улицах все еще было довольно темно и совершенно пустынно. Правда, шум, производимый процессией, заставил нескольких любопытных киданцев выглянуть из окон, чтобы узнать, что происходит.

Скорее всего им удалось разглядеть лишь толпу, удалявшуюся неизвестно куда, и поэтому горожане быстро потеряли интерес к происходящему. Пара человек — видимо, самые любознательные — вышли на улицу, однако они поспешили снова скрыться в домах, заметив Сьенну и его стражников.

Квардо возглавил колонну. Он построил своих стражников так, чтобы со стороны казалось, будто они и впрямь торжественно сопровождают Полому в Цитадель. Странная штука это тщеславие, подумала девушка. Оно даже умных людей порой превращает в глупцов и заставляет совершать самые неразумные поступки.

На дороге, по которой двигалась процессия, едва ли могли разминуться две большие повозки, да и недавние дожди сделали ее совершенно непригодной для передвижения. Дома по обе стороны были сложены из камня и крепкого дерева. Девушка раньше уже видела такие, однако здешние жилища казались меньше и грязнее тех, что располагались в предместье неподалеку от болота. Вполне вероятно, что деревянные балки зданий были покрашены, но определить это наверняка в утреннем полумраке не представлялось возможным.

Так или иначе, здешние дома абсолютно не отличались каким-либо изяществом, были слишком похожи друг на друга и не шли ни в какое сравнение с архитектурными изысками Омеральта. Это унылое однообразие произвело на Гэлис гнетущее впечатление. Получается, что она поменяла самый красивый город мира на глухое захолустье.

Наконец дорога вывела их на большой тракт, пролежавший с востока на запад. Колонна двинулась на восток. Занималась заря, и небо на горизонте заметно просветлело. Это несколько воодушевило Гэлис. Наверное, не стоит судить о Кидане лишь по разрозненным неясным впечатлениям, подумала она.

Дорога пошла в гору. Стратегу показалось, что она находится в самом начале вздымающейся вверх исполинской каменной арки. Перехватив взгляд Поломы, девушка спросила:

— Это Длинный Мост?

— Он самый. На другом его конце находится Великий Квадрант, затем Ассамблея, а за ней и Цитадель.

— Где нас ожидает Намоя Кевлерен.

— Будем надеяться, что так.

Вскоре стали попадаться более массивные здания, таких Гэлис в Кидане еще не видела, если не считать дома, в котором проживала семья Поломы. Хотя строения были выполнены из тех же материалов, архитектурный стиль был уже другой. Это были высокие здания, украшенные чем-то вроде витражных окон.

— Наши базилики, — пояснил Полома, когда Гэлис обратилась к нему с вопросом.

Девушка решила, что после того как все беды останутся позади, она обязательно найдет время побывать в местных храмах.

В Омеральте и других хамилайских городах тоже имелись культовые сооружения, однако в настоящее время они использовались совсем для других целей — Кевлерены и Сефид вытеснили старые религии за пределы империи, и Гэлис ни разу не приходилось бывать в действующих молельнях.

Другие городские здания были скорее всего складами и торговыми лавками. Вскоре стали попадаться повозки, нагруженные всевозможными товарами. Возницы, едва заметив Сьенну, спешили уступить дорогу, видимо, полагая, что он сопровождает группу арестованных.

Когда они добрались до Длинного Моста, Гэлис отметила по себе, что по мере приближения к Цитадели в Поломе пробуждается все большая уверенность. Подобную смену настроения она раньше замечала и в других людях; видела, как робкие и застенчивые в минуты опасности становились смелыми и решительными. От внимания Гэлис не ускользнуло и то, что Сьенна нервничает, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Время от времени он тревожно поглядывал на Полому и его спутников, как будто ожидая, что в любое

мгновение может утратить контроль над ситуацией. Впрочем, Съенна и с самого начала не мог влиять на нее.

Подобное поведение тоже не было для Гэлис в новинку. Она видела, как высокомерные и чванливые делались беспомощными, словно дети, стоило случиться чему-нибудь неожиданному или непредсказуемому.

Длинный Мост вполне соответствовал своему названию. Гэлис еще никогда не приходилось видеть, чтобы подобные сооружения были такими огромными. Его базальтовый свод достигал в высоту не менее лонгъярда и при этом сохранял изящество линий. В ширину он равнялся длине той улицы, по которой они только что прошли.

По обеим сторонам у входа на мост возвышались две исполкинские статуи, тоже высеченные из базальта. Своими очертаниями они смутно напоминали человеческие фигуры — правда, непропорционально вытянутые. Было в них что-то злое; сходство с человеческим лицом ограничивалось лишь наличием пары глаз, носа и рта. Белесые известняковые глаза выкатились из орбит, ноздри широко вывернуты, рты разинуты, как у выброшенной на берег рыбы...

Полома перехватил взгляд девушки.

— Они великолепны, не правда ли? — спросил он. — Мой народ строил этот мост целых тридцать лет. Чтобы высечь статуи, потребовалось еще двадцать.

— Это ваши древние короли? — полюбопытствовала Гэлис.

— У нас никогда не было королей, — рассмеялся Полома. — Это наши речные божества.

Когда они приблизились к мосту, Съенна шагнул к правой статуе и почтительно прикоснулся губами к ее подножию. Его спутники разразились одобрительными возгласами. Съенна вернулся в строй, и колонна зашагала дальше по Длинному Мосту.

— Скажите, я не ошиблась в своих предположениях? Киданцы действительно поприветствовали своего бога реки? — спросила Гэлис.

— Все правильно, — ответил префект.

Гэлис на мгновение зажмурилась, чтобы вспомнить то, что ей известно о речных богах.

— Кидан зачала от Фрея и родила семерых детей, — сказала она. — Трех ее дочерей звали Кархей, Кайнед и Херрис. — Произнося последнее имя, Гэлис слегка топнула ногой. — Это — остров Херрис. Четырех сыновей ее звали Карим, Сайефф, Полома и Монтамма...

— Отличная память. Скоро мы сделаем из вас истинную киданку.

— И каким же образом? — насмешливо поинтересовалась Гэлис. — Мы станем киданцами, а вы — вы так и не станете хамайцами?

— Именно так все и будет, — совершенно серьезно ответил ей Полома. — Обещаю вам, что так все обязательно и будет...

Гэлис отвела взгляд в сторону. Было в выражении лица Поломы нечто такое, что озадачило и слегка напугало ее. Не хотелось бы, чтобы он увидел ее смущение.

Когда они достигли высшей точки дуги моста, Гэлис смогла по достоинству оценить величие Кидана.

Пока еще было довольно темно, чтобы во всех подробностях разглядеть пейзаж, однако форма и очертания островов оказались вполне различимы. На западе раскинулся сам город с его улицами и площадями. Но там, где окраина постепенно переходила в болотистую местность, линии утрачивали свою четкость. На севере вырисовывались размытые в предутреннем свете берега острова Кархей.

Обратив взгляд на восток, Гэлис увидела Цитадель, высокую столовую гору, которую венчала крепость с зубчатыми стенами; на ее возведение ушло не меньше лет, чем на строительство моста. Внутри Цитадели стратегу удалось разглядеть лишь нечеткие силуэты различных строений — в том числе и главной башни, — слабо различимые на фоне предрассветного неба.

Затем Гэлис перевела взгляд вниз. Арка Длинного Моста простиралась не только над водой, но и над узкой вытянутой долиной,

отделявшей Цитадель от западного края острова. Там девушка разглядела квадратные заплатки полей и синие нити оросительных каналов. Движущиеся черные точки — скорее всего земледельцы, приступившие, несмотря на столь ранний час, к работе.

Наверное, это и есть Седловина, подумала Гэлис.

Еще раз посмотрев на запад, стратег увидела, что к мосту приближается десяток ее солдат. Глянув в другую сторону, девушка заметила Киданскую бухту, где на фоне воды, похожей на темно-красный бархат, мелькнул белый парус.

Это был Мэддин.

Вскоре они вышли к Великому Квадранту. Гэлис даже в предутреннем полумраке заметила, что многие камни чем-то перепачканы. Полома и его люди замедлили шаг и принялись оживленно переговариваться. Стратег вспомнила, что именно на этом месте пехота ривальдийцев перебила членов совета. Мальвара что-то сказал Сьенне, однако протектор сделал вид, что не слышал его. Лицо Поломы исказилось гневом.

Со всех сторон площадь окружали многочисленные строения. Полома указал Гэлис на здание Ассамблеи, расположенное с восточной стороны. Если бы не бывший префект, стратег ни за что не обратила бы внимание на этот невзрачный дом, сложенный из темно-красного кирпича. Он был крутой формы и напоминал гигантских размеров пирог. Внутри его вела всего одна деревянная дверь, а небольшие квадратные окна располагались высоко над землей. Мальвара с нескрываемой горечью пояснил Гэлис, что первоначально здание Ассамблеи задумывалось как одноэтажное, чтобы символизировать равенство всех политических убеждений.

Над Ассамблеей высилась громада Цитадели — могучий величественный монолит, главенствующий над всеми остальными строениями города. Чуть позже киданцы и Гэлис оказались перед входом в Цитадель. Стратег внимательно осмотрела ворота, сложенные из крупных камней, с металлической опускной решеткой. В самой решетке имелась открытая настежь калитка.

Прислонившись к дверному косяку, там стоял караульный с метательным копьем в руке. Лишь услышав приближение колонны, он пробудился от привычной полудремы.

Сьенна командовал что-то стражнику: тот вытянулся по стойке «смирно», картинно стукнув тупым концом копья в землю. Показное рвение вызвало смех у Поломы и его сопровождающих. Протектор рявкнул новую команду, и воин вернул копье в прежнее положение, вытянувшись в струнку.

Не сводя взгляда с ворот, Гэлис отступила назад, в самый конец колонны, и знаком велела своим солдатам приблизиться к зданию Ассамблен.

Стараясь двигаться бесшумно, хамилайцы перешли на бег. Сьенна уже отдал приказание поднять решетку и принялся пересчитывать прибывших по головам, чтобы убедиться, что никто не отстал. В следующее мгновение Гэлис прижала к его горлу острие своего кортика.

ГЛАВА 21

Мэддин принял подзорную трубу из рук Авьера и поднял ее к глазам.

— Ни черта не вижу, — шепотом признался он.

— Вы бы увидели все что нужно, если бы киданцы повывезали на стены, чтобы оборонять город, — самодовольным тоном произнес Авьер. — Если, конечно, наш план не пошел наперекосяк, а ривальдийская армия не сидит в засаде, ожидая той минуты, когда мы высадимся на берег. Вот тогда бы вы удивились.

— А ведь как там Гэлис, мы до сих пор не знаем, — заметил Кадберн.

— Что отнюдь не означает, что ривальдийский Кевлерен в ее руках, — произнес Мэддин.

— Не стоит печалиться, ваше высочество. Кевлерена может вообще не оказаться в резиденции.

— Да, действительно. Но есть еще и Цитадель. Я вижу выступ, где, по словам Поломы, расположен проход, через который воины смогут проникнуть в крепость.

— Если Гэлис удастся захватить ворота, то эта лазейка нам не понадобится, — отозвался Акскевлерен.

Мэддин опустил подзорную трубу и глубоко вздохнул.

— Верно, — проговорил принц, и в его тоне прозвучала явная неуверенность.

Он протянул трубу Авьеру.

— Вы определились с местом высадки?

— Будем высаживаться там, где, по утверждению вашего киданского друга, высадились пехота ривальдийцев, — ответил капитан, указывая на узкую песчаную полосу на острове Херрис, где можно было перебросить с борта корабля достаточно широкий настил для высадки конницы.

— За какое время мы сможем высадиться на берег?

Авьер посмотрел вниз, на главную палубу, где находился отряд драгун, крепко сжимавших поводья своих скакунов. Кавалеристы выстроились в четыре шеренги параллельно осевой линии корабля.

Капитан редко видел подобную дисциплинированность в кавалерийском отряде или даже вообще у военных. Драгуны выглядели впечатляюще и немного злоеще в своих мундирах, в которые они облачились по настоянию Мэддина. Не менее живописно смотрелись и лошади, гривы и хвосты которых были заплетены в косички и украшены лентами.

— Я высажу ваших конников за четверть часа, если они будут покидать корабль без лишней суеты... А ваши пехотинцы готовы?

Мэддин утвердительно кивнул.

— Две роты находятся на нижней палубе. Они готовы в любую минуту покинуть корабль.

— Как вы полагаете, наших сил хватит для штурма? — спросил Кадберн, продолжая разглядывать город. Кидан казался много больше, чем представлялся по карте, сделанной Поломой.

— Их более чем достаточно, если Гэлис справится со своей задачей, — ответил Мэддин. — Кроме того, мы ни за что не смогли бы погрузить на борт «Англафа» больше двух сотен пехотинцев и пятидесяти кавалеристов. Обойдемся тем, что у нас есть.

— Солнце! — произнес Авьер, указывая на восток.

Первые лучи солнца действительно коснулись штандарта Мэддина Кевлерена, укрепленного на главной мачте корабля.

— Что же, господа, с минуты на минуты начнем, — произнес Авьер. — Если киданская стража еще не увидела нас, то она либо безнадежно глупа, либо слепа.

Полома резко ударил стражника в живот. Удар получится таким сильным, что из легких несчастного со свистом вырвался воздух, а сам он тут же мешком повалился на землю.

Мальвара перешагнул через него и подхватил копье, которое быстро передал кому-то из следовавших за ним воинов. Себе Полома взял меч стражника. Вонзив острие в спину упавшего, бывший префект бросился в дверной проем караульного помещения, где его сторонники уже расправлялись с людьми Сьенны.

— Все правильно, их нужно обезвредить прежде, чем они успеют поднять тревогу, — произнес Полома, обращаясь к Гэлис.

Стратег покачала головой.

— Если бы что-то подобное случилось в Хамилае, Сьенна лишился бы головы за подобное небрежение обязанностями.

— Увы, это Кидан, небольшой торговый город на краю плохо освоенного континента, — пожал плечами Полома. — Цитадель построили в ту пору, когда мы вели войны с соседними племенами. Это было лет шестьдесят назад. Все последующее время мы жили в мире...

— Больше уже не живете, — резко бросила Гэлис.

Она посмотрела на Сьенну и надавила на кортик, который до сих пор был прижат к горлу протектора. В ее жесте было столько решительности, что Полома сделал движение, чтобы остановить девушку. Сьенна что-то проскулил и сжался в комок.

— Где нам найти Намойю Кевлерена? — требовательно спросила Гэлис.

Мальвара поспешно перевел ее слова.

— В башне! — выкрикнул Сьенна. — На втором этаже!..

Полома перехватил руку стратега и отвел в сторону кортик. Все, кто стоял поблизости — включая и союзников бывшего префекта, — испуганно следили за происходящим.

— Второй этаж, — повторила Гэлис и бросила взгляд на ворота.

Башня находилась на другом конце Цитадели. Дверь первого ее этажа была сделана из прочного на вид дерева и укреплена железными полосами.

Стратег резко повернулась к Сьенне.

— Башня охраняется? — быстро спросила она.

Полома перевел.

Сьенна отрицательно покачал головой.

— Отлично, — хрипло произнесла девушка и хищно улыбнулась.

Намойя Кевлерен выглянул из окна своей комнаты на втором этаже главной крепостной башни. Он делал так каждое утро, проклиная судьбу за то, что она занесла его сюда два года назад. Кидан и киданцы стали для Намойи причиной столь великого горя, что в глазах принца это было самое уродливое место во всем обитаемом мире.

Даже несмотря на то что...

Кевлерен задумчиво пожевал нижнюю губу. Нет, лучше не думать о том, что сейчас происходит в его родном краю.

За спиной послышались шаги Избранной. Даже мысленно называя так женщину, которая теперь спала у изножья его кровати, Намойя испытывал неловкость. Она уже два десятилетия принадлежала к Акскевлеренам, однако до того момента, как принц потерял свою прекрасную Тенге, которой дорожил больше всего на свете, была для него не более чем просто умелой служанкой. Даже теперь,

когда прошло два года после того, как принц пожертвовал любимой ради спасения своих солдат, горестные мысли о ней тяжким грузом лежали на его сердце. Намойя никогда не забыть удивленное лицо Тенге в тот страшный миг. И ему никогда не узнать, почему она тогда плакала — потому ли, что больно было ей самой, или же потому, что девушке было больно за своего господина...

— Ваше высочество, подавать вам завтрак?

Намойя обернулся и посмотрел на Квенион. Она была довольно высокой для ривальдийки; ее светлые волосы смотрелись странно на фоне загорелой кожи — казалось, будто девушка носит парик. Кстати, с этим загаром принц никак не мог примириться, хотя и понимал, что в ужасном климате Новой Земли невозможно укрыться от всепроникающих лучей солнца. Его собственные лицо и руки здесь загорели так, что он больше походил на киданца, чем на жителя Хамилая.

Но он все равно любил свою Избранную... как подобает Кевлерену любить всех Акскевлеренов.

— Да, подавать, — ласково ответил Намойя. — Я буду есть здесь.

Квенион поклонилась и вышла из комнаты.

И скулы у нее чересчур высокие, и нос слишком тонкий...

«Почему же я выбрал именно ее?» — спросил себя Намойя в тысячный раз. Да потому, что рядом не оказалось ни одного Кевлерена, чтобы дать ему совет... и потому, что только Квенион сумела лучше всех остальных ухаживать за ним после смерти незабвенной Тенге. Странная вещь — сочувствие, подумал принц. Самое обманчивое из человеческих чувств. Не то что любовь, которая находит истину столь же безошибочно, как река — океан.

Но даже если все обстоит именно так, то почему он все-таки сомневается в Квенион? Намойя знал, что любит, и все же его любовь не шла ни в какое сравнение с тем сказочным чувством, которое он испытывал к Тенге.

Принц снова выглянул в окно и увидел примерно в миле от берега какой-то парусник. По всей видимости, еще один торго-

вый корабль. Быть может, даже из Ривальда... При мысли об этом Намойя ощутил, как по спине пробежал холодок.

С тех пор как ему стало известно о судьбе королевы Сарры и о всех прочих ужасах разразившейся революции, принц ожидал, что из Беферена прибудет кто-нибудь ему на смену и киданская ссылка для него закончится. Но что же ждет Намойю после этого? Куда он направится? В Ривальд? То есть в темницу или вообще на эшафот?.. Никто не поможет избежать этого. Ему были даны указания не применять Сефид и в своих действиях руководствоваться только приказами, полученными от Комитета Безопасности. В противном случае семье принца, оставшейся в Ривальде, грозила неминуемая смерть.

Намойя ухватился за мысль о том, что Комитет может назначить его губернатором Сайенны, хотя и понимал, насколько это маловероятно.

Неожиданно до слуха принца откуда-то снизу донесся грохот падающей посуды. Так. Опять Квенион уронила поднос с завтраком. Намойя глубоко вздохнул и покачал головой.

На лестнице раздались быстрые шаги нескольких человек. Намойя ощутил, как в нем начинает закипать гнев. Квенион хорошо знает, что он никогда не принимает посетителей прежде, чем поест и оденется...

В следующее мгновение где-то совсем рядом прогремел выстрел, причем стреляли с расстояния всего нескольких ярдов от двери. Затем грянуло еще несколько выстрелов.

Сердце Намойи заколотилось так быстро, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Дверь в комнату с треском распахнулась, и Квенион бросилась к Намойе, крепко прижавшись к нему. Не успел принц спросить у нее, что происходит, как девушка закричала:

— Вы не посмеете тронуть его! Не посмеете! Вам придется убить меня первой!..

Намойя поднял голову и с изумлением увидел перед своим носом стволы четырех огнестрелов, которые сжимали в руках

четыре угрюмого вида человека. Затем в комнате появилась крепкого телосложения белокурая женщина, одетая в киданскую одежду, но, по всей видимости, уроженка других краев.

— Выше высочество, принц Намоя Кевлерен, вы находитесь под моей защитой! — произнесла незнакомка.

Намоя заметил, что она помахивает зажатым в руке кортиком с таким видом, будто действительно знает, как им пользоваться и, не колеблясь, продемонстрирует умение владеть оружием при первом же удобном случае.

— Буду рада, если вы промолчите и не станете рисковать жизнью вашей Избранной. Я без всяких колебаний убью вас обоих при малейшей попытке к сопротивлению.

— Заклинаю вас именем Сефида!.. — выкрикнул Кадберн. — Будьте осторожнее с вашими скакунами!

Высадка уже состоялась, но некоторые из драгунских лошадей продолжали волноваться, пытаясь сорваться в галоп. Но в данную минуту это было рискованно, потому что на пересеченной местности лошади могли легко переломать ноги. От сновавших между кавалеристами пехотинцев толку было мало. Залп из огнестрелов, произведенный защитниками Цитадели, заставил нескольких лошадей испуганно попятиться назад.

Драгунский капитан приказал своим воинам расчехлить знамена. Конники выполнили приказ и быстро перестроились в две шеренги поодаль от пехотинцев. Всадники, как могли, старались успокоить своих скакунов.

Мэддин наблюдал за происходящим с борта «Англафа», когда до нее донесся голос Кадберна. Похоже, что его Избранный владел ситуацией. Впрочем, нет, напомнил себе Мэддин. Я уже больше не Кевлерен, а Кадберн больше не мой Избранный. Он — мой друг. Хотя сам Кадберн вряд ли поверит в это. Его отношение к Мэддину несколько не изменилось. С легким укором совести принц вынужден был признать, что это ему льстит. Приятно думать, что Избранный... то есть

бывший Избранный предан ему. Ведь они с ним почти как братья. Впрочем, в следующее мгновение Мэддин подумал, что это ему самому, а вовсе не Кадберну, придется приспосабливаться к новой реальности.

Возле сходней стоял Гос, тоже в некотором роде брат принца. В данный момент он был занят построением пехотинцев в колонны. Мэддин предположил, что в данный момент Линседд больше всего желал находиться среди кавалеристов.

— Похоже, в Цитадели что-то происходит, — заметил капитан Авьер.

Принц повернулся к нему, старясь унять внезапно нахлынувшее беспокойство. Ему хотелось как можно скорее покинуть корабль и броситься вместе с остальными солдатами на штурм Цитадели.

— Не забудьте подвести корабли к причалу на южной оконечности острова, позади Цитадели! — напомнил он. — Если нам не удастся с ходу захватить город, то всё равно останется возможность обстрелять его из лонггонов с транспортных кораблей и «Англафа».

— Слушаюсь, ваше величество!

— Когда вы сможете вернуться?

— Если будет такой ветер, как сегодня, то не раньше чем через сутки.

Мэддин, с лица которого по-прежнему не сходило озабоченное выражение, удовлетворенно кивнул.

— Отлично. Перегрузите оставшихся пехотинцев на один корабль. Первыми высадутся они.

— Не на «Англаф»?

Принц отрицательно покачал головой.

— Нет. В случае неблагоприятного исхода вам не следует находиться у причала. «Англаф» быстрее и маневреннее всех других судов.

— Как скажете, — согласился Авьер, радуясь в душе, что ему больше не придется перевозить на своем судне солдат.

На палубу вышел Кадберн и поспешил присоединиться к Мэддину.

— Мы почти готовы.

Принц снова посмотрел в сторону острова Херрис. Там не наблюдалось никаких признаков сопротивления: местные земледельцы были насмерть перепуганы появлением высадившихся с кораблей солдат. Затем он перевел взгляд на Длинный Мост. Это грандиозное сооружение не переставало удивлять Мэддина. Да, его величие достойно инженерного гения зодчих Хамилая... Собравшиеся на мосту люди казались крошечными точками. Они, по всей видимости, разглядывали «Англаф» и войска на берегу.

— Я хочу, чтобы стрелки прикрывали атаку драгун.

— Гос уже отдал такое распоряжение.

— Отлично, — отозвался Мэддин с таким видом, будто беспокоиться уже не о чем.

— Вам пора высаживаться на берег, — напомнил Кадберн. — Час настал.

Принц помедлил с ответом.

Он посмотрел на запад — в сторону Бушующего моря и места последнего упокоения Алвей, вспоминая прошлое и родной Хамилай. Сейчас он покинет борт «Англафа», и для него начнется новая, совершенно иная жизнь.

— Да, — промолвил Мэддин. — Да, мой час настал.

Пожав руку капитану Авьеру, он последовал за Кадберном и вскоре очутился на берегу.

Топнув ногой по земле, принц подумал о том, удастся ли ему еще раз выйти в открытое море.

Гэлис все никак не удавалось отдышаться. Девушка судорожно ловила ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Кевлерен смотрел на нее таким взглядом, каким она сама разглядывала бы таракана.

— Не вздумайте сопротивляться! — напомнила она ему, хотя пленник и не пытался ничего делать, стараясь лишь высвободиться из объятий своей Избранной.

И что теперь, подумала стратег. Ах да! Список того, что она собиралась сделать. Пункты с первого по четвертый — захват Кевлерена — были выполнены. Так. Пункт номер пять. Покорение всего мира. Истерический смешок был готов сорваться с губ Гэлис, но усилием воли она заставила себя сдержаться. Успокойся, черт тебя побери!.. Пункт номер пять. Помощь при высадке пехоты и кавалерии с корабля.

— Правильно, — сказала девушка вслух, и взгляды присутствующих тут же обратились к ней. Она опустила кортик и кивком указала на Кевлерена. — Если он произнесет хотя бы слово... хоть один звук... или попытается нанести вред... этой женщине... убейте их обоих. Вы меня поняли?

Солдаты закивали.

— Мне нужно идти. Постараюсь вернуться как можно скорее. Все понятно?

— Так точно! — вразнобой ответили ее бойцы.

— Прекрасно, — сказала Гэлис и на негнущихся ногах направилась к воротам.

Вид убитого ривальдийского телохранителя Кевлерена и двух мертвых хамилайцев быстро ее отрезвил. Двор Цитадели наполнился людьми — это были сторонники Поломы, которые уже вооружились пиками и мечами из местного арсенала. У нескольких воинов в руках имелись огнестрелы, отобранные у телохранителей Кевлерена.

Мальвара изо всех сил пытался построить своих людей, однако все его усилия были тщетны. Четверо хамилайских солдат преуспели в этом деле больше Поломы и сумели сформировать несколько взводов из двадцати человек, которые срочно отправлялись на башни, стены и к воротам крепости.

Мальвара встревоженно посмотрел на Гэлис.

— Ну что?

— Намойя Кевлерен под нашим присмотром.

Полома облегченно вздохнул. Стратег с удивлением понял, что сама она уже совершенно успокоилась, зато Мальвара сильно нервничает.

— Посты на стенах выставлены? — спросила она.

— М-м-м...

— Ладно, не важно.

Гэлис вернулась во внутренний двор крепости, по каменным ступенькам быстро взобралась на стену возле ворот и посмотрела в северном направлении. На стене уже стояли люди, которые смотрели туда же.

С борта «Англафа» на берег высаживались пехотинцы и кавалеристы. Все-таки успели, подумала стратег. Она почувствовала, как ее рука, сжимающая кортик, подрагивает, а клинок выбивает дробь по поверхности каменной кладки.

Девушка вложила кортик в ножны. Скрестив руки на груди, она попыталась принять воинственный вид.

Что же будет дальше?..

Неожиданно стоявшие рядом с ней киданцы что-то закричали, показывая в сторону Длинного Моста. Гэлис посмотрела туда.

По мосту двигалась огромная толпа. Киданцы. На многих виднелись мундиры стражников. Все были вооружены, настроены воинственно и решительно направлялись прямо к Цитадели.

С Длинного Моста на наступающих обрушился дождь металлических копий, которые, однако, не нанесли хамайцам никакого урона, усеяв землю на безопасном расстоянии от них. У Мэддина был такой вид, будто его атаковали полчища москитов.

Копий киданцы больше метать не стали. Принц предположил, что у противника достаточно разумные командиры, которые решили не предпринимать бессмысленных действий. В принципе это было добрым знаком.

— Цитадель, — произнес Гос. — Вот куда они направляются. Я могу вывести конницу на восточный рубеж и добраться туда прежде, чем...

— Мы не знаем, какими силами располагает противник и какую часть Длинного Моста он успел преодолеть, — перебил Мэддин. — И нам до сих пор неизвестно, смогла ли Гэлис зах-

ватить Цитадель. Может быть, там все еще кипит бой. Я хочу, чтобы вы вышли на западный рубеж.

— На западный? — не смог скрыть своего удивления Гос.

— Ваши драгуны вполне могут выполнить эту задачу.

— Лошади вряд ли выдержат, ваше высочество, — сказал Линседд. — Они застоялись, слишком долго пробыли на борту корабля.

— Знаю. Вы можете выступить в поход быстрой рысью, а не галопом. Я не имею права подвергать риску свою кавалерию, заставляя ее оборонять Цитадель. У меня для этого есть пехота.

— Конечно, — кивнул в знак согласия Гос.

— Возьмите с собой мою гвардейскую роту. Она прикроет вас, пока вы будете выбираться из Седловины, а потом возьмет под контроль западное окончание Длинного Моста, пока вы будете занимать исходные позиции. Я же вместе с остальной частью пехоты выйду на западный рубеж. Атакуйте только в том случае, если вам понадобится очистить мост. После этого отдавайте кавалеристам приказ спешиться. В уличных боях их карабины окажутся действеннее, чем огнестрелы пехотинцев.

Гос отсалютовал, вскочил на лошадь, которую держал под уздцы один из младших офицеров, и ускакал выполнять приказания принца.

Кадберн и Мэддин обменялись понимающими взглядами.

— А из него выйдет толк, — проговорил Кадберн.

— Согласен, — сказал Мэддин и посмотрел на пехотинцев. Солдаты, явно почувствовавшие, что атака начнется с минуты на минуту, всем своим видом демонстрировали готовность вступить в схватку с врагом. — Они тоже готовы к бою.

Избранный усмехнулся.

— Они готовы на все, лишь бы поскорее забыть об утомительном плаваньи.

— Тогда не будем томить их в ожидании. Гэлис Валера ждет нас. Мне не хочется ее разочаровывать.

Гэлис предстояло принять быстрое решение. Организовать оборону Цитадели было довольно просто. Нетрудно и определить свое собственное место — конечно же, возле ворот крепости. Но что ей делать с Намойей Кевлереном? Девушка предпочла бы задействовать восьмерых своих солдат на бастионах Цитадели — вместо того чтобы оставить их охранять ривальдийского вельможу. Ее одолевало искушение убить Кевлерена, чтобы раз и навсегда положить конец всем сомнениям, однако Мэддину Намойя нужен живым, чтобы использовать в качестве заложника.

В конце концов она решила оставить все как есть. Четыре огнестрела для обороны крепости значат не слишком много, можно обойтись и без них.

Гэлис убедилась в том, что решетка на воротах опущена. Страгет обнаружила, что сами ворота не использовались, наверное, все последние шесть десятилетий: они просто-напросто приржавели к балкам второго этажа. Киданцы заслужили свою участь, сердито подумала она и, прежде чем испытала раскаяние за недобрые мысли, принялась формировать резерв, вооружив людей пиками и расставив их слева от ворот, чтобы атакующие не сразу заметили подвох. Полома послушно переводила на местный язык все ее указания.

Один из солдат отряда Гэлис, стоявший на стене, крикнул, что противник уже подошел к Великому Квадранту. Он также сообщил, что численность киданцев достигает семисот человек, в основном это горожане, но есть среди них и стражники.

Сторонники Поломы принялись обмениваться встревоженными взглядами. Заметив это, Гэлис ободряюще крикнула:

— Всего лишь семьсот! Я думаю, мы с ними легко справимся!

Когда Полома перевел ее слова, его соотечественники заметно успокоились и приободрились.

Гэлис вместе с двумя вооруженными огнестрелами солдатами заняла место за опускной решеткой.

— Высматривайте киданских командиров и старайтесь уничтожать их в первую очередь. Это вызовет смятение в рядах про-

стых солдат, позволит нам выиграть время и подготовиться для следующего залпа, — приказала она.

Теперь им оставалось только одно — ждать штурма.

Полома решил занять место на стене, чтобы находиться на глазах у своих людей. В короткой схватке в стенах крепости ему удалось завладеть огнестрелом, однако вскоре Мальвара передал его одному из своих воинов, у которого вообще не было никакого оружия. Сам префект вооружился саблей Сьенны, не вполне представляя, как с ней обращаться, однако это было лучше, чем воевать с голыми руками.

Большая часть тех, кто поднялся на стену, были вооружены луками, добытыми в местном арсенале. Этих луков в общей сложности набралось около пятидесяти; для каждого имелось по колчану стрел. Бывший префект понимал, что стрелки играют далеко не решающую роль, однако в нужное время и в нужном месте они могут проявить себя как грозная сила. Впрочем, особого выбора у защитников крепости не было. Если он, Полома Мальвара, не сумеет удержать Цитадель, то всех ждет неминуемая гибель.

Мальвара подумал о матери. После взятия Цитадели Соркро отвели в комнату, окна которой выходили на Великий Квадрант, где жизнь старой женщины была в относительной безопасности. Однако если Цитадель удержать не удастся, ее тоже ждет смерть. Мать найдут и казнят, как последнюю представительницу рода Мальвара. Первой из Первых Семей просто не позволят остаться в живых, ее истребят до последнего человека. Интересно, плутократы все еще сохранили свой совет, оказывающий финансовую помощь библиотеке и переписчикам книг?.. Скорее всего сохранили. Им, несомненно, хочется увековечить для истории все свои деяния... Если Полома Мальвара удержит крепость, то в летописях он будет значиться как тот, чьими стараниями плутократы проиграли сражение за Цитадель и перестали быть главной угрозой независимости Кидана.

Он услышал топот ног атакующих. В атаку вражеские солдаты шли так же, как советники обычно направлялись на засе-

дания Ассамблеи. У плутократов все делается не так, как надо, подумал Мальвара, они все испохабят... Наверное, ривальдийцы в будущем не потерпят повторного создания милиции.

Когда же Полома увидел воинов противника, то почувствовал, как у него тут же пересохло во рту. Значит, вот как выглядят семьсот вражеских солдат, собранных вместе... Мальвара попытался проглотить подкативший к горлу комок, но ему не удалось этого сделать.

Полома посмотрел направо, а затем налево. Никто из его соратников не посмел уйти со стены: несколько человек спокойно натягивали тетивы своих луков. Те, у кого были огнестрелы, хладнокровно целились в наступавших. Никто не сделал ни одного несвоевременного выстрела. Все ждали команды. Увиденное заставило Полому испытать гордость за товарищей и восстановить в душе прежнее мужество.

Гэлис приказала себе не терять терпения. Враг все еще находился достаточно далеко, его следовало подпустить ближе. Стрелять пока рано...

Первый залп по атакующим, согласно предварительной договоренности, дадут ее солдаты. Лишь после них начнут стрелять остальные защитники крепости. До слуха стратега донеслись громкие крики бойцов противника, которые с каждым мгновением делались все громче. Гэлис заметила, что на левом фланге солдаты неприятеля как-то нервно озираются. Им, похоже, недостает уверенности в собственных силах. Они знают, что их командира нет рядом, поэтому боятся действовать самостоятельно...

Когда атакующие оказались примерно в ста ярдах от крепости, Гэлис уже могла различить отдельные лица и даже отметила про себя тех, кто подбадривал соседей, отдавал приказания и следил, чтобы их передавали дальше по цепочке. Стражники, следуя приказам, начали делать то, что нужно, воины же городского ополчения предпочли следовать инстинкту и держаться ближе друг к другу. Какой-то офицер с красной перевязью ста-

рался ободрить их и заставлял рассредоточиться, не бежать вперед неорганизованной толпой.

Стрелки дали первый залп. Раздался оглушительный грохот, заставивший Гэлис вздрогнуть. Напрягая зрение, она разглядела, что офицер с красной перевязью упал. Его тут же окружила кучка горожан, которые, видимо, не могли поверить своим глазам, став свидетелями молниеносной смерти. В следующее мгновение на атакующих обрушился дождь стрел. Послышались крики и стоны раненых и умирающих.

Стоявшие на стенах стрелки торопливо перезаряжали огнестрелы и натягивали луки. Солдаты противника больше не сделали ни шага вперед, отступив назад, к Квадранту — подальше от смертоносных стрел. Своих раненых и убитых киданцы подбирать не стали.

Услышав грохот выстрелов, Гос Линседд выругался сквозь зубы. Его драгуны все еще находились в двух сотнях ярдов от вершины: они лишь только подходили к мосту.

Гос с трудом подавил в себе желание отдать приказ перейти на галоп. Он видел, что его люди и без того прилагают все усилия, стараясь быстрее преодолеть подъем, который был слишком крут. Лошади слишком устали, чтобы двигаться быстрее.

Гос посмотрел вперед и с радостью увидел, что на вершине его кавалеристов уже ждут стрелки-пехотинцы. Они выглядели утомленными, однако столкновения с противником, похоже, пока что не произошло.

Лошадь Линседда попятилась назад. Он был вынужден остановиться и успокоить ее, потрепав по холке. Мимо него проскакали, двигаясь один за другим, остальные всадники.

Когда лошадь Госа успокоилась, он продолжил подъем. Бросив взгляд вниз на долину, Линседд увидел, что Мэддин со своей пехотой преодолел большую часть пути. Да, иногда пехота имеет преимущество над конницей, подумал он.

Майра Сигни никак не мог поверить в случившееся — в то, что произошло в течение нескольких последних часов.

Когда его разбудили перепутанные слуги, ему пришлось собрать все самообладание, чтобы не впасть в панику. Сигни удалось по возможности точно выяснить, что происходит в городе. Вооруженные огнестрелами люди штурмом взяли Цитадель. Кто-то из горожан своими собственными глазами видел, как протектора Сьенну связали и пригрозили обезглавить в случае неповиновения. Собраты-плутократы, также узнавшие об этой жуткой истории, бросились в дом Майры, напоминая до смерти перепутанных детей. Их неприкрытая трусость разъярила Сигни, вытеснив из души страх.

Сигни стал быстро и решительно отдавать приказания слугам: одного послал за стражниками, другого отправил в арсенал за оружием, третьему велел выяснить, нет ли неприятельских войск на подходе к городу, наказав возвращаться как можно быстрее.

Через час Майра уже знал, что силы противника численно невелики: враг сумел захватить Цитадель, лишь воспользовавшись эффектом внезапности. Среди нападавших был замечен Полома Мальвара.

Полома Мальвара...

«Наконец-то, — подумал Майра Сигни. — Наконец-то я смогу избавиться от последнего препятствия на пути к моим мечтам о владычестве над всем Киданом».

Пока Полома жив, всегда остается вероятность, что он вернется и возглавит отряды сопротивления. Но сегодня звезды, похоже, сложились не в его пользу.

На основании того, что рассказали слуги, Майра уже понял, что войска противника малочисленны: Цитадель им долго не удержать. Одна решительная атака — и защитники крепости дрогнут, даже несмотря на несколько огнестрелов, которыми они располагают.

Затем Сигни вспомнил о том, что, захватив Цитадель, Полома должен был взять в плен Кевлерена. Он на мгновение за-

думался. Получалось, что Мальвара невольно оказывает плутократам немалую услугу. Целых два года Кевлерен метался между Киданом и Сайенной, добиваясь торговых уступок в обмен за свою помощь в изгнании из города Поломы и его сторонников. А теперь, когда Сигни снова захватит Цитадель, с бывшим союзником может случиться все что угодно...

Когда плутократы узнали, кто именно готов возглавить штурм крепости, то преисполнились должного мужества и решили дать отпор мятежникам. Ополченцы выдвинулись в достаточно бодром расположении духа — особенно если учесть то, как стремительно развивались события.

Когда киданцы вышли на Длинный Мост, то выяснилось, что бунтовщики, как и сами плутократы два года назад, оставили там свои посты. Сигни едва не впал в истерику, однако понимание, что в случае захвата Цитадели и перехода Кевлерена (неожиданно ставшего в очередной раз ценным союзником) на его сторону мятежники отступят, успокоило его.

Можно было не сомневаться в том, где именно Полома нашел поддержку своим честолюбивым планам. Имелась только одна держава, которая осмелилась бы бросить вызов Ривальду на другом берегу Бушующего моря. Совсем скоро Хамилай превратится в настоящую головную боль, но сейчас Сигни постарается сделать все, чтобы не допустить хамилайцев в Кидан.

Однако попытка захватить Цитадель с ходу провалилась. Ополченцам пришлось отступить, несмотря на то что до крепости было уже рукой подать. Неожиданно наткнувшись на ожесточенное сопротивление и дождь стрел, которыми осыпали их защитники Цитадели, киданцы, впав в панику, снова откатились на Квадрант.

Сигни поймал себя на том, что мысленно взвешивает варианты возможных действий.

Прежде чем он предпримет какие-либо ходы, ему следует прибегнуть к ложному маневру. Убедив себя в этом, Майра принялся наводить порядок среди своих солдат.

Гэлис была почти убеждена, что в ближайшее время попытка штурма не повторится.

После своего поспешного и бестолкового отступления плутократы даже не попытались выслать лазутчиков, выставить посты или послать наблюдателей на крышу здания Ассамблеи. Люди, хоть немного сведущие в военном деле, непременно сделали бы это.

Неожиданно стратег услышала, как со стороны Великого Квадранта доносится усиливавшийся с каждым мгновением шум. Наблюдатели, стоявшие на стене, дали знать, что солдаты плутократов снова готовятся к штурму.

На этот раз атакующие передвигались бегом, потрясая пиками и мечами. Они явно намеревались побыстрее приблизиться к стенам Цитадели, под которыми им будут не страшны стрелы и пули защитников крепости.

Стрелки из команды Гэлис успели сделать только один залп, прежде чем противник оказался у решетки ворот, которая тут же затрещала под тяжестью многочисленных тел. В передних рядах солдат неприятеля раздались дикие крики боли: киданцы начали давить друг друга.

Штурмующие принялись рубить мечами ворота. Гэлис приказала своим солдатам отступить на двадцать ярдов назад, надеясь, что бойцы успеют приготовиться к новому залпу, прежде чем враг ворвется в крепость. Она с беспокойством огляделась по сторонам, желая убедиться, что ее резервный отряд остается на прежнем месте.

В следующее мгновение раздался звучный хруст, и решетка ворот оторвалась с той же легкостью, с какой кожа отделяется от апельсина. Враг ворвался в крепостной двор, топча своих же воинов, имевших несчастье оказаться в самых первых рядах.

— Пли!.. — скомандовала Гэлис, и горстка ее воинов обрушила на неприятеля град пуль, стрел и метательных копий.

— Вперед! — отдала стратег следующий приказ.

Солдаты ее отряда с громкими криками бросились на врага. Издав грозный рык, Гэлис устремилась в самую гущу схватки.

Почти сразу девушка схватилась в поединке с каким-то злобно завывающим громилой. Киданец угрожающе замахнулся копьем, и ей пришлось резко отпрянуть в сторону. Нападавший потерял равновесие, и его копье со всего маху вонзилось в землю. Гэлис метнулась вперед и полоснула его кортиком по руке, почувствовав, как лезвие рассекает мышцы противника. Тот дернулся назад и с криком ухватился за раненое плечо. Его оружие все еще оставалось в земле. Рядом с ним возник другой копейщик. Заметив, что товарищу не повезло в схватке, киданец повел себя более осторожно: не выпуская копья из рук, он старался держаться на безопасном расстоянии от стратега. Грохнул выстрел: копейщик полетел на землю.

Гэлис не сразу поняла, что случилось. Потом, оглянувшись, она увидела одного из сторонников Поломы, который с удивлением разглядывал дымящийся огнестрел, который сжимал в руках. Стратег толкнула его в плечо и указала на приближающихся врагов:

— Берегись!..

Но было уже слишком поздно. Один из атакующих, одетый в мундир стражника, ударил ее спасителя мечом прямо в живот. Несчастный вскрикнул и повалился на землю.

Не успела девушка сделать хотя бы шаг в сторону, как на нее набросился еще один стражник. Гэлис ловко парировала первый выпад, но тут на стратега налетел убийца ее случайного спасителя.

На девушку обрушился град ударов, которые Гэлис еле успевала отбивать. Ей стало ясно, что долго она не выдержит натиска двух противников. С ее губ слетел крик отчаяния. Как же это досадно — быть так близко к победе и проиграть в считанные минуты!..

Гэлис яростно атаковала ближнего стражника: тот торопливо отступил. Она резко развернулась и бросилась на второго. Киданец отпрянул в сторону, потеряв при этом равновесие. Отбив меч противника, девушка вонзила свой клинок прямо ему в горло. В лицо ей тут же брызнула кровь, на мгновение ослепив

Гэлис. Она попятилась назад, продолжая размахивать кортиком. Потом, быстро проведя рукой по лицу, стратег увидела, что рядом с ней уже никого нет.

В том месте, где находился резервный отряд защитников Цитадели, кипел жаркий бой. Воины Гэлис яростно отбивались от солдат противника. Люди оскальзывались в лужах крови, падали, но продолжали сражаться, даже стоя на коленях. Все новые и новые вражеские бойцы врываются через ворота в крепостной двор. Стратег огляделась по сторонам и поняла, что в резерве уже никого не осталось. Однако ее воины продолжали биться с врагом не на жизнь, а на смерть.

Гэлис с криком устремилась вперед, уже не думая о собственной безопасности. Не успела она добраться до ближайшего неприятельского солдата, как со стороны крепостной стены грянул дружный залп из огнестрелов. Атакующие киданцы замешкались. На их лицах стало появляться выражение нескрываемого ужаса.

— Там наш генерал! — крикнула Гэлис, забыв о том, что ее может понять лишь горстка хамилайских солдат и Полома.

Однако смысл ее слов дошел до всех. Противник дрогнул и через короткое время обратился в бегство, словно некое божество в мгновение ока лишило их последних остатков мужества.

Гэлис и ее солдаты ударили по киданцам с тыла, обрушив на солдат неприятеля удары мечей и копий. Когда удалось расчистить проход к воротам, стратег попыталась организовать преследование врага, однако в этом уже не было необходимости: неприятель окончательно дрогнул и пустился в беспорядочное бегство.

За спиной стратега раздался чей-то звучный голос:

— Твои люди справились с поставленной задачей, Гэлис Валера. Они сделали даже больше, чем от них ожидали. Враг далеко не уйдет. Ему не миновать встречи с Госом.

Девушка обернулась. Перед ней, улыбаясь, стоял Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен. Он был с ног до головы залит вражеской кровью.

— Рада видеть вас, генерал! — слабым голосом проговорила Гэлис.

— Я тоже рад тебя видеть. Ты славно потрудилась.

Стратег попыталась вспомнить, когда они с Мэддином виделись в последний раз. Девушка с удивлением поняла, что было это всего полдня назад. Да, только несколько часов назад она покинула борт «Англафа». Ей казалось, будто с тех пор прошла целая вечность.

— Это была самая долгая ночь в моей жизни.

Чуть ли не весь Кидан вышел на улицы, чтобы поглазеть на драгун Госа. Сам Гос был готов лопнуть от гордости, ведя своих затянутых в зеленые мундиры, черные лосины и высокие черные сапоги конников по городским улицам.

Линседд приказал засунуть карабины в притороченные к седлам кобуры, чтобы у воинов были свободны руки, в которых они сжимали злоеюще сверкавшие на солнце массивные палаши. Лошади все еще испуганно вздрагивали, утомленные долгим пребыванием на корабле, и поэтому Гос не рискнул отдавать команду и ускорить движение отряда. Однако цокот копыт пятидесяти скакунов по мостовым улиц и переулков Кидана звучал достаточно впечатляюще. Никто из горожан не осмелился появиться на пути у драгун.

Стрелки из личного эскорта Мэддина находились далеко впереди: их послали разведать, нет ли где поблизости постов или засад вражеских войск.

Когда отряд хамилайских кавалеристов выехал на главную улицу, до моста его отделяло расстояние не более лонгъярда. Гос понял, что прибыл в город как раз вовремя. Разведчики один за другим возвращались, благополучно избежав стычек с противником, находившимся в данный момент к востоку от армии Мэддина.

Гос трижды взмахнул правой рукой. Драгуны перестроились: теперь они двигались по пять человек в ряд. Линседд оказался на левом фланге. Он сделал знак, и труба проиграла сигнал к атаке.

Резкий звук трубы перекрыл шум кипевшего вдалеке боя. Все, кто в этот миг находился в городе, замерли в тревожном ожидании.

Драгуны опустили палаши, надежно закрепили ноги в стременах, выпрямили спины и, сузив глаза, застыли, готовые выполнить команду. Отряду предстояло преодолеть всего шестьдесят ярдов.

Гос кивнул и показал трубачу три пальца. Трубач протрубил приказ перейти в легкий галоп. Драгуны слаженно выполнили команду. Отряд, слившийся в единое целое, рванул вперед. На солнце блеснули вскинутые над головами всадников клинки.

Конная лава безжалостно смяла солдат плутократов. Неприятель дрогнул. У входа на мост воцарился хаос. Самые отчаянные киданцы попытались оказать коннице сопротивление. Более благоразумные бросали оружие и падали на землю, стараясь не двигаться.

Избегать столкновений не удавалось даже хорошо обученным драгунским лошадям, но на мосту столпилось так много людей, что у всадников не возникало никаких трудностей в выборе цели. Палаши вздымались и опускались, мелькая подобно крыльям мельницы. Сраженные разящей сталью киданцы снопами валялись на землю. В эти мгновения они не казались врагами, а воспринимались лишь как мертвые, раненые и незащитные люди. Все, за исключением одного человека, истекавшего кровью от десятка ран, яростно размахивавшего мечом и издававшего крики гнева и боли.

Гос приказал трубачу трубить отбой, и драгуны разом отхлынули к западной стороне моста: рядом с Линседдом, рванувшим в сторону одинокого безумца с мечом, оставались лишь трубач и вестовой.

Гос проворно спешил. Сделав ловкий выпад, он выбил из рук безумца оружие, после чего нанес ему затянутым в перчатку кулаком мощный удар в подбородок. Киданец тут же упал, потеряв сознание.

— Проследите, чтобы он больше никому не причинил вреда, — бросил Гос вестовому. Затем, посмотрев на груды бесчувственных окровавленных тел, он добавил: — И смотрите, чтобы никто из них не посмел причинить вред нам

ГЛАВА 22

Паймер не выносил сырость Беферена — насыщенную, пропитанную запахом хвои.

Здесь он все время мерз. У герцога постоянно закладывало нос: дышалось с большим трудом. Члены Комитета Безопасности, которых Паймер видел во дворце, были всего-навсего молодыми солдатами, пытающимися обратить себе на пользу свое низкое, неблагородное происхождение. Все они категорически не нравились герцогу. Он терпеть не мог этих «гражданских» советников, где бы ему ни попадались бывшие Аксевлерены из некогда гордого и славного королевства.

Хотя его отношения с Идальго продолжали улучшаться, а все, кто знал их обоих, не сомневались, что эти двое по-прежнему терпеть не могут друг друга, Паймер прекрасно знал истинное положение дел. Он ничего не сказал своему Избранному о том, что увидел на второй день своего пребывания в столице, не поинтересовался, с кем Идальго совсем недавно разговаривал во внутреннем дворике. В этом отношении воображение уводило герцога в заоблачные выси. Что было еще хуже, Избранный ни разу не осмелился вступить с ним в какие-либо разговоры.

Неожиданно для себя Паймер обнаружил, что в Беферене он постоянно испытывает страх.

Герцогу хотелось побыстрее вернуться домой, однако подобное желание могло осуществиться не раньше, чем он сделает здесь одну вещь. Впрочем, не одну, а две, поправил он себя. Думать об этих двух вещах ему отчаянно не хотелось.

На одиннадцатый день пребывания в столице герцога пригласили встретиться с Харкером. Паймер с маячившим за его спиной Идальго ждал, когда слуга отведет их в библиотеку, где до сих пор проходили все официальные встречи. За эти дни у него возникло устойчивое убеждение, что Комитет Безопаснос-

ти являет собой некое пугливое животное, а его глава — единственный официальный посредник для общения с ним.

К удивлению Паймера, их отвели вовсе не в библиотеку. Вместо этого они оказались в той части дворца, в которой хамилайцам еще не приходилось бывать. Герцог и Идальго дошли до конца длинного темного коридора, где их ждал Крофт Харкер. За его спиной стояли два стражника, охранявшие простую на вид дверь. Фонарь отбрасывал желтый свет на лицо Харкера, придавая ему призрачное, злое выражение.

— Благодарю вас, ваша светлость, за то, что приняли наше приглашение.

— Всегда к вашим услугам, — откликнулся Паймер, коротко кивнув.

Его раздражала необходимость постоянно отвешивать поклоны этим юным типам, однако дипломатический этикет заставлял герцога расшаркиваться перед Харкером таким вот постыдным образом. Никуда не денешься. Он — официальный посланник великой державы, а Харкер — глава государства, куда Паймера направили с особой миссией.

— Комитет Безопасности принял решение удовлетворить вашу просьбу. Вам предоставляется право увидеться с вашими родственниками.

Герцог кивнул, словно услышанное ничуть не удивило его. Лишь увидев стражников возле двери, он понял, кто именно может находиться по другую ее сторону.

— Вы будете моим сопровождающим? — спросил герцог у президента.

Тот иронично улыбнулся.

— Вашим эскортом.

— Разумеется.

Харкер кивнул одному из стражников, и тот поспешил открыть дверь.

Неожиданно герцог почувствовал чье-то присутствие в коридоре и быстро оглянулся. Там стоял один из предателей-Акс-

кевлеренов. Паймер узнал того человека, с которым разговаривал Идальго.

Он бросил быстрый взгляд на своего Избранного, однако тот смотрел куда-то в сторону.

— Комитет Безопасности, принимая во внимание всю деликатность данного визита, предпочитает, чтобы вы один прошли в эту дверь, ваше высочество, — произнес Харкер извиняющимся тоном.

— Комитет Безопасности мне не доверяет?

Лицо Харкера приняло откровенно сконфуженное выражение.

— Что вы! Конечно же, он доверяет вам! Безоговорочно доверяет! Просто дело в том, что... — тут президент нахмурился, пытаясь подыскать нужное слово, — дело в том, что теперь ни у кого из ваших Кевлеренов больше нет Избранных. Учитывая их чувства, нам показалось, что будет разумнее, если вы встретитесь с ним без сопровождающих, один.

— Один, но в вашем обществе, — поправил Харкера Паймер. Тот развел руками, как будто соглашаясь с его словами.

— А как же Идальго? — спросил герцог, уже заранее зная, каким будет ответ.

Ривальдийский Аксевлерен откашлялся.

— Меня попросили показать вашему Избранному кое-что в городе.

— Так мы идем? — спросил Харкер, открывая дверь.

Никаких сомнений у Паймера уже не оставалось. Его хозяева снова не дают пространства для маневра, а ведь по поручению императрицы Лерены он должен обязательно встретиться с ривальдийскими Кевлеренами.

Герцог решительно шагнул вперед. Харкер последовал за ним. Паймер услышал, как стражник закрыл дверь и повернул ключ в замке.

Он оказался в просторном помещении с высоким потолком, освещенном тусклым светом фонарей, оставлявшим в полумраке большую его часть. Беспорядочно расставленные стулья, по-

душки, письменные столы. В комнате находились шесть человек — четверо взрослых и двое детей. Шесть пар глаз смотрели на вошедших. Усталые, равнодушные, едва ли не презрительные взгляды. Лица — типично кевлеренские; правда, у всех — ввалившиеся щеки, грязные нечесанные волосы, землистого оттенка кожа. И всё же Паймера узнали.

Словно по мановению волшебной палочки Кевлерены преобразились. Глаза удивленно расширились. С лиц исчезло угрюмое выражение. Все шестеро, даже дети, с готовностью вскочили со своих мест. Краем глаза Паймер заметил, что Харкер сделал шаг назад. Виду у него был такой, будто он случайно угодил в логово льва.

— Доброе утро, кузены, — непринужденным тоном произнес герцог. — Рад наконец-то увидеться с вами.

Лерена решила оставить при себе Верклоффа — согладаясь, которого она послала к Юнаре и которого сестра вернула обратно.

После некоторых размышлений императрица пришла к выводу, что он ей нравится. Кроме того, Лерена убедилась, что у Юнары были некие «секреты», которые могут принести пользу империи. Однако больше всего она была довольна тем, что снова обзавелась любовником, регулярно ублажавшим ее в постели.

Это являлось той частью жизни императрицы, о которой она почти забыла, взойдя на трон. Мысли о любовных утехах напомнили ей о необходимости найти себе достойного ее высочайшему положению мужчину, который поможет обзавестись наследником, продолжателем императорской династии. Лерена уже обсуждала с Ганиморо возможных кандидатов на подобную роль, и женщины пришли к заключению, что все нынешние Кевлерены мужского пола либо слишком стары, либо слишком скучны.

Имелись, конечно, и отдельные многообещающие почки на второстепенных ветвях семейного дерева, но их нужно было еще вырастить и рассмотреть более пристально, прежде чем принять

соответствующее решение. Короче, спешить пока не стоило. В запасе у Лерены оставалось еще несколько лет. Кроме того, она вполне заслуживала скромных забав до обзаведения наследником... и вообще на дворе стояла весна.

Правда, как-то утром Ганиморо напомнила императрице, что весна подошла к концу. Последний великий праздник — Парад Близких Родственников — должен был состояться через несколько дней. Это было одним из немногих торжеств, которое Лерена самозабвенно любила, грандиозный парад, великий и всеми любимый праздник, возникший еще до того, как был заложен Омеральт... Кевлерены просто приспособили его под свои нужды. В нем принимали участие все гильдии, союзы, клубы и сообщества, независимо от того, как они проявили себя в течение года.

В соответствии с традицией парад начинал один из пехотных полков, причем части хамилайской армии выбирались каждый год новые. В этом году подобной чести удостоился полк легкой пехоты из Ферберина, мундиры которого отличались не меньшей живописностью, чем флаги, вывешивавшиеся в тот день на всех столичных зданиях. В полку даже имелся довольно приличный духовой оркестр, призванный поднимать боевой дух воинов.

Парад Близких Родственников начинался от здания Зала Историй, затем его путь пролегал на юг, через главную городскую улицу, потом процессия сворачивала ко дворцу, чтобы голова ее могла сомкнуться с хвостом. К тому времени, когда парад достигал императорской резиденции, во дворах уже были накрыты ломящиеся от яств и напитков столы.

Однако самым главным в праздничной процессии было присутствие Кевлеренов. Каждого из них сопровождали Избранные, старшие Акскевлерены и многочисленные питомцы из личных зверинцев. Это был единственный день в году, когда город наполнялся звуками, издаваемыми всевозможными животными: лаем, рычанием, писком, шипением, щебетом, свистом и карканьем. Для многих горожан подобное являлось единственной возможностью увидеть иных живых существ, кроме привычных голубей и скворцов, вив-

ших гнезда на крышах домов и головах статуй, или немногочисленных крыс, осмелившихся выбраться из канализации.

За полчаса для начала парада Кевлерены собрались перед тронем Лерены. Каждого из них сопровождал его любимый питомец. Животные приносились в жертву — с тем чтобы никто из их собратьев во время парада не сбежал, не улетел, не покусал зрителей и вообще не совершил чего-то такого, что могло бы опозорить семью перед остальными людьми.

В зале стоял тошнотворный запах крови, которая непрерывно стекала на пол тонкими ручейками. Слышались сдавленные рыдания Кевлеренов, лишившихся тех, которого они горячо любили. Любой, кто находился на расстоянии лонгъярда от места жертвоприношения, ощущал, как из зала исходит мощь Сефида, чувствовал, как по коже пробегают мурашки и дыбом поднимаются волосы на затылке, видел, как над любым металлическим предметом возникает радужный нимб...

После того как Кевлерены отмыли руки от крови и вытерли со щек слезы, начался парад. Они заняли места в праздничной процессии. Вместе со своими Акскевлеренами и оставшимися в живых родственниками Кевлерены дали жителям Омеральта возможность полюбоваться зрелищем, которого те так страстно желали и которого по праву заслуживали.

Во многих отношениях этот парад был похож на предыдущие, хотя Лерене он показался особым. Во время церемонии жертвоприношения императрица уяснила для себя то, чего раньше не понимала: безграничное могущество, которое давал Юнаре Сефид.

По какой-то причине Лерена очень хорошо знала, что значительная, если не большая часть Сефида, вырабатываемая во время Обладания, исходила от ее сестры. Императрица чувствовала это всей кожей; видела, как магическая сила струится над Юнарой, словно марево летнего зноя.

К счастью, в сопутствующей празднику суматохе больше никто не заметил ни чувств Лерены, ни мощи Юнары. Точнее, почти никто: странную задумчивость властительницы Хамилая

уловили Ганиморо и канцлер Малус Майком, который подмечал мельчайшие изменения в настроении императрицы.

Ганиморо собиралась поговорить по этому поводу с Лереной в конце дня. Майком решил опередить ее.

Вскоре Беферен остался далеко позади. Карета, увозящая Паймера и Идальго, все больше и больше углублялась в лес. Паймер испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, ему хотелось, чтобы экипаж двигался как можно быстрее, а с другой — чтобы они никогда не добрались до границы.

Но ведь он везет важные сведения... Лерена обязательно должна узнать о судьбе ривальдийских Кевлеренов. Они вовсе не львы, томящиеся в клетке: скорее это домашние животные, которых содержат в хлеву.

Когда герцог в сопровождении Крофта Харкера появился перед ними, Кевлерены едва не бросились на него — словно дикие звери, обезумевшие от пребывания в неволе. Они окружили Паймера и президента, бросая на вошедших свирепые взгляды. Герцогу показалось, что несчастные готовы в любое мгновение наброситься на него и разорвать на части.

Но тут кузены Паймера неожиданно разразились рыданиями. Ручьи слез. Слезы тоски и одиночества.

— Где наши Избранные? — кричали они. — Кто забрал их у нас?..

Рыдания пробудили остальных Кевлеренов, занимавших добрую сотню комнат дворца. Все они лили слезы и тщательно взывали к Паймеру.

Домашние животные, но не львы. Столь сильно привязанные к своим Избранным, что превратились из гордых Кевлеренов в смиренных овец. Сбитые с толку. Утратившие волю и разум. Бессильные — и никому не нужные.

Паймер заметил улыбку, промелькнувшую на лице Харкера, и бросился к запертой двери. Он стучал до тех пор, пока стражники не открыли. Затем герцог торопливо выскочил за порог, не оглядываясь.

Оказавшись за пределами дворца, он увидел, что со всех сторон окружен деревьями. Холодный воздух пощипывал уши и нос. Паймеру казалось, будто внутри у него медленно растет глыба льда.

Эта страна была ему ненавистна, ненавистна до такой степени, что герцог поразился тому, как можно что-то так сильно не любить.

— В городе очень интересно, — произнес Идальго, пытаясь завязать разговор. За последние несколько дней Паймер перекинулся с ним лишь парой слов. Что случилось с хозяином? Что он такого увидел?..

Герцог скользнул по своему Избранному равнодушным взглядом.

— Неужели? — бесстрастно проговорил он.

— Тот, кто меня сопровождал, прекрасно знает его историю, — улыбнулся Идальго. — В курсе всех местных сплетен за последние два столетия...

— Это достаточно характерно для Избранного, — заметил герцог и тут же пожалел о сказанном. Он увидел, что лицо Идальго сделалось белым как мел. Герцогу захотелось немедленно извиниться за свои слова, но ривальдийский холод давно заморозил все его чувства: разум, мужество, волю, всю его жизнь.

Из груди Идальго вырвался резкий звук, как будто его сильно ударили в живот. Его кожа показалась Паймеру еще более сухой и морщинистой, чем обычно.

«Скоро, — подумал герцог, — совсем скоро. Скоро эта боль уйдет навсегда, мой дорогой Идальго».

— Парад удался на славу, — произнесла Лерена вслух, желая, чтобы все узнали о ее впечатлениях от праздника.

Гости радостно заулыбались; императрица улыбнулась в ответ.

Ганиморо зорко следила за тем, чтобы под рукой у Лерены всегда были напитки, и время от времени предлагала ей блюдо со сла-

достаями или печеньем. Гостей, пришедших во дворец после парада, к послеполуденному времени осталось совсем немного. Задержались лишь немногие наиболее упорные едоки и выпивохи.

Когда день начал понемногу угасать, посторонних не осталось вовсе. Лерена поняла, что может наконец-то немного отдохнуть. От весны и ее радостей тоже можно устать.

Во дворце уже не было и никого из придворных, за исключением Малуса Майкома. Чем же она провинилась перед высшими силами, что этот человек так настойчиво навязывает ей свое присутствие?.. Хотя, признаться, от него все-таки бывает польза. В конце концов, без помощи и советов канцлера кое-какие семейные проблемы решить было бы сложно...

— Мне кажется... — начал Майком, похрустывая пальцами, — если мне будет позволено сообщить мое мнение... так вот, я думаю, что вы, ваше величество, не слишком остались довольны состоявшимся парадом.

Лерена смерила его внимательным взглядом, изо всех сил пытаясь скрыть свою неприязнь. Отчего ей не достался канцлер нормального роста? Ведь он даже ниже ее...

— Меня занимали кое-какие мысли, — чуть рассеянно призналась императрица и тут же вспомнила, насколько ее впечатлила мощь, продемонстрированная Юнарой. А где же сейчас ее сестра? Скорее всего в своем птичнике, выщипывает перья у какой-нибудь незадачливой канарейки.

Майком пожал плечами.

— Вы же властительница огромной империи и всегда пребываете в раздумьях о ее судьбе. Однако сегодня вы показались мне чем-то опечаленной.

— Я размышляла над вопросом, касающимся магических сил, — отозвалась Лерена — просто для того, чтобы услышать ответ Малуса.

Канцлер понимающе кивнул.

— Ясно, ваше величество. Способы их применения или же связанная с ними ответственность?..

Попал почти в точку, подумала императрица.

— Скорее я думала о теории...

— О теории? — удивился канцлер.

— О том, какой концентрации может достигать сила Сефида.

— Какой концентрации? Вы говорите о чистой энергии?..

Лерена отрицательно покачала головой.

— Давайте я объясню по-другому. Как лучше использовать силу? В рассеянном виде — или же собрав ее воедино, спрятав за одной мыслью?

— Ах. Теперь я вас понял. Конечно же, собранной воедино. Рассеянная энергия может оказаться совершенно бесполезной.

— И ее в таком случае обязательно нужно использовать, — сказала Лерена.

— Естественно.

— Это не вопрос, — перебила Майкома императрица. — Она обязательно найдет себе применение.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — с улыбкой ответил канцлер.

Лерена его больше не слушала. Она уже нашла нужный ответ.

Это было самое долгое в жизни Паймера путешествие. И в то же время самое быстрое.

Во тьме горной ночи, в далеком от пришедшего в упадок королевства краю ему предстояло выполнить одно важное дело — а потом поспешить с докладом к императрице.

Герцог стоял в одиночестве возле своей постели, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Он теребил в руках амулет, врученный ему еще при рождении, еле слышно произнося заклинания. Стареющему телу Паймера стало холодно. Этот холод пробирал до костей; герцогу казалось, будто кровь в жилах с каждым мгновением остывает, превращая слезы в шарики льда. Откуда-то потянуло морозным воздухом, который мгновенно закрутился вихрем, преобразуя слова в Сефид.

Когда все закончилось, Паймер опустился на колени рядом с Идальго, спавшим непробудным сном, поцеловал его в лоб, после чего вонзил ему в шею кинжал.

Когда кровь Избранного собралась в лужу, герцог почувствовал, что Сефид впервые раскрылся ему во всей своей полноте. Впервые в жизни он уничтожил то, что любил больше самого себя. Это было самое удивительное, самое яркое ощущение, которое он когда-либо испытывал. Оно было подобно теплу материнского тела, поцелую любимой, прикосновению ребенка — всем вместе взятым. В этот миг Паймер понял, что может сделать все, что только пожелает, но охватившая его безысходная печаль оказалась столь велика, что ему захотелось лишить жизни самого себя.

Вскоре Сефид сомкнулся над ним: в комнате воцарился мрак. Герцог остался один. По-настоящему один.

Он чувствовал полную опустошенность, силы окончательно покинули его. Паймер поднял с пола одежду и вышел из комнаты, оставляя за собой кровавые следы. Увидевший его хамайский солдат, один из немногих воинов, которые оставались на посту в этом далеком горном краю, еле сдержал рвущийся из горла крик.

— Карету мне! — приказал герцог. — Я должен немедленно выехать в Омеральт.

ГЛАВА 23

Полома Мальвара чувствовал себя так, будто из него выпустили весь воздух.

После двух лет бесплодных мечтаний, интриг и просьб он снова оказался дома, который наконец-то освободился от суровой и жестокой власти плутократов. Однако Кидан пребывал в состоянии неопределенности, оставаясь под равновеликим влиянием Ривальда и Хамилая. Рано или поздно ему придется делать выбор — к которому из двух государств примкнуть. Даже это знаменовало некий конец, однако в родном городе префекта

по-прежнему витало некое возбуждение, а сам Мальвара перестал что-либо понимать.

Никакого желанного облегчения, никаких принятых решений. Полома не сомневался, что вскоре последуют новые события и будущее не принесет ничего, кроме насилия, крови и разочарования. Мальвара даже поймал себя на том, что постоянно задает один и тот же вопрос — не вызвано ли все это злой волей бога, наказавшего Кидан нескончаемыми страданиями. ~

Когда Мэддин сказал ему, что город избавлен от власти плутократов и киданцы снова могут управлять собственной Ассамблеей, Полома понял, какой дар ему достался. Мэддин будет лояльно относиться к Кидану и его жителям. Хамилай станет править городом издалека: власть незримой императрицы устроит всех. Колонисты, прибывшие со всех берегов Бушующего моря, получают в пользование остров Кархей. При этом они будут подчиняться законам Кидана — и в дальнейшем ощутят себя в большей степени киданцами, нежели хамилайцами. При номинальном правлении Мэддина жизнь города несколько не изменится. В конце концов, если колония стремится к процветанию, а не просто к тому, чтобы выжить, ей обязательно понадобится помощь Кидана — его купцов, ремесленников и земледельцев. Принц понимал это не хуже Поломы.

Мальвару такой оборот дел несколько не смущал. В свое время он без колебаний принял предложение Лерены. Полома несколько не сомневался в том, что солдаты имперской армии, отправленные в Кидан во исполнение ее воли, непременно женятся на местных женщинах, пустят корни на новом месте и со временем станут, подобно остальным колонистам, настоящими киданцами. Заглядывая в далекое будущее родного города, Мальвара понимал, что оно принадлежит тем, кто сегодня живет именно в Кидане, а не за его пределами.

Кроме того, он располагал временем, которого было достаточно, чтобы подробно изучить бухгалтерские книги плутократов. Мальвара был уверен в том, что торговцы и другие богачи

вплоть до самой последней минуты своего владычества аккуратно и точно вели все записи. Огромные финансовые расходы привели его в недоумение, однако и не слишком встревожили. Лишь после того как Мэддин сообщил, что плутократы пустились в бегство, Полома понял, что успокаиваться рано.

— И Майра Сигни тоже скрылся? — спросил он. — И его сподвижники тоже?

— Насколько мне известно, среди убитых Майры не оказалось, — признался Мэддин. — Многим его сторонникам удалось бежать вместе с плутократами... Но в Ривальде вряд ли им окажут любезный прием, потому что не захотят портить отношения с Хамилаем. Война с империей ривальдийцам ни к чему.

— Меня сейчас вовсе не Ривальд беспокоит, — признался Полома и стал рассказывать принцу о славном прошлом Кидана, о войнах с соседями и кочевыми племенами, устраивавшими набеги на город из срединной части материка. Затем он показал бухгалтерские книги плутократов.

— Ничего в этом не понимаю, — признался Мэддин. — Я с трудом разбираюсь в собственных хозяйственных расходах.

— Огромные деньги из городской казны шли на подкуп властителей соседних городов и вождей племен, — пояснил Полома. — Суммы эти невообразимо велики. Плутokraty самым тщательным образом оставляли записи об этих тратах, отмечая, кому и сколько было заплачено.

— Но зачем им это нужно? — удивился Мэддин. — Они же не знали, что вы вернетесь из Хамилая, да еще с войсками.

— Плутokratam не дает покоя Ривальд, — заявил Полома. — Они ждут того часа, когда можно будет избавиться от его влияния в Кидане.

— Вы хотите сказать, что плутokraty покупали себе про запас целые наемные армии?

Мальвара утвердительно кивнул.

— Да, я так думаю. Судя по указанным в этих записях суммам, им удалось обзавестись огромным войском. Извините, ваше высочество, но битва за Кидан еще не окончена.

— Что это еще за гильдия колонистов? — спросил пекарь. Он был зол на печника и не скрывал этого. Печник настаивал, что глина на острове никуда не годится для изготовления кирпичей. А без кирпичей, как известно, ни за что не сложить печь, в которой можно приготовить достаточно хлеба, чтобы накормить столько ртов, сколько ему было велено. Он также недавно выяснил, что три мешка пшеницы, привезенной и Хамилая, никуда не годятся. Зерно сгнило, и от испеченного из него хлеба люди непременно будут болеть.

Да, день выдался скверный, хуже не бывает.

Если только не станет еще жарче, сказал себе пекарь, вытирая пот со лба и неприязненно глядя на подошедшего к нему рослого мужчину, рядом с ним стояла юная широкобедрая девушка. Она старательно избегала взгляда пекаря, разглядывая что-то у себя под ногами.

— Нам нужно создать гильдию для защиты наших прав, — спокойно повторил печник.

— Послушай, приятель, — отозвался пекарь, — если для меня не сложат печь и я не смогу выпекать хлеб, то ни о каких правах и речи не может быть. Так что ступай, уговаривай кого-нибудь другого.

— А какую отговорку ты найдешь после того, как печь тебе все-таки сложат? — спросили печник.

Его собеседник тяжело вздохнул и обратился к девушке:

— Может, ты все-таки урезонить своего дружка, а? У меня забот полон рот. Вообще-то я *ремесленник*, а не колонист, понятно? Молите Сефид о помощи, если я не заставляю этого твоего печника...

— Но если у тебя будет печь, ты поможешь нам организовать гильдию? — спросила девушка громким уверенным голосом, никак не подобавшим ее юным годам.

Пекарь снова посмотрел на нее, на этот раз с несколько большим интересом. Девушка была довольно миловидна, хорошо

сложена, широка в бедрах, что обычно способствует успешному деторождению. Грудь маловата, но все же...

— Я подумаю, — проворчал пекарь. — А как тебя зовут, милашка?

— Эриот Флитвуд, — ответила девушка. — А моего друга — Арден.

Ее спутник досадливо усмехнулся.

— Так где нам найти мастера, делающего кирпичи?

Пекарь указал на грубо сколоченную пристань, сооруженную солдатами на южной оконечности острова.

— Он пошел к реке, посмотреть, какая там глина. Говорит, что здесь глина плохая.

— Спасибо, — поблагодарила Эриот и повернулась, прежде чем пекарь успел что-то добавить. — Мы скоро вернемся, — бросила она через плечо.

— Надеюсь на это, милашка. Очень надеюсь, — усмехнулся пекарь.

Хотя далеко не все переселенцы восприняли идею объединения так, как этот упрямец пекарь, мысли о будущем колонии заставили Эриот замедлить шаг.

Девушка в сотый раз задала себе вопрос: а правильно ли они поступают? Арден с такой страстью уговаривал Эриот возглавить гильдию, что ей ничего не оставалось, как уступить его призывам, но каждый раз, когда она встречала того, кто не понимал смысла объединения поселенцев в один союз, ее посещало желание отказаться от этого сомнительного замысла. Однако вера Ардена в нее и в будущую гильдию помогала девушке отгонять прочь подобные мысли: ей ужасно не хотелось разочаровывать великана.

Арден, не заметив, что Эриот отстала, удалился от нее на порядочное расстояние. Он напоминал дерево, у которого каким-то фантастическим образом выросли ноги и которое возымело намерение куда-то пойти. Его кулаки напоминали две гири. Арден был самым забавным существом, которое ей когда-либо

приходилось видеть. Хотя у Эриот имелись серьезные подозрения, что этот верзила убил Рыба во время шторма, пока они плыли сюда, он был самым нежным из всех — никогда не повышал голос, никогда не богохульствовал, никому не грубил и искренне хотел помочь остальным колонистам.

Если только они примут помощь, напомнила она себе. С того места, на котором сейчас находилась девушка, то есть на восточном берегу самого северного острова, были видны бесчисленные палатки и сложенные из веток и коры шалаши поселенцев.

Когда Эриот вместе с остальными колонистами сошла на берег с борта корабля «Ханнема», все ожидали, что их взглядам откроется берег, поросшие пышной растительностью равнины, а главное — бескрайние просторы. После долгого путешествия на битком набитом корабле всем хотелось поскорее оказаться на суше, где можно не толкаться локтями, спокойно ходить, не причиняя никому неудобств, дышать чистым воздухом и не нюхать запахов чужого пота, экскрементов и рвоты.

Однако вместо желанного простора переселенцам достался желтый песок острова со скудными пастбищами, на которых паслось множество коров, овец и коз. Людям снова пришлось начать жизнь в условиях жуткой скученности, каждый свободный час тратить на создание сносных жилищных условий, на возведение стен, печей для обжига кирпича, кухонь, уборных, на прокладывание дорог...

Эриот задумчиво покачала головой. Нет, все не так уж и плохо, подумала она. По крайней мере люди заняты делом, никто не голодает, крыша над головой есть у каждого. И, самое главное, закончилось мучительное морское путешествие. Новая Земля, может быть, оказалась не совсем такой, какой представлялась колонистам в мечтах, но ведь все-таки большей их части удалось благополучно пересечь Бушующее море...

Арден заметил, что идет один, и остановился. Обернувшись, он вопросительно посмотрел на Эриот.

— Я задумалась, — виновато пояснила девушка.

— Это хорошо, — кивнул ее спутник. — Но ты можешь думать на ходу?

Намойе Кевлерену надоело смотреть в ствол огнестрела. Охранники постоянно целились в него, держа палец на спусковом крючке. Даже сумей принц произнести заклинание, его успели бы застрелить прежде, чем он мог закончить.

А еще эта белокурая стерва велела охране сменяться каждые два часа, чтобы солдаты не устали и не утратили бдительности. Квенион разрешалось навещать Намойю лишь трижды в день; девушка приносила еду, напитки и забирала из комнаты деревянное ведро, в которое он справлял нужду. Принцу было стыдно испражняться в присутствии охраны, но он был вынужден подчиниться обстоятельствам. Его Избранной запрещалось разговаривать со своим господином: когда Квенион попыталась улыбнуться Кевлерену, ее сильно ударили по ребрам прикладом огнестрела. Это вызвало у принца вспышку гнева, но, памятуя о том, что из-за него Избранную могут лишить жизни, Намойя сдержался и далее вел себя более благоразумно.

Должно быть, он действительно любит эту женщину, если боится подвергать ее опасности. Это означало, что в глубине души он все еще остается Кевлереном. Возможная утрата такого ощущения самым серьезным образом пугала его.

На второй день вынужденного заточения в комнату Намойи вошел неожиданный гость — один его собратьев-Кевлеренов.

— Как с тобой тут обращаются?

— Не слишком церемонятся, надо сказать.

— Они боятся, что ты начнешь произносить заклинания.

— Почему они так считают? — искренне удивился Намойя.

Лицо гостя приняло удивленное выражение.

— Потому что ты — Кевлерен. Потому что они знают, что два года назад ты использовал Сефид, чтобы помочь плутократам захватить власть в Кидане.

— Как долго ты был в море?

На лице гостя появилось удивленное выражение.

— Я не понимаю, какое отношение это имеет к нашему разговору.

— Просто ты отстал от жизни. Разве ты не получил известий от императрицы? Похоже, ты ничего не знаешь о том, какие изменения произошли в моем родном доме.

— Изменения?..

— Моя семья... да и *твоя* семья, кем бы ты ни был... свергнута с ривальдийского престола.

Эти слова вызвали у собеседника Намойи потрясение большее, чем ожидал ривальдиец. Однако страшное известие его испугало, видимо, меньше, чем пленника в свое время.

— Свергнута?

— Совершенно верно. Сейчас во дворце королевы Сарры заседает так называемый Комитет Безопасности. Вообще-то я со дня на день ожидал, что меня лишат власти и отзовут обратно...

Гость понимающе кивнул.

— И Комитет Безопасности не дает тебе возможности произнести заклинание.

— Если я осмелюсь сделать это, они убьют кого-нибудь из моих сестер или братьев, — подтвердил Намойя. — А где твоя фамильная цепь?

Задав этот вопрос, он вытащил из-под рубашки свой собственный амулет — золотой треугольник, тускло блеснувший в слабом свете, проникавшем в комнату через единственное окно.

Гость ничего не ответил, лишь еле заметно улыбнулся.

— Кто ты? — потребовал ответа Намойя.

— Меня зовут Генерал Третий Принц Мэддин Кевлерен.

— Значит?..

— Я отрекся от своей семьи, — спокойно ответил гость и, снова улыбнувшись, добавил: — От *нашей* семьи.

Намойя на мгновение задумался.

— Да, я слышал о тебе. Ты известен как опытный воин. Поэтому вполне объяснимо, что твоя императрица отправила тебя отстаивать интересы империи на Новой Земле.

Потом ривальдиец нахмурился.

— Если я не ошибаюсь, ты один из немногих Кевлеренов, не имеющих доступа к Сефиду.

— Я не опорочу себя использованием Сефида, даже если бы обладал такой способностью.

Намойю удивила прозвучавшая в голосе генерала язвительность.

— Поскольку теперь ты знаешь, что я не могу воспользоваться Сефидом, — медленно произнес он, — то, возможно, со мной будут обращаться помягче? Я, конечно, не надеюсь на то, что ты отпустишь меня...

— Ты прав, — сухо кивнул генерал.

— Но я бы был благодарен, если бы ты предоставил мне большую свободу.

— Большую?..

— Ну, хотя бы более просторную комнату. Хотелось бы, чтобы меня избавили от охраны. Чаше пускали ко мне Избранную. За это я могу дать слово, что не стану убегать или обращаться к помощи Сефида, оставаясь твоим пленником.

— А что делать, когда придет твоя замена?

Намойя пожал плечами и криво улыбнулся.

— Тогда поступишь так, как сочтешь нужным.

Гэлис пробудилась от глубокого и спокойного сна. Она не помнила, когда в последний раз спала так крепко и безмятежно.

Девушка вытянула руку, желая прикоснуться к Китайре, но вторая половина кровати была пуста. Гэлис села на постели и открыла глаза. Ее возлюбленная сидела за столом и листала какую-то книгу, так низко склонившись над ней, словно в одночасье сделалась близорукой из-за долгого чтения в скудно освещенном помещении.

Стратег никак не могла отделаться от необычного ощущения. Она с трудом привыкала к чужой стране, в которой пребывала слишком мало времени. Здесь все было не так, как в ее родном

краю. Непривычные цветы, растения, запахи, звуки... Девушка почти физически почувствовала наступление нового дня и напомнила себе, что сейчас в Кидане всего лишь весна. Интересно, каково ей здесь будет летом? Ее взгляд снова остановился на Китайре. Гэлис почувствовала себя удивительно счастливой оттого, что они снова вместе.

После того как кровавая битва закончилась, стратег долго оставалась на поле боя, помогая, насколько это казалось возможным, облегчить страдания раненых, отдавая распоряжения, связанные с погребением убитых воинов и сбором оружия. Она была с ног до головы заляпана грязью и кровью. Оказавшись на Великом Квадранте, Гэлис неожиданно увидела Китайру. Они приблизились друг к другу, а потом какое-то время стояли молча. Несмотря на царивший вокруг радостный шум, издаваемый победителями, стратег слышала лишь участвовавшее биение собственного сердца. Затем Китайра нежно поцеловала ее в щеку краешком губ, и Гэлис этот поцелуй показался самым чувственным из всех, которые она когда-либо испытывала в своей жизни.

Китайра не стала задерживаться и отправилась ухаживать за ранеными. Стратег поспешила вернуться к своим обязанностям. Когда наступила ночь, ее отыскивали посланные Соркро слуги, привели обратно в дом, помогли вымыться, одели в чистую тунику. Слепая мать Поломы сама отвела девушку в спальню, в которой ее ожидала наряженная в такую же тунику Китайра.

После того как Соркро оставила их одних, девушки сразу же бросились друг другу в объятия, как будто расстались на годы, а не на пару дней. Они неуклюже, торопливо занялись любовью, словно делали все в первый раз, словно недавние бурные события лишили их отношения былой нежности и изящества. Однако чуть позже Китайра призналась:

— Я уже подумала, что тебя больше нет. Я почувствовала это всем моим существом, как только ты покинула «Англаф». Мне казалось, будто с тобой случилось что-то ужасное, непоправимое. Словно огромная рана разверзлась в моем сердце. —

Нежное дыхание подруги ласкало волосы и обнаженную кожу Гэлис. — Та ночь, проведенная в открытом море, была самой кошмарной в моей жизни. Я оставалась на главной палубе, глядя на острова, надеясь разглядеть тебя в кромешной тьме, желая всей душой услышать твой голос. Но вокруг было лишь неприветливое, беспокойное море...

Китайра крепче обняла Гэлис, еще ближе привлекая к себе. Ее возлюбленная ответила поцелуем. Грамматист прижала ладонь к ее губам, не давая говорить, и продолжила:

— Когда же я наконец увидела тебя на городской площади, мне показалось, будто лишь ты одна осталась в живых во всем городе. И я была так рада снова оказаться рядом с тобой... Я радовалась, что все остальные погибли ради того, чтобы ты осталась живой. — По щекам Китайры потекли слезы. — Неужели я была не права? Неужели так нельзя думать?..

Гэлис отняла руки подруги и принялась целовать ее глаза, мокрые от слез щеки, губы... Они снова занялись любовью, на этот раз медленно и нежно, наслаждаясь ласковым прикосновением теплого летнего воздуха, который, как казалось, продлевал очарование этих счастливых мгновений на целую вечность.

Затем их одолел сон, и Гэлис снилось, что она будет до окончания веков оставаться в объятиях любимой.

— Что ты пишешь? — спросила она.

Китайра обернулась и слегка нахмурилась. Однако недовольное выражение лица мгновенно исчезло, когда она посмотрела в глаза Гэлис.

— Ты проснулась, — улыбнулась она.

— Я никогда еще в жизни так не радовалась пробуждению.

— У меня было такое же чувство, — рассмеялась Китайра. — Когда я проснулась, то почувствовала запах теплого утра за окном, ощутила, как под лучами солнца пробуждается природа. И еще я кое-что поняла.

Гэлис не удержалась от улыбки и спросила:

— Что же ты поняла?

— Кое-что о Сефиде. Я поняла, как нужно изучать его свойства, как им пользоваться, как его смогут вызвать даже те, кому неведомы слова заклинаний.

Улыбка медленно сползла с лица Гэлис.

— А... это доброе дело?

То самое непонятное чувство, заставившее ее только что проснуться, теперь ощущалось стратегом почти физически.

— Если подобное поможет разрушить монополию Кевленов, то разве может оно быть недобрым делом? — немного неуверенно ответила вопросом на вопрос Китайра.

Гэлис не нашла, что сказать в ответ.

— Это связано с тем способом, которому обучают грамматистов. С его помощью можно было приблизиться к Сефиду, как к чему-то сакральному, причем только приблизиться, не более. Но ведь для нас, Гэлис, это единственная священная вещь во всем мире. Для тебя, меня, наших друзей и даже наших врагов. Я поняла это, когда проснулась сегодня утром. Для нас в жизни нет ничего более ценного, и мы должны изучать особенности Сефида так, как мы изучаем медицину, военное искусство или инженерное дело.

— Ты хочешь, чтобы Сефид стал разновидностью науки?

Китайра отрицательно покачала головой.

— Я хочу, чтобы он превратился в отдельную науку.

И снова Гэлис не сразу нашла, что сказать в ответ подруге. Слова Китайры почему-то пугали ее, как будто пробудив некий первобытный страх.

Грамматист заметила ее нерешительность.

— В чем дело?

Стратег попыталась подобрать слова, способные выразить ее чувства, однако ей помешал неожиданный стук в дверь.

Она подхватила с постели покрывало и закуталась в него. Китайра приблизилась к двери и открыла ее.

В коридоре стоял солдат, который произнес:

— Его высочество желает, что стратег Валера прибыла к нему в удобное для нее время.

— Где же стратег Валера может встретиться с его величеством? — поинтересовалась Китайра.

— На восточной стене Цитадели, госпожа, — ответил солдат. Четко отсалютовав, он удалился.

Китайра закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Принц хочет тебя видеть, — проговорила она. Лицо грамматиста на мгновение приняло строгое выражение. Потом, грустно улыбнувшись, Китайра добавила: — А я-то надеялась, что он хотя бы на денек забудет о тебе.

Полтора часа спустя, когда Гэлис поднялась на крепостную стену, она застала Мэддина, о чем-то оживленно беседовавшего с Кадберном, Госом и Поломой.

— И какие же это суммы? — спросил Линседд у бывшего префекта, разглядывая воды реки Фрей.

Полома пожал плечами.

— Деньги выплачивались многочисленным племенам и небольшим прибрежным городам, но я точно не знаю, сколько воинов Сигни призвал под свои знамена. Кроме того, никто не может сказать, окажутся ли они верны плутократам, когда дело дойдет до боевых действий. Предполагаю, что Майра может рассчитывать примерно на пять тысяч солдат. Однако их может быть и больше.

— Они хорошо обучены?

— Местные племена постоянно воюют между собой. Умеют пользоваться копьем и мечом. Умело стреляют из лука.

— А огнестрелы? Они знают, что противопоставить им?

— Сомневаюсь.

Гос задумчиво кивнул и повернулся к Мэддину.

— Я хочу, чтобы с кораблей побыстрее сгрузили лонгтоны.

— Что случилось? — спросила Гэлис, удивленная услышанным.

Принц при помощи Поломы объяснил ей, каким образом Майра Сигни распорядился казной Кидана.

Когда рассказ был окончен, девушка с беспокойством посмотрела на восток, как будто полчища Сигни уже двигаются к городу.

— Вы хотите установить лонггоны в Цитадели? — спросил Мэддин у Госа.

— Да, главным образом на крепостных стенах, — ответил Линседд, похлопывая по каменному парапету. Затем повернулся к Поломе и спросил: — Ты уверен, что они обязательно выйдут к реке?

Полома снова пожал плечами, чувствуя себя немного виноватым из-за того, что не может ответить точно.

— Без кораблей противник добраться до нас не сможет.

— А не обмелеют ли притоки после таяния снегов? Ведь тогда их можно перейти вброд, верно? — поинтересовалась Гэлис.

— Нет. Такое возможно лишь после сухого лета, но это бывает редко.

— Плутократы не станут ждать наступления лета? — спросил Гос у Поломы.

— Не думаю, — ответил Мэддин, опередив Мальвару. — Сигни не слишком уверен в своем влиянии на новых союзников и не знает, насколько ему хватит власти над ними. Деньги покупают верность лишь на очень короткий срок. Он также опасается того, что Хамилай усилит свои позиции в Кидане. Если Сигни собрался идти на нас войной, то он выступит в поход сразу, как только соберет воедино свое разношерстное войско. В таком случае мы получаем два преимущества. Во-первых, противник не знает точную численность нашей армии; во-вторых, мы уже заняли оборону и готовы к наступлению врага, поэтому ему не удастся захватить нас врасплох. Так что мы победим, — добавил принц решительным тоном.

— А насколько отдалены друг от друга племена и небольшие города, которые ему удалось подкупить? — спросила Гэлис у Поломы.

— Все находятся на расстоянии десятидневного перехода, — ответил тот.

— А где сам Сигни?

— Семья его матери родом из Леассы. Это примерно в ста милях от нас вверх по реке. Там у него сих пор живут родственники. Сигни со своими приспешниками скорее всего скрываются именно там.

Гэлис и Гос одновременно сделали в уме кое-какие подсчеты.

Первым заговорил Линседд:

— Если Полома прав, то у нас в запасе примерно двадцать дней — если, конечно, Сигни не осмелится выступить с малочисленным войском. Раз так, то он может оказаться у стен Цитадели еще раньше, дней через одиннадцать-двенадцать. — Гос посмотрел в сторону Кидана. — При условии, что они приплывут по реке.

— Я согласен с Поломой, — высказался Мэддин.

— Нам следует оставить «Англаф» в бухте, — посоветовала Гэлис.

— А я бы предпочел увести корабль в устье реки, к востоку от крепости, — высказал свое мнение Гос.

— Корабельные пушки могут оказаться единственным нашим преимуществом, — возразила Гэлис. — Неразумно ограничивать маневренность судна, оставляя его в водах реки.

— В любом случае «Англаф» необходимо спрятать от чужих глаз, — заявил принц. — Армия Сигни явится сюда еще не скоро, но ведь ему ничто не помешает наводнить город своими шпионами. Я прикажу капитану Авьеру выйти в море и вернуться через десять дней. — С этими словами Мэддин положил руку на плечо Поломы. — На какое количество ваших людей мы можем рассчитывать?

— На весьма значительное, — решительно ответил префект. — Плутократы были не самыми добросердечными правителями, и моим соотечественникам вряд ли понравится, если они попытаются захватить Кидан при помощи наших извечных врагов.

— Но ведь есть еще и колонисты, — вступил в разговор молчавший до этого момента Кадберн.

— Они не в лучшей форме, — отозвался Гос. — Долгое морское путешествие здорово потрепало их, лишило последних остатков сил, а некоторых и воли.

— Эти люди будут драться не на жизнь, а на смерть, — произнес Мэддин. Окинув взглядом своих собеседников, он добавил: — Через два дня представьте мне план обороны крепости. И еще я хочу, чтобы ваши разведчики отправились вверх по реке и убедились, что Майра Сигни действительно находится у родственников в этой, как ее?..

— Леассе, — напомнил Полома.

— Да, Леассе. Мне бы не хотелось проснуться завтра утром и увидеть плывущие в нашу сторону вражеские корабли.

Увидев, как к нему приближаются Эриот и Арден, пекарь недовольно застонал.

Он только что освободился — помогал сложить четвертую печь. Конечно, даже четырех печей было мало для того, чтобы накормить хлебом такое количество колонистов, но главное — начать заниматься делом. Вот поэтому пекарь сегодня жутко устал.

— Это опять вы, — вырвалось у него.

— Хотим тебе кое-что показать, — бесстрастным тоном произнес Арден.

— А подождать это дело не может? У меня сегодня был трудный день.

— Не может.

Пекарь на мгновение задумался.

— Это далеко отсюда?

— Не очень, — ответила Эриот, показывая рукой, куда надо идти.

Пекарь посмотрел в этом направлении, но ничего не понял, потому что там было много колонистов. Он чертыхнулся себе под нос, кивнул и последовал за девушкой и великаном.

Через несколько минут они приблизились к группе колонистов, занятых разной работой. Кто-то таскал ведрами воду из

реки, кто-то насекал ножом солому, кто-то засыпал смешанную с соломой глину в формы для кирпичей и выкладывали их на земле ровными рядами.

— Разрази меня гром!.. — пробормотал пекарь. — Как вам удалось?..

— Это и есть гильдия колонистов, — ответил Арден. — Все эти люди прибыли на корабле «Ханнема». Главная трудность состояла в том, что хорошая глина находилась далеко от воды. Гильдия разрешила эту проблему.

— Гильдия и тебе поможет, — сказала Эриот. — Видишь, как работа ладится, когда все работают вместе?

Пекарь искоса взглянул на нее. Он все еще не привык к странному голосу девушки, такому уверенному и взрослому.

— Мы сложим тебе хорошую печь, — добавила жестянщица. — Пусть только кирпичи высохнут. Печник говорит, что при такой жаре они будут готовы через пару дней.

— Через пару дней? — удивился пекарь. — Если так, то считайте, что я вступаю в вашу гильдию.

— Не забудь о своем обещании, — ответила Эриот, и пекарь понял, что верит ей.

ГЛАВА 24

— Я близка к тому, чтобы согласиться, — сказала Юнара, поглаживая перышки бесстрашно устроившейся у нее на колене канарейки, крохотной и желтой, как кусочек солнца.

Нетаргер промолчал.

Он только что просмотрел последнюю группу Акскевлеренов. Большинству детей не было и пяти лет, некоторые достались по наследству от Улии Кевлерен, представительницы одной из старейших и самых дальних ветвей семейного древа. Улия неожиданно скончалась на прошлой неделе, оставив после себя долги, рассчитываться по которым предстояло императрице, и

особняк, заполненный Аксевлеренами, почти столь же старыми, как и покойная госпожа. Аксевлеренов предстояло распределить между членами семьи, которые возьмут их на содержание.

Когда-то и Нетаргер думал о них и себе как о части Кевлеренов, чем-то вроде младшей ветви. Однако став Избранным, он смог лучше понять прекрасную и загадочную природу Сефида и теперь воспринимал Аксевлеренов лишь как потенциальных жертв.

Нетаргер знал, что большинство из них будет вести нормальную жизнь, свободную от тягот и лишений, связанных с пребыванием вне родовых замков. Однако в любой момент любой Аксевлерен может быть принесен в жертву...

Он посмотрел на вольер, где содержался семейный зверинец. Птицы и собаки, кошки и насекомые пользовались всеми привилегиями домашних любимцев, жизнь которых могла обогреть человеческая прихоть или каприз.

— Теперь я понимаю, что из меня вряд ли получилась бы хорошая императрица, — сказала Юнара. Птичка на ее колене встрепенулась, и женщина помогла ей взлететь. Крохотное живое пятнышко унеслось прочь, под купол стеклянной темницы.

Нетаргер посмотрел на свою госпожу.

— Почему вы так говорите, ваша светлость?

Юнара грустно вздохнула.

— Я слишком глубоко чувствую боль. Люблю с великой страстью, а печалюсь с большей горестью, чем моя сестра. Она такая уравновешенная, такая здравомыслящая. Я — весна и осень, она — лето и зима.

Нетаргер кивнул, сделав вид, что понял, о чем речь.

В некотором смысле он действительно уяснил для себя, что Юнара до сих пор не свыклась с тем фактом, что при всех своих способностях не она управляет империей. И с этим ей придется бороться всю жизнь, потому что истинную причину — неспособность держать свои страсти в узде — она никогда не примет из-за того, что сердце герцогини исполнено гордыни.

Несколько секунд Нетаргер пристально всматривался в прекрасное лицо герцогини.

Как же я люблю вас.

Он закрыл глаза.

И как же ненавижу.

— Да, — сказала Юнара. — Думаю, я приму отведенную мне роль.

Ощущение было такое, словно что-то рвалось из груди, терзая ее днем и ночью едва ли не физической болью. Правда, замаскированная под сомнение и неуверенность, таилась глубоко в душе, словно забытый в ножнах клинок. Только Ганиморо, милая Ганиморо, любила ее по-настоящему, но и она не в полной мере понимала, что такое быть императрицей, что значит управлять и нести на своих плечах горькое и гнетущее бремя ответственности.

Правда — неуловимая, ускользающая, безжалостная и острая словно бритва — сидела все это время в ней, дожидаясь, когда что-нибудь обнажит ее, явит со всей очевидностью, как сметенная пыль являет скрытое под ней золото. Юнара — не сестра ей. Юнара — соперница, угроза, сила, недоступная Кевлеренам. Причина, по которой Лерена до сих пор отказывалась признавать эту правду, причина, по которой она до сих пор прятала ее, заключалась в неведении в себя, в свою способность противостоять дару Юнары.

Теперь Лерена знала, что ошибалась. Мэддин, милый кузен Мэддин, был решением проблемы, занимавшей ее с момента восхождения на трон: как править, в полной мере проявляя полученную власть, без оглядки на других и руководствуясь своим пониманием целесообразности.

Мэддин. Такой далекий — и одновременно такой близкий. Как прочно связывает людей общая кровь, как обостряет она все чувства, заставляя людей соперничать друг другу... Интересно, так ли в других семьях?

Между тем даже размышлений о правде оказалось достаточно, чтобы испортить аппетит. Лерена отодвинула тарелку,

едва притронувшись к пище, и встала из-за стола. Окружающее давило, угнетало, сковывало дыхание; ее словно опутали невидимые сети. Хотелось уйти куда-нибудь, далеко-далеко... может быть, добраться до скованного холодом юга, лишь бы никого не видеть и не чувствовать. Лишь бы рядом не было ни единой живой души. Даже Ганиморо.

— Ваше величество?.. — озабоченно проговорила Ганиморо. Лерена всплеснула руками.

— Нет! Ничего! Ничего!.. — слишком громко ответила она. — Всего лишь вселенная!

Императрица решительным шагом направилась в сад. Под ногами вертелись, тычась носами и возбужденно поскуливая, две ее собачонки.

Ганиморо последовала за своей госпожой. Стражники уже бежали впереди, разгоняя садовников.

— Ваше величество!.. — настойчиво позвала Ганиморо. — Куда же вы?..

— Тебе это знать ни к чему, — небрежно бросила Лерена.

Почувствовав укол вины, она раздраженно пнула попавшую под ноги собачонку, но промахнулась.

В душе у императрицы что-то стремительно нарастало, как давление пара в котле с водой. Казалось, еще немного — и голова лопнет, взорвется.

Правда показала будущее, но оно было туманно, и Лерена не смогла увидеть все до конца. Страх одолевал ее, но разве у императрицы есть на это право? Если будущее так же неизбежно, как и истина, если будущее и есть истина, то чего же тогда бояться?

Только любви, ответила она себе. Любовь — самая ужасная вещь на свете.

Уже за полночь к величественным воротам Омеральта подкатила карета.

Королевские гвардейцы остановили ее, но из окошка экипажа высунулся растрепанный, безумного вида старик, кото-

рый, размахивая неким предметом, потребовал пропустить его. Стражники с факелами подошли ближе, намереваясь вытащить беспокойного старца из кареты, но, увидев герб на дверце, остановились в нерешительности. Потом, узнав нарушителя покоя, они в растерянности отступили.

Им бы и в голову никогда не пришло, что герцог Паймер Кевлерен может предстать в столь непотребном виде, в состоянии столь явного душевного расстройства. Предмет же, коим он столь отчаянно размахивал, оказался знаменитым рыжим париком, растрепанным и испачканным. В тусклом свете факелов лицо герцога казалось бледным и осунувшимся, а выпученные глаза — по-настоящему безумными.

— Пропустите меня! — кричал Паймер. — Мне нужно увидеть императрицу! Немедленно! Сию минуту!..

Шум привлек внимание сержанта, который, бурча ругательства и почесывая живот, нехотя выбрался из теплой караульной будки.

— Что здесь происходит? Во имя Сефида, мне кто-нибудь ответит, что происходит?..

— Здесь его милость герцог, сержант, — отозвался один из часовых. — Герцог Паймер.

Сержант перестал чесаться, поправил портупею и подошел поближе.

— Ваша милость, это вы? — недоверчиво спросил он — так же, как и солдаты, не веря своим глазам.

— Немедленно пропустите меня! — потребовал герцог. — Я должен увидеться с императрицей! И немедленно предоставьте мне эскорт!..

— Ваша светлость, ее величество строжайше запрещает появляться на улицах Омеральта животным. Вам это прекрасно известно...

— Я сам отвечу перед ней, — немного успокоившись, сказал герцог и попытался вернуть на положенное место парик, который после перенесенных издевательств упрямо сползал с лысины. — Дело крайне срочное, не терпящее отлагательств.

Сержант, получивший звание благодаря тому, что умел в нужное время проявлять инициативу и действовать на свой страх и риск, принял во внимание состояние герцога и решил, что ему действительно нужно как можно скорее повидаться с императрицей.

— Хорошо, ваша светлость. Я сам провожу вас и позабочусь, чтобы нас никто не остановил.

Из глаз герцога, к ужасу всех присутствующих, хлынули слезы.

— Спасибо, сержант. И да благословит вас Сефид. Идемте же!..

Сержант приказал открыть ворота и занял место рядом с кучером, который тоже выглядел испуганным. Он хотел спросить, что случилось, но возница отвел глаза и молча хлестнул лошадей.

Что-то вырвало герцогиню из цепких объятий сна.

Юнара села в кровати, стараясь понять, в чем дело. Сон? Кошмар?.. Нет, вроде бы ничего такого страшного...

В комнате ничего не изменилось. Никаких звуков снаружи тоже не доносилось. Ее ночной слуга, Мика, продолжал безмятежно спать. Женщина осторожно встала с постели и, стараясь не шуметь, выскользнула из спальни.

За дверью, как обычно, стояли двое ее телохранителей. Прежде чем они успели выгнуться по стойке «смирно», Юнара предостерегающе подняла руку и жестом приказала им оставаться на месте.

Миновав птичник, она направилась к озеру. Не снимая ночной рубашки, герцогиня вошла в воду, сделала несколько шагов и легла на спину. Тихое течение отнесло ее от берега. Луны на небе не было видно — только белая дымка звезд. Казалось, будто можно лишь протянуть руку, чтобы дотронуться до звездной пелены, потянуть ее вниз — и закутаться в эту невесомую мантию невиданной красоты.

За деревьями на маленьком острове что-то громко треснуло, и тут же раздраженно засвистел готовящийся ко сну зяблик.

Где-то неподалеку плеснула то ли лягушка, то ли рыбка. Крути, пошедшие по воде, тронули лицо Юнары, пощекотали щеку. Она чувствовала, как колышутся на водной глади озера ее волосы. Холодок пробежал по телу, и кожа как будто отделилась от плоти.

Заслонив часть неба ладонью, герцогиня не в первый уже раз подумала, что будет, если полностью скрыть его с помощью Сефида. Что подумают люди, когда обнаружат вместо неба пустоту?.. Можно ли им будет смотреть через мглу Сефида? И если да, то что они увидят? Другую женщину, которая так же, как Юнара, покачивается на черной воде и глядит на них сверху вниз?..

На мостике, соединяющем берег с островком, хрустнул камень. Послышались чьи-то торопливые шаги.

— Нетаргер?.. Как ты узнал, что я здесь?

— Я слышу вас даже во сне. Знаю, где вы, даже когда вы сами этого не знаете.

Юнара рассмеялась. Какая самоуверенность! Иногда он говорил что-то в подобном духе, что-то, звучащее слишком фамильярно и в то же время совершенно к месту. Избранный вел себя словно любовник, готовый вот-вот переступить запретную черту. Однако Нетаргер никогда ее не переходил. Хорошо зная Юнару, он прекрасно понимал, насколько далеко может зайти. Именно за это она так любила его.

Ощущение покоя и согласия с миром растекалось по жилам, как тепло от выпитого сладкого вина. Герцогиня знала, что уснула бы сейчас легко и быстро, если бы только пожелала. Ей представилось, как она погружается в дремоту, как скользит, подобно лодке без весел, по темной глади прекрасного озера, а на берегу, охраняя от возможных бед, стоит верный, отважный, любящий Нетаргер.

Искушение было велико.

Неожиданно освещение изменилось. Небо вдруг стало тоньше, прозрачнее, как будто гигантские невидимые руки натягивали его на чашу мироздания.

— Утро, — прошептала Юнара.

Желая обмануть наступающий день, она закрыла глаза, чтобы продлить наслаждение волшебной тишиной тьмы. Вселенная летела куда-то в немыслимые дали, позабыв про озеро и про нее. Юнара как будто парила в другом мире, ощущая себя единственным разумным существом во всей огромной беспросветности бытия.

К озеру подошел кто-то еще. До слуха герцогини долетели приглушенные голоса. Потом шаги удалились.

— Ваша светлость?..

— Избранный?..

Юнара открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого света. Уже вовсю кричали птицы. Их щебет отдавался от стеклянного купола тонким эхом. Почему она ничего не слышала? Может быть, действительно была в другой вселенной? Может быть, здесь без нее минули годы?..

— Императрица. Ее величество желают видеть вас.

Герцогиня вздохнула. Вытянувшись, она коснулась кончиками пальцев глинистого дна. Выбралась с глубины на мелководье. Потом, легко разводя воду руками, вышла на берег. Ночная рубашка облепила тело. Ожидавший ее Нетаргер протянул длинное белое полотенце, и Юнара невольно коснулась бедром его налившейся желанием плоти.

Подобное свидетельство любви было приятно, хотя она и промолчала.

Кто бы мог подумать, что это будет дядя Паймер! Из всех кандидатов на главную роль в последней сцене ее пьесы он был бы последним, о ком она могла вспомнить.

Вот почему, подумала Лерена, все складывается просто идеально. Никто лучше великого притворщика не смог бы представить ей возможность одним движением руки восстановить равновесие мира, одним ударом исправить великое зло.

Императрица уже готовилась отойти ко сну, когда явившийся не по своей воле слуга сообщил о прибытии герцога Паймера,

чей приезд в запряженной лошадьми карете всполошил половину города.

В первый момент Лерена испугалась, решив, что необычный поступок дяди продиктован некоей угрозой, смертельной опасностью, следующей за стариком по пятам. В некотором смысле интуиция ее не подвела. Угроза действительно существовала, но возникла она не только что, а два года назад — по крайней мере. То, что происходило в Ривальде, как представлялось императрице, явилось всего лишь еще одним проявлением болезни свихнувшегося и нуждающегося в срочном лечении мира.

Вид Паймера поразил Лерену сверх всякой меры. Столь обеспокоенным и встревоженным она видела герцога лишь однажды, а без рыжего парика — вообще никогда. Представшее перед ней жалкое, впавшее в отчаяние существо мало походило на Кевлерена и уж никак — на ее дядю и ближайшего наперсника.

Низко поклонившись, старик без сил рухнул на принесенный по распоряжению племянницы стул. Лерена ощутила беспокойство, исходившее от стоявшей у нее за спиной Ганиморо, но не сразу поняла, что именно так встревожило ее Избранную. Лишь немного позднее она обратила внимание на отсутствие Идальго; это не бросилось ей в глаза раньше только лишь по причине необычного состояния Паймера.

— А что, ваш Избранный еще не прибыл? — спросила она.

При этих словах голова старика дернулась, как у загнанного зайца, глаза расширились, а крылья носа покраснели.

Бросив взгляд на Ганиморо, он сказал:

— Ваше величество, мы сможем поговорить наедине?

Лерена кивнула двум застывшим у входа стражам, и те удалились, закрыв за собой дверь. Однако герцог продолжал молчать. Императрица огляделась — в комнате никого больше не было.

— Мы одни, дядя.

— Я имею в виду встречу наедине. С глазу на глаз.

Трудно сказать, кого из них, Ганиморо или Лерену, слова гостя поразили сильнее.

— Но...

— Наедине. С глазу на глаз, — повторил Паймер.

Императрица заколебалась. Следует ли опасаться Паймера? Она посмотрела старику в глаза и разглядела там отчаяние. И еще в них читались страдание и печаль, столь глубокие и пронзительные, что у нее самой едва не потекли слезы.

— Ганиморо...

— Ваше величество, — перебила ее Избранная, — не думаю, что это мудрое решение.

— Пожалуйста, оставь нас. Мне ничто не угрожает. Подожди за дверью вместе с телохранителями.

Ганиморо вышла из комнаты, но так медленно, словно идти ей пришлось по полу, залитому патокой.

Когда дверь закрылась, Паймер облегченно вздохнул, как человек, избежавший страшной участи.

— Дядя, мне непривычно видеть вас в таком состоянии, — подчеркнуто спокойно произнесла Лерена. — Что случилось?

И тогда он рассказал ей все — начиная с того момента, как они с Идальго пересекли южную границу и попали на территорию Ривальда, и заканчивая той ночью, когда он убил собственного Избранного.

Паймер закончил свой рассказ лишь под утро. Он плакал, обхватив голову руками. Лерена тоже шмыгала носом. Горе ее разлилось по комнате, как безбрежный океан.

В дверь постучала обеспокоенная Ганиморо.

— Ваше величество, с вами все в порядке?..

Лерена попросила ее не входить. Теперь она понимала, почему Паймер не хотел присутствия Избранной. Объятая страхом, императрица тем не менее ощущала, как в ней крепнет уверенность.

Пришло время действовать.

Лерена приказала вызвать Юнару.

Потом она подошла к дяде, заключила его в объятия и разняла руки только тогда, когда он пролил все слезы.

Закрыв глаза, императрица готовилась. Будущее пришло, и оно было кровавым и ужасным.

ГЛАВА 25

Кадберн заметил его перед наступлением сумерек — далекий отблеск света. Избранный не смог бы определить, откуда он пришел и далеко ли до него, но многолетний опыт подсказал: так могла блестеть только сталь.

Кадберн стоял на вершине восточной стены, куда они с Мэддином поднялись, чтобы проверить расположение лонггонов, когда краем глаза уловил это мерцание. Остановившись, он посмотрел на восток, за реку, но больше ничего не увидел. Впрочем, если враги сумели подобраться незамеченными так близко, значит, они действовали очень осторожно.

Ушедший было вперед Мэддин вернулся и, едва взглянув на друга, все понял.

— Далеко?..

— Около пяти миль.

— Дожидаются сумерек. Умно. Я думал, они начнут на рассвете, но, конечно, Сигни и его друзья-плутократы знают город достаточно хорошо, чтобы атаковать ночью. К сожалению, наши огнестрелы в темноте не так эффективны.

— К тому же на рассвете они будут лучше видны, — добавил Кадберн.

Принц покачал головой.

— Я слишком давно не воевал, так что генералом себя не чувствую.

— У вас есть Гос Линседд и стратег Гэлис Валера. На такую тройку можно положиться.

Мэддин вопросительно посмотрел на Кадберна. Даже учитывая, что они знали друг друга не первый десяток лет, принц не всегда мог определить, когда Избранный шутит, а когда говорит серьезно.

— Рад, что ты так думаешь. Может быть, предупредишь их, пока я закончу обход? Заодно поговоришь с Поломой.

— Где я потом найду вас?

— Останусь здесь. Кроме меня, опыта стрельбы из орудий ни у кого нет. К тому же я не хочу, чтобы киданцы думали, будто я команду Полемой.

— Рано или поздно правда выяснится.

— Несомненно, но лучше позже, когда я буду готов к этому.

Кадберн кивнул.

Солнце сползло за западный край горизонта, и на город опустились сумерки. Избранный прибавил шагу. Здесь, у экватора, ночь наступала стремительно. Враг медлить не станет, и Кадберн хотел вернуться к Мэддину еще до того, как все начнется.

— Сколько новеньких? — спросила Эриот.

Арден заглянул в список.

— Семнадцать. — Он перевернул лист и быстро произвел несложный подсчет. — Так что теперь в гильдии более двухсот человек, включая пекаря и каменщика.

— Хорошо. Два мастера.

— Три.

Арден опустил рядом с девушкой и протянул ей краюху хлеба.

— А кто третий?

— У нас теперь есть жестянщик, разве ты забыла?

Эриот промолчала и откусила изрядный кусок.

Она успела забыть о своей профессии. Чужеземный принц был прав: в колонии не требовалось ее ремесло. Как ни странно, девушка об этом не жалела. Ей нравилось работать с другими колонистами, хотя все, похоже, только тем и занимались, что строили каменные стены для защиты своего нового дома. Когда-нибудь, как надеялась Эриот, на острове начнут возводить новые дома, прокладывать дороги, осушать болота и выращивать урожай. В таком труде есть нечто достойное и важное — как, впрочем, и в любой работе, когда ее делают сообща и с душой.

Арден потряс правой рукой.

— Не привык писать. Завтра этим можешь заняться ты.

Эриот покраснела.

— Нет. Не буду я этим заниматься.

Он пристально посмотрел на девушку.

— Мы должны вести записи по очереди. Кстати, помни: ты старшая.

— Я на эту роль не напрашивалась.

— Выбирали все. И проголосовали единодушно.

— Я не голосовала.

— Тебя тогда еще не приняли.

Эриот невольно рассмеялась, с удовольствием отметив, что и Арден тоже улыбнулся.

— Я не умею писать, — призналась она.

Великан смущенно посмотрел в сторону, как будто это его, а не Эриот, уличили в некоем постыдном грехе.

— Извини...

Девушка с любопытством посмотрела на Ардена.

— А где ты научился писать?

Великан сделал вид, что не слышит, сосредоточенно пережевывая хлеб. Эриот продолжала смотреть на него в упор, но он сделал вид, что не замечает ее взгляда.

Девушка работала с Арденом уже двенадцать дней, но за это время не узнала о своем напарнике почти ничего нового. Они ели рядом три раза в день, вместе ворочали камни, вместе толкали тачку, разговаривали и спорили с другими колонистами... разве что не спали друг с другом. Инстинктивно Эриот чувствовала, что в лице Ардена обрела близкого и верного друга, но при том в их отношениях не было ничего личного, интимного. Он не пускал ее в свое прошлое, не делился воспоминаниями, хотя и сумел как-то незаметно, не расспрашивая, выведать немало о ней самой.

— Ну и упрямец, — сказала девушка, вгрызаясь в черствый хлеб.

— Завтра нас перебросят на южный участок стены. Все остальные работы почти закончены.

— Старик Дидио говорит, что начальство ожидает какого-то нападения.

Арден пожал плечами.

— Я бы на твоём месте не очень-то верил всему, что болтает этот старый дурень. Однако они бы не стали тратить столько времени на стены, если бы не ожидали атаки в самое ближайшее время.

— А ты умеешь воевать? — нерешительно спросила она.

— Умею.

— Научился там же, где узнал грамоту?

— Может быть...

— Нам дадут огнестрелы?

Арден покачал головой.

— Их слишком мало. К тому же нам такое оружие просто не доверят. Думаю, кое-кому раздадут мечи и копья, а остальным прикажут не путаться под ногами.

Эриот растянулась на прохладной земле. Со стороны временной кухни, которую устроили в центре острова, доносился аппетитный запах рагу из козлятины, и в животе у девушки заурчало от голода.

— Если кто-то из наших получит оружие, надо сделать так, чтобы кое-что потом потерялось.

— Потерялось?..

— Да. Немного, конечно, чтобы начальство ничего не заподозрило. И лучше мечи, чем копья. Их труднее изготовить, но легче спрятать.

Арден изумленно уставился на девушку.

— Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?

— Вы сами выбрали меня старшиной гильдии. Надо думать о будущем.

— О каком будущем?

— О нашем общем будущем, — твердо сказала она.

Прежде чем Арден успел ответить, издали донесся резкий металлический звук. Великан и девушка, словно по команде, при-

встали и посмотрели на юг, в сторону центральной части острова, где за длинными стенами поднимались высокие башни. Эриот уже открыла рот, чтобы спросить напарника, что он обо всем этом думает, как звук повторился, уже ближе, словно на кухне кто-то разом ударил по всем имеющимся котлам и сковородкам.

— Похоже, им не терпится испытать наши стены на прочность, — хмуро пробормотал Арден.

— Надеюсь, противник выбрал для испытаний не южную стену, — в тон ему добавила Эриот, стараясь сдержать охвативший ее страх.

Лязг металла напомнил Китайре обряд отпугивания демонов. Поговаривали, что высоко в Вардарских горах до сих пор обитают племена, которые бьют в железные барабаны, отгоняя злых духов от новорожденных и недавно умерших. На мгновение девушка представила себе, как эти духи, скользя над водой и сушей, несутся к Кидану — пустые мертвые глаза обшаривают землю в поисках жертв, пасти жадно открыты...

В следующий момент Китайра поняла, что означает этот звук на самом деле. Она невольно поежилась. Гэлис обещала прийти к вечеру; стратег отправила записку, сообщая, что работы на Кархее почти закончены. Теперь уже не придет... Теперь Гэлис будет командовать обороной своего участка крепостной стены.

Китайра закрыла глаза и постаралась увидеть город таким, как описала его возлюбленная. На восточной стене, защищая подходы с верховья реки, стоит Мэддин. Гос расположился у Длинного Моста, взяв на себя оборону западного участка и Седловины. Полома возглавляет ополчение, занимающее центр города; укреплений там нет, но улочки и переулки образуют запутанный лабиринт, в котором местные жители будут иметь несомненное преимущество. А Гэлис, ее милой Гэлис, с ротой пехоты и несколькими вооруженными колонистами придется защищать северный остров — тот самый, который хамилайцы рассчитывали превратить в свой собственный дом.

Наиболее обученная в профессиональном отношении часть пехоты, значительное число киданцев и несколько таких же, как она, гражданских укрылись в Цитадели, самом защищенном месте города. И все же Китайра чувствовала себя лишней, бесполезным придатком. Понимая, что не принесет никакой пользы на стене, девушка с трудом подавляла в себе желание выбежать из укрытия, схватить первое, что попадется под руку — будь то копье, вилы или обычная палка, — и встать рядом с защитниками крепости. Но что толку от такого порыва — она лишь будет мешать другим.

До слуха грамматиста доносились тяжелые шаги солдат и грозный звон оружия. Девушка слышала отрывистые приказы, но не замечала признаков спешки или растерянности.

Если бы она могла что-то сделать. Если бы могла чем-то помочь. Если бы сумела проникнуть в суть Сефида...

Китайра горько усмехнулась. Да, если бы она была Кевлереном, а не носила фамилию Альбин. Если бы была генералом, а не ученым.

Если бы не боялась...

Соблазн применить магический дар был слишком силен. Намойя мог отдать многое, чтобы, воспользовавшись Сефидом, сжечь сначала всех хамилайцев, а потом и сам город. Пожалуй, даже пожертвовал бы жизнью еще одного Избранного...

Принц стиснул зубы, стараясь не поддаваться отчаянию. Ненавидел ли кто-нибудь кого-то так же сильно, как он? Разве что Избранные, восставшие в Ривальде против своей королевы... Он почти завидовал их испепеляющей ненависти — без нее они бы никогда не свергли власть его семьи.

Мысли Намойи часто обращались к той страшной революции. Как могло случиться, что любовь Избранных обратилась в ненависть? Что дало ей начало? Возможно ли, что только Кевлерены понимают истинный смысл любви, тогда как для всех остальных естественное состояние — либо ненависть, либо безразличие?

Молчаливая Квенион терпеливо ожидала приказа. После того как им позволили быть вместе, девушка, казалось, снова обрела былое счастье, нисколько не смущаясь тем, что находится в плену. Принц знал, что ей доставляет радость просто находиться рядом с ним, и был благодарен за это. Приятно, что в мире есть хотя бы один человек, питающий к тебе добрые чувства.

Не имея возможности воспользоваться Сефидом, Намойе оставалось лишь надеяться на победу атакующих. Если они возьмут верх, он попросит отдать ему Мэддина Кевлерена. Располагая таким трофеем, можно добиться немалых уступок от Комитета Безопасности. Или даже, держа принца в заложниках, попробовать заслужить благосклонность Лерены.

Неплохая мысль, подумал Намойя. Перейти на другую сторону? Но тогда, как он мрачно напомнил себе, Комитет Безопасности использует против него членов его же собственной семьи.

Кругом враги. Во всей Новой Земле у него был только один-единственный союзник, женщина, да и ту ему не позволяли использовать так, как хотелось бы.

Гос и Полома направились к восточной стороне Длинного Моста. Внизу под ними копошились крошечные фигурки конных драгун, готовых встретить неприятеля, если тот двинется тем же маршрутом, каким они сами пришли в город тринадцать дней назад.

— На мой взгляд, все учтено, — с нарочитой уверенностью в голосе произнес Мальвара.

Линседд покачал головой.

— Никогда не позволяй себе думать, что учтено все до последней мелочи. Это опасный путь, который ведет к беде. Хороший солдат всегда готовится к тому, что враг застигнет его врасплох, и только так может избежать неприятных сюрпризов.

— Так рассуждают законченные пессимисты, — заметил Полома.

Гос удивленно посмотрел на него.

— Пессимист всегда надеется на то, что самое худшее — впереди, — пояснил Полома. — Если он прав, то его никогда не постигнет разочарование. Если же, напротив, ошибется, то сюрприз будет приятным.

Линседа неожиданно рассмеялся. Мальвара уже и забыл, когда в последний раз слышал его смех — долгий и раскатистый. Полома решил, что Гос ему все же нравится, несмотря на их прежние разногласия. Действительно, смех — самый верный показатель человеческой души.

— Да, таков каждый солдат. Прирожденный пессимист, который всегда ожидает худшего.

Хорошо вооруженный и надежно защищенный доспехами киданец, по-видимому, представляющий одну из зажиточных семей, подошел к ним и попытался стать по стойке «смирно».

— Префект Мальвара, отряды заняли позиции в соответствии с вашими указаниями.

Полома удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, — коротко бросил он, надеясь, что подобная краткость и показная уверенность ободрят стоящих на стенах солдат, и, повернувшись к Госу, добавил: — Полагаю, мы еще увидимся, когда все закончится.

Линседа кивнул.

— Все будет хорошо.

— Не вы ли называли всех солдат пессимистами?

Гос нахмурился.

— Да, назвал. А вы что, забеспокоились?

Полома недоуменно посмотрел на командующего, но поняв, что тот шутит, усмехнулся.

Громкий взрыв разнесся над городом гулким эхом. Полома вздрогнул. Гос в отличие от него сохранил самообладание.

— Его высочество дал первый залп. Надеюсь, он достиг цели.

ГЛАВА 26

Приказав Ганиморо привести в комнату Юнару и Нетаргера, Лерена велела сообщить, когда ее распоряжение будет исполнено, а сама поспешила приготовить напиток для одной из фрейлин. Девушку звали Бонара — Бонара Аксевлерен, напомнила себе императрица, — и со временем она обещала превратиться в настоящую красавицу. Лерена увидела ее год назад и полюбила с первого взгляда.

Паймер наблюдал за ними из угла комнаты, сидя на полу, обмякший и безвольный. Бросив на него мимоличный взгляд, Лерена обратилась к Бонаре, неподвижно лежавшей на королевской кровати. Грудь девушки едва заметно поднималась при каждом вздохе, щеки покрывал легкий румянец, белые руки покоились на животе. Все было готово, но императрица медлила, зная, что уже первый шаг отрежет путь назад.

Однако же план предусматривал это с самого начала — с тех самых пор, как она узнала, что Алвей Селфорд зачала ребенка от Кевлерена.

Скорее по привычке, чем из необходимости заслониться от солнца, Мэддин прикрыл глаза ладонью. В ушах еще звенело после выстрела орудия, когда он увидел, как вода перед головной лодкой направляющейся к Кидану флотилии взметнулась ввысь огромным фонтаном. Разлетевшиеся над рекой крики донеслись даже до укреплений, но быстро умолкли: флотилия продолжала движение на запад.

— Неплохо для пристрелки, — сказал он пушкарю.

— Так точно, капитан, — отозвался тот.

Мэддин не стал его поправлять, но почувствовал улыбку стоящего рядом Кадберна.

— А раз так, потопите-ка парочку этих посудин.

— Есть, капитан, — с мрачным удовлетворением ответил пушкарь и, повернувшись к своей команде, крикнул: — Дистанция одна миля! Огонь!..

Залп как будто расколол небо. Обслуживавшие орудия моряки удивленно поднимали головы — выстрел на каменной стене звучал иначе, чем на деревянной палубе, резче и пронзительнее, но и затихал быстрее. Орудия откатились назад, напрягая каналы, а обслуга уже спешила с новыми ядрами.

— Есть одно попадание, — первым сказал Кадберн. Мэддин увидел лишь распластавшийся на темной воде белый парус и два изуродованных тела рядом с ним.

— Продолжайте без команды. Дистанция та же.

— Есть, капитан! — откликнулся артиллерист. — Заряжай, ребята! Работы сегодня хватит!..

— Где находится сейчас ее величество? — едва войдя в комнату, спросила Юнара.

— Она сейчас занята, ваша светлость, — вежливо ответила Ганиморо. — Мне приказано привести вас сюда и сообщить ее величеству, когда вы придете.

Юнара выпрямилась и окинула Избранную императрицы пренебрежительным взглядом.

— Так сообщи же, что я здесь, — процедила она сквозь зубы.

Ганиморо наклонила голову, бросила взгляд на побагровевшего от злости Нетаргера и торопливо вышла из приемной. До спальни Лерены было рукой подать, но что-то заставило девушку замедлить шаги. Смутное сомнение. Неприятное ощущение, появившееся внизу живота, как обычно бывает при наступлении месячных, но не столь острое и более злое.

Войдя в спальню, она увидела свою госпожу сидящей на кровати рядом с Бонарой. Ганиморо невольно вздрогнула.

Лерена подняла голову.

— Ваше величество, ваша сестра уже здесь...

— Благодарю тебя. Позаботься, чтобы им подали вино и закуски. Я не задержусь.

— Мне вернуться?

Лерена кивнула, и Ганиморо вышла из комнаты.

Императрица нежно провела ладонью по горлу Бонары.

— Больше никаких уловок, — тихо произнесла она. — Начнем.

Тонкое лезвие под мизинцем правой руки легко вошло в вену на горле девушки, и день окрасился в красное.

Услышав залп, Китайра вздрогнула, на мгновение зажмурилась и вскинула руку, чтобы сохранить равновесие. Не помогло — ее трясло, как лист на ветру. Устыдившись собственной трусости, девушка сжалась, приказывая себе успокоиться, но уже следующий выстрел встряхнул ее, как ветхую тряпицу.

«Вспомни, что ты писала», — сказала себе Китайра, пододвигая стул и прижимаясь к краю стола. Пальцы сами отыскивали нужную страницу.

«Врачеватели изучают симптомы и приписывают их определенным стадиям болезни. Также они исследуют воздействие зелий, снадобий и припарок как на симптомы, так и на саму болезнь. Таким образом, через наблюдение и запись показаний они выводят заключения о протекании недуга и способах избавления от него».

Ей показалось, что все орудия дали залп одновременно. Цитадель содрогнулась. Камешки на столе подпрыгнули, облачко пыли поднялось в воздух. Китайра вытерла страницу, которую только что прочитала.

«...Только неторопливый и целенаправленный сбор знаний, основанный на наблюдении и анализе, способен помочь целителю понять природу болезни».

Неплохо для заключения, подумала Китайра. Хорошо бы...

В следующий момент ее словно окатило холодной волной. По коже поползли мурашки. Волосы на затылке встали дыбом.

— О страх, оставь меня! — воскликнула она.

Гэлис... «Думай о Гэлис, — в отчаянии приказала себе Китайра. — Думай о ней. О ее мягких губах, ее нежной, белой, как молоко, коже...»

Но перед глазами встал Мэддин.

Она помотала головой, отгоняя видение.

«Гэлис, моя милая Гэлис...»

Грудь словно перехватило обручем, воздух не шел в легкие.

Мэддин. Она ясно видела его стоящим на стене, вглядывающимся вдаль...

Китайра охнула, осознав вдруг весь ужас происходящего. Дело не в страхе! Дело в Сефиде!..

Она отпрянула от стола.

Пусть это будет Намойя. Пожалуйста, пусть это будет Намойя...

Но и вознося мольбу силам вселенной, в глубине души Китайра понимала — случилось то, что и должно было случиться. Случилось то, чего она так долго ждала и так горячо желала. Ждала и желала с тех самых пор, как Майком тайно представил ее императрице. Давняя мечта самой испытать Обладание сбывалась. Сефид проходил через нее, как могучий поток, как неудержимая река...

Когда-то девушка так отчаянно жаждала познать это чудо, понять, что это такое. И Лерена обещала. Да, императрица обещала многое, но дала так мало. Ничего, если не считать Гэлис.

Гэлис. Теперь Китайра знала, сколь много значила стратег и для самой Лерены. Ничего большего императрица дать ей просто не могла.

Еще одна волна прокатилась по ее телу. Китайра как будто оказалась на стене, рядом с Мэддином. Между ними стоял Кадберн, и она лишь теперь обратила внимание на то, сколь прекрасно его изуродованное шрамами лицо.

А потом пришла боль.

— Нет!.. — воскликнул Намойя, и Квенион вздрогнула.

— Что случилось, господин?

— Ты разве не чувствуешь?

Квенион озадаченно нахмурилась, потом глаза ее расширились.

— Кто-то использует Сефид! И очень близко!..

Она была права. Но единственным, кроме самого Намойи, Кевлереном в этой части света был Мэддин, а он, как известно, Обладать не мог.

Тогда кто же?..

Принц закрыл глаза, стараясь сконцентрироваться на потоке силы, исходящем, казалось, из недр самой Цитадели. Намойя видел его — яркий огненный фонтан, бьющий все сильнее и сильнее.

С губ его сорвался крик боли.

— Что?.. — воскликнула Квенион.

Намойя поднялся, чувствуя себя так, как будто кто-то скреб по его нервам зазубренным куском льда.

— Холодно, — вскрикнул он, и в тот же миг боль пронзила его тысячью раскаленных игл.

По правой руке императрицы стекал липкий ручеек крови, но Лерена ничего не чувствовала. Она оказалась в голове грамматиста, потом перенеслась на крепостную стену.

Орудия... Дым... Смятение... Крики... И — Мэддин.

Он тоже был там. Кевлерен, не пожелавший вести себя подобающим образом. Тот, кто первым бросил вызов власти семьи — тем самым и ее власти. Она планировала свои действия так долго и с такой тщательностью, что уже почти не верила в успех. Почти не верила, что этот день когда-нибудь придет. Однако день настал, и императрица знала, что отныне никто не посмеет бросить ей вызов.

Первым урок получит дерзкий Мэддин.

Китайра Альбин сопротивлялась, но Лерена и не ждала ничего другого. Обычному человеку не дано знать, что испытывает тот, по чьим венам струится Обладание. Грамматист пришлось как нельзя кстати: ограниченное знакомство с Сефидом позволяло использовать ее в качестве проводника, значительно увеличивающего силу императрицы. Все складывалось в полном соответствии с предсказанием канцлера Майкома. Все встало точно на свои места.

Как и было задумано.

Лерена и сама испытывала нечто невероятное — словно, используя Китайру, очищала Сефид от всего лишнего, превращала его в крепкий, пьянящий напиток. И сейчас этот напиток разливался по ее венам, струился по ее нервам.

Императрица глубоко вздохнула и сосредоточила мысли на Мэддине. Будто ощутив ее присутствие, он повернул голову.

— О кузен, — прошептала она. — Сейчас ты узнаешь, что значит прикоснуться к Сефиду.

В углу застонал Паймер, но Лерене было не до старого герцога. Все ее внимание занимала крепость в далекой чужой стране и стоящий на стене Мэддин, предатель рода Кевлеренов.

Как же она ненавидела его.

Китайра, извиваясь, каталась по полу. Она ощущала себя существом без плоти, состоящим лишь из обнаженных костей и оголенных нервов. В комнате вспыхивали и гасли искры. Волосы встали дыбом, как будто она висела вниз головой. Глаза были готовы выскочить из орбит. Девушка кричала — или ей только так казалось, — отчаянно пытаясь вспомнить, кто она и где находится.

Китайра.

Нет. Лерена.

Нет, Мэддин.

— Китайра! — прокричала она...

И услышала в ответ чей-то злорадный смех.

Сначала Мэддин подумал, что рука ударилась о камень. Он поднял ее к глазам и подул на ладонь, но боль стала сильнее, словно дыхание только разожгло пламя.

Принц стиснул зубы.

— Ваше высочество! — позвал Кадберн.

— Ничего...

Мэддин попытался не обращать внимания на боль и снова посмотрел на реку. Было потоплено уже три лодки, но враг приближался. Свет дня почти померк. Всепоглощающая волна страха накатила на принца. «У меня не получилось, — мелькнула в голове страшная мысль. — Я проиграл. Я всех подвел...»

— Нет, — вслух произнес Мэддин. — Потери понес враг. Мы победим. У нас есть крепость, огнестрелы. Но что самое главное — есть решимость победить.

Он вдруг понял, что дело в чем-то другом. Не в сражении. Принц опустил голову и даже через рубашку увидел, что камни на фамильной цепи мерцают, как крохотные звезды.

— Кадберн!..

Жар уже распространился по всей руке. Крик боли сорвался с губ Мэддина, и он, пошатнувшись, начал заваливаться на бок.

— Кадберн!..

И в тот миг, когда Избранный шагнул, чтобы поддержать господина, тело принца вспыхнуло.

Волна обжигающего жара ударила Кадберна в грудь и сбила с ног. Он услышал, как затрещала кожа, почувствовал, как полыхнули огнем волосы. Тело его перевалилось через парапет, и Избранный покатился по каменным ступенькам вниз. Пытаясь остановить падение, он раскинул руки, но схватил лишь воздух. Голова ударилась обо что-то твердое, и перед глазами вспыхнули огненные круги.

Ступеньки... крики...

Он пошевелился, приподнялся, с огромным трудом встал.

В глазах прояснилось. Кадберн увидел, что стоит у основания стены, и поднял голову. На фоне темнеющего неба пылал огненный сгусток, отдаленно напоминающий человеческую фигуру. Все звуки исчезли, и только воздух потрескивал от пронизывающего его жара.

— Мэддин... — хрипло прошептал Кадберн.

t

* * *

Стоявших у орудий моряков разбросало мощной ударной волной, но один из них успел прохрипеть:

— Заряды!..

В следующий момент стена раскололась, камни полетели во все стороны. Вверх ударил столб дыма. Кадберна снова сбило с ног, и он тяжело грохнулся на землю. Воздух с шумом вырвался из его груди, а уши заполнил звон эха оглушительного взрыва.

Квенион в страхе отступила. Лицо Намойи горело; кожа сползала с него, как полосы воцеленной бумаги. Кричать он не мог, но девушка возопила за двоих и, поддавшись панике, бросилась сбивать пламя руками. Огонь моментально перекинулся на пальцы Избранной, и Квенион снова вскрикнула.

Растерянно оглянувшись, она увидела у кровати Намойи большую чашу с водой и метнулась к ней. У девушки уже горели ладони. Квенион сунула руки в чашу: и огонь погас. Недолго думая, она выплеснула содержимое сосуда в лицо Намойе. Клубы пара с шипением устремились к потолку. Принц упал с долгим протяжным стоном. Огонь погас. Чаша со следами крови на глиняных стенках полетела на кровать. Квенион склонилась над хозяином, обняла, но он оттолкнул ее.

Девушка не знала, что делать, а боль не давала сосредоточиться. Внезапно дверь распахнулась, и в комнату, на ходу взводя курок огнестрела, ворвался охранник. Квенион отреагировала машинально, не думая: схватив чашу, она что было сил метнула ее в солдата. Глиняный снаряд попал тому в голову, и стражник рухнул, словно сраженный ударом секиры.

Квенион подбежала к нему. Солдат лежал неподвижно, но был ли он жив, она не знала. Лоб его пересекала кровоточащая глубокая рана.

— О нет, — в отчаянии простонала Квенион. — Что же я наделала!..

Она знала, что теперь их обоих просто убьют. Взгляд девушки упал на огнестрел.

ГЛАВА 27

Юнара и Нетаргер потягивали ароматное вино из высоких изящных бокалов, когда ощутили прикосновение Сефида.

Избранный подался назад, пролив вино на тунику, и даже у Юнары перехватило дыхание. Подавшая им вино и уже выходявшая из комнаты Ганиморо закрыла на мгновение глаза, но герцогиня успела заметить мелькнувшее в них необычное выражение. Не удивление, нет — скорее печаль.

Значит, Лерена воспользовалась кем-то из своих личных Акскевлеренов. Но что же задумала сестра и для чего ей понадобилась такая сила?..

Оправившийся от изумления Нетаргер смахнул с туники красные капельки.

— Поздно, — пробормотал он, делая вид, что ничего особенного не случилось. — Уже впиталось.

— От тебя будет разить вином, как из бочки, — пошутила Юнара и попыталась улыбнуться, но не смогла.

Волна прошедшего через них Сефида дохнула кровью и злобой. Лерена явно употребляла магическую силу не во благо, и это встревожило герцогиню.

— Что вы об этом думаете, ваша светлость? — негромко спросил Нетаргер.

— Думаю, нас сейчас обо всем известят, — задумчиво ответила Юнара.

Ее слова тут же нашли подтверждение.

Уверенность не покидала ее до самого взрыва.

Повернувшись, Гэлис увидела, как над Цитаделью поднимаются густые клубы серого и черного дыма. Не зная, что случилось, она могла лишь предположить, что произошел взрыв одного из складов с боеприпасами. Ничто другое вызвать разрушения такой силы не могло. Холодные пальцы сжали сердце: Мэддин и Кадберн были там.

Около сотни вооруженных колонистов перестали глазеть на столб дыма и повернулись к стратегу.

«Решительный приказ. Уверенность. Вот чего они ждут от тебя, — подумала Гэлис. — Не притворяйся, будто знаешь, что происходит, но и не впадай в панику».

В репликах, которыми обменивались между собой колонисты, слышались растерянность и плохо скрываемый страх.

— Сколько вражеских лодок потоплено? — крикнула девушка.

Все снова посмотрели на нее.

— Три? — Гэлис намеренно уменьшила число.

— Нет, четыре, — ответил молодой колонист с выступающим кадыком.

— Пять, — возразил второй. — Никак не меньше! Может быть, даже больше!..

Свои предположения начали высказывать и другие. Цифры колебались от четырех до семи.

— Неплохо! — кивнула Гэлис. — Враг потерял значительную часть флотилии. Он растерян и подавлен. — Девушка ткнула острием сабли в пыль под ногами. — Прикончим их прямо здесь и прямо сейчас!..

Особого воодушевления ее призыв не вызвал, однако панические крики стихли. Уже кое-что. Теперь оставалось только взять себя в руки.

— Эй, ты!.. — Гэлис указала на парня, ответившего ей первым. — Глаз у тебя точный. Скажи-ка, что ты видишь на реке?

Словно по команде, все отвернулись от Цитадели и клубящегося над ней столба дыма, устремив взгляды на реку Фрей. При удачном стечении обстоятельств противник не заставит себя долго ждать, и тогда людям будет уже не до паники.

До того места, где стояли Гос и Полома, звук взрыва долетел изрядно ослабевшим.

Сначала они ничего не увидели. Затем появившееся над Цитаделью облако дыма подсказало, что именно могло случиться, однако не позволяло определить размеры катастрофы и предугадать ее возможное влияние на исход близящейся битвы.

— Принц был на стене, — негромко сказал Полома.

Линседд утрюмо кивнул.

— С ним ничего не случится. Кадберн не отходит от него ни на шаг, так что его высочеству ничто не угрожает.

Полома с сомнением покачал головой, но промолчал. Он предпочел бы уйти с моста, чтобы находиться со своими людьми, но заставил себя остаться. Видя его на прежнем месте спокойно разговаривающим с командиром хамилайских драгун, киданцы успокоятся и уверятся, что ничего серьезного не произошло.

— Если взрыв уничтожил все орудия, — негромко заметил он, — то у Сигни и его людей появится шанс.

— Как ты думаешь, какой остров они атакуют? — не повышая голоса, спросил Гос.

Мальвара пожал плечами. Его мысли то и дело возвращались к матери. Он убеждал ее укрыться в Цитадели, но старая женщина упрямо отказывалась покидать дом, чтобы показать знакомым киданцам, что сохраняет мужество и не дает воли страху.

Полома нахмурился.

— Многое зависит от того, насколько Сигни контролирует своих союзников. Его, конечно, потянет к Херрису: он постарается как можно скорее захватить Цитадель. К выбору именно такой стратегии Майру подтолкнет и наличие новых укреплений на Кархее. Но если у кого-то из вождей появится возможность заняться грабежами, то другие могут не устоять перед соблазном и последовать его примеру.

Гос кивнул.

— С теми, кто высадится на Херрисе, мы справимся.

— А если они ударят по Кархею?

— Там Гэлис, а она знает, что делать.

Полома невольно улыбнулся.

— Да уж.

— Интересно, видел ли взрыв капитан Авьер?

— Ты имеешь в виду, мог ли он принять дым за подаваемый нами сигнал?

На западной стороне острова, неподалеку от мангровых зарослей, заранее сложили большую кучу зеленых веток; Мэддин приказал Авьеру, корабль которого стоял в заливе, привести «Англаф», как только на востоке появится дым.

— Не исключено, — бесстрастно ответил Гос и снова глянул вниз, на своих кавалеристов, которые из всех сил старались не смотреть на Цитадель.

— Надеюсь, Сигни не заставит себя долго ждать, — заметил Полома, сжимая рукоять отобранной у Сьенны сабли.

Сьенна был среди сбежавших сторонников Сигни, и потому вполне мог находиться сейчас в рядах противника.

Гос указал на север, в сторону пролива Сайефф, разделяющего Кархей и Херрис.

— Смотри.

Полома повернул голову.

Из-за мыса, образованного основанием Цитадели, появилось судно, заполненное воинами. Паруса были опущены: оно шло на веслах. Через секунду за ним появилось второе, потом — третье. Целая флотилия направлялась напрямик к Седловине. В последний момент передний корабль сменил курс и повернул к Кархею — точнее, к единственной бреші в недостроенной стене.

Ганиморо подняла Лерену, помогла сменить окровавленную одежду на чистую, вымыла госпоже руки в чаше с водой и, отведа в соседнюю комнату, усадила в кресло.

Императрица безвольно откинулась на спинку. Избранная вернулась в спальню, где на кровати лежала Бонара. Девушка была похожа на белый островок в красном море; складки сбившихся простыней напоминали застывшие волны. В углу кто-то жалобно хныкал.

Она совсем забыла о Паймере.

— Ваша милость? Вы...

Ганиморо не договорила: конечно же, со стариком что-то случилось, иначе и быть не могло.

— Могу я вам чем-то помочь?

Паймер недоуменно посмотрел на нее. Сейчас он был похож на побитого, жалобно скулящего пса.

— Помочь?.. Нет, помощь нужна не мне. — Герцог прищурился. — Ты не видела Идальго?

Ганиморо покачала головой. Лерена еще не рассказала ей о том, что случилось с Избранным Паймера, но она уже понимала — произошло нечто ужасное.

— Приведи его сюда, милая, — слабым голосом позвала из соседней комнаты императрица.

Ганиморо пришлось приложить немало сил, чтобы заставить старика подняться, а потом, обхватив рукой за талию, отвести в кабинет и усадить в кресло. Справившись с этим, девушка опустилась на колени перед госпожой и увидела, что щеки императрицы уже порозовели, но дыхание все еще остается неровным.

— Хочу, чтобы ты привела сюда Юнару. И Нетаргера.

Избранная удивилась — разумеется, Юнара не могла прийти одна.

— Ваше величество, может быть, лучше подождать еще немного?

Лерена покачала головой.

— Нет времени. Времени совсем нет... — Она слабо улыбнулась и поцеловала девушку в щеку. — Пожалуйста, приведи сюда мою сестру.

Ганиморо улыбнулась в ответ.

— Конечно, ваше величество. — Она стала подниматься, но остановилась. — Бонара? Где она?..

Лерена бросила взгляд на закрытую дверь в спальню.

— Пусть пока полежит там. Не хочу забыть, чего мне это стоило. Пока не хочу.

Ганиморо не поняла, что означают слова госпожи, но переспрашивать не стала и сразу же вышла из комнаты.

Едва Избранная вышла, как императрица, разом отбросив притворство, быстро поднялась, разминая затекшие члены.

Никогда еще она не ощущала в себе такой силы. Опыт с Китайрой, превращенной в проводник Сефида, превзошел все ожидания. Поначалу Лерена удивилась, обнаружив, как восприимчива грамматист к магическому дару, но потом поняла, насколько это увеличило эффективность Сефида.

Императрица плохо представляла, чего ей будет стоить попытка убить Мэддина, но никак не ожидала, что станет чувствовать себя настолько бодро *потом*. Она с трудом заставила себя сдержаться и не рассмеяться вслух. Радость наполнила душу, как солнечный свет наполняет день.

— Итак, дядя, все складывается даже лучше, чем предполагалось. Для вас в том числе.

Паймер растерянно посмотрел на племянницу.

— Ох бедняга. Вы смущены и растеряны?

— Да, именно так. Смущен и растерян, — пробормотал герцог. — Смущен и растерян...

Она приблизилась к старику и погладила его по лысой голове.

— Успокойтесь и отдохните. Скоро все закончится. Ваши страхи и тревоги рассеются сами собой.

Паймер промолчал, подтянул ноги и, обхватив колени, забился в угол кресла. Лерена услышала приближающиеся шаги, стерла с лица улыбку и прикрыла глаза.

Дверь отворилась, и в комнату, сопровождаемая Нетаргером и Ганиморо, вошла Юнара.

— Сестра, это ты? — едва слышно прошептала Лерена.

Юнара опустилась перед ней на колени.

— Ваше величество? Что с вами?

— Меня использовали.

— Использовали?

Губы императрицы затрепетали, руки бессильно свесились вдоль тела. Лерена склонила голову на грудь сестры.

— Она.

— Кто?..

Императрица ощущала гнев, поднимающийся в душе герцогини. Радость Лерены обернулась восторгом. Юнара все же любила ее... и она тоже любила сестру. А это многое облегчало.

Первым свернувшую к острову вражескую лодку увидел Арден.

Выругавшись — что стало сюрпризом для Эриот, — он приказал одному из колонистов бежать к стратегу Гэлис Валера и сообщить, что неприятель намерен атаковать их в самом уязвимом месте. Колонист бросил взгляд на Эриот, потом снова посмотрел на Ардена.

— Чего ты ждешь? — рывкнула девушка, и бедный малый мгновенно умчался. Эриот растерянно взглянула на Ардена. — Почему он замешкался?

Арден покачал головой.

— Ты разве не понимаешь?

— Не понимаю чего?

— Парень знает, что я служу, — объяснил Арден. — Не командую, а исполняю. Именно к этому меня приучали с самого детства — повиноваться. Вот почему я не могу встать во главе гильдии. Большинство это понимают. Только ты ничего не заметила. — В голосе великана послышалось восхищение. — Ты — единственная из всех, кого я знаю, кто не приучен склонять голову, гнуться перед сильным.

— Это хорошо?

— Хорошо — если только ты при этом не сломаешься. Глядя на тебя, люди ожидают указаний. Они понимают, что ты ни перед кем не отвечаешь, и надеются, что ты всегда подскажешь, что надо делать.

— Но сейчас я не знаю, что надо делать! — в отчаянии воскликнула Эриот. — Это ведь тебя обучали воевать!

— Тогда скажи, что ты от меня хочешь, — предложил он.

Стоявшие поблизости колонисты уже начали расходиться. Люди понимали, что, находясь на острове, не смогут ускользнуть от врага, но инстинкт одолевал здравый смысл, и их уже начала охватывать паника.

Эриот всплеснула руками.

— Помогите нам защитить себя самих!..

— Хорошо, — бесстрастно согласился Арден. — Тогда вот что...

Внимательно выслушав великана, девушка быстро отдала необходимые указания. И хотя некоторые колонисты намеренно проигнорировали нового начальника, большинство охотно подчинились, потому что лучше быть в группе и что-то делать, чем хныкать и умирать от страха поодиночке.

Прежде всего нужно было заделать брешь между незавершенными участками стены. Для этого годилось все: тачки, сваленные деревья, доски, столы и камни. Оставшиеся не у дел занялись тем, что принялись распределять между собой то, что могло хотя бы отдаленно сойти за оружие: главным образом плотницкие и столярные инструменты, а также вилы и грабли. Те, кому не досталось ни того, ни другого, вооружались палками с поспешно вбитыми гвоздями.

С помощью Ардена Эриот расставила людей по местам, позаботившись о том, чтобы самые сильные и ловкие прикрывали наиболее уязвимые точки. Вдоль всей линии обороны установили шесты с привязанными к ним зажженными факелами. С появлением света поднялось и настроение людей.

К этому времени враг уже высадился на острове, но, вопреки ожиданиям Эриот, вовсе не спешил идти на штурм. Лодки были быстро выгашены на берег, а люди начали выстраиваться в боевые порядки.

— Какие у нас шансы? — спросила Эриот.

Вооружившись по настоянию Ардена железным молотом — ведь командир должен быть сильным, — она чувствовала себя пародией на солдата, потому что даже не была уверена, что сможет поднять свое грозное оружие.

— Это зависит от того, насколько быстро стратег сможет подойти сюда, а еще хватит ли у наших людей духу продержаться достаточно долго.

Эриот кивнула в сторону противника, численность которого уже составляла примерно семь рот.

— Как ты думаешь, они нас боятся?

С берега долетел громкий голос вражеского командира, и все неприятельские солдаты двинулись вперед, оставив у лодок — единственного средства спасения в случае провала операции — лишь небольшую охрану. На это Арден и обратил внимание Эриот.

— Может быть, и не боятся, но ведут себя достаточно осмотрительно, потому что не знают, с сопротивлением какой силы столкнутся.

— Что ж, в таком случае, — тут девушка намеренно повысила голос, чтобы ее услышало как можно больше колонистов, — они будут сильно рады, что оставили себе путь к бегству.

Особого восторга никто не выразил, но Арден посмотрел на нее одобрительно, а это уже много значило.

Полома и Гос наблюдали за высадкой противника на Седловине.

Высадка проходила не очень организованно и без характерного для таких случаев оживления — возможно, потому, что атакующих смущали находившиеся неподалеку хамайайские кавалеристы.

— Вашим должно быть нелегко, — сказал Полома.

— Почему это?

— Они, очевидно, предпочли бы ударить сразу.

Тут Полома подумал, что если бы он научился управлять боевой лошадей, то, наверное, не боялся бы уже ничего.

— Эти парни — хорошо обученные драгуны, — небрежно, словно отвечая на вопрос случайного прохожего, заметил Гос. — Обычно я использую их как мобильную пехоту, но Седловина — удобное место для кавалерии, а пехоты у нас и без того предостаточно. — Он посмотрел на темнеющее небо. — Хотя атаки в темноте обычно не приветствуются. Уверен, нашему противнику это тоже известно.

Некоторое время оба молчали. Мальвара нарушил тишину долгим вздохом.

— Мне пора к своим. Полагаю, Цитадели ничто не угрожает, но большинство моих людей живут к западу от Длинного Моста, и драться нам предстоит именно там.

Гос кивнул.

— Я тоже спущусь. — Он посмотрел на Цитадель. Вверху, на фоне серого неба, проплыло, увлекаемое легким вечерним бризом, облако белого дыма. — До встречи.

Они обменялись рукопожатиями и расстались.

Линседду понадобилось почти пятнадцать минут, чтобы добраться до своих драгун. Спешить было некуда. Противник ничего не предпримет до тех пор, пока не стемнеет, чтобы избежать контратаки его кавалерии.

Гос сильно на это рассчитывал.

— Квенион! — позвал Намойя. — Где мы?..

Квенион не расслышала вопрос как следует — ее господин едва шевелил обожженными, спекшимися губами, — но поняла, о чем речь.

— Нам нужно уходить оттуда, ваше высочество, — спокойно ответила она, бросив взгляд сначала вправо, потом влево.

Коридор был пуст. Никаких признаков стражи. Квенион не знала, понял принц ее или нет — в любом случае Намойя промолчал. Возможно, он даже и не услышал того, что она сказала. Время от времени с губ Кевлерена срывался стон, но в шуме начавшегося боя эти звуки были практически не слышны. В од-

ной руке Квенион держала огнестрел, который забрала у стражника, другой тащила за собой Намойю.

В башне было уже темно. Иногда девушка слышала шаги, но люди бежали не к ним, а в другую сторону. Добравшись до винтовой лестницы, которая вела вниз, Квенион остановилась, вслушиваясь в каждый звук, который мог бы подсказать им, что делать дальше. Она понимала, что долго оставаться на месте нельзя, как нельзя и вернуться назад, притворившись, будто ничего не случилось.

Но что же им теперь делать?..

— Выход есть только один, — сказала себе Квенион и, сжав руку своего господина, сделала первый шаг вниз по лестнице.

Кадберн стоял среди хаоса и дымящихся, обугленных трупов, впервые в жизни пребывая в состоянии полной растерянности и смуты. Взгляд его отчаянно метался по сторонам, но не находил того, кого нужно. Где же принц?.. С десятков тел обгорели до такого состояния, что опознать погибших было уже невозможно. Вероятно, именно среди них и следовало искать Мэддина.

Чувство, которого он не испытывал с детства, чувство абсолютной оторванности от семьи росло и поднималось в нем. Чувство огромного, неизбывного горя. Когда погибла Алвей, Кадберн переживал, потому что потерял подругу, ту, что ему нравилась, но сейчас боль просто сковала его — боль такая сильная, словно кто-то разрывал ему сердце.

Рядом валялся лопнувший ствол огнестрела. К металлу буквально прикипела чья-то рука. Ветерок коснулся лица Избранного, и он с удивлением обнаружил, что значительная часть западной стены Цитадели исчезла, словно раздавленная и сметенная кулаком незримого великана, а из темного проема несутся крики карабкающихся по камням солдат.

Вражеских солдат.

Лицо Избранного не дрогнуло. Оно как будто превратилось в маску с одним, навеки застывшим выражением.

Кадберн вынул из ножен палаш и безмолвно шагнул навстречу врагу.

Китайра лежала на полу, похожая на ворох небрежно скинутой одежды. Глаза ее были открыты, но взгляд беспокойно блуждал. Она попыталась позвать на помощь, однако из горла вырвалось что-то похожее на жалкий писк. С губ девушки стекала струйка слюны.

Она понимала, что должна что-то сделать, сдвинуться с места, но сил не осталось даже на то, чтобы поднять голову. Брошенная тряпичная кукла — вот кого она сейчас напоминает.

Китайра заставила себя сконцентрироваться, очистить разум и для начала поставила простую цель: пошевелить рукой. Под ней был холодный камень. Девушка попыталась приподняться, но это оказалось выше ее сил. Дыхание давалось с трудом, голова отчаянно кружилась.

Она знала, что случилось, потому что ощущала в своем мозгу присутствие Лерены и чувствовала боль Мэддина, когда того объяли языки пламени. Теперь и в ней самой огнем горел каждый нерв.

Все произошло так, как и обещала императрица — если не считать того, что Китайра влюбилась в Гэлис. Последнее планом предусмотрено не было.

План. Любимое детище Лерены. Императрица хотела, чтобы наказание постигло Мэддина вдали от Хамилая. Да, она мечтала наказать его за предательство Кевлеренов, за желание иметь ребенка от простолюдинки. Решение предложил канцлер Малус Майком, и основывалось оно на исследованиях, проведенных в университете несколькими грамматистами. Используя человека, способного уловить суть Сефида — например, Китайру, — Кевлерен мог значительно расширить свои возможности. Такой человек исполнял роль рупора, усиливающего крик. Майком же предложил отправить Мэддина во главе экспедиции в Кидан, убрав его таким образом из Хамилая. Но самый

гениальный ход Малуса заключался в том, что экспедиция не могла обойтись без стратега, а у канцлера такой стратег уже имелся: Гэлис Валера.

Единственное, чего не смог предусмотреть план, — того, что грамматист влюбится в стратега. Китайра вдруг поняла, что любовь к Гэлис сильнее желания познать Сефид, сильнее стремления попробовать, что значит быть Кевлереном.

И что же теперь? Как отнесется Гэлис к той, которая предала любовь? Китайра знала ответ: с ненавистью и презрением.

А без Гэлис все остальное теряло смысл.

Без Гэлис ей просто незачем жить.

Девушка даже удивилась тому, что решение далось так быстро и легко. Прежде ей и в голову не приходило всерьез думать о собственной смерти. Если она чего и боялась, так это смерти Гэлис, которая, будучи стратегом, имела несравненно больше шансов погибнуть на поле боя. Теперь же, размышляя о смерти по отношению к собственной персоне, Китайра жалела, что не может описать свой уход, чтобы другой грамматист или целитель мог получить ценные, из первых рук, сведения.

Ее наблюдения и их анализ.

Жалость к себе самой поднялась в девушке. Она удивилась: откуда это? Ей вдруг захотелось, чтобы кто-то оплакал ее уход. Нет, Китайра не боялась смерти, но не хотелось умирать нелюбимой. И больше всего не хотелось, чтобы Гэлис вспоминала ее с ненавистью.

Ненависть. Подходящее для фокусов слово. Именно это и сделала Лерена. В конце концов, императрица уничтожила Мэддина с помощью ненависти, а не Сефида.

Глаза Китайры вспыхнули. Ах Сефид!.. Какое великолепие! Какое могущество!.. Даже небольшой порции, отведавшей которую позволила ей Лерена, оказалось достаточно, чтобы пробудить страстное желание всецело отдаваться его волнам. Но потом сказочная картина, которой поманила ее императрица, исчезла, а перед глазами встала другая, страшная картина: гибель Мэд-

дина, после чего она, Китайра, использованная и ненужная, оказалась на полу, как брошенная за ненадобностью тряпичная кукла.

Ненависть. Так вот она какая! Что же это? То, что Китайра чувствовала сейчас к Лерене? Девушка думала, что ненавидит канцлера, но теперь в ее сердце бушевало пламя столь же яростное, как и то, что сожгло Мэддина, однако намного более чистое, свободное от предубеждений и опыта.

Пламя праведного гнева.

Собрав остатки сил, Китайра открыла свой разум — так, как сделала это Лерена, когда открывала канал для Сефида. Он еще был там, словно протоптанная в поле тропинка, и следы вели в Омеральт — а еще точнее, к самой императрице.

Она пойдет по этой дороге и преподаст Лерене урок ненависти.

— Кто?.. — повторила Юнара, подавляя желание встряхнуть сестру за плечи.

— Грамматист.

Герцогиня вопросительно посмотрела на Ганиморо, но та лишь покачала головой. Горе Избранной было столь же очевидным и великим, как и горе ее госпожи.

— Все пропало, — пробормотал Паймер.

Юнара заметила его только теперь. Вид старика поразил ее почти так же, как и состояние сестры.

— Дядя?.. Что вы здесь делаете?

— Все пропало, — повторил он.

— Да что с вами? Что случилось? — Поднимающийся страх просочился в голос пронзительными нотками. Мир переворачивался с ног на голову, и герцогиня не знала, как себя вести и что делать.

— Я пыталась спасти его, — прошептала Лерена.

Юнара обняла сестру и привлекла к себе.

— Мэддин... он погиб, — едва слышно произнесла императрица и почувствовала, как напряглась сестра, насколько сильно застучало сердце в ее груди.

— Мэддин?.. — недоверчиво переспросила Юнара.

— Я старалась... — Лерена не договорила.

Юнара заглянула ей в глаза.

— Ты уверена, что он умер?

— Я думала об экспедиции, — вздохнула императрица. —

Думала о нем... а потом вдруг увидела ее.

— Ее? Грамматиста? Ту, которую ты послала с Мэджином?

— Да. Она уже убила его женщину и ребенка. Я почувствовала это. Она позволила мне почувствовать это. Как будто хватала передо мной своей силой...

— Алвей Селфорд мертва? — Юнара снова бросила взгляд на Ганиморо, но та лишь пожала плечами.

— Грамматист. Китайра Альбин, — подсказал Нетаргер.

Герцогиня повернулась к сестре.

— Так это была Китайра Альбин?

Лерена кивнула.

— Да. Альбин. Она использовала меня, чтобы убить Мэджина.

Неожиданно императрица резко выпрямилась, оттолкнула Юнару и глухо вскрикнула. Все вздрогнули. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались два стражника. За ними виднелись другие.

Лерена обхватила голову руками.

— О сестра! Какой ужас! Он сгорел заживо!..

Стражники остановились, не зная, что делать.

— Убери их! — приказала Ганиморо Юнара.

Избранная императрицы лишь теперь пришла в себя и повернулась к гвардейцам.

— Оставьте нас.

— Но...

Один из солдат указал взглядом на Лерену, бледную и неподвижную, как столб, с пустыми, невидящими глазами и искаженным гримасой ужаса лицом.

— Герцогиня пытается помочь ее величеству! — бросила Ганиморо. — Вы ей не нужны!

Стражники неохотно попятились и затворили за собой дверь.

Юнара бережно взяла сестру за руку и проводила к креслу.

— Пожалуйста, ваше величество, не кричите так больше, — спокойно сказала она. — В следующий раз стража может подумать что-то не то и убить нас всех.

— Я не нарочно, — тоненьким голосом больного ребенка ответила Лерена.

Юнара погладила ее по волосам.

— Все хорошо. Все хорошо.

Она повторяла это до тех пор, пока дыхание императрицы не стало ровным.

Внезапно Лерена расплакалась.

— О сестра, это было так ужасно!..

Юнара снова заключила ее в объятия.

— Покажи мне, — прошептала она. — Покажи мне, что случилось.

Лерена отстранилась от сестры и изумленно посмотрела на нее из-под влажных ресниц.

— Ты же не хочешь...

— Покажи, — настойчиво и требовательно повторила герцогиня. — Покажи мне, как он умер. Покажи ту, которая убила его. Мэддин был Кевлереном, и за него нужно отомстить. Я отомщу за него. Обещаю.

— Ты сможешь? — Императрица с почтением и даже завистью посмотрела на сестру.

— Для тебя, моя милая сестра, я смогу сделать все, — с оттенком легкого самодовольства ответила Юнара. — Для тебя... и с твоей помощью. Но начать придется тебе самой. Ты должна мне все показать.

Императрица кивнула и повернулась к Ганиморо.

— Принеси одну из моих собачек, — распорядилась она, а когда Избранная уже подошла к двери, поспешно добавила: — Нет, лучше приведи Аксевлерена. Мы должны точно знать, что жертва не была напрасной. Сделаем все наверняка.

ГЛАВА 28

Свет погас.

Острова и каналы пропали в наступившей тьме. Со стороны прибоддрившихся неприятельских солдат донеслись воинственные крики и глухой стук копий о щиты. Выпустив в кавалеристов первые стрелы, противник снялся с места и двинулся в направлении ведущей к Цитадели дороги.

Гос чувствовал нарастающее среди его солдат беспокойство. Хамилайцы не любили темноту, которая лишала их очевидных преимуществ: возможности пользоваться короткоствольными огнестрелами и передвигаться быстрее, чем рысью. Но так как ни то, ни другое не входило в планы Линседда, он был вполне удовлетворен развитием событий и спокоен.

Выждав несколько минут и убедившись, что вражеские колонны промаршировали мимо, Гос тронул горниста за плечо.

— Вперед шагом.

Раздался звук трубы, и отряд медленно двинулся к берегу. Застоявшиеся кони заржали. Цокот копыт, шорох ножен и звон уздечек слились в глухой шум. Гос не сомневался, что неприятель слышит его и наверняка задастся вопросом, что же он означает. Враг мог бы остановиться, развернуться и встретить возможную опасность лицом к лицу. Линседд даже представлял, как неприятельские офицеры уже всматриваются в ночь, вслушиваются в стук копыт и с тревогой ожидают появления из темноты первых шеренг атакующих.

Если так, то противника ждало разочарование. Будь он на месте их командира, то выставил бы вперед стрелков, приказал запалить факелы и бросать их в сторону врага, чтобы напугать лошадей. Кавалерия, при всей ее мобильности, чрезвычайно уязвима перед организованной пехотой — он знал это по собственному опыту, приобретенному в войнах против Ривальда.

В данном случае, однако, Линседду противостоял противник, в представлении которого кавалерия выглядела бесформенной массой всадников. Именно на это Гос и уповал.

По его расчетам, они находились примерно в миле от вражеских судов.

Пора.

Он снова дотронулся до плеча горниста, и тот громко протрубил.

Стук копыт участился: эскадрон набирал ход. В ночной тишине звук усиливался, и в воображении врага сотня всадников превращалась уже в тысячу.

Внезапно не далее чем в пятидесяти ярдах впереди появились какие-то фигуры. Линседд выхватил саблю и услышал металлический скрежет — его воины повторили действия командира.

— Рысью, марш!.. — прокричал он во весь голос.

В следующее мгновение прямо перед ним из темноты выскочил вражеский солдат. Гос рубанул саблей, промахнулся, но задерживаться не стал. Большие лодки, на которых противник прибыл в Кидан, стояли на берегу, и он с облегчением вздохнул — враг не предпринял очевидной меры предосторожности и не спустил их на воду. Предпринимать какие-либо действия по их спасению было уже поздно.

Конники легко смяли оставленных охранять суда солдат, убив тех, кто осмелился оказать сопротивление, и начали преследование. Гос, приказав сигнальщику трубить отход, отдал приказ поджечь лодки, и вскоре взметнувшееся по парусам пламя осветило всю Седловину до Длинного Моста. Неприятельская пехота, успевшая к этому времени преодолеть половину подъема, оказалась освещенной, как мошара на белой простыне.

Гос скомандовал эскадрону перестроиться в две шеренги, после чего горнист дал сигнал к атаке.

Поначалу Гэлис Валера никак не могла понять, на чьей она стороне. Пространство между двумя оконечностями недостроенной стены стало ареной хаотичной схватки, в которой атакующие смешались с обороняющимися. Сражение распалось на несколько отдельных эпизодов.

Отдельные воинственно настроенные личности суетливо бегали вокруг дерущихся, выискивая возможность влезть в гущу боя и размахивая тем, что заменяло им оружие. В скудном свете горящих кое-где факелов стратегу удалось увидеть несколько распростертых на земле тел. Находящийся под началом Гэлис отряд вооруженных колонистов пребывал, как и она сама, в растерянности; одни явно предпочли бы пуститься наутек, другие горели желанием вмешаться, но никому не нравилось стоять и ждать. Стратег, однако, не спешила ввязываться в схватку из опасения выступить ненароком на стороне противника.

Потом в поле ее зрения попала знакомая фигура человека, лихо орудующего увесистым топором на длинной рукояти, и она вспомнила, что видела этого здоровяка на борту «Ханнема». Великан отважно врбался в самую гущу неприятельских бойцов, сокрушая черепа и оставляя за собой искромсанные тела, а за ним с такой же отвагой, но куда меньшей эффективностью следовала невысокого роста женщина с неподъемной кувалдой, конец которой бесполезно тащился по земле. Не выдерживая натиска здоровяка с топором, противник либо расступался, либо пятился назад.

Теперь Гэлис знала, кого атаковать.

Отдав своим людям приказ идти вперед, она подняла саблю и с криком бросилась в гущу боя. Последовал ли кто за ней, Гэлис не знала, а оглянуться не посмела из страха, что ее призыв остался без поддержки.

В качестве первой цели она наметила коренастого воина с длинным копьем. Свалив какую-то несчастную колонистку на землю, он уже собрался пронзить ей горло. В последний момент, то ли услышав вопль Гэлис, то ли действуя интуитивно, громил поднял голову и увидел перед собой занесенный клинок. Уклониться он уже не успевал. Лезвие полоснуло по шее, разрубив хрящи и мягкие ткани, и уткнулось в кость. Враг рухнул на землю: Гэлис едва не споткнулась о тело, но устояла на ногах, высвободила клинок и огляделась по сторонам.

— Хорошая работа! — раздался рядом веселый голос. Девушка повернулась и увидела улыбающуюся спутницу здоровья-ка с топором. — Похоже, мы побеждаем.

Прежде чем Гэлис успела ответить, в поле ее зрения возник еще один вражеский солдат, преследующий старого безоружного колониста. Она издала боевой клич и бросилась за ним, оставив за спиной странную девицу с неподъемной кувалдой.

Ганиморо привела Верклоффа. Лерена собралась было запротестовать, и даже Юнару, похоже, смутил такой выбор, но, подумав, сестры промолчали, по достоинству оценив сообразительность Избранной. Парень был дорог и императрице, и герцогине, так что жертва приобретала для обеих особое значение.

Что касается Верклоффа, то он, привычный к обществу Лерены, крайне удивился, увидев рядом с ней Юнару. «Уж не считают ли они обе меня своим», — подумал юноша, преисполнившись гордостью. В какой-то миг он наткнулся на взгляд Ганиморо, которая смотрела на него так, словно читала его мысли. Молодой человек опустил глаза и придал лицу приличествующее случаю скромное выражение. Сидевший в кресле незнакомый старик тоже разглядывал его с непонятным интересом. Наверное, в других обстоятельствах эти детали насторожили бы Верклоффа, но вино, которым угостила его Ганиморо перед тем, как привести к императрице, заставило несчастного утратить бдительность.

— Сядь сюда, — сказала Лерена, указывая на пол у своих ног.

Юнара поднялась и, подойдя ближе, остановилась за спиной сестры, положив руки ей на плечи. Верклофф повиновался и сразу же почувствовал, как императрица сделала полшага вперед — ее бедра коснулись его плеч. Что она собирается делать? Что здесь происходит?..

Юноша взглянул на Ганиморо, надеясь найти ответ в ее глазах, но и она, и Нетаргер смотрели на него как-то странно, с выражением то ли печали, то ли сочувствия.

Императрица принялась массировать ему шею правой рукой, и Верклофф зажмурился от удовольствия. Лерена что-то напевала: его стало клонить в сон. Однако откуда-то издалека настойчиво доносился голос сомнения и страха. Голос этот был слаб и шел как будто из прошлого; у юноши не было сил прислушиваться к нему — тем более что сонливость уже растекалась по телу, ослабляя волю, погружая в сладкую дрему.

Когда острое лезвие проткнуло ему яремную вену, Верклофф уже ничего не почувствовал.

Сначала Китайра подумала, что это силы возвращаются к ней, разливаясь по ослабевшим членам, окрашивая розовым бледную кожу и заставляя легкие жадно вбирать больше воздуха. Но способна ли одна лишь решимость, даже подкрепляемая ненавистью, делать такое с человеком? Девушка знала, что оживает ненадолго, что прилив сил сменится их упадком, как только...

И тут Китайра ощутила присутствие Сефида. Первая пришедшая на ум мысль: так бывает в те минуты, когда наблюдаешь восход. Ты знаешь, где поднимется солнце, и если сумеешь дождаться, то увидишь, как светлеет горизонт, как черное становится пурпурным, пурпурное — красным, красное — оранжевым, желтым, а потом в небе появляется и само светило... Нечто похожее происходило и с грамматистом. Край неба окрасился Сефидом, и все мысли мгновенно устремились к нему в ожидании рассвета.

Китайра поняла — он скоро наступит.

Во рту у Поломы пересохло. Он попытался собрать хоть немного слюны, но страх высосал из него все, до последней капли.

Мальвара стиснул рукоять сабли, чтобы никто не видел, как дрожат пальцы, но так и не придумал, что сделать с коленками. Впрочем, в темноте никто ничего не замечал. До него долетали крики и шум битвы, охватившей едва ли не весь остров. Сражение шло за его маленький городок. Бедный, несчастный Кидан...

Полома огляделся. Его товарищи и соотечественники, вооруженные и готовые защищать свои дома, стояли рядом. Стояли в ожидании.

Какая-то мысль не давала ему покоя, копошась в мозгу, как спрятавшаяся под полом мышь.

Интересно было бы узнать, как обстоят дела у других. Мальвара нисколько не тревожился за Мэддина и Кадберна, даже несмотря на прозвучавший ранее взрыв. Эти двое представлялись ему несокрушимыми, словно скалы. Кевлерену в любом случае никто не сможет причинить зла, а Кадберн легко сумеет постоять за себя. С Госом тоже ничего не случится — он ведь профессиональный военный и командует профессиональными воинами. Гэлис Валера? В нее Полома верил беззаветно.

Все эти люди сражались по разным причинам, ради своих собственных интересов, но, так или иначе, помогали защищать Кидан. Удивительные настали времена. Удивительные люди — эти хамилайцы...

В памяти всплыло лицо Эриот. Жаль, не довелось видеть ее чаще. Симпатичная женщина, энергичная, да еще и с живым умом. Пожалуй, он мог бы завести от нее детей...

Поломе вдруг пришло в голову, что Эриот в этот самый момент, может быть, тоже бьется не на жизнь, а на смерть. Он попытался представить ее сражающейся, но получилось плохо — жестицистка никак не подходила для войны.

И снова непонятное беспокойство отвлекло Мальвару от мыслей об Эриот.

Сколько же его друзей погибли, защищая город?

Это их личный выбор, сказал себе Полома. Каждый принимал решение сам, по собственной воле. Люди сами связали свое будущее с будущим родины. Даже Эриот.

Полома почесал голову рукоятью сабли. Должны ли его соратники связать свое будущее с будущим Кидана?

Едва задав себе этот вопрос, он понял, что именно не давало ему покоя весь вечер. Единственными, кто не дрался за Кидан,

были сами киданцы, а это значило, что кто бы ни победил, они все равно останутся в проигрыше.

Что же он тогда за вождь?..

— Пора выступить, — громко сказал Мальвара.

Двое или трое стоявших рядом с ним людей недоуменно посмотрели на префекта.

— Выступить? Куда?..

— В помощь друзьям. Пора отбивать наш город.

Он не стал смотреть, последует ли кто за ним. Сражение шло вокруг Цитадели, и исход его определялся на Длинном Мосту. Там-то Полома и хотел быть в эту ночь.

Солдат удивленно захлопал глазами. Квенион, не мешкая ни секунды, вскинула огнестрел и выстрелила в упор.

Отдача получилась сильной, приклад больно ударил девушку в живот, а стражник покатился вниз по ступенькам, оставляя за собой кровавый след. Не зная, как перезарядить оружие, Избранная отбросила огнестрел и подобрала другой, выпавший из рук солдата. На выстрел никто не прибежал. Это не было удивительно, учитывая доносящийся снаружи нескончаемый шум боя.

— Что это было? — тревожно спросил Намойя.

— Идемте, ваше высочество, опасность еще не миновала, — ответила Квенион, обрадованная тем, что к ее хозяину вернулся слух.

Однако ей пришлось остановиться, чтобы восстановить сбившееся дыхание. На Намойю она старалась не смотреть: лицо Кевлерена обгорело до такой степени, что при первом взгляде на него девушку едва не вырвало.

Так никого и не встретив, они прошли всю лестницу и оказались в главном зале, где и остановились. Просторное помещение было заполнено растерянными и напутанными людьми, главным образом женщинами и детьми. При этом, как ни странно, никто не плакал, не кричал; все прислушивались к долетающим из-за дверей звукам. Появление Намойи и Квенион прошло практически незамеченным, лишь несколько человек скользнули по ним равнодуш-

ным взглядом, но поднимать тревогу никто не стал. Намойю, по-видимому, никто просто не узнал. Скорее всего его приняли за раненного при взрыве хамилайского солдата.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил ее спутник. — Почему мы остановились?..

— Разве вы не видите, ваше высоко... — Тут она прикусила язык. — Мы в главном зале.

— Все расплывается перед глазами, — признался Намойя.

Перед ними расступались — никому не хотелось видеть изуродованное лицо или прикасаться к несчастному. Добравшись до двери, Квенион приоткрыла ее и выглянула наружу. В темнеющей бреші мелькали неясные фигуры.

— Шанс есть, — шепнула она принцу. — Однако риск велик. У меня есть огнестрел, но чтобы стрелять, мне понадобятся обе руки. Держитесь за мой пояс и не отпускайте.

Намойя что-то пробормотал, но Квенион уже не слушала. Чтобы выбраться из плена, им нужно было пройти через брешь в стене, избежав при этом нападения. Потом можно обратиться к кому-то из атакующих и попросить увести их из Кидана. План был не слишком удачным, и Избранная отлично это понимала, но ничего другого придумать не могла. Оставалась только ждать того мгновения, когда солдаты той или другой стороны отступят от бреші.

Кадберн не знал, сколько прошло времени с момента начала сражения и много ли врагов полегло от его руки. Рукава Избранного до локтей пропитались кровью, лезвие палаша затупилось, и даже сам воздух превратился в кроваво-красный туман. И все равно он не останавливался и не отступал, ведомый одним лишь желанием: убить всех врагов на острове.

Какой-то детина с широким коротким мечом вспрыгнул на груды камней и уже открыл рот, чтобы издать победный крик, но успел лишь прохрипеть что-то нечленораздельное — палаш Кадберна вошел ему между зубов. Место упавшего тут же занял другой: вертя над головой палицей, он шарил по сторонам

свирепым взглядом. Кадберн дернул палаш, но клинок застрял. Избранный пнул врага в пах, вложив в удар столько силы, что кровожадного верзилу отбросило на несколько шагов вместе с булавой. К тому времени, когда Кадберну удалось высвободить палаш, ухватившись за рукоять двумя руками и наступив мертвецу ногой на физиономию, любитель проламывать черепа пришел в себя, но подняться уже не успел — Кадберн изо всей силы рубанул его по запястью.

Бой давно уже перешел в рукопашную схватку, потому что порох и пули у хамилайцев кончились: они дрались прикладами и саблями. Получалось не так уж плохо, и вскоре, впервые с начала сражения, брешь в стене полностью перешла в руки защищающейся стороны.

Кадберн воспользовался затишьем, чтобы немного передохнуть. Внизу, на склоне, спускающемся к восточной оконечности острова, перегруппировывались неприятельские шеренги: хотя численное преимущество все еще оставалось на стороне атакующих, они заметно обессилели. Кадберн не сомневался, что и второй штурм будет успешно отражен. Еще дальше, на самом берегу, виднелись очертания лодок, на которых враг спустился по реке. Сколько их понадобится, чтобы оставшиеся в живых вернулись восвояси?

— Еще разок поднажмем — и им конец, — бодро сказал стоящий рядом чумазый солдат со сломанным огнестрелом в одной руке и штыком в другой. Кадберн удивленно посмотрел на него: солдат, похоже, говорил совершенно серьезно.

— Думаю, лучше подождать их здесь. На открытом пространстве, тем более в темноте преимущество будет за ними.

— И то правда, — согласился солдат, оглядываясь. — Жаль, нет лонгтонов. Живо бы смели их с острова.

Кадберн сдержанно кивнул.

Со стороны неприятельских порядков донесся крик: враг снова пошел на приступ.

— Не терпится им, — пробормотал солдат.

Кадберн сжал рукоять палаша — ему тоже не терпелось.

Краем глаза он уловил какое-то движение и, повернувшись, увидел то, чего никак не ожидал увидеть: женщина с огнестрелом вела раненого мужчину, который держался за ее пояс. Лишь через несколько секунд он узнал в удаляющихся фигурах ривальдийского Кевлерена и его Избранную, но остановить их не успел — противник уже лез со всех сторон.

Сражение на Кархее продолжалось. Эриот то дрожала от страха, то горела злостью, то парила на волне эйфории. Ничего не понимая в происходящем, она старалась не отставать от прорубавшегося через ряды противника Ардена, кричала, потому что кричали все, и таскала за собой тяжеленную кувалду. Дважды враг приблизился достаточно близко, чтобы Эриот могла пустить свое оружие в дело: в первый раз вес кувалды оказался слишком велик, и противник промчался мимо, даже не поняв, насколько близок он был к смерти. Во втором же случае она уронила молот на ногу неосторожному солдату и немало порадовалась, наблюдая за тем, как он, ускакав прочь на уцелевшей ноге, угодил под дубину пожилого колониста.

Удивительно, что при всей суматохе и воинственном настрое с обеих сторон потерь поначалу было очень мало. Крики, толкотня, пинки и агрессивность — этого имелось в достатке, но энергия уходила главным образом в пот и бессмысленную суету. Эриот видела объяснение в неопытности одних и скверном вооружении других.

Следуя за Арденом, она то и дело наступала на различные части тел и не подлежащие опознанию кровавые обрубки плоти, задыхаясь от смрадного запаха крови. В общем же до появления на поле боя белокурого демона во главе небольшого, но должным образом вооруженного отряда сражение шло ни шатко ни валко, а временами и почти замирало.

Стратег — властная блондинка по имени Гэлис Валера — действовала энергично. Она вела воинов в наступление, отдавала приказы, распоряжалась, подгоняла. Одних колонистов Гэ-

лис отправила латать стену; другим дала задание собирать брошенное врагом оружие.

С ее появлением все изменилось, обороняющаяся сторона стала брать верх, а у Эриот появилась надежда, что она, держа Ардена, быть может, еще и выйдет из битвы живой.

Самым большим откровением для жестяницы стал тот факт, что большая часть воюющих — как с одной, так и с другой стороны — не проявляют особой активности, а просто стоят и ждут, когда боевые действия сами докатятся до них. Многие, устав с непривычки махать оружием, отходили в сторонку и наблюдали за происходящим, стараясь восстановить силы. В мерцающем свете нескольких факелов ночная баталия напоминала сцену из спектакля с участием ограниченного числа актеров, уродующих друг в друга на глазах бурно переживающей публики.

Впоследствии Эриот так и не смогла вспомнить, когда именно в ходе сражения произошел решающий перелом. В какой-то момент солдаты обеих сторон выстроились друг против друга двумя длинными шеренгами в широкой бреші между краями недостроенной стены. В следующий миг враг вдруг отступил: словно по команде, совершая запланированный маневр, напоминающий внезапную смену направления летящей стаи птиц, развернулся и устремился к берегу.

Однако сил, чтобы преследовать противника, ни у кого не нашлось. На глазах у колонистов неприятельские солдаты скатились по склону и начали спускать свои лодки на воду, после чего на поле брани воцарилась гнетущая тишина, неестественность которой подчеркивали звуки далекого боя, доносящиеся со стороны Херриса, и жутковатый отсвет огромного пожара на противоположном берегу.

Гос знал — самое трудное выпало на его долю.

Атака уже увлекла Линседда — восторгом скорости, запахом крови, пьянящим ощущением бьющего в лицо ветра, звоном

металла. Но он сдерживался, напоминая себе, что дело командира — не искать славу, а добыть победу.

В свете бушующего за спиной пламени Гос видел сбивающиеся в кучу неприятельские колонны. Двигаясь вверх по склону, к Длинному Мосту и Цитадели, противник остановился и повернулся лицом к хамилайским кавалеристам. Гос знал — в эти мгновения страх сковал сердца вражеских солдат. Именно это ему и было нужно.

Оценив расстояние до ближайшей колонны, он прокричал приказ сигнальщику, но парень, опьяненный восторгом атаки, не услышал командира. Линседд хлопнул его по плечу. Горнист удивленно посмотрел на него, но подчинился незамедлительно, трижды протрубив.

Всадники натягивали поводья, сдерживая рвущихся вперед лошадей. Еще один сигнал — и солдаты, выхватив из седельных кобур карабины, соскочили на землю.

Гос с гордостью оглядел своих бойцов. Настоящие профессионалы, они выполнили команду четко, без нытья и жалоб, с легкостью, которая достигается только через многократное повторение.

— Первая шеренга, на колено! — прокричал он. — Целься! Огонь!..

Сухой и короткий треск залпа расколол ночь. Воздух наполнился серым дымом. Выстрелив, солдаты тут же принялись перезаряжать огнестрелы.

Наступавшая сверху неприятельская колонна попятилась, оставляя на земле тела раненых и убитых. Линседд медленно досчитал до пятнадцати, отмеряя необходимое на перезарядку время.

— Вторая шеренга, целься! Огонь!..

Еще один залп. Его люди знали, что от них требуется. Гос снова досчитал до пятнадцати.

— Первая шеренга, целься! Огонь!

На этот раз залп произвел нужное впечатление на противника. Ближайшая колонна дрогнула и рассыпалась. Оставшихся в живых охватила паника.

— Вторая шеренга, целься! Огонь!..

Дым висел в неподвижном воздухе плотной пеленой, не позволяя рассмотреть врага.

— Эскадрон, тридцать шагов вперед! — скомандовал Гос. Первая шеренга поднялась и, сохраняя строй, продвинулась на нужное расстояние.

— Первая шеренга, на колено! Целься! Огонь!

Неприятельские ряды разваливались, не выдерживая смертоносного огня, но офицеры все еще пытались, пусть даже угрозой оружия, удержать солдат в строю. Паника нарастала.

— Вторая шеренга, целься! Огонь!

Теперь под огнем драгун оказалась уже третья колонна противника. Гос, прищурившись, всматривался в темноту. Он мог бы поклясться, что уловил какое-то движение в том месте, где спуск подходил к громадным пилонам Длинного Моста. Сердце дрогнуло и на мгновение остановилось. Враг передвигался быстрее, чем он рассчитывал, и уже достиг вершины.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Находящиеся ближе к вершине солдаты противника дико закричали, как будто все они до единого увидели внезапно нечто такое, что повергло их в ужас.

Почти машинально Гос прокричал команду второй своей шеренге, досчитал до пятнадцати и застыл в изумлении, глядя на охваченные паникой колонны противника. Строй их окончательно рассыпался, солдаты разбежались, сталкивая товарищей в ров. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи; люди бросали оружие, вопили и, охваченные паникой, искали спасения в бегстве. Это была катастрофа. Кавалеристы Госа недоуменно переглядывались, не понимая, что стало причиной такого смятения.

Ждать объяснения пришлось недолго — с воинственными криками вниз устремилась неизвестно откуда взявшаяся толпа

вооруженных людей. Драгуны застыли в ожидании приказа командира, который, похоже, был поражен происходящим не меньше, чем они.

— Клянусь Сефидом, это киданцы, — пробормотал, качая головой, Гос. — Полома Мальвара перешел в наступление.

— Веди меня, сестра, — мысленно произнесла Юнара.

Связь, возникшая между ней и Лереной, стала для герцогини откровением. Ничего подобного ей прежде испытывать не доводилось. Нет, она не сделалась частью Лерены — скорее они стали двумя разумами, разделившими одно тело. В ее груди бились два сердца, она могла смотреть одновременно в разные стороны, у нее появились новые воспоминания — воспоминания о чужой жизни...

— Это далеко, за морем, — сказала императрица. — Следуй за мной.

Они летели над Бушующим морем — синей бескрайней бездной. Небо над ними было ясное и чистое, потом по нему побежали белые облака. Затем сестер настиг тропический шторм. Струи дождя хлестали по коже, ветер путал мокрые волосы.

— Как у тебя получилось такое? — спросила Юнара. — Я и подумать не могла...

Она чувствовала гордость сестры, ее самоуверенность. В какой-то момент герцогиня осознала, что Лерена вовсе не испугана и не подавлена, что она полна сил, а все случившееся — обман и притворство. Где-то в глубине сознания, куда еще не проникла Лерена, вспыхнула искорка страха.

— Мне просто захотелось узнать, можно ли это сделать, вот и все, — ответила императрица и, прежде чем Юнара успела задать следующий вопрос, воскликнула: — Смотри!

Небо снова очистилось. Наступал вечер. На горизонте показался берег... темнеющая зелень... город...

— Здесь.

Они устремились вниз, к какой-то башне. Там кипел бой. Юнара чувствовала запах и вкус крови, но это не была кровь

Верклоффа. Внизу бушевал праздник жизни, и сестрам стоило немалых усилий побороть соблазн присоединиться к торжеству, отдаться этому буйству, открыть Сефид так широко, чтобы он поглотил весь мир.

Крепость. Они просочились сквозь камень, как вода через бумагу.

Она!..

Юнара поняла это сразу, хотя и не узнала женщину. Поняла по окружающему незнакомку запаху пламени, обгоревшей плоти и испепеляющей вины.

— Что будем делать? — спросила Лерена.

Женщина посмотрела вверх, как будто слышала что-то. Возможно ли такое?

Присмотревшись, герцогиня отыскала в сердце несчастной нечто твердое, спрятанное глубоко-глубоко. Нечто ужасное, крошечное, хитиновое и многоногое. Юнара рассмеялась, и Лерена подхватила ее смех.

— Вот как мы все обставим, — сказала герцогиня.

— Да, — согласилась Лерена.

Все произошло на удивление быстро. Только что Китайра ощущала Сефид, словно проблеск утренней зари на некоем далеком ментальном горизонте, а в следующее мгновение он уже накатил с запада вздымающейся, всепоглощающей волной, которая подхватила грамматиста, как щепку, и понесла над развершимися под ней бездонными глубинами.

Китайру смутило то, что в этот раз их было двое, Лерена и кто-то еще.

— Дрянь!.. — произнесла она, но никто ее не услышал.

Девушка выкрикнула слово еще раз, но ее крик прозвучал не сильнее шепота на ветру. Китайра попыталась сосредоточиться, собрать воедино всю свою ненависть, но с отчаянием осознала, что ее сила — ничто по сравнению с магической мощью, направленной против нее. Девушку швыряло, топило, душило и выворачивало наизнанку.

Внезапно все исчезло. Тьма и тишина окружили ее. Сефид умчался. Китайра была одна в своей комнате; она лежала на полу, как отброшенная в угол обглоданная кость, и вся ее ненависть уходила в пустоту.

Потом девушка услышала царапанье и шорох. Словно крохотные ножки скребли по камню. Насекомые. Сил не было даже на то, чтобы поежиться. Звук приближался: со всех сторон к Китайре спешили тысячи и тысячи крохотных ножек.

В следующее мгновение они были уже в Омеральте, высоко над крышами домов, восторженные и ликующие. Юнара от души поблагодарила Лерену. Обладая такой властью над Сефидом, она могла и одна совершать далекие путешествия, исследовать другие берега, возможно, даже другие звезды. Перед ней открывались бесконечные возможности...

— Только не одна, — сказала Лерена. — Если захочешь куда-то попасть, нужно, чтобы там уже кто-то был.

— Тогда как же мы оказались в Кидане?

— Китайра Альбин. Вот почему я отправила ее за Бушующее море. Мне было нужно, чтобы кто-то помог добраться до Мэддина.

Укол сомнения заставил Юнару отстраниться от сестры, но связь между ними была слишком сильна. Искра страха в глубине сознания герцогини вспыхнула, пробуждая тревогу, предупреждая об опасности. Она попыталась отступить, но Лерена держала ее, как игрушку на ниточке.

— Только так я могла наказать Мэддина, — продолжала Лерена. — Он должен был понести кару за то, что отверг нашу семью, нарушил ее законы и обычаи. Но наказание не могло быть публичным. Слишком рискованно и опасно. Мне пришлось услать его подальше, а уже потом убить, чтобы все знали: каждому, кто предаст семью и ее традиции, воздастся полной мерой, каждого ждет ужасная кара. Сначала я убила его любовницу, чтобы та мерзость, которую она носила в себе,

не могла появиться на свет. А потом я добралась и до кузена...

И снова Юнара попыталась вырваться из-под власти сестры. Она любила ее, но и боялась. Сила пришла к Лерене через убийство Мэддина, через принесение величайшей жертвы — после смерти Кевлерена.

Лерена не отпускала сестру.

— Останьтесь со мной, ваша светлость. Милая сестра, наша работа еще не закончена.

— Что ты хочешь этим сказать?

Печаль переполняла Лерену; Юнара мгновенно почувствовала это и все поняла.

— Позволь показать тебе, что дядя Паймер обнаружил в Ривальде.

Паймер знал, что будет дальше. С неизбежностью морского прилива приближалось великое кровопролитие. Старик пытался вспомнить, предвидел ли когда-нибудь, что все придет именно к этому. Неужели он был совершенно слеп, не ведая истории своей семьи, неизбежно и безошибочно приведшей к этому моменту?..

Боль и скорбь по невинно убиенным переполняли герцога, но другого пути он не видел. Если бы не вмешательство судьбы, то случившееся в Ривальде уже могло повториться в Хамилае.

Паймер поднялся и подошел к Ганиморо и Нетаргеру, с тревогой наблюдавшим за тем, как их хозяйки купаются в исполинской мощи Сефида. Исходящая от сестер энергия наполняла комнату, поднимая дыбом волосы, окружая металлические предметы мягким голубоватым свечением. Тело Верклоффа висело над полом, и из раны на его шее все еще капала теплая кровь.

Оба Избранных закричали от дикой боли. Паймер встал перед ними. Он хотел видеть их лица, хотел им все объяснить...

— Мне так жаль, — произнес виновато герцог. — Так жаль... Но вы слишком хорошо нас знаете. Я понял это в Ривальде. Вы слишком хорошо нас знаете...

Юнара пыталась остановить сестру, сознавая, что усилия ее напрасны, что Лерена слишком опьянена обретенной властью. Мало того, происходящее вообще выходило за границы ее понимания: объединив силы, императрица выслеживала Кевлеренов, выходила через них на Избранных, тех, кого они любили больше всего на свете, и по уже установленным каналам направляла поток Сефида.

Поток чистейшей энергии, которую не могло вместить человеческое тело.

— Это — правитель Сайенны!.. — крикнула Квенион. Два стоявших над ней с поднятыми копьями воина неуверенно переглянулись. Услышать родную речь из уст чужестранки они явно не ожидали.

Избранная уже почти добралась до ближайшей лодки, когда эти двое выпрыгнули из темноты, напугав ее так, что она отпрянула, наткнулась на Намойю и упала, увлекая его за собой.

— Он был в плену, но сбежал, — торопливо продолжила Квенион, поднимаясь и показывая, что в руках у нее ничего нет. Ногой она подтолкнула в сторону часовых оброненный огнестрел.

— Подарок. Это их оружие. Те, кто поможет моему господину вернуться в Сайенну, получают крупное вознаграждение.

На лицах солдат отразилась напряженная работа мысли. Потом оба посмотрели на Цитадель. Вторая атака была отбита, и теперь их товарищи в панике отступали.

— Мой господин — враг киданцев, — торопливо добавила Квенион, помогая Намойе подняться.

Воины с сомнением посмотрели на Кевлерена.

— До Сайенны он может и не дожить, — заметил один, наклоняясь, чтобы поднять огнестрел.

Квенион дотронулась до дула.

— Заряжен на один выстрел. Хотите получить больше — помогите принцу.

Больше сказать ей было нечего, и девушка, не дожидаясь ответа, взяла раненого за руку и подвела к планширу ближайшего судна.

— Держитесь, ваше высочество.

Квенион помогла Намойе взяться за планшир и повернулась к часовым.

— Помогите мне, — твердым, не терпящим возражения тоном сказала она, делая ставку на то, что солдаты привыкли повиноваться приказам.

Воины перегнулись, потом посмотрели на огнестрел.

— До Сайенны путь неблизкий.

— Там вас ждет богатство, — пообещала девушка.

Они шагнули к ней. Квенион перебралась через борт и взяла Намойю за руки, а солдаты приподняли его и перебросили через планшир. Раненый застонал от боли. Избранная поскользнулась на мокрых досках и упала, ударившись плечом о банку. Намойя тоже упал, стукнувшись головой, и его безжизненное тело свалилось на девушку.

Паймер, плача, упал на колени. Ганиморо и Нетаргер умирали у него на глазах. Он хотел отвести взгляд, а еще лучше — убежать из дворца, но это было невозможно. Долг есть долг. Большая любовь предполагает большие обязательства.

Кожа вспухала волдырями, лопалась и отставала от кровоточащей плоти. Глаза растворялись в глазницах. Волосы обугливались. Жизненные силы покидали Нетаргера и Ганиморо, безжалостно высасываемые Сефидом, а то, что оставалось, опадало на землю мелкими чешуйками и уносилось вихрем.

В конце концов от Избранных остались только железные ножны и клинки, которые с лязгом упали на пол.

«Атилас Ньюком. Мое имя. Мое единственное настоящее имя».

Он сидел на своей любимой скамейке в маленьком дворике во дворце Беферена. Каждый день он приходил сюда и говорил правду.

Он говорил достаточно громко, чтобы его мог услышать при желании любой прохожий. Впрочем, этот человек не ставил перед собой такой цели. Произнося эти слова вслух, он показывал миру, что помнит и знает себя как Атиласа Ньюкома и не имеет никакого отношения к *той* семье.

И каждый день, вопреки всем заклинаниям, он снова и снова ловил себя на том, что думает о своем старом господине, ныне совершенно одиноким и вынужденном общаться только с братьями и сестрами, кузинами и кузенами.

Настало время — и Атилас заново открыл для себя настоящую, родную семью. Раз в неделю он посещал сестру, живущую у доков с мужем-рыбаком и тремя детьми, которым уже не грозило испытать то, что выпало когда-то на его долю. Кроме того, раз в неделю Атилас приходил на могилу родителей и стоял над ней, размышляя о том, какой могла быть жизнь, если бы ее не отобрали у него Кевлерены.

Пальцы сжались сами по себе. Сначала на одной руке. Потом на другой. Он машинально опустил глаза, думая о жизни, которой его лишили, когда боль пронзила все тело. Атилас Ньюком напрягся и замер, с ужасом наблюдая за тем, как на пальцах набухает и лопается кожа и как из-под нее вылезает, словно под огромным давлением, красная плоть. Он хотел закричать, но, открыв рот, ощутил в себе чью-то печаль, а мгновением позже понял, что печаль и боль принадлежат его старому хозяину — тому, кто до сих пор любил его больше всего на свете.

Президент Крофт Харкер работал во дворцовой библиотеке, когда послышались крики одного из служителей. Он выбежал в коридор. Несколько уборщиц, вооруженных швабрами, ведрами и щетками, столпились на веранде с видом на дворик. Некоторые плакали, другие, сдерживая слезы, отворачивались от того, что, видимо, сильно напугало их.

Президент подошел к ним одновременно с тремя стражами и двумя членами Комитета Безопасности. Он посмотрел во двор и не сразу понял, что происходит.

— Это же Атилас! — крикнул один из солдат.

В последний короткий миг Крофт Харкер узнал того, кто извивался на траве, а уже в следующую секунду этот сгусток страдающей плоти взорвался и разлетелся на миллионы частичек.

Лерена парила в той части вселенной, где они с сестрой обитали в виде двух сросшихся близнецов. Тяжкий груз содеянного давил на сердце, но вместе с грустью императрицу переполнял восторг перед величием Сефида — сияющего, напитавшегося жизненными силами своих жертв... тех, кого сестры любили превыше всего на свете. Его бодрящая, пульсирующая мощь переливалась в Лерену. И даже пораженная случившимся Юнара закрыла в экстазе глаза, наслаждаясь невыразимым ощущением протекающей через нее безграничной энергии.

Императрица могла читать мысли сестры как открытую книгу. С немалым удивлением узнала она о том, что в ночь убийства Алвей Юнара воздействовала на членов семьи, чтобы заставить их отказаться от попыток отозвать Мэддина после революции в Ривальде. Даже тогда они стремились к одной цели. Все-таки способности Юнары к Обладанию означали, что сестра представляет собой угрозу ее правлению.

Лерена, как и следовало ожидать, очнулась первой. Она всегда была ответственной и уравновешенной. Может, не столь искусной в магических упражнениях... хотя теперь это уже не имело значения. Зато императрица уверенно стояла на земле, обеими ногами. Юнара же, с упоением исследуя новые возможности Сефида, все еще витала в облаках — и не могла сосредоточиться.

Придя в себя, Лерена огляделась. Кроме нее и сестры, в живых остался в комнате один лишь Паймер. Верклофф все еще парил над полом, а Ганиморо и Нетаргер исчезли бесследно.

— Дядя?..

Старик вскинул голову и посмотрел на нее с каким-то странным выражением лица.

— Я думал, вы уже не вернетесь. Решил, что ушли навсегда...

Лерена улыбнулась.

— Милый дядя... Мы еще не закончили. Нужно кое-что сделать в Ривальде. Нельзя оставить в живых тамошних Кевленов. После всего, что произошло, это было бы крайне опасно. Они наверняка попытаются отомстить.

Паймер кивнул. Конечно, он и сам это знал.

— Вы сможете это сделать? Ты и Юнара? Сил у вас хватит?

Лерена нахмурилась.

— Мне грустно признаваться, но необходима еще одна жертва.

Паймер замер.

— Нет. Я не могу...

— Милый дядя. Бедный мой дядя... Это нужно сделать, иначе все пропало. Нужно для того, чтобы спасти семью, защитить Сефид... я должна остаться на троне одна. Ты знаешь: верховная власть не признает ни родства крови, ни добра со злом. Помогите мне.

— О племянница, не вынуждай меня!..

— Таков твой долг. — Лерена с видимым усилием подняла руку и указала на лежащие у ног Паймера клинки. — Возьми тот, что принадлежал Нетаргеру.

Рука упала, и сама Ленера обмякла, словно из нее неожиданно выжали все жизненные соки.

Паймер поднял клинок, подошел к племяннице и вложил оружие в ослабевшие руки. Потом встал за спиной Юнары, нежно отклонил ее голову назад, обнажив тонкую бледную шею, и закрыл глаза, чтобы не видеть, как императрица перережет сестре горло.

ГЛАВА 29

На уборку дворца ушло несколько дней. Большинство членов Комитета Безопасности после случившегося впали в состояние полной прострации. Но только не Крофт Харкер. Он сразу понял, что именно произошло и почему. Харкер знал: теперь Ривальд еще более уязвим, чем когда-либо раньше. Целый день после жестокого уничтожения Кевлеренов и всех их Избранных он ожидал, что правительница Хамилая нанесет повторный удар, а когда ничего не случилось, понял кое-что еще.

Учиненная Лереной бойня ослабила ее едва ли не так же, как и сам Ривальд. Принесенные жертвы оказались столь велики, что империи требуются на восстановление годы, если не десятилетия. Хотя, конечно, полной уверенности в этом у президента не было. Имея дело с Кевлеренами, об уверенности вообще говорить не приходилось. И все же сам он остался в живых, как примерно и половина членов Комитета Безопасности. Произошедшее было не прелюдией к вторжению — скорее наказанием. Избранных покарала за бунт против Кевлеренов, а Кевлеренов — за то, что они допустили этот мятеж.

Не раз и не два Крофт Харкер задавался вопросом: сколько же Кевлеренов и Избранных пережили нападение в самом Хамилае? Кое-что он рассчитывал выведать у имперского посланника. Мир изменился, и президент желал знать, до какой степени.

Одно было ясно: если Лерена не станет наносить новый удар по Ривальду, рано или поздно Хамилай оправится от потерь и станет сильнее — и намного опаснее, чем раньше.

Лерена позаботилась о том, чтобы Паймера отвезли в поместье, расположенное за пределами города. Вместе с ним туда же отправили всех Кевлеренов Омеральта, которые не пришли в себя после шока, вызванного потерей Избранных.

Собрав остальных членов семьи, императрица объяснила им случившееся — избегая подробностей, но дав понять, что отны-

не придется оставаться Кевлеренами, обходясь без Избранных. Обескураженные и запуганные, они согласились с ней, не задавая вопросов.

Себя Лерена удивила тем, что оправилась от потрясения гораздо быстрее, чем представлялось возможным. Впереди ее ждало много дел. Предстояло выработать законы, которые обеспечили бы уменьшение роли Акскевлеренов. Императрица еще не знала, как это отразится на способности Кевлеренов управлять Сефидом, однако ясно понимала, что допустить повторения ситуации, угрожающей власти и даже жизни ее близких, нельзя ни в коем случае.

Как много у нее дел и забот!

Впрочем, постоянно напоминала себе Лерена, так и должно быть.

Арден нашел Кадберна на восточном берегу Херриса. Он прогуливался там с Эриот и, увидев одинокого Избранного, попросил девушку подождать.

Опустившись на землю рядом с Кадберном, великан молчал до тех пор, пока Избранный не посмотрел на него.

— Я знаю тебя.

— Я колонист, — ответил Арден.

— Нет, я где-то видел тебя раньше.

— Ты видел меня на похоронах. Я помню тебя и твоего принца.

Слезинка скатилась по щеке Кадберна.

— Моего принца больше нет. Я остался один.

Арден покачал головой.

— Когда-то я тоже так думал. Наши хозяева говорили: «Если ты Акскевлерен, узы любви уже не порвать». Но это не так. В мире у тебя много братьев и сестер. В том числе я.

Услышав слова Ардена, стоявшая в стороне Эриот вдруг поняла нечто важное. Оказывается, она была духовно близорука и думала только о себе... Работая и сражаясь рядом с Арде-

ном вот уже несколько недель, девушка почти ничего о нем не знала.

Нет, поправила себя Эриот, не совсем так. Она понимала, что Арден — добрый и щедрый человек, но не знала его прошлого, того, что сделало великана таким.

И Эриот решила восполнить пробел.

Гэлис Валера следила за восстановлением западной стены Цитадели. Был жаркий весенний день. В воздухе висела каменная пыль. Раздавая указания, девушка ни разу не повысила голоса, но ее слушались беспрекословно. Глаза ее горели страшным светом, и все — солдаты, колонисты, киданцы — старались избежать недовольства грозного стратега.

Она не давала себе спуска, помогая пилить, колоть и перетаскивать каменные блоки, отдаваясь работе без остатка, чтобы только ни о чем не думать и ни о чем не вспоминать. Девушка без малейшего сожаления уничтожила бы собственное прошлое, стала бы пустым местом, никем, существом без чувств, без сердца и без памяти. Появись такая возможность, она изменила бы свою жизнь так, чтобы в ней не осталось ни Новой Земли, ни принца Мэддина Кевлерена, ни Поломы Мальвара, ни...

Да, лучше бы она не встречала Китайру Альбин, не влюблялась и не узнала боль утраты, которая теперь не давала жить. И если что-то смягчало поселившуюся в ней боль, то только злость.

Гэлис остановилась, не удержав волны нахлынувших воспоминаний. Все, что стремилась забыть стратег, вернулось с новой силой, и перед внутренним взором снова встала та ночь, когда она, охваченная восторгом победы, вернулась в Цитадель. Враг был разбит, и казалось, что все мечты наконец сбылись... А потом девушка наткнулась на безутешного Кадберна, на застывших в скорби Госа и Полому. Гибель Мэддина опечалила ее сильнее, чем можно было ожидать, и она поспешила к Китайре, чтобы разделить с ней свою боль, найти утешение в объятиях возлюбленной.

Войдя в комнату, Гэлис прежде всего обратила внимание на звук — как будто скребли тысячи ножек отвратительных насекомых. Потом она увидела на полу целую кучу мерзких жучков, блестящую, шевелящуюся и живущую своей гадкой жизнью. И, наконец, почувствовала выворачивающий наизнанку запах. Стратег выбралась из комнаты, шатаясь, как пьяная, потрясенная, растерянная и ничего не понимающая.

Прозвучавшее рядом проклятие вернуло ее к жизни. Рабочий потирал ушибленную лодыжку, по ноге стекала струйка крови.

Надо заниматься делами. Заботиться о людях. Защищать город. Шевелиться. Двигаться. Действовать.

— Подожди, — сказала Гэлис рабочему. — Рану нужно промыть.

Она с трудом оторвала ногу от земли и перенесла ее вперед. Потом продела то же самое с другой ногой. Получилось два шага.

Для начала.

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Браун Саймон
Рождение империи
Хроники Кидана
Фантастический роман

Редактор О. Скуднев
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерная верстка: Н. Суворова
Технический редактор О. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Мир, удивительно близкий к нашему XVIII веку —
и в то же время разительно от него отличающийся...

Здесь войны ведутся при помощи ружей и пушек, а королевские дворы блистают роскошью и изысканной культурой, но при этом аристократические дамы и кавалеры владеют магией, вступающей в силу, лишь если ее носитель совершит убийство жертвы-Избранного.

Здесь правят великие государи, плетутся тонкие дипломатические интриги, а на холодное оружие накладываются таинственные чары...

Здесь начинается история противостояния могущественной Хамилайской империи и королевства Ривальд — противостояние, которое вот-вот превратится в открытую войну...

ISBN 978-5-17-044400-7

9 785170 444007